

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН

ISSN PRINT 2306-4978
ISSN ONLINE 2411-1511

ТОМ
ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ
Июнь 2026

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ
ВОСЬМОЙ

The Historical Reporter. Vol. 58
Issue on General History

2026

Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.

Подписано в печать 30.06.2026 г. Усл. печ. л. 23,25. Формат 84×108 1/16. Заказ № 69779.

Тираж 100 экз. Свободная цена.

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский просп., 15А

Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76. E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-51055 от 3 сентября 2012 г.

Язык: русский. Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Журнал «Исторический вестник» публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ, Google Scholar, Cyberleninka, www.historicalreporter.ru

© АНО «Руниверс», 2026

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».

Адрес: 129090, Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.

E-mail: info@onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Design and layout by Yu.V. Filimonov.

Approved for printing on June 30, 2026. Format 84×108 1/16. Order No. 69779. Print run 100 copies.

Unfixed price.

Editorial address: 15A, Leninsky Prospekt, Moscow, 119071, Russia

Tel.: +7 (495) 737-76-32, fax: +7 (495) 730-61-76. E-mail: info@runivers.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate PI No. FS77-51055 of September 3, 2012.

Languages: Russian. Included in the List of Peer-Reviewed Scientific Publications of the Higher Attestation Commission (VAK) of the Russian Federation. Publishes articles in two scientific specialties according to the VAK nomenclature: 5.6.1. Russian History; 5.6.2. World History.

The journal's materials are available on the Russian Science Citation Index platform, Google Scholar, Cyberleninka, www.historicalreporter.ru

© АНО «Runivers», 2026

The views of the editorial board may not coincide with those of the authors.

Printed in full accordance with the quality of the provided original layout at «Сам Полиграфист» LLC printing house, Onebook.ru publishing house.

Address: 42/5 Volgogradsky Prospekt, Moscow, 129090, Russia.

E-mail: info@onebook.ru. Website: www.onebook.ru

The journal is published with the support of «NIKOKHIM» LLC.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков**
главный редактор, кандидат исторических наук
- Д.Р. Жантиев**
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий**
зам. главного редактора, художественный редактор
- С.Г. Яковенко**
выпускающий редактор, кандидат исторических наук
- Т. Лефко**
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская**
ученый секретарь
- Е.А. Еремеева**
ответственный секретарь
- Т.И. Маляренко**
корректор

Редакционный совет

- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, научный руководитель РГГУ, профессор, академик РАН, заместитель председателя ВАК
- М.В. Баранов**
кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»
- С.П. Брюн**
генеральный директор ФГБУК «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник»
- Р.Г. Гагкуев**
доктор исторических наук, председатель правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества»

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov**
Editor-in-Chief, C.Sc. (History)
- Dmitry R. Zhantiev**
Deputy Editor-in-Chief, C.Sc. (History)
- Igor Ya. Keremetskiy**
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor
- Sergey G. Yakovenko**
Production Editor, C.Sc. (History)
- Todd Lefko**
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya**
Scientific Secretary
- Elena A. Eremeeva**
Executive Secretary
- Tatyana I. Malyarenko**
Proofreader

Editorial Board

- Efim I. Pivovarov**
Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History), Scientific Director of Russian State University for the Humanities, Professor, Academician of Russian Academy of Sciences, Vice-Chairman of the State Commission for Academic Degrees and Titles
- Mikhail V. Baranov**
C.Sc. (Philosophy), President of ANO «Runivers»
- Sergei P. Brun**
General Director of Novgorod State Museums

- В.З. Голдман**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский**
доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН
- С.В. Девятков**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жантиев**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исаков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- С.А. Кириллина**
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- А.Ю. Конев**
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем освоения Севера Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»
- Е.М. Копоть**
старший преподаватель Института истории и политики МПГУ, ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет
- И.В. Курукин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Н. Ланской**
доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

- Ruslan G. Gagkuev**
D.Sc. (History), Chairman of the Russian Historical Society Board, Executive Director of the Russian History Foundation
- Wendy Z. Goldman**
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy**
D.Sc. (History), Professor, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Irina A. Hormach**
D.Sc. (History), Senior Research Scientist of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky**
C.Sc. (History), Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture
- Sergey V. Deviatov**
D.Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in 20–21 cc. Department at Lomonosov Moscow State University, Historical Faculty
- Salavat M. Iskhakov**
D.Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History
- Georgy Kantor**
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Svetlana A. Kirillina**
D.Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Taras Y. Kobishchanov**
C.Sc. (History), Associate Professor at the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Aleksey Yu. Konev**
C.Sc. (History), Leading Researcher at the Institute of the Problems of Northern Development, subdivision of Federal Research Center Tyumen Scientific Center of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen Scientific Center SB RAS)
- Evgeny M. Kopot'**
Senior Lecturer, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (MPGU)
- Igor V. Kurukin**
D.Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Grigoriy N. Lansky**
D.Sc. (History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities

- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- В.В. Орлов**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Д.И. Петин**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета
- П.Э. Подалко**
доктор лингвокультурологии, профессор кафедры международной коммуникации, факультет международной политики, экономики и коммуникации, Университет Аояма Гакуин
- А.Л. Сафронова**
доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»
- Ар.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- И.А. Хормач**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН
- В.В. Хутарев-Гарнишевский**
кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры
- П.В. Шлыков**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки, МГУ имени М.В. Ломоносова
- А.А. Щелчков**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
-

- Gail D. Lenhoff**
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey**
Ph.D. in Theory and History of Law and the State (L.D.), Senior Research Scientist of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez**
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Stepan V. Orlov**
C.Sc. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Lomonosov Moscow State University, Historical Faculty
- Vladimir V. Orlov**
D.Sc. (History), Professor, Department of Middle and Near East Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Daniel Panateri**
D.Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Dmitry I. Petin**
C.Sc.(History), Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University
- Petr E. Podalko**
Ph.D. (Language & Culture St.), Professor, International Communication Dept., School of International Politics, Economics & Communication, Aoyama Gakuin University
- Alexandra L. Safronova**
D.Sc. (History), Professor, Head of the Department of South Asian History at the Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University
- Andrey A. Schelechkov**
D.Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Pavel V. Shlykov**
Ph.D. (History), Associate Professor, Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University
- Alexey E. Titkov**
C.Sc. (History), Editor-in-Chief of the Historical Reporter
- Arutyun A. Ulunyan**
D.Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Dmitry R. Zhintiev**
C.Sc. (History), Associate Professor of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

От редакции

Пятьдесят восьмой номер «Исторического вестника» посвящен общеполитической тематике. Основной объем номера составляет рубрика «Отечественная история», которая, по традиции, состоит из материалов, посвященных различным периодам истории нашей страны. В данном номере материалы охватывают период времени с XVII в. по начало XX в.

Открывает номер статья И.А. Булычева, которая посвящена атрибуции и датировке неполного экземпляра печатного Часослова. Статья интересна, кроме всего прочего, тем, что проливает свет на книгоиздательскую политику Печатного двора в отношении изданий, использовавшихся для обучения вере и грамоте. Также в статье уточняется период написания Симеоном Полоцким сочинения «Предисловие к Часослову», что само по себе ценно, так как дает дополнительную информацию о творчестве знаменитого для своего времени деятеля русской культуры. В статье Н.Н. Петрухинцева рассматривается комплекс мероприятий по отношению к Сибири, проводившийся в 1695–1700 гг. и формировавшийся при активном участии Петра I. Эти мероприятия стали одной из первых акций по вмешательству государя во внутреннюю политику страны. В статье анализируется роль монарха и одного из его сподвижников А.А. Виниуса в оформлении и проведении этого курса, положившего начало становлению нового промышленного региона на востоке страны. Петровское время традиционно находит отражение на страницах нашего издания и данный материал вносит свою весомую лепту в изучение этого судьбоносного периода русской истории. Работа А.М. Аби-дулина и К.Е. Балдина затрагивает тему, которую также можно назвать традиционной для нашего журнала — путешествия на Восток русских паломников. На этот раз в центре внимания наших авторов оказались путевые записки священника Иоанна Добротворского из Сергачского уезда Нижегородской губернии. Впечатления рядового церковного служителя весьма любопытны с точки зрения процесса конструирования национальной, религиозной и культурной идентичности мемуариста и других русских паломников в иноземной среде. Статья А.П. Шевырева и С.С. Юдина касается русской военной истории, темы интереснейшей и неисчерпаемой. Авторы рассматривают состояние и развитие российской армии и флота в царствование императора Александра III и отмечают как положительные, так и негативные моменты этого важнейшего этапа в эволюции вооруженных сил империи. Отмечая отдельные и безусловные успехи в деле реформирования военной машины, авторы приходят к выводу, что именно в этот период были заложены и предпосылки кризисных явлений, которые приведут империю к военным и политическим поражениям в начале XX в. Статья Н.С. Ерохова посвящена малоизвестной теме межконфессиональных отношений в Северо-Западном крае после указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. В статье изучаются случаи религиозного насилия со стороны като-

ликов в отношении православных вскоре после издания указа. Автор объективно анализирует причины подобного поведения и его исторические предпосылки. Завершает рубрику статья Д.В. Рыбина, посвященная историографии деятельности русских консервативных либералов (легалистов) в начале XX в., чья позиция основывалась на идеях таких известных ученых, как К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин.

Рубрика «Всеобщая история» открывается статьей, посвященной Османской империи. В свое время мы издали несколько тематических номеров по истории этого государственного образования и всегда приветствуем новые публикации по этой интереснейшей тематике. На этот раз мы публикуем статью Э.А. Демирджи и Д.А. Демирджи, в которой авторы подвергают сравнительному анализу три ключевых административных института — тимар, девширме и миллет. Статья интересна тем, что авторы опираются на сравнительную социологию империй и теорию внутреннего колониализма и вносят вклад в преодоление евроцентричных рамок колониальных исследований. Следующей в рубрике публикуется работа молодого автора А.И. Крылова, в которой подвергнуты пересмотру устоявшиеся в историографии причины победы союзников в сражении на реке Альме во время Крымской войны. Автор статьи еще студент, но его работа показалась нам настолько интересной и профессиональной, что мы решили, в качестве исключения, опубликовать ее. Возможно, не все специалисты по этой теме согласятся с его выводами, но редакции показалось правильным поощрить начинающего историка в самом начале его профессионального пути. Продолжает рубрику статья К.Г. Асханова и Д.Ш. Муфтахутдиновой, посвященная проблематике, связанной с историей Османской и Российской империй одновременно. В ней авторы пытаются выяснить, имели ли под собой реальные основания утверждения российских жандармских чиновников о существовании разветвленной сети с центром в Стамбуле организации «Тарракцион исламия» (Прогресс ислама) и представляла ли реальную угрозу связь представителей татарской интеллигенции с младотурками. Статья нашего постоянного автора Д.Е. Мишина завершает его исследование о владычестве Сасанидов над Йеменом в VII в., одновременно завершая и рубрику.

В рубрике «Сообщения» размещен материал Л.В. Батиева о реформе местного самоуправления в Российской империи на примере модернизации городского управления в Нахичевани-на-Дону в середине XIX в., когда Нахичевань была вовлечена в общее русло преобразований эпохи Великих реформ.

Редакция «Исторического вестника» продолжает работу над следующими номерами и благодарит наших новых и постоянных авторов за предоставленные материалы.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

Содержание

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- И.А. Булычев.** О найденном Часослове (М., декабрь 1689 г.),
ранее известном только по документам XVII в. 10
- Н.Н. Петрухинцев.** «Новый сибирский курс»
Петра I и А.А. Виниуса (1695–1700 гг.) 38
- А.М. Абидулин, К.Е. Балдин.** Мемуары православного священника
Иоанна Добротворского о паломничестве к христианским
святыням Востока 74
- А.П. Шевырев, С.С. Юдин.** Военные и морские реформы
при Александре III. 102
- Н.С. Ерохов.** «Царь переходит в католичество»: конфессиональные
иерархии, восприятие указа о веротерпимости и религиозное
насилие в Северо-Западном крае после 17 апреля 1905 г. 140
- Д.В. Рыбин.** Современная российская историография
консервативного либерализма и легализма в начале XX в. 164

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Э.А. Демирджи, Д.А. Демирджи.** Тимар, девширме и миллет:
османская модель централизованного господства
в сравнительной перспективе. 214
- А.И. Крылов.** «Zouaves sont les premiers soldats du monde»:
роль элитной французской пехоты в битве на р. Альме 1854 г. ... 250
- К.Г. Ахсанов, Д.Ш. Муфтахутдинова.** Общество
«Тарракион исламия»: правда или вымысел? 280
- Д.Е. Мишин.** Йемен под властью Сасанидов. Статья вторая.
Правление иранских наместников. 300

СООБЩЕНИЯ

- Л.В. Батиев.** Традиционное самоуправление vs модернизация
городского управления (Нахичевань-на-Дону, сер. XIX в.). 332

Contents

RUSSIAN HISTORY

- Ivan A. Bulychev.** On the Newly Discovered Horologion
(Moscow, December 1689), Previously Known Only
from Seventeenth-Century Documents 10
- Nikolay N. Petrukhintsev.** The «New Siberian Course» of Peter I
and A.A. Winius (1695–1700) 38
- Alim M. Abidulin, Kirill E. Baldin.** Memoirs of the Orthodox Priest Ioann
Dobrotvorsky about a Pilgrimage to the Christian Shrines of the East. .74
- Alexander P. Shevyrev, Stanislav S. Yudin.** Military and Naval Reforms
under Alexander III 102
- Nikita S. Erokhov.** «The Tsar Converts to Catholicism»: Confessional
Hierarchies, Perceptions of the Decree on Religious Tolerance, and
Religious Violence in the Northwestern Region after April 17, 1905... 140
- Danil V. Rybin.** Contemporary Russian Historiography of Conservative
Liberalism and Legalism in the Early Twentieth Century 164

WORLD HISTORY

- Enver Alper Demirci, Daria A. Demirci.** Timar, Devshirme, and Millet:
The Ottoman Model of Centralized Domination in Comparative
Perspective 214
- Alexander I. Krylov.** «Zouaves Sont les Premiers Soldats du Monde»:
The Role of Elite French Infantry in the Battle of the Alma River, 1854 . 250
- Kamil G. Akhsanov, Dilara Sh. Muftakhutdinova.** «Tarrakion Islamiya»
Society: Truth or Fiction? 280
- Dmitry E. Mishin.** Yemen Under the Rule of the Sasanids. Article Two.
The Reign of Iranian Governors 300

REPORTS

- Levon V. Batiev.** Traditional Self-Administration vs. Modernization of
Town Administration (Nakhichevan-on-Don, Mid-19th Century) ... 332

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.001](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.001)

Оригинальная статья / Original paper

И.А. Булычев

*Российский государственный архив древних актов, г. Москва, Российская
Федерация*

E-mail: fenix-zero@yandex.ru

О найденном Часослове (М., декабрь 1689 г.), ранее известном только по документам XVII в.

Аннотация

Статья посвящена атрибуции и датировке неполного экземпляра печатного Часослова (РГАДА. БМСТ/спк № 2342). Поскольку традиционные методики позволили только установить московское происхождение исследуемой книги, то для выяснения точного времени ее выхода в свет были привлечены документальные материалы архивного фонда Приказа книг печатного дела (РГАДА. Ф. 1182). В ходе их изучения был определен временной период печатания рассматриваемого экземпляра. Содержавшиеся в книге небогослужебные статьи «Предисловие в Часослов» и «Предание о сложении перстов» позволили обозначить как нижнюю границу поиска издания 1684 г. Верхней границей поиска стал 1700 г. из-за того, что такие параметры рассматриваемого экземпляра, как число тетрадей, шрифт и количество строк в наборной полосе, различаются с аналогичными характеристиками Часословов, напечатанных в XVIII в. По итогам исследования было установлено, что книга относится к изданию декабря 1689 г., которое ранее было известно лишь по документам XVII в.

Анализ содержания этих статей и культурно-политического контекста Московского царства 1680-х гг. позволил пролить свет как на причины их включения в состав рассматриваемого Часослова, так и на книгоиздатель-

скую политику того времени Печатного двора в отношении изданий, использовавшихся для обучения вере и грамоте. Также в статье разбираются особенности богослужебного состава описываемого издания в сравнении с другими Часословами последней трети XVII в. и безденежного распространения новонапечатанных экземпляров декабрьского издания 1689 г.

Помимо этого, в статье уточняются период написания Симеоном Полоцким сочинения «Предисловие в Часослов» и детали процедуры доклада о затратах на печатание книги руководства Печатного двора патриарху.

Ключевые слова:

Московский печатный двор; старопечатные кириллические издания; история книги; Часослов; Приказ книг печатного дела

Для цитирования:

Булычев И.А. О найденном Часослове (М., декабрь 1689 г.), ранее известном только по документам XVII в. // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 10–37. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.001](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.001)

Ivan A. Bulychев

Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow, Russian Federation

E-mail: fenix-zero@yandex.ru

On the Newly Discovered Horologion (Moscow, December 1689), Previously Known Only from Seventeenth-Century Documents

Abstract

This article is devoted to the attribution and dating of an incomplete copy of a printed Horologion (Russian State Archive of Ancient Acts, hereinafter

РГАДА, Library of the Moscow Synodal Printing House collection, hereinafter БМСТ, subdivision, hereinafter смк, № 2342). Since traditional methods made it possible only to establish the Moscow origin of the book under study, documentary materials from the archival collection of the Department of Printed Books (РГАДА. Ф. 1182) were consulted in order to determine the exact date of its publication. Their examination made it possible to establish the period during which the edition in question was printed. The non-liturgical texts contained in the book — Predislovie v Chasoslov (“Preface to the Horologion”) and Predanie o slozhenii perstov (“Instruction on the Folding of Fingers”) — allowed 1684 to be identified as the lower chronological boundary for the search for the edition. The upper boundary was set at 1700 because such characteristics of the examined copy as the number of quires, the typeface, and the number of lines in the type area differ from the corresponding features of the Horologia printed in the eighteenth century. As a result of the study, it was established that the book belongs to the December 1689 edition, previously known only from seventeenth-century documentary evidence. An analysis of the contents of these texts, together with the cultural and political context of the Muscovite Tsardom in the 1680s, sheds light both on the reasons for their inclusion in this Horologion and on the publishing policy of the Moscow Print Yard concerning editions used for teaching faith and literacy. The article also examines the peculiarities of the liturgical contents of the edition in comparison with other Horologia of the last third of the seventeenth century, as well as the free distribution of newly printed copies of the December 1689 edition. In addition, the article establishes the period during which Simeon of Polotsk wrote the work Predislovie v Chasoslov and clarifies details of the procedure by which the management of the Print Yard reported printing expenses to the Patriarch.

Keywords:

Moscow Print Yard; Early printed Cyrillic editions; History of the book; Horologion; Department of Printed Books

For citation:

Ivan A. Bulychev. On the Newly Discovered Horologion (Moscow, December 1689), Previously Known Only from Seventeenth-Century Documents // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 10–37. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.001](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.001)

собрании старопечатных изданий из Библиотеки Синодальной типографии хранится неполный экземпляр Часослова, в котором отсутствуют сведения о времени выхода (РГАДА. БМСТ/спк № 2342)¹. Экземпляр представляет собой книгу формата «в четверть» листа (8⁰). Издание выполнено в «одну краску». Часослов напечатан *арсеньевской «азбукой»*² (84 мм), отлитой иеродиаконем Арсением в 1687 г.³ и активно использовавшейся в московских изданиях конца XVII — начала XVIII в. Как известно, она восходила к *никитинской «азбуке»* (85 мм), широко распространенной в московском книгопечатании XVII в. Рубрики, ломбарды и инципиты также набраны *арсеньевским* шрифтом⁴. Количество строк в наборной полосе — 13.

Книга состоит из двух частей с отдельной фолиацией. Первая часть содержала 13 листов (2 тетради, без сигнатур), вторая часть — 304 листа (38 тетрадей с сигнатурами буквенной цифирью).

В первой части отсутствуют л. 1, содержащий выходные данные, и л. 6 с фрагментом текста из «Предисловия в Часослов». 16-я и 17-я тетради второй фолиации (л. 121–136, содержащие окончание последования изображительных, чин пангии и начало службы 9-го часа) находятся после 18-й тетради (л. 137–144).

Первое использование единственной «большой» заставки, имеющейся в Часослове, зафиксировано в 1651–1652 гг.⁵, тогда как все «малые» относятся к 1680-м гг.⁶

Для печати Часослова использовалась бумага с филигранью «Голова шута с семью бубенчиками» (напр. на л. 7 первой фолиации и л. 7 второй

¹ Подробнее описание экземпляра см. Приложение 1.

² Лукьянова Е.В. Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог 1626–1650. Вып. 2. М., 2002. С. 322.

³ Покровский А.А. Печатный Московский двор в первой половине XVII века. М., 1913. С. 42.

⁴ В сохранившихся документах Приказа книг печатного дела конца 1680-х — начала 1690-х гг. издания, в которых использовался этот шрифт, часто отмечались как напечатанные *никитинской «азбукой»*.

⁵ Зернова А.С. Альбом орнаментики книг московской печати XVI–XVII веков. М., 1952. № 374; она же. Указатель к альбому орнаментики книг московской печати XVI–XVII веков. М., 1952. С. 39.

⁶ Некоторые из них не были учтены А.С. Зерновой как использовавшиеся при печати Часословов. Зернова А.С. Орнаментика книг московской печати кирилловского шрифта XVII–XVIII веков. 1677–1750 (Атлас). М., 1963. № 51, № 99; она же. Орнаментика книг московской печати кирилловского шрифта XVII–XVIII веков. 1677–1750 (Указатель). М., 1963. С. 32–33, 54.

фолиации), но малый размер этих фрагментов, обусловленный форматом издания, не позволяет атрибутировать филигрань.

Обрез книжного блока декорирован тиснением «цветки», на нем сохранились остатки покрытия синим пигментом. Кожа на крышках переплета потерта, нижняя застежка утрачена. Верхняя крышка имела, судя по имеющимся фрагментам краски, золотое тиснение. Переплет книги характерен для изданий последней четверти XVII — начала XVIII в. Размер полей на листах позволяет уверенно говорить о первичном переплете экземпляра. Имеющийся на л. 1 форзаца фрагмент филигрانی «Голова шута» не позволяет ее идентифицировать.

Владельческих и вкладных записей в описываемом Часослове нет.

На л. 1 форзаца наклеен ярлык Библиотеки Московской Синодальной типографии⁷. (Палата Д. / Шкаф 4 / Полка III / Место 14 / Каталог № 1368.) Различные ярлыки с номерами имеются также на корешке и на верхней крышке переплета. Сведения этого ярлыка соответствуют данным карточного каталога БМСТ, составленного в конце XIX в.: «№ 1368, Часослов. Без описания 2-ой пол<овины> XVII в<ека>, в 8-ку, 13 и 304 л. Д. 4. Ш. 14»⁸. Имеющийся на ярлыках старый номер, 1368, зачеркнут, рядом с ним шариковой ручкой проставлен новый номер, 2342, из актуального инвентаря библиотечного фонда «Библиотека Московской Синодальной типографии: старопечатные книги», в которой книга названа *Часовником*, напечатанным в Москве в 1654 г.⁹ Однако Часовник 1654 г. отличается от рассматриваемого экземпляра как по шрифту, по числу тетрадей и по числу строк, так и по содержанию¹⁰.

Более того, первая, начальная, часть Часослова с утраченными выходными данными содержит два текста, печатавшиеся в московских Часословах в конце XVII в.: «Предисловие в Часослов» (л. 2а–7а), впервые зафиксированное в издании, вышедшем в феврале 1680 г.¹¹, и «Предание о сложении перстов» (л. 8а–13б), которое появилось в печатных книгах в сентябре

⁷ Далее в тексте БМСТ.

⁸ Карточный каталог БМСТ второй половины XIX — начала XX в. на литеру «Ч».

⁹ Инвентарь БМСТ/спк. Кн. 1: № 1–4825 (рукопись). Л. 95.

¹⁰ Часовник. М., апрель 1654 г. (РГАДА. БМСТ/спк № 2334); ср.: *Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: сводный каталог. М., 1958. № 254.

¹¹ Часослов. М., февраль 1680. Л. 2а–7а (1 фолиация). <РГАДА. МГАМИД/спк № 813>. Статья, посвященная этому новонайденному изданию, в настоящее время готовится.

Экземпляр Часослова издания декабря 1689 г.
РГАДА. БМСТ/спк № 2342.
Из открытых источников

1684 г.¹² Текст «Предания» является сокращением «Изъявления како всякому православному христианину подобает на изображение Христа, и кия персты слагати и крестное знамение на себе изображати», впервые опубликованного в московской учебной Псалтири в марте 1684 г.¹³, а в составе Следованной Псалтири — в издании сентября 1684 г.¹⁴ Следовательно, рассматриваемый Часослов мог быть напечатан не ранее 1684 г. Верхней границей датировки издания оказывается 1700 г., так как все Часословы, напечатанные в московской типографии в первой половине XVIII в., имели меньшее количество тетрадей, были напечатаны шрифтом меньшего размера и, соответственно, имели больше строк в наборной полосе¹⁵.

¹² РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 100. Л. 81b; *Белянкин Ю.С.* Церковь и государство в полемике со старообрядцами во второй половине XVII в. (на примере деятельности Московского Печатного двора). Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2013. С. 163–164 <рукопись>.

¹³ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 100. Л. 80b–81a; *Белянкин Ю.С.* Церковь и государство в полемике со старообрядцами... С. 163.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 100. Л. 81a; *Белянкин Ю.С.* Церковь и государство в полемике со старообрядцами... С. 163.

¹⁵ *Гусева А.А.* Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010. № 1780, 1782, 1783, 1786, 1788, 1799, 1802, 1805, 1812, 1814, 1816.

Первая страница экземпляра Часослова издания декабря 1689 г.
с началом сочинения «Предисловие в Часослов» Симеона Полоцкого.

Из открытых источников

Поскольку традиционные методы датировки издания по элементам типографского оформления или филиграммам на бумаге, использованной для его печати, не дают точного положительного результата, то единственной возможностью установить дату выхода исследуемого Часослова остается обращение к документальным материалам Приказа книг печатного дела (РГАДА. Ф. 1182)¹⁶.

Согласно материалам Приказа книг печатного дела, в московской типографии в 1684–1700 гг. было напечатано 12 Часословов (табл. 1), из которых только три (Часослов <№ 1>¹⁷, Часослов с кафизмами <№ 2>¹⁸ и Часослов <№ 5>) дошли до наших дней¹⁹.

¹⁶ Подробнее о документации Приказа книг печатного дела см.: Дадькин А.В. Документы приказа книгопечатного дела второй половины XVII в. как исторический источник // Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадькин А.В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры, 1652–1700 гг. Кн. 1. М., 2007. С. 39–59.

¹⁷ Поздеева И.В. Издания XVII в. Московского печатного двора времени правления первых царей династии Романовых по документам архива Приказа книг печатного дела. М., 2025. № 473.

¹⁸ Зернова А.С. Книги кирилловской печати... № 392.

¹⁹ Там же. № 418.

Таблица 1. Основные характеристики Часословов, напечатанных на Московском печатном дворе с сентября 1684 г. по июль 1700 г.

№ п/п	Изда-ние	Число (при нали-чии) и месяц оконча-ния работ	Ти-раж	Фор-мат	«Азбука»/ шрифт	Коли-че-ство тетра-дей	Источник сведений
1	Часо-слов	Сен-тябрь 1684 г.	4800	«в чет-верть»	Осипов-ская (шрифт 76 мм)	32 ½	Ф. 1182. Оп. 1. Д. 81. Л. 123а–126b
2	Часо-слов с кафиз-мами	20 марта 1685 г.	2400	«в чет-верть»	Ники-тинская (шрифт 85 мм)	39 ½	Ф. 1182. Оп. 1. Д. 81. Л. 153а–160а
3	Часо-слов	20 сен-тября 1686 г.	4800	«в чет-верть»	Осипов-ская	32 ½	Ф. 1182. Оп. 1. Д. 81. Л. 230b–234b
4	Часо-слов	Декабрь 1687 г.	4800	«в чет-верть»	Воскресен-ская	24 ¼	Ф. 1182. Оп. 1. Д. 81. Л. 291а–295b
5	Часо-слов	Январь 1689 г.	4800	«в чет-верть»	Воскре-сенская (шрифт 60 мм)	24 ¼	Ф. 1182. Оп. 1. Д. 91. Л. 30а–35а
6	Часо-слов без кино-вари	Декабрь 1689 г.	4800	«в чет-верть»	Никитин-ская	40	Ф. 1182. Оп. 1. Д. 91. Л. 70b–75а
7	Часо-слов	20 декабря 1691 г.	7200	«в чет-верть»	Осипов-ская	25	Ф. 1182. Оп. 1. Д. 91. Л. 114а–118b
8	Часо-слов	23 июня 1694 г.	4800	«в чет-верть»	Никитин-ская	Не ука-зано	Ф. 1182. Оп. 1. Д. 91. Л. 184а–187b
9	Часо-слов	27 апреля 1696 г.	7200	«в чет-верть»	Осипов-ская	Не ука-зано	Ф. 1182. Оп. 1. Д. 91. Л. 237b–241а

№ п/п	Издание	Число (при наличии) и месяц окончания работ	Тираж	Формат	«Азбука»/шрифт	Количество тетрадей	Источник сведений
10	Часослов	25 апреля 1697 г.	2400	«в четверть»	Осиповская	Не указано	Ф. 1182. Оп. 3. Д. 176. Л. 1а–4а
11	Часослов	Апрель 1698 г.	4800	«в четверть»	Никитинская	Не указано	Ф. 1182. Оп. 3. Д. 182. Л. 1а–5а
12	Часослов	6 июля 1700 г.	4800	«в четверть»	Осиповская	Не указано	Ф. 1182. Оп. 3. Д. 194. Л. 1а–5а

Из табл. 1 следует, что характеристики рассматриваемого Часослова из БМСТ (формат, шрифт, число тетрадей и отсутствие киновари) соответствуют характеристикам Часослова, печатание которого началось 17 октября 1689 г. и закончилось в декабре этого же года (№ 6). Все другие Часословы отличаются по набору указанных параметров.

В книге Записных выписок нововыходных книг за 1689–1696 гг. по отношению к этому Часослову употребляется термин «Часословец»²⁰. Именно так во второй половине XVII в. именовались Часословы «в четверть», соответствующие современному формату 8⁰, хотя для обозначения этих книг мог использоваться и точный видовой термин «Часослов»²¹. Впрочем, в Расписной книге издание декабря 1689 г. именовалось «малым Часословцем»²². Это же название встречается в Расписных книгах в отношении Часословов, напечатанных в сентябре 1682 г.²³, июне 1694 г.²⁴ и апреле 1698 г.²⁵

²⁰ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 91. Л. 70б.

²¹ Подробнее см.: Андреев А.А., Мольков Г.А. Часовник–Часословец–Часослов: эволюция названия книги в XI–XVIII вв. // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2023. Т. 6. С. 24–29.

²² РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 90. Л. 59а.

²³ Там же. Д. 82. Л. 28б.

²⁴ Там же. Д. 90. Л. 259а.

²⁵ Там же. Д. 97. Л. 48а.

Еще одним названием, которое использовалось в конце XVII в. в материалах Приказа книг печатного дела по отношению к Часословам «в четверть», было название «учебный Часослов». Оно фиксируется в Расходной книге сентября 1692 г. — августа 1693 г. в разделе безденежной выдачи книг: «ноября в 24 день <...> внесено <...> государыне, царевне да великой княжне Марии Алексеевне <...> да Часослов учебной, малой, в переплетах, безденежно»²⁶. Последним напечатанным Часословом к этому времени было декабрьское издание 1691 г., которое, судя по всему, и упоминается в данной записи. Появление в отчетной документации Приказа книг печатного дела для определения Часословов «в четверть» термина «учебный» А.В. Вознесенский связывал с изданием в марте 1688 г. «большого аналойного Часослова», изданного «в десть»²⁷. Эта причина, вероятно, объясняет и большую частоту использования в тот же период в Приказе книг печатного дела для характеристики Часословов «в четверть» термина «малый».

Как следует из табл. 1, особенностью рассматриваемого Часослова оказывается большой тираж, существенно превышающий тиражи остальных богослужебных книг. Высокий тираж и многократное переиздание были характерны и для других малых Часословов, что, судя по всему, было обусловлено особенностями использования изданий формата «в четверть» в учебных целях.

Об этом, в том числе, учебном предназначении рассматриваемой книги свидетельствует и входящее в ее состав «Предисловие в Часослов», в котором упоминается учебный процесс: «Да учащиеся дети письмен чтению купно обвыкнут молитися Господу Богу о всяческих нуждах и славу Ему возсылати...»²⁸ Следует отметить, что в составе «большого аналойного Часослова» (март 1688 г.), имевшего, несомненно, богослужебное предназначение, этот текст отсутствовал²⁹. Первоначальный текст «Предисловия» сохранился в сборнике черновики Симеона Полоцкого «Собрание форм поздравительных речей к царю, патриарху и другим лицам», которого, очевидно, и следует считать его автором³⁰. Включение этого текста в состав самой

²⁶ Там же. Д. 94. Л. 119б.

²⁷ Вознесенский А.В. К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтырь. М., 2010. С. 61.

²⁸ Часослов. М., декабрь 1689. Л. 5а (1 фолiazione). <РГАДА. БМСТ/спк. № 2342>.

²⁹ Часослов. М., март 1688 (РГАДА. БМСТ/спк. № 1989).

³⁰ ГИМ. Синодальное собр. № 229. Л. 255а–256а. Ср.: Татарский И. Симеон Полоцкий. Его жизнь и деятельность. М., 1886. С. 249.

тиражной церковной книги, очевидно, было связано со спором конца 1660-х — начала 1680-х гг. между латинофилами и грекофилами о путях и принципах устройства школьного образования в Московском царстве: через изучение святоотеческого наследия или учреждение школ по образцу иезуитских коллегийумов³¹. Расходясь в осмыслении устройства образовательного процесса, обе группы интеллектуалов соглашались с тем, что учение способствует лучшему Богопознанию. Позитивное отношение к знанию отличалось от господствовавшего в русском обществе старинного православного идеала «в простоте Богу угождати», что выражалось в понимании важности насаждения грамотности среди «простецов». Разделяемая обеими сторонами мысль о необходимости получать знания, вероятно, стала причиной, почему это сочинение Симеона Полоцкого оказалось напечатанным на Московском печатном дворе, в отличие от большинства остальных его произведений.

«Предисловие» было написано после июня 1676 г., на что указывает упоминание царя Федора Алексеевича в начале текста: «Се повелением благочестивейшего, тишайшего, самодержавнейшего великого государя, нашего царя и великого князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца. И благословением великого господина святейшего кир Иоакима, патриарха Московского и всея России»³².

Верхней границей написания текста является февраль 1680 г., когда завершилась работа над изданием Часослова, в котором это «Предисловие» впервые было напечатано. Однако в печатном тексте имеются некоторые отличия от исходного рукописного варианта (табл. 2):

³¹ Подробнее см.: Богданов А.П. К полемике конца 60-х — начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.: сборник статей. М., 1986. С. 177–210; Сазонова Л.И. Восточнославянские академии XVI–XVIII вв. в контексте европейской академической традиции // Славяноведение. 1995. №3. С. 46–61; Панич Т.В. Писатели патриаршего круга в богословской полемике 80–90-х гг. XVII в. Новосибирск, 2007. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. филол. наук. С. 42–48 (рукопись).

³² ГИМ. Синодальное собр. № 229. Л. 255b.

Таблица 2

«Предисловие в Часослов» из «Собрания форм поздравительных речей к царю, патриарху и другим лицам» (ГИМ. Синодальное собр. № 229)	«Предисловие в Часослов» из Часослова (М., декабрь 1689) ³³
Нижє во тщетных играниих златое детство время никоею возвратимое ценою погубляют, но яко в весну жизни своєя нивы сердец своих учением тяжут, и семенем слова Божия от учителей радостно съемає радостно приемлют, еже бы класы душепитательныя в жатвы год собирати... (л. 255а)	Нижє во тщетных играниих златое детство время никоею возвратимое ценою погубляют, но яко в весну жизни своєя нивы сердец своих учением тяжут, и семена слова Божия от учителей радостно съемає радостно приемлют, еже бы класы душепитательныя в жатвы год собирати... (л. 3b, 1 фолиация)
Се повеление благочестивейшего, тишайшего, самодержавнейшего великого государя, нашего царя и великого князя Феодора Алексеевича, всея великия и малыя и белыя России самодержца. И благословением великого господина святейшего кир Иоакима патриарха Московского и всея России (л. 255b)	<i>Аналогичный текст отсутствует</i>
Во общую пользу всех отрок православно христианских напечатася сия книга... (л. 255b)	Сего ради во общую пользу всех православных христиан напечатася сия книга... (л. 4b, 1 фолиация)
Да учащєся дети писмен чтению купно обвыкнут молитися Господу Богу о всяческих нуждах и славу Ему возсылати о деянии благ присно творимых. И да обычай сей вглубит корение си в сердцах их еже бы оному пребывати в них до кончины жизни со прозябением ветвей благовеинства (л. 255b)	Да учащєся дети писмен чтению купно обвыкнут молитися Господу Богу о всяческих нуждах и славу Ему возсылати о деянии благ присно творимых. И да обычай сей вглубит корение свое в сердцах их еже бы оному пребывати в них до кончины жизни со прозябением ветвей благовеинства (л. 5а, 1 фолиация)

«Предание о сложении перстов» (далее — «Предание»), находившееся в первой части декабрьского Часослова после «Предисловия», содержало обоснование использования троеперстия при соверше-

³³ Конъектура наша. — Прим. авт. Недостающий фрагмент, напечатанный на отсутствующем в № 2342 л. 6 (1 фолиации), сравнивался по Часослову марта 1685 г. (РГАДА. БМСТ/спк. № 2341). Следует отметить, что во всех сохранившихся Часословах 1680-х гг. текст «Предисловия» совпадает, поэтому такая замена является оправданной.

нии крестного знамения. Впервые этот текст опубликован в Часослове (М., сентябрь 1684 г.) по указу патриарха Иоакима³⁴. Он являет собой сокращенный вариант «Изъявления о сложении перстов» (далее — «Изъявления»), которое повелением патриарха Иоакима было включено в состав учебной Псалтири (март 1684 г.)³⁵, а затем и Псалтири с воследованием (сентябрь 1684 г.)³⁶.

Таблица 3. Сравнение текстов «Изъявления» и «Предания»

«Изъявление о сложении перстов» из Псалтири августа 1684 г. (РГАДА. БМСТ/спк. № 845)	«Предание о сложении перстов» из Часослова декабря 1689 г. (РГАДА. БМСТ/спк. № 2342)
Краткое изъяснение, о еже како всякому православному христианину по древнему преданию святых апостол и святых отец, на изображение знамения креста святого, на лице своем, подобает руки своя персты, и кия, слагати егоже образ zde печатным тиснением изобразихом: и како на себе оный изображати (л. 11а)	Древнее святых апостол и святых отец предание, како всякому православному христианину подобает на знамение креста святого на лице своем руки своя персты, и кия слагати и како на себе оный изображати (л. 8а, 1 фoliaция)
Кийждо благочестивый и православный христианин, должен есть на крестное знамение, руки своя персты слагати, сице. Первее оубо подобает ему совокупити десныя руки своя первыя три персты: во образ Святыя Троицы великий перст и другия два сущыя близ его (л. 11а–11б)	Первее убо православному христианину подобает совокупити десныя руки своя первыя три персты: во образ Святыя Троицы великий перст и другия два сущыя близ его (л. 8а–8б, 1 фoliaция)

³⁴ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 100. Л. 81а.
³⁵ Там же. Л. 80б.
³⁶ Там же. Л. 81а.

«Изъявление о сложении перстов» из Псалтири августа 1684 г. (РГАДА. БМСТ/спк. № 845)	«Предание о сложении перстов» из Часослова декабря 1689 г. (РГАДА. БМСТ/спк. № 2342)
Ими же яве возвецаем тоя Святыя Троицы равенство же и соединение, вкупе и несмешение. Равенство убо: зане яко во Святей Троице несть первое и последнее, ниже более и менее. Но целы три ипостаси, соприисносущны суть себе и равны. Сице и в тез трех перстах первых, несть большего, ни меньшого, но вси порядку ничтоже между себе ино впускающе, равенство имут, к себе же, и друг к другу, якоже и в самех их видети есть. И таковым нашим от Святей Троице исповеданием проклятых армен неравенство от Святей Троице умствующих, и того дея и крестное знамение на лице своем совокупляюще первый перст с четвертым и пятым творящих, да покажут чрез неравенство тех перстов неравенство равных лиц Божественных, яко зломудрствующих отражаем, и с ними яко православнии не согласуемся (л. 11b–12a)	Ими же возвецаем тоя Святыя Троицы равенство же и соединение, вкупе и несмешение. И оным проклятых армен неравенство от Святей Троице умствующих, и того ради крестное знамение на лице своем совокупляюще первый перст с четвертым и пятым творящих, да покажут чрез неравенство тех перстов неравенство равных лиц Божественных, яко зломудрствующих отражаем, и с ними яко православныя не согласуемся (л. 8b–9a, 1 фoliaция)
Но далече бежим бежим от такового их душепагубного суетумудрия. Соединением же тех первых перстов вкупе, не якоже не нецыи местом разсекающе, с малыми последними, великий палец, мимо средних двух протягше, соединяем якоже армене. Но тех злого мудрствования и ариевы пропасти злобожного разделения бегающе единосущество не исповедуем оныя Святыя Троицы. Несмешением же же разнство лиц проповедающе савеллиево еретическое умствование отречаем (л. 12a–12b)	Но далече бежим бежим от такового их душепагубного суетумудрия. И ариевы пропасти злобожного разделения бегающе единосущество не исповедуем оныя Святыя Троицы. Несмешением же же разнство лиц проповедающе савеллиево еретическое умствование отречаем (л. 9a–9b, 1 фoliaция)
<i>Аналогичный текст отсутствует</i>	И шестое, в лето 7192, же в книге псалтири полудестовой в предисловии, во изъявлении, како всякому православному христианину подобает на изображение креста, и кия персты слагати и крестное знамение на себе изображати (л. 12b, 1 фoliaция)

«Изъявление о сложении перстов» из Псалтири августа 1684 г. (РГАДА. БМСТ/спк. № 845)	«Предание о сложении перстов» из Часослова декабря 1689 г. (РГАДА. БМСТ/спк. № 2342)
Текст между «Ныне же к тако Церкви святей противная мудрствующим да прострется от нас в краткости слово вопросительное вкупе и увещательное о употреблении их крестного изображения, праведно ли они тако содержат или ни» (Л. 14b) и «Престаните уже противницы святыя Церкви отселе неправедных ваших лжеучителей или паче прелестников противная Церкви святой мудрствующих слушати, и исполу благочествовати, несть бо то благочестие еже ово убо содержати с восточною Церковью, ово же не к тому. Злочестие бо сие паче неже благочестие от имущих ум вменится» (Л. 21b) есть лишь в «Изъявлении»	Аналогичный текст отсутствует
И от тоя душепагубныя прелести к соборной и апостольской святей Церкви обратившеся совокуплением триех первых десныя руки перстов святую Троицу и смотрение воплощения, преданными нам от тоя угождших истинными догматы, купно вси согласно прославим. За еже от нея ея благодатью по многолетном и мирном зде прежитии сподобимся ю несредственно зрети со всеми небесными силами и святыми. И в нескончаемыя веки радостными гласы ону славити и величати. Еже буди, буди всем нам то улучшить, аминь (Л. 21b)	И покаяющеся истинному святой соборной и апостольской Церкви учению совокупление триех первых десныя руки перстов, святую Троицу и смотрение воплощения, преданными нам от тоя угождших истинными догматы, купно вси согласно с нами правоверными да прославляют. За еже от нея ея благодатью временная и вечная благая сподобимся улучшить, аминь (Л. 13a–13b, 1 фолиация)

«Изъявление» следует датировать временным промежутком между выходом «Слова благодарственного о избавлении от отступников» (самой поздней по дате выхода книге, которая упоминается в тексте) в октябре 1683 г.³⁷ и 19 января 1684 г. — датой указа патриарха Иоакима о внесении «Изъявления» в учебную Псалтирь. Соответственно, сокращение текста «Изъявления», результатом которого явилось «Предание», было произведено, как отмечалось выше, не ранее марта 1684 г. из-за упоминания в «Предании» мартовского издания учебной Псалтири. В свою очередь

³⁷ Зернова А.С. Книги кирилловской печати... № 384. Ср.: РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 81. Л. 75a–77a.

текст «Предания», печатавшийся в Часословах сентября 1684 г. и марта 1685 г., был использован Адрианом, митрополитом Казанским, занимавшим эту кафедру с 1686 по 1690 г., в печатном наставлении пастве, написанном его именем, единственный экземпляр которого сохранился в сборнике конца XVII в.³⁸ Следует отметить, что Е.В. Белякова указывает будущего Московского патриарха в качестве автора этого сочинения³⁹.

А.В. Вознесенский причиной появления в первой половине 1680-х гг. антираскольнических текстов «Изъяснения»/«Предания» в составах наиболее тиражных церковных книг видел «стрелецкое выступление 1682 г., идеологическим обоснованием которого стало послание Никиты (Пустосвята), уделявшее проблеме крестного знамения немало места...»⁴⁰. Между тем следует отметить, что в высших властных кругах мысль о необходимости борьбы с распространением старообрядческих идей при помощи изданий Печатного двора артикулировалась и до лета 1682 г. Так, в 14-й статье Освященного собора 1681–1682 гг. содержалось предложение царя Феодора Алексеевича к отцам Собора, где указывалось, что «простолюдины, не ведая истинного писания, приемлют себе за истину и в том согрешают, пачеже вырастает из того на святую церковь противление: и чтоб святейший Иоаким, Патриарх Московский и всеа России, изволил того приказать остерегать и свидетельствовать с Печатного Двора»⁴¹. Таким образом, появление массовых антистарообрядческих текстов было связано как с общим ужесточением политики против раскола в 1680-х гг., так и с пониманием необходимости искоренения невежества населения, необразованность которого виделась сторонникам православной церкви основной причиной популярности раскольников.

Существенной особенностью состава основной, богослужбной, части изучаемого Часослова является отсутствие полных текстов 17-й кафизмы в составе вседневной полунощницы, 9-й кафизмы — в составе субботней полунощницы, канона святой Троице из Октоиха — в составе воскресной полунощницы (при наличии соответствующих инципитов), а также отсутствие канона Ангелу-хранителю. Те же особенности организации текстов богослужбной части встречаются и в сохранившихся

³⁸ ГИМ. Синодальное собр. № 904. Л. 278а–287б.

³⁹ Белякова Е.В. Адриан // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 312–313.

⁴⁰ Вознесенский А.В. К истории славянской печатной Псалтири... С. 164.

⁴¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 5. 1676–1700. СПб., 1842. №75. С. 117.

доныне Часословах февраля 1680 г. и января 1682 г.⁴², а также в Часослове декабря 1683 г.⁴³ (32 тетради, *осиповская* «азбука»). Аналогичный состав декабрьскому изданию 1683 г. (за исключением добавившегося в книгу «Предания о сложении перстов») имел и Часослов издания сентября 1684 г., а также идентичное последнему по одинаковому числу тетрадей и использованию той же «азбуки», несохранившееся издание сентября 1686 г. Схожее содержание имел и сохранившийся до наших дней Часослов января 1689 г.⁴⁴ (24 $\frac{1}{4}$ тетради, *воскресенская* «азбука»). Поскольку те же основные параметры — количество тетрадей и шрифт — документы Приказа книг печатного дела фиксируют и для несохранившегося Часослова (М., декабрь 1687 г.), то можно предположить, что отмеченные сокращения богослужбной части имелись и в этом Часослове. Следует отметить, что указанные особенности состава встречались в Часословах «в четверть» ранее, примером чему служат издания ноября 1668 г.⁴⁵ и апреля 1675 г.⁴⁶

Причины того, что в конце XVII в. многие издания Часословов были напечатаны с неполными составами полунощниц и без канона Ангелу-хранителю, остаются не вполне ясными. Одним из объяснений этому могло быть желание московских книгопечатников не уходить от изначального предназначения Часослова как книги, содержащей неизменяемые части служб суточного круга. Это намерение могло стать причиной как для исключения из состава книги меняющихся в зависимости от дня, когда совершается служба, частей полунощницы, а также часто читающегося перед причастием канона Ангелу-хранителю. В то же время следует отметить, что печатание Часословов в конце XVII в. без указанных текстов не было в полной мере последовательным. Так, в сохранившихся экземплярах изданий Часословов сентября 1682 г.⁴⁷ и марта 1685 г. содержится полный состав всех трех вариантов полунощницы, а также напечатан канон Ангелу-хранителю.

Документы Приказа книг печатного дела проливают свет и на другие аспекты издания рассматриваемого Часослова. Затраты на его издание составили 712 рублей 21 алтын 4 деньги⁴⁸. Самой крупной статьей

⁴² Часослов. М., январь 1682 г. (РГАДА. БМСТ/спк. № 2338).

⁴³ Часослов. М., декабрь 1683 г. (ГИМ. Синодальное печатное собр. № 204).

⁴⁴ Часослов. М., январь 1689 г. (РГАДА. БМСТ/спк. № 2343).

⁴⁵ Часослов. М., ноябрь 1668 г. (РГАДА. БМСТ/спк. № 2335).

⁴⁶ Часослов. М., апрель 1675 г. (РГАДА. БМСТ/спк. № 2337).

⁴⁷ Часослов. М., сентябрь 1682 г. (РГАДА. БМСТ/спк. № 2339).

⁴⁸ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 91. Л. 74а. Дальше ссылки на дела этой описи будут идти в тексте.

расходов стала закупка бумаги для печатания. Ее было куплено 400 стоп по цене за одну стопу 26 алтын 4 деньги, что в общей сложности составило 320 рублей (Д. 91. Л. 71а).

В сохранившихся Расходных книгах второй половины 1680-х гг. покупка чистой бумаги по этой цене впервые фиксируется в августе 1687 г. В Расходной книге сентября 1686 г. — августа 1687 г. читается текст: «по приказу игумена Сергия да дьяка Ивана Арбенева куплено заморской бумаги сто шесть стоп у кадашевца у Федора Харитоновна <...> ценою за стопу по двадцати по шести алтын по четыре деньги...» (Д. 86. Л. 104а–104б). 28 сентября 1687 г. бумага (28 стоп) по такой цене приобреталась у другого кадашевского купца Кондратия Лукьянова (Д. 88. Л. 98а), а в феврале 1688 г. у каргопольского купца Семена Кирилова (90 стоп) <Там же. Л. 102а>. Самая крупная покупка пришлась на 1 января 1689 г., когда у кадашевских купцов «Феоктиста Костянтинова с товарищи» было куплено 1910 стоп чистой бумаги по цене за стопу 26 алтын 4 деньги, что в сумме составило 1528 рублей (Д. 89. Л. 112а). Вполне вероятно, что Часослов декабря 1689 г. мог быть напечатан на бумаге из этой партии⁴⁹.

Печатание декабрьского Часослова 1689 г. происходило в Спасской и Никольской палатах Печатного двора на 8 станах⁵⁰. Работы над изданием начались на день раньше даты, зафиксированной в книге Записных выписок нововыходных книг (17 октября 1689 г.), о чем свидетельствуют записи об отпуске материала: «198-го октября в 16 день взял наборщик Петр Ефимов у подьячева Петра Артемьева в Спасскую полату к книгам малых часословцев без киноварей по четыре завода к стану на восемь тетратей восемьдесят стоп...» (Д. 90. Л. 59а). Последнее взятие материалов для этого издания происходило 30 ноября (Там же. Л. 61б). Печатание декабрьского издания Часослова 1689 г. по времени практически совпало с работой над Псалтирью без киновари, выпущенной в том же месяце. Любопытно, что в росписи денежных сумм, потраченных на Псалтирь, отсутствовали неокладные расходы, включавшие в себя, главным образом, траты на отопление палат Печатного двора, которые были внесены в расходную смету, составленную для декабрьского Часослова (Д. 91. Л. 73а).

В расписках о принятых материалах на печатание Часослова декабря 1689 г. имеются имена наборщиков, работавших над книгой: в Спасской

⁴⁹ Расходная книга сентября 1689 г. — августа 1690 г. не сохранилась.

⁵⁰ Подробнее о палатах со станами Печатного двора XVII в. см.: Румянцов В.Е. Древние здания Московского печатного двора. М., 1869. С. 11–17.

палате трудились Петр Ефимов, Харитон Евфимьев, Василий Марков, а в Никольской — Семен Мордвинов, Федот Минин и Меркул Лебедев (Д. 90. Л. 59а–61b). Общая сумма наложенного на издание «государева жалованья» сотрудникам Печатного двора⁵¹ составила 283 рубля 28 алтын 4 деньги (Д. 91. Л. 73b)⁵².

После завершения печати руководство московской типографии определяло число книг, которые будут выданы бесплатно. Количество таких экземпляров обычно делилось на две неравные части: меньшая отдавалась царю и патриарху, а большая часть книг выдавалась служащим Приказа книг печатного дела за работу над изданием. Применительно к декабрьскому Часослову 1689 г. число поданных экземпляров ограничивалось тремя переплетенными и особо украшенными книгами, приготовленными для патриарха Московского Иоакима, из которых одна «книга по обреза золотом, две книги с цветками» (Д. 91. Л. 74а). Выдача одному лишь патриарху вышедших из печати Часословов была характерна для 1680–1690-х гг., когда такие книги практически перестали подноситься царям. Лишь среди экземпляров изданий марта 1681 г. (Д. 75. Л. 176а), декабря 1683 г. (Д. 81. Л. 85а) и апреля 1696 г. (Д. 91. Л. 237b) были книги, которые поднесли монарху.

Другой особенностью безденежного отпуска экземпляров Часослова декабря 1689 г. было отсутствие среди их получателей Приказа Большого дворца, что было связано с указом патриарха Иоакима от 27 ноября 1689 г., в котором разъяснялся порядок бесплатной выдачи экземпляров только что вышедшей Псалтири с воследованием. В распоряжении первоиерарха Русской церкви определялось, что «которых нововыходных книг в тетратех в подносе великим государем не будет, и тех книг из Приказу книг печатного дела в Приказ Большого дворца

⁵¹ Сумма «накладываемого» на издание московской типографии «государева жалованья» определялась целовальником или первым подьячим, которые вели финансово-материальную отчетность Приказа книг печатного дела. Совокупность денег, «наложенных» на издание, складывалась из долей годовых выплат работникам Печатного двора, принимавшим участие в работе над книгой (см.: *Пушков В.П.* Книжное дело на Московском Печатном дворе по отчетам целовальников за первую половину 1660-х гг. // *Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадькин А.В.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 гг. Кн. 1. М., 2007. С. 181).

⁵² Следует отметить, что в эту сумму также входило материальное обеспечение преподавателей и учащихся Славяно-греко-латинской академии, которая частично финансировалась через Приказ книг печатного дела.

безденежно отпускать не указал»⁵³. Следует отметить, что последним изданием Часослова, экземпляры которого отпускались и царю, и в Приказ Большого дворца, был декабрьский Часослов 1683 г. (Д. 81. Л. 85а), что указывает на то, что подобный регламент выдачи новонапечатанных Часословов существовал уже за несколько лет до этого указа патриарха Иоакима. Как и в случае с поднесением этих книг царю, ситуация изменилась в следующем десятилетии, когда из напечатанных в 1690-х гг. Часословов только из тиража издания июля 1700 г. этому государственному учреждению не было выделено 50 экземпляров⁵⁴.

В дополнение к оплате за работу декабрьские Часословы 1689 г. были выданы следующим работникам Приказа книг печатного дела: руководителям — игумену Сергию⁵⁵ и дьяку Андрею Михайлову⁵⁶, — получившим по «четыре книги в переплете с цветками» (Д. 91. Л. 74b). Трем справщикам были пожалованы «по четыре книги в переплете» (Там же), «подъячим трем человекам <...>, четцом двум человеком, писцу одному человеку по четыре книги в тетратях» (Там же). В Правильной палате оставили «две книги: чистая да кавычная в переплете для перевода» (Там же. Л. 75а). Окрас обреза книжного блока и тиснение «цветки» на нем, а также следы позолоты на переплетных крышках рассматриваемого Часослова из БМСТ указывают на его принадлежность к числу тех 10 экземпляров, которые имели переплет с «цветками». Однако ошибочный порядок следования тетрадей исключает принадлежность этого Часослова патриарху Иоакиму, которому были поднесены два экземпляра в переплете указанного типа.

После определения числа безденежно выданных книг была установлена продажная цена непереплетенного экземпляра («в тетратях»). Решение о ее определении принималось на основе сведений о расходах на издание, представлявшихся руководством Печатного двора на доклад патриарху.

⁵³ Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 гг. Кн. 2. М., 2011. С. 557.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 3. Д. 194. Л. 1а–5а.

⁵⁵ Бывший игумен путивальского Молченского монастыря Сергей долгие годы работал на Московском печатном дворе справщиком. Начальным человеком в столичной типографии он был с 23 августа 1687 г. по август 1694 г., а также с сентября 1695 г. по август 1697 г. См.: Дадыкин А.В. Сотрудники Московского печатного двора второй половины XVII века. Именной список // Труды Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2017. Вып. 2. С. 62.

⁵⁶ Андрей Михайлов был дьяком на Московском печатном дворе с 7 ноября 1688 г. по 1689 г., с сентября 1690 г. по август 1694 г., с сентября 1695 г. по 18 января 1700 г. (Там же. С. 59).

Ему на отчет подавалась Книжная выписка в столбцовой форме⁵⁷. После доклада дьяк Приказа книг печатного дела ставил в Книжной выписке помету с установленной ценой для продажи. В большинстве случаев для Часословов «в четверть» 1680–1690-х гг. наценка составляла треть от себестоимости экземпляра. Книга издания декабря 1689 г. не была исключением, ее продажная цена при себестоимости 5 алтын (15 копеек. — И.Б.) составляла «по две гривны за книгу» (20 копеек. — И.Б.) <Там же. Л. 75b>. Сведения о затратах на печатание с установленной ценой для продажи записывались в копийных книгах Записных выписок нововыходных книг.

В 1680-х гг. патриарху по завершении работ над книгой подавалась Книжная выписка в двух вариантах: кратком и пространным. В краткой версии указывалась лишь общая сумма денег, потраченная на издание. Она и зачитывалась патриарху, о чем свидетельствовал красноречивый заголовок на кратком варианте «в доклад» (см.: Книжные выписки по выпуску Псалтирей учебных <М., март 1684 г.> и <М., август 1684 г.>, большого аналойного Часослова <М., 24 марта 1688 г.> и Апостола <М., 18 апреля 1688 г.>)⁵⁸. Следует отметить, что в кратких версиях Книжной выписки, содержавших сведения о тратах на учебные Псалтири марта и августа 1684 г., фиксируются пометы с ценой, в отличие от аналогичных документов по печати «большого аналойного» Часослова и Апостола⁵⁹. В пространным варианте содержались подробные сведения о расходах на издание и именно в нем обычно ставилась помета дьяка с продажной ценой.

Прибыль от продажи Часослова декабря 1689 г. в книжной лавке при Печатном дворе составила 237 рублей 18 алтын 2 деньги (Д. 91. Л. 75b). Между тем эта сумма сопоставима с выручкой за 10 дней торговли Часословами, напечатанными в декабре 1683 г. и в сентябре 1684 г., составившей 234 рубля 10 алтын (Там же. Л. 86b) и 236 рублей 10 алтын (Там же. Л. 126b), соответственно. С учетом одинаковой цены всех трех

⁵⁷ Книжная выписка — это самоназвание итогового отчетного документа, содержащего роспись расходов на печатание издания. Она составлялась на основе Расходной и Расписной книг. (Подробнее см.: Дадыкин А.В. Документы приказа книгопечатного дела... С. 53.) Это самоназвание, например, встречается в итоговом отчетном документе, составленном по окончании печатания Апостола издания апреля 1688 г. (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 3. Д. 85. Л. 1а). Другим самоназванием данного документа был Сметной список, на что указывает А.В. Дадыкин (Дадыкин А.В. Документы приказа книгопечатного дела... С. 53). Книжная выписка, содержавшая сведения о затратах на печатание Часослова декабря 1689 г., не сохранилась.

⁵⁸ См. соответственно: РГАДА. Ф. 1182. Оп. 3. Д. 237. Л. 6а; Д. 55. Л. 7а–8а; Д. 275. Л. 8а; Д. 85. Л. 9а;

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 3. Д. 237. Л. 6а; Д. 55. Л. 7а–8а

книг можно предположить, что и прибыль за Часослов издания декабря 1689 г. указана за тот же временной период. Другим выводом, который можно сделать из сравнения количества вырученных денег за экземпляры указанных изданий, является то, что среди покупателей продукции Печатного двора бескиноварные малые Часословы пользовались таким же высоким спросом, что и книги, напечатанные в «две краски».

Таким образом, Часослов (РГАДА. БМСТ/спк № 2342) был выпущен в декабре 1689 г. На сегодня это единственный известный экземпляр издания, упоминаемого лишь в документах Приказа книг печатного дела. Открытие ранее неизвестного в библиографии издания с точно определенными выходными данными предоставляет новые возможности по датировке дефектных экземпляров Часословов, а также расширяет представление о репертуаре Печатного двора, что позволяет пролить свет не только на историю книгопечатания в Москве, но и на детали развития истории русской культуры XVII в. Весьма примечательно, что только материалы этого архивного фонда и позволили установить время выхода этого Часослова в свет.

Приложение 1⁶⁰

Часослов. М.: Печатный Двор, 17.10–12.1689 (7198)

Сигн.: [*]⁶⁺¹–[*]⁴⁺², 1⁸–38⁸. — 8⁰. — 1–13, 1–304. — Строк: 13. Шрифт (*арсеньевская «азбука»*): 10 строк=84 мм. Наборная полоса 105х69. Печать в одну краску. Колонтитулы без художественных обременений. Колонцифры проставлены в правом верхнем углу л.

Экземпляр не полный: л. 1 и 6 первой фолиации отсутствуют. Из-за ошибки при переплетении перепутан порядок тетрадей: тетради XVI и XVII (л. 121–136) вплетены после XVIII тетради (л. 137–144). На л. 12b находится единственная в книге запись. На обрезе книжного блока сохранились следы покрытия синим пигментом, на котором оттиснуты «цветки». Переплет со следами позолоты. Целостность блока нарушена, кожа на крышках переплета заметно потерта. Нижняя застежка утрачена.

⁶⁰ Поскольку на сегодня издание Часослова декабря 1689 г. известно лишь по экземпляру БМСТ/спк № 2342, то по необходимости его описание одновременно является и описанием издания. Возможные коррективы в книжную листовую формулу этого Часослова могут быть внесены только после обнаружения других экземпляров декабрьского издания. Описание экземпляра выполнено под влиянием принципов обработки старопечатных книг, предложенной А.А. Гусевой.

Декоративное оформление:

— гравюры: л. 8а (1 фолиация) (Рука с крестным знаменем)
 — заставки: л. 2а (1 фолиация), 244b, 279b, 299а (2 фолиация) <Зернова 1963, № 28>; 8а (1 фолиация) <Зернова, 1963, № 91>; 1а, 31b, 35а (2 фолиация) <Зернова, 1963, № 106>; 4а (2 фолиация) <Зернова, 1963, № 65>; 27а, 109b, 168а, 253b (2 фолиация) <Зернова, 1963, № 104>; 83а (2 фолиация) <Зернова, 1963, № 99, не указана как использующаяся для часословов>; 97а, 134а (2 фолиация) <Зернова, 1963, № 105>; 127b (2 фолиация) <Зернова, 1963, № 104а>; 169b, 225b, 275а (2 фолиация) <Зернова, 1963, № 51, с обрезанными краями, не указана как использующаяся для часословов>; 146b (2 фолиация) <Зернова, 1952, № 374>.

— Наборные украшения: 301а (2 фолиация).

— Ломбарды: л. 8а (1 фолиация) (П), 4а (П) (2 фолиация), 6а (П), 86 (В), 14b (В), 15а (Г), 18b (В), 19b (С), 21b (П), 35b (У), 36b (Г), 40b (Г), 41b (Г), 44а (Б), 46а (Г), 486 (Б), 51а (Г), 576 (Х), 596 (В), 606 (Х), 716 (Г), 73b (Г), 75b (М), 80b (И), 83а (П), 85а (У), 87а (К), 89b (П), 95а (И), 96b (В), 97а (Б), 97b (В), 100b (Ж), 106b (Б), 109b (Б), 112b (Х), 117а (В), 125а (Б), 1316 (В), 134а (К), 136а (Б), 1376 (П), 1426 (И), 144а (В), 147а (Б), 152а (Г), 154а (Г), 170а (В), 171а (Г), 172b (Д), 173b (К), 176а (Н), 179b (Ж), 186b (В), 193а (Г), 194b (П), 197а (Г), 200а (Г), 204b (В), 205а (Б), 205b (Г), 215а (Н), 218а (И), 220а (В), 222b (Н), 225b (П), 227b (П), 230а (Б), 230b (Г), 235а (В), 238а (И), 239а (Н), 242а (И), 288b (В)

Состав

л. 1а (1 фолиация) — лист с выходными данными; (отсутствует)

л. 2а–7а — Предисловіе в Часословъ;

л. 8а–13b — Древнее с(вя)тыхъ ап(о)с(то)лъ и с(вя)тыхъ о(те)цъ преданіе, какъ всякому православному хрїстіанину подобаетъ на знаменіе кр(е)ста с(вя)тагw на лицѣ своемъ руки своеа персты, и кїа слагати, и какъ на себѣ оный извбращати;

л. 1а–34b (2 фолиация) — Полунощница;

л. 35а–82b — Утрения и часъ первый;

л. 83а–96b — Начало часвъ. Часъ третїй;

л. 97а–109а — Часъ шестїй;

л. 109b–127а — Извбразительны;

л. 127b–133b — Чинъ w панагїи;

л. 134а–146а — Часъ деватїй;

л. 146b–167b — Вечерня;

л. 168а–169а — [Молитвы при входе в трапезную] Вшедше же в трапезу гл(агол)ем;

л. 169b–225а — Великое повечерїе;

- Л. 225b–244a — Малое повечеріе;
Л. 244b–253a — Ѿтпустителнїи воскр(е)сны [тропари], осми гласвѣ
съ б(о)городичны;
Л. 253b–274b — Б(о)городичны Ѿтпустителнїи, поемїи во все лѣто,
в вечерню же и на Б(о)гъ Г(о)с(по)дѣ, во утрени и паки в конецъ оутрени;
Л. 275a–279a — Ѿ(т)пустителнїи дневнїи тропари всея седмицы;
Л. 279b–298b — Послѣдованіе общагѡ молебна;
Л. 299a–304a — Тропари воскр(е)сны, поемыа по непорочнахъ въ
н(е)д(е)лахъ всегѡ лѣта.

Приложение 2⁶¹

Запись от 16 октября 1689 г. из Расписной книги 1689–1696 гг.

198-го октября в 16 день взял наборщик Петр Ефимов у подьячева Петра Артемьева в Спаскую полату к книгам малых часословцев без киноварей по четыре завода к стану на восемь тетратей восемьдесят стоп. На приправку две дести да приправочной восемь дестей, боранов шестнадцать, гвоздей двести шестьдесят, по два опока к стану на отвологи двести аршин. Свечъ больших девяносто шесть, а меньших восемьдесят, масла пять фунтов, мучи четверик пять алтын по сукну к стану четыре ремня. Еще на щелок золы три лукошка, ведро олихвы, две связки свечъ больших, в приказ два выроска седьмому стану⁶².

РГАДА. Ф. 1182. Д. 90. Л. 59а

Запись о начале печати Часослова без киновари от 17 октября 1689 г. из книги Записных выписок нововыходных книг 1689–1696 гг.

В нынешнем во 198-м году октября в 17 день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии, самодержцев, и по благословению великого господина святейшаго кир Иоакима Московского и всея Росии и всех северных стран патриарха, на Книжном печатном дворе начаты

⁶¹ Настоящая публикация выполнена в соответствии с рекомендациями «Правил издания исторических источников» (М., 2020) для подготовки к печати документов XVII в.

⁶² Написано другим почерком.

печатать книги часословцы в четверть никитинскую азбукою в Спаской да в Никольской полатах в восемь станов по заводу 4800 книг. А ис тиснения вышли те книги часословцы без киноварей в нынешнем же во 198-м году декабря в⁶³ день. В книге по 40 тетратей.

РГАДА. Ф. 1182. Д. 91. Л. 70б

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. *Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.* Т. 5. 1676–1700. СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1842. 576 с.
Historical acts, collected and published by the archaeographical commission. Vol. 5. 1676–1700. St. Petersburg: Printing house of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1842. 576 p. (in Russ.).
2. Андреев А.А., Мольков Г.А. Часовник–Часословец–Часослов: эволюция названия книги в XI–XVIII вв. *Славянская историческая лексикология и лексикография.* 2023;6:9–38.
Andreev A.A., Mol'kov G.A. Chasovnik–Chasoslovets–Chasoslov: The evolution of the book title in the 11th–18th centuries. *Slavic Historical Lexicology and Lexicography.* 2023;6:9–38 (in Russ.).
3. Белякова Е.В. Адриан, в: *Православная энциклопедия.* Т. 1. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000. С. 312–313.
Belyakova E.V. Adrian, in: *Orthodox Encyclopedia.* Vol. 1. Moscow: Church–Science Center «Orthodox Encyclopedia», 2000. P. 312–313 (in Russ.).
4. Белянкин Ю.С. *Церковь и государство в полемике со старообрядцами во второй половине XVII в. (на примере деятельности Московского Печатного двора).* Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. 289 с.

⁶³ Дата не указана.

- Belyankin Yu.S. *The church and the state in polemics with the old believers in the second half of the 17th century (A case study of the activities of the Moscow Printing Yard)*. PhD Diss. Hist. Sci. Moscow, 2013. 289 p. (in Russ.).
5. Богданов А.П. К полемике конца 60-х – начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России, в: *Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII в.: сборник статей*. М.: Институт истории СССР, 1986. С. 177–210.
Bogdanov A.P. On the polemic of the late 1660s – early 1680s concerning the establishment of a higher educational institution in Russia, in: *Studies in source studies of the history of the USSR, 13th–18th centuries: A collection of articles*. Moscow: Institute of History of the USSR, 1986. P. 177–210 (in Russ.).
6. Вознесенский А.В. *К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтирь*. М.: Альянс-Архео, 2010. 678 с.
Voznesensky A.V. *On the history of the Slavonic printed Psalter: The Moscow tradition of the 16th–17th centuries. The simple Psalter*. Moscow: Alyans-Arkheo, 2010. 678 p. (in Russ.).
7. Гусева А.А. *Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации*. М.: Индрик, 2010. 1251 с.
Guseva A.A. *A corpus of Russian Cyrillic-print books of the 18th century from the printing houses of Moscow and Saint Petersburg and a universal method for their identification*. Moscow: Indrik, 2010. 1251 p. (in Russ.).
8. Дадыкин А.В. Документы приказа книгопечатного дела второй половины XVII в. как исторический источник, в: Поздеева И.В., Пушкин В.П., Дадыкин А.В. *Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры, 1652–1700 гг.* Кн. 1. М.: Наука, 2007. С. 39–59.
Dadykin A.V. Documents of the Chancellery of book printing of the second half of the 17th century as a historical source, in: Pozdeeva I.V., Pushkov V.P., Dadykin A.V. *The Moscow Printing Yard – fact and factor of Russian culture, 1652–1700*. Book 1. Moscow: Nauka, 2007. P. 39–59 (in Russ.).
9. Дадыкин А.В. (сост.). Сотрудники Московского печатного двора второй половины XVII века. Именной список, в: *Труды Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова*. М., 2017. Вып. 2. С. 52–238.
Dadykin A.V. (Compil.). The staff of the Moscow Printing Yard in the second half of the 17th century: A name list, in: *Proceedings of the Lomonosov Moscow State University Scientific Library*. Moscow, 2017. Iss. 2. P. 52–238 (in Russ.).

10. Зернова А.С. Альбом орнаментики книг московской печати XVI–XVII веков. М.: Гос. библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1952. 26 с.
Zernova A.S. Album of the ornamentation of Moscow printed books of the 16th–17th centuries. Moscow: V.I. Lenin State Library of the USSR, 1952. 26 p. (in Russ.).
11. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: сводный каталог. М., 1958. 150 с.
Zernova A.S. Cyrillic-print books published in Moscow in the 16th–17th centuries: A union catalogue. Moscow, 1958. 150 p. (in Russ.).
12. Зернова А.С. Орнаментика книг московской печати кирилловского шрифта XVII–XVIII веков. 1677–1750 (Атлас). М., 1963. 166 с.
Zernova A.S. The ornamentation of Moscow Cyrillic-type books of the 17th–18th centuries. 1677–1750 (Atlas). Moscow, 1963. 166 p. (in Russ.).
13. Зернова А.С. Орнаментика книг московской печати кирилловского шрифта XVII–XVIII веков. 1677–1750 (Указатель). М., 1963. 362 с.
Zernova A.S. The ornamentation of Moscow Cyrillic-type books of the 17th–18th centuries. 1677–1750 (Index). Moscow, 1963. 362 p. (in Russ.).
14. Зернова А.С. Указатель к альбому орнаментики книг московской печати XVI–XVII веков. М.: Гос. библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1952. 78 с.
Zernova A.S. Index to the album of the ornamentation of Moscow printed books of the 16th–17th centuries. Moscow: V.I. Lenin State Library of the USSR, 1952. 78 p. (in Russ.).
15. Лукьянова Е.В. (сост.). Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог 1626–1650. Вып. 2. М.: Археографический центр, 2002. 374 с.
Lukyanova E.V. (Compil.). Moscow Cyrillic editions in the collections of RGADA (Russian State Archive of Ancient Acts). Catalogue 1626–1650. Iss. 2. Moscow: Archaeological Center, 2002. 374 p. (in Russ.).
16. Панич Т.В. Писатели патриаршего круга в богословской полемике 80-х–90-х гг. XVII в. Дисс. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007. 437 с.
Panich T.V. Writers of the Patriarchal circle in the theological polemics of the 1680s–1690s. Diss. ... Dr. Philol. Sci. Novosibirsk, 2007. 437 p. (in Russ.).
17. Поздеева И.В. Издания XVII в. Московского печатного двора времени правления первых царей династии Романовых по документам архива Приказа книг печатного дела. М., 2025. 381 с.
Pozdeyeva, I.V. 17th-century editions of the Moscow Printing Yard during the reign of the first tsars of the Romanov dynasty. According to the documents of the Archive of the Order of books of the printing business. M., 2025. 381 p.

18. Покровский А.А. *Печатный Московский двор в первой половине XVII века*. М.: Тип. В.И. Воронова, 1913. 71 с.
Pokrovsky A.A. *The Moscow Printing Yard in the first half of the 17th century*. Moscow: Printing house of V.I. Voronov, 1913. 71 p. (in Russ.).
19. Пушкин В.П. Книжное дело на Московском Печатном дворе по отчетам целовальников за первую половину 1660-х гг., в: Поздеева И.В., Пушкин В.П., Дадькин А.В. *Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры, 1652–1700 гг.* Кн. 1. М.: Наука, 2007. С. 171–226.
Pushkov V.P. Book production at the Moscow Printing Yard according to the reports of sworn men for the first half of the 1660s, in: Pozdeeva I.V., Pushkov V.P., Dadykin A.V. *The Moscow Printing Yard — fact and factor of Russian culture, 1652–1700*. Book 1. Moscow: Nauka, 2007. P. 171–226 (in Russ.).
20. Румянцов В.Е. *Древние здания Московского печатного двора*. М.: Синод. тип., 1869. 38 с.
Rumyantsov V.E. *The ancient buildings of the Moscow Printing Yard*. Moscow: Synodal printing house, 1869. 38 p. (in Russ.).
21. Сазонова Л.И. Восточнославянские академии XVI–XVIII вв. в контексте европейской академической традиции. *Славяноведение*. 1995;(3):46–61.
Sazonova L.I. East Slavic academies of the 16th–18th centuries in the context of the European academic tradition. *Slavic Studies*. 1995;(3):46–61 (in Russ.).
22. Татарский И. *Симеон Полоцкий. Его жизнь и деятельность*. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 343 с.
Tatarsky I. *Simeon of Polotsk: His life and work*. Moscow: Printing house of M.G. Volchaninov, 1886. 343 p. (in Russ.).

 Булычев Иван Андреевич
Ivan A. Bulychew

магистр теологии, ведущий специалист
Российского государственного архива
древних актов

Master of Theology; leading specialist of the
Russian State Archive of Ancient Acts

Поступила в редакцию /
Received
30.10.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
01.12.2025

Принята к публикации /
Accepted
12.01.2026

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.002](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.002)

Оригинальная статья / Original paper

Н.Н. Петрухинцев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Российский технический университет
МИРЭА, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: nicPetrukhintsev@yandex.ru*

«Новый сибирский курс» Петра I и А.А. Виниуса (1695–1700 гг.)

Аннотация

В статье рассматривается комплекс мероприятий по отношению к Сибири, проводившийся в 1695–1700 гг. Он формировался с активным участием Петра I и стал одной из первых акций по вмешательству государя во внутреннюю политику России. Автор анализирует роль Петра I и А.А. Виниуса в оформлении и проведении этого курса, выделяет его движущие мотивы и основные этапы. Основными факторами, вынудившими обратиться к проблемам Сибири, стали падение сибирских доходов и потребность в монетном металле, вновь активизировавшая проблему промышленной разработки нерчинского серебра. Главной причиной дефицита сибирских доходов стал кризис пушного промысла в Сибири, постепенно нараставший к концу XVII в., однако А.А. Виниус считал, что он вызван прежде всего произволом и воровством сибирских воевод, что привело к изменению принципов назначения воевод в Сибири и к своего рода «антивоеводскому» курсу, связанному с ужесточением таможенной политики и контроля над деятельностью воевод. Однако этот курс не привел к росту сибирских доходов в первые два года его реализации, что отчетливо продемонстрировали проблемы с обеспечением «меховой казной» Великого посольства в 1697–1698 гг. Это стало для А.А. Виниуса одним из побудительных мотивов для более глубокого из-

учения проблем Сибири, приведшего к появлению Окладной книги 1697 г. и к картографическим работам с активным участием С.У. Ремезова. Невысокая эффективность этого курса в конце концов подтолкнула А.А. Виниуса к попытке компенсировать падение сибирских доходов за счет развития металлургии в Сибири, уже не ограничивающейся только добычей нерчинского серебра, а предусматривающей переход к строительству железоделательных заводов. Несомненно позитивным аспектом этого курса стало становление металлургического производства на Урале и в Сибири, положившее начало становлению нового промышленного региона на востоке страны.

Ключевые слова:

сибирская политика; металлургия Урала и Сибири; пушной промысел; Великое посольство; сибирская торговля, сибирские воеводы; А.А. Виниус; С.У. Ремезов

Для цитирования:

Петрухинцев Н.Н. «Новый сибирский курс» Петра I и А.А. Виниуса (1695–1700 гг.) // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 38–73. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.002](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.002)

Nikolay N. Petrukhintsev

*National Research University Higher School of Economics (HSE),
MIREA — Russian University of Technology. Moscow, Russian Federation
E-mail: nicPetrukhintsev@yandex.ru*

The «New Siberian Course» of Peter I and A.A. Winius (1695–1700)

Abstract

This article examines the complex of measures taken in relation to Siberia in 1695–1700. This policy was carried out with the active participation of Peter I

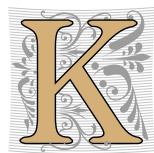
and was one of the first instances of the sovereign's intervention in Russia's inner politics. The author analyzes Peter I and A.A. Vinus's role in the formulation and implementation of this policy and comes to the conclusion that one of the reasons for its limited effectiveness was the erroneous assumption that the arbitrariness of the governors was the main reason of the Siberian revenues' decline, and the failure to recognize that this decline was the result of a serious crisis in the fur trade in Siberia. An undoubted positive aspect of this policy was the development of metallurgical production in the Urals and Siberia.

Keywords:

Siberian policy; Metallurgy of the Urals and Siberia; Fur trade; Grand Embassy; Siberian trade; Siberian governors; A.A. Vinus; S.U. Remezov

For citation:

Nikolay N. Petrukhintsev. The «New Siberian Course» of Peter I and A.A. Winus (1695–1700) // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 38–73. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.002](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.002)

сожалению, комплекс правительственных мероприятий, проводившихся на рубеже XVII–XVIII вв. в отношении Сибири, до сих пор воспринимается по преимуществу как цепь отдельных разрозненных акций, мало связанных с самим государем. В нашей недавней работе мы попытались преодолеть сложившиеся стереотипы¹, но в силу особенностей ее структуры отдельные звенья охарактеризованного нами «нового сибирского курса» оказались разбросаны по разным главам, что затрудняет его целостное восприятие.

Данная статья имеет целью обобщить уже изложенный материал, дополнив его новыми деталями, и представить сводную картину «нового сибирского курса», оформившегося в 1695–1698 гг. и ставшего одним из первых серьезных проявлений активного вмешательства царя в проблемы внутривластного развития страны, начатого в первые месяцы

¹ Петрухинцев Н.Н. «Начало славных дел»: первые преобразования Петра I в контексте внешней и внутренней политики России (1682 — рубеж XVII–XVIII вв.). Очерки по истории ранних реформ Петра I. М.: РОССПЭН, 2022.

его самостоятельного правления. Многое в этой картине может иметь дискуссионный характер и, несомненно, стимулирует более детальное изучение «сибирской политики» рубежа столетий, позволив приблизиться к более адекватным ее оценкам.

* * *

Главной причиной перехода к новому курсу стали проблемы доходности от управления Сибирью, постепенно нараставшие в 1670–1680-е гг. и достигшие пика к середине 1690-х гг.

Вероятно, к началу 1690-х гг. начал уже отчетливо обозначаться кризис в добыче мехов в Сибири, вызванный почти вековой хищнической добычей соболя («истощение» и «угасание масштабных пушных промыслов» к концу XVII в. констатировал Е.В. Вершинин²), а также более сложным комплексом факторов, связанных с особенностями пушного промысла в этот отрезок времени³. Несмотря на то, что государство все время увеличивало свою долю в добыче соболей⁴, ограничивая частный промысел и частную торговлю и сократив долю частных промышленников в добыче в 1680-е гг. по сравнению с 1660-ми гг. с 39,3% до 28,6%, за тот же период среднегодовое количество добытых соболей, поступавших в «государеву казну», сократилось вдвое (с 60,2 тыс. шт. до 30,2 тыс.). Среднегодовой доход государства от соболиного промысла (по сибирским ценам) по сравнению с серединой века уже в 1680-е гг. упал со 104,7 до 71 тыс. руб., и в 1690-е гг. падение продолжилось (в 1699 г. государством и частниками вместе было добыто соболей всего на 58 тыс. руб.)⁵. По наблюдениям П.Н. Павлова, «к концу XVII в. ...добыча соболей по сравнению с серединой века сократилась в 4 раза по цене и в 5–6 раз по количеству»⁶.

Вдобавок стало резко ухудшаться качество «соболиной казны», поступавшей в Сибирский приказ, а также проявилась тенденция к явному завышению цен на казенные соболя, которые по этим завышенным

² Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург. Демидовский институт, 2018. С. 324–325; 289.

³ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. [Учеб. пособие] Красноярск. [б. и.] 1972. С. 304.

⁴ Само собой разумеется, что основную ее часть составляли сборы соболей с ясачного населения.

⁵ Там же. С. 106. Табл. 12.

⁶ Там же. С. 302.

Сбор ясака. Рисунок из «Ремезовской летописи», XVII — начало XVIII в.
Из открытых источников

ценам все чаще использовались для выплат казной. Завышение цен начиналось уже при приеме и оценке мехов сибирскими властями, находившими все меньше качественного меха и стремившимися фиктивно увеличить цену хотя бы ради того, чтобы не было «недобора» в доходах.

Кризис сибирских доходов стал, вероятно, одной из важнейших причин неудачи и постепенного угасания в 1667–1670-е гг. военной реформы рубежа 1650–1660-х гг. в Сибири по созданию полков «нового строя», обострившихся с возвратом к серебряному денежному обращению, а также общего кризиса финансирования военных структур Сибири, обозначившегося уже в начале 1670-х гг. и, естественно, только прогрессирующего в 1670-х — начале 1690-х гг.⁷ Нехватка сибирских доходов на жалование местным служилым людям в 1690-е гг., по словам А.А. Виниуса, привела к тому, что правительство вынуждено было отправить за 10–12 лет не менее 130 тыс. руб. на жалование сибирским служилым людям из других доходов помимо Сибирского приказа⁸. Та-

⁷ Никитин Н.И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII веке // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 58–62; Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири... С. 133–147; 152–185.

⁸ Милоков С.Г. Неизвестное послание А.А. Виниуса к Петру Первому // Документ. Архив. История. Современность. Сборник научных трудов. Вып. 10. Уральский госуниверситет им. А.М. Горького. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. С. 252.

ким образом, явственно обозначившийся дефицит сибирского бюджета стал одной из главных причин перехода к новому курсу, нацеленному в первую очередь на поиск его причин и его преодоление.

Еще одним толчком к изменению курса могли быть проблемы, связанные с денежным обращением: с началом самостоятельного правления Петра в 1694 г. резко возрос объем чеканки серебряной монеты. За 1694–1697 гг. по сравнению с аналогичным предшествующим периодом 1690–1693 гг. ее выпуск вырос вдвое (в 1,99 раза) — среднегодовые объемы чеканки увеличились с 218 218 руб. до 434 250 руб.⁹, и это, конечно, должно было стимулировать поиски собственных источников серебра, а начинавшиеся интенсивные военные кампании — поиски руд других металлов.

Сочетание двух этих факторов привело к тому, что «сибирская проблема» оказалась в поле внимания Петра I уже на самых ранних стадиях его реформаторства — чему, вероятно, способствовала и иноземная часть петровской «компании», наиболее влиятельная в 1695–1697 гг.

* * *

Начало «нового сибирского курса» обозначилось накануне выступления Петра в Первый Азовский поход, и непосредственным толчком к нему, вероятно, стали контакты царя с Елизарием Избрантом. Е. Избрант вернулся в Москву из посольства в Китай 2 февраля 1695 г.¹⁰ и, вероятно, в феврале — марте 1695 г. имел беседы с Петром и отчитывался перед ним о результатах посольства, попутно изложив свои соображения о состоянии Сибири. Под влиянием этих бесед был сделан ложный вывод, что главной проблемой сибирского финансового дефицита является не объективно сложившийся кризис пушного промысла, а злоупотребления сибирских воевод — несомненно, имевшие место и тоже вносившие в него свой вклад. Об этом позднее прямо свидетельствовал А.А. Виниус: «вашему величеству устне и на письме верно иноземец Елизарей Избрант донес, иже вашею милостию в Хинское царство был посылан, и Сибирь двакратно проехав, тамо бесчисленные видево нестроения, вашему величеству донесе», пророчески присовокупив при этом, что «те озлоб-

⁹ Подсчитано по: Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика, 1994. С. 11.

¹⁰ Гордон П. Дневник. 1690–1695. М.: Наука, 2009. С. 252.

А.А. Виниус. Автопортрет.
Из открытых источников

ленные, восстав гилем, побьют и в дальну страну отъедут, или, впав во отчаяние, сами погибнут»¹¹.

Е. Избрант поднял и вопрос о нерчинском серебре. Эта проблема была обозначена еще в 1677 г. отцом Б.П. Шереметева П.В. Шереметевым-большим в бытность его тобольским воеводой, и оставалась актуальной все 1680-е гг., будучи одним из объектов пристального внимания И.Б. Репнина в Сибирском приказе, а также стала одной из задач миссии Ф.А. Головина в Сибирь в 1686–1688 гг., тесно вовлеченного в эту проблему в период заключения им Нерчинского договора¹². В 1688–1689 гг. было решено строить в Нерчинске сереброплавильный завод, что не удалось из-за технической невозможности обеспечить рентабельность завода при недостатке рабочей силы и дефицита финансов в Сибирском приказе, доходов которого уже в те годы не хватало на жалованье сибирских служилых людей. Поэтому добыча и переработка нерчинских руд с 1692 г. была фактически остановлена¹³.

¹¹ Милоков С.Г. Неизвестное послание А.А. Виниуса ... С. 252.

¹² Курлаев Е.А., Манькова Е.А. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке (у истоков российской промышленной политики). М.: Древлехранилище, 2005. С. 254; Изгачев В.Г. Строительство первого Аргунского сереброплавильного завода в XVII в. // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2009. № 3. С. 11–13.

¹³ Курлаев Е.А., Манькова Е.А. Освоение... С. 266–271, 273–284.

Однако Ф.А. Головин к этому времени, вероятно, уже убедился в не слишком утешительных перспективах разработки нерчинских рудников, и вопрос был реанимирован, скорее всего, именно Избрантом — по его собственным словам, он «привез образчик руды в Московию, и не сомневаюсь, что царское величество вскоре повелит возобновить добычу»¹⁴.

Все это, несомненно, стимулировало стремление царя к переменам в сибирской политике.

Но Сибирским приказом с перерывами с 1679 г.¹⁵ руководил И.Б. Репнин. Он был знаком с проблемами Сибири не понаслышке: в 1670–1673 гг. он был воеводой в Тобольске¹⁶, фактически управлявшим всей Западной Сибирью, но к 1695 г. почти 78-летний боярин все больше терял дееспособность — по свидетельствам современников, к концу 1696 г. «князь Иван Борисович еще в Сибирском приказе, а сказывают, что де одряхлел, носят в креслах»¹⁷. Становилось очевидным, что «новый курс» в отношении Сибири требует для своей реализации и новых людей.

Вряд ли случайно его начало оказалось связано с новым этапом возвышения А.А. Виниуса. Виниус был определен в Сибирский приказ в помощники И.Б. Репнину вскоре после бесед царя с Е. Избрантом — вероятнее всего, его перевод состоялся одновременно или сразу после пожалования ему чина думного дьяка 24 марта 1695 г.¹⁸, о чем позднее прямо свидетельствовал сам Виниус: «егда ...боярин и воистину верны ревнитель князь Иван Борисович Репнин своей старости и болезнях в крайнее пришел изнеможение, и состояние Сибири правление тамо злых, мздоимных и пристнахсущих воивод достигло во отчаятельное и погибельное подобие», государь «благоволил мя в Сибирскую канцелярию тому помянутому боярину ради спомогательства и исправления во многих упалых делах за товарища чином думного дьяка устроить высоким вашим словом»¹⁹.

¹⁴ Там же. С. 285.

¹⁵ Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 173.

¹⁶ Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 116–122.

¹⁷ Письмо енисейского сына боярского краснойярскому воеводе С.И. Дурново от 8 июля 1697 г. // Золникова Н.Д. «Что своему брату учинишь, такожде и сам примешь»: грамотки и челобитные краснойярскому воеводе С.И. Дурново. 1696–1698 гг. // Исторический архив. 1993. № 5. С. 194.

¹⁸ Marshall T. Poe. The Russian Elite... Vol. 1. P. 333.

¹⁹ Милуков С.Г. Указ. соч. С. 251.

Это стало еще одним шагом в укреплении позиций иноземной части петровской «компании» и существенно возвысило статус самого Виниуса в русском обществе — и Виниус тут же занялся его публичной демонстрацией. В.Э. Булатов отметил, что Виниус отказался от европейского варианта своего старого фрисландского фамильного герба и разработал новый его вариант, в большей степени соответствующий российским реалиям: вместо венчающего прежний герб шлема округлой формы с нашлаемником в виде пяти колосьев появилась дворянская корона, а рассеченный испанский щит в правом поле обрел половину двуглавого орла (символа Российского государства), а в левом — руку с мечом (символ чести и верности царю). В.Э. Булатов относит появление этого герба к 1694 г., но соединение в новом рисунке герба латинских букв «D.D.» («думный дяк») и «A.W.» («Андрей Виниус») свидетельствует, что герб, скорее всего, появился уже в 1695 г.²⁰

Именно Виниусу, вероятно, вполне разделявшему оценки Е. Избранта (возможно, лишь транслировавшего царю как раз позицию Виниуса о губительности для Сибири всевластия «мздоимных воивод»), и была поручена реализация нового курса.

В итоге за четыре дня до отправления царя в Первый Азовский поход был дан старт новой политике в отношении Сибири.

24 апреля 1695 г. Петру был передан с образцами руды доклад о нерчинском серебре, дело о котором он распорядился незадолго до этого передать из Стрелецкого в Сибирский приказ с назначенным в него Виниусом, и уже 27 апреля первые 10 фунтов руды были отправлены для исследования за границу с иноземцем Владимиром Фангевеком, а 25 августа 1695 г. из Амстердама пришел обнадеживающий результат проб с заключением о перспективности строительства завода²¹. Виниус, скорее всего, не понаслышке был знаком с проблемой «нерчинского серебра» — первая фаза строительства нерчинского завода в 1689–1692 гг. была связана с активным участием вологодского уроженца «рудознатца» Я.Г. Галкина, который «в течение многих лет в компании с Андреем Виниусом и в одиночку разведывал и плавил различные руды на Пермских и Уральских рудниках»²².

²⁰ Булатов В.Э. Формирование геральдических изображений сибирских городов (по материалам Окладной книги Сибири 1697 г.) // Гербоведение. Т. IV. М.: Старая Басманная, 2015. С. 32–33.

²¹ ПСЗРИ, 1830. Т. III. № 1511.

²² Изгачев В.Г. Указ. соч. С. 12–13.

Чертеж земли Нерчинского города.
 «Сибирская чертежная книга» С.У. Ремезова. Л. 94

24 апреля 1695 г. появился первый указ, обозначивший новые тенденции в управлении Сибирью — о продлении срока воеводств в сибирских городах («впредь в сибирских городех, опричь Тобольска, воеводам быть безпрерывно против прежних лет по 4, и по пяти, и по шти лет и больше, смотря по человеку», если воевода будет собирать доходы «радетельно сполна», и в «сибирских городех *быть воеводам не частые перемены* для того, что от таких частых перемен... казне учали быть *великие недоборы* и всяким доходам оскудение...») ²³ [здесь и далее — выделения и внутренняя нумерация наши. — Н.П.].

Указ 24 апреля 1695 г., резко менявший традиционную практику воеводских назначений (со стандартным сроком в два года), не мог быть издан без прямой санкции царя, фактически инициировавшего его. Вероятно, и дальнейшие пассажи в этом указе отражали мнение царя (консультируемого и направляемого Виниусом) о чрезмерных злоупотреблениях сибирских воевод — воеводы: а) «многое вино

²³ ПСЗРИ, 1830. Т. III. № 1511.

и многие товары чрез указ в Сибирь провозят и сверх того в Сибири вина курят и тем вином многую корысть себе чинят», роняя своим корчемством казенные доходы от винной продажи; б) «емлют великие взятки» со сборщиков ясачной казны, «и, лучшие соболи себе выбрав, а худы в их государеву казну отдают»; в) своей корыстной и насильственной политикой оттолкнули ясачное население, часть которого ушла «в мунгалы» и теперь совершает набеги и грабит государевых служилых и ясачных людей²⁴.

Указ 24 апреля 1695 г. обозначил курс на борьбу со злоупотреблениями сибирской воеводской администрации, развернувшийся в ближайшие годы, вероятно, при активном участии (и, скорее всего, даже руководстве) А.А. Виниуса, который первоначально формально был скрыт за фигурой руководителя приказа И.Б. Репнина. Подобный курс неизбежно вел к столкновению с влиятельными лицами и фамилиями, и новоиспеченный думный дяк вряд ли бы решился на это без поддержки со стороны царя, на пике фавора у которого он в тот момент находился.

Курс этот вскоре получил дополнительное обоснование в развернувшихся почти сразу событиях — 16 мая 1695 г. начался «красноярский бунт», вылившийся в изгнание местного воеводы и в переход Красноярска на три года под управление выборных представителей местных служилых людей, которые последовательно не принимали и изгоняли воевод, присланных на смену отвергнутому ими А.И. Башковскому, поддерживаемых тобольским воеводой ближним стольником А.Ф. Нарышкиным, выполняя при этом свои основные обязанности перед государством²⁵.

В итоге в развитие апрельского указа еще до возвращения Петра I из похода появился указ 21 сентября 1695 г., ужесточающий таможенный контроль на границах Сибири — о пропуске людей с товарами из Сибири только через Верхотурье, закрывающий дороги через Казань и Кунгур под угрозой конфискации товаров²⁶.

²⁴ ПСЗРИ, 1830. Т. III. № 1511. С. 203.

²⁵ Оглоблин Н.Н. Красноярский бунт 1695–1698 гг. (к истории народных движений XVII века) // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1901. Ч. XXXXV (№ 5), май. Отд. 2. С. 26–70; Зольникова Н.Д. «Что своему брату учинишь...». С. 192.

²⁶ ПСЗРИ, 1830. Т. III. № 1518.

Манси приносят ясак Ермаку. Рисунок из «Ремезовской летописи», XVII — начало XVIII в.
Из открытых источников

* * *

Но основной комплекс указов, развивающих новый курс, появился осенью 1695 г. — весной 1696 г. в период пребывания Петра I в Москве между Первым и Вторым Азовскими походами.

Основные положения указа 24 апреля 1695 г. были развернуты и конкретизированы: указом 27 ноября 1695 г. основным центром торговли и сбора пошлин становилась Ирбитская ярмарка, где вводился более жесткий контроль за сбором пошлин; 18 декабря 1695 г. появился именной указ с констатацией того, что «в присылке к Москве ясачные казны зверем перед прежними годами *многим умалилось*», а завышение оценки мехов еще в Сибири, а потом и в Москве приводит к тому, что «от того служилые люди и всякого чина, кому доведется дать государева жалованья, ...бьют челом, что им у продажи тех соболей наклады великие и *не могут денег взять половины*». Вслед за этим появился изданный накануне Рождества указ 24 декабря 1695 г. о жестком контроле над воеводами на верхотурской таможне и изъятии излишних пожитков у воевод и их «знакомцев», которым угрожали за провоз воеводских

пожитков смертной казнью²⁷. Через два дня, 26 декабря 1695 г., появился указ о защите ясачного населения от произвола местных администраторов и нечинении пыток и казней сибирским ясачным инородцам²⁸.

Серия конкретных указов, детализирующих «новый курс» в отношении сибирского воеводского управления, была продолжена в январе — феврале 1696 г.²⁹. Одним из этих указов с гостей, торговавших в Сибири, потребовали сведения, сколько пошлин они платили в Нерчинске, Якутске и Иркутске воеводам И.П., М.М. и И.М. Гагариным, посылали ли воеводы в караванах в Китай своих родственников и знакомцев со своими товарами и не провозили ли гости подпольно воеводских товаров³⁰.

«Антивоеводский курс» в Сибири уже дал первые плоды, оживив на местах надежды на справедливость: вероятно, в эти месяцы Петр принял делегацию представителей ясачного населения, угрожавших общим восстанием в случае продолжения воеводских насилий, запустившую в марте 1696 г. массовый сыск Д.Л. Полянского о злоупотреблениях сибирских воевод: «сия их моления величество ваше таким призрением изволили внушить, что вскоре по сих для розысков... в Сибирь изволили послать с полною властью думного дьяка Данилу Полянского»³¹. Продолжающиеся волнения в Красноярске могли стать дополнительным стимулом сыска.

* * *

Но первый год жесткого таможенного контроля над сибирской торговлей и воеводами вряд ли улучшил ситуацию с поступлением ясачной казны, что, вероятно, заставило А.А. Виниуса обратиться к более серьезному и глубокому изучению проблем Сибири.

Первым следствием этого стал указ от 10 января 1696 г. о начале картографирования Сибири³². Началась работа по собиранию картографи-

²⁷ ПСЗРИ, 1830. Т. III. № 1520, 1522, 1523.

²⁸ ПСЗРИ, 1830. Т. III. № 1527.

²⁹ ПСЗРИ, 1830. Т. III. № 1529, 1531, 1532, 1533, 1534, 1535, 1541, 1542.

³⁰ ПСЗРИ, 1830. Т. III. № 1535.

³¹ Милуков С.Г. Указ. соч. С. 255–256. Но здесь у Виниуса, писавшего спустя десятилетие, идет явный сбой в хронологии — он относит челобитную к 207–208 гг. (сентябрь 1698 — август 1700), что соответствует времени сыска Д.Л. Полянского, но, скорее всего, не подачи самой челобитной.

³² ПСЗРИ, 1830. Т. III. № 1532.

ческих материалов в Сибирском приказе — естественно, потребовавшая времени. Возможно, это дало толчок и картографическим работам на местах — С.У. Ремезов мог начать работу над составлением «Хорографической книги Сибири», предназначавшейся для поднесения государю и формировавшей картину речной сети Сибири как костяка для последующих картографических работ. По мнению Л.А. Гольденберга, первый вариант книги был готов к 1 сентября 1697 г. (указ о картографировании Сибири был получен в Тобольске 17 апреля 1696 г., а Ремезов с 10 апреля находился в походе к Миассу и вернулся лишь в конце сентября 1696 г.), однако сомнительно, чтобы на тщательно готовившемся подносом экземпляре аккуратный Ремезов ошибочно поставил «7205» (1696) вместо «7206» г.³³, и не исключено, что костяк книги мог сложиться раньше 1697 г.

Вероятно, тогда же было начато собирание материалов для составления сводной «Окладной книги Сибири», которая должна была дать представление о динамике и структуре сибирских доходов, работа над которой явно шла по меньшей мере уже летом 1696 г.

Параллельно шло и собирание летописных материалов по истории России и Сибири — не исключено, что А.А. Виниус имел какое-то отношение к составлению «Летописца славянороссийского», опирающегося на Степенную книгу и датируемого 1698 г. — во всяком случае, А.В. Сиренов обратил внимание на тесную связь его с летописным введением «Окладной книги Сибири 1697 г.», фактически прямо заимствующим его материалы³⁴. В Сибири, видимо, в то же время началась работа С.У. Ремезова над «Историей Сибирской», (основной текст которой Л.А. Гольденберг вслед за А.И. Андреевым считает возможным датировать 1697 г.)³⁵, шедшая параллельно с составлением «Хорографической книги».

* * *

Еще одним важным звеном в истории «нового курса» на рубеже 1696–1697 гг. после возвращения Петра из Второго Азовского похода стала подготовка к отправлению Великого посольства.

³³ Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской. Жизнь и труды Семена Ремезова. Магадан: Книжное изд-во, 1990. С. 110–111, 178–179.

³⁴ Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 337–339.

³⁵ Гольденберг Л.А. Указ. соч. С. 219–220.

В Сибирском приказе не нашлось первоначально планируемого количества соболей на 70 тыс. руб. для посольства, и их выдали лишь на 40 тыс. руб., добавив на остальную сумму других мехов и дорогих материй³⁶. Это вовсе не удивительно, ибо среднегодовая добыча соболя уже в 1680-е гг. сократилась по стоимости до 71 тыс. руб., а посольству были нужны не рядовые, а «представительские» соболя высокого качества.

Но это делало очевидным весьма скромные успехи начавшегося «сибирского курса» и требовало объяснений.

Не исключено, что результатом стало форсирование работы над «Окладной книгой Сибири 1697 г.», сохранившейся в фондах ОПИ ГИМ³⁷, коренным образом отличавшейся от 1214 сохранившихся отдельных окладных книг сибирских городов, известных Н.Н. Оглоблину, своими обобщенными данными по всей Сибири³⁸, и, с точки зрения открывшего ее А.И. Андреева, ставшей «настоящей справочной книгой, весьма полезной для текущей работы приказа»³⁹.

Ее публикатор В.Э. Булатов отметил, что в заголовке, где указывалось, что книга «построена» *«при сиденье в Сибирском приказе боярина князя Ивана Борисовича Репнина, да при думном дьяке АНДРЕЕ АНДРЕЕВИЧЕ Виниюсе... сего 7205, а от Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в 1697м году»*, была особо подчеркнута выделением имени (написанным «с вичем») роль А.А. Виниуса в ее составлении, и именно Виниус был инициатором ее написания⁴⁰.

Однако небольшой ее объем (198 л.); предваряющий ее экскурс истории русского освоения Сибири, использовавший сведения «Нового летописца»; нерядовое оформление; прорисовки и текстовые объяснения новых таможенных печатей сибирских городов (в рисунках которых В.Э. Булатов видит возможные геральдические эксперименты самого Виниуса, легшие в основу почти трети будущих гербов сибирских городов⁴¹) и время составления (до 5 июня 1697 г., смерти И.Б. Репнина)

³⁶ Лефорт Ф. Сборник документов и материалов. М.: Древлехранилище, 2006. С. 382.

³⁷ Окладная книга Сибири 1697 г. / Сост. В.Э. Булатов. М.: Государственный исторический музей, 2015. 294 с.; впервые описана — Наврот М.И. Окладная книга Сибири 1697 г. // Проблемы источниковедения. Вып. V. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 184–209.

³⁸ Наврот М.И. Окладная книга... С. 185; Булатов В.Э. Формирование геральдических изображений... С. 22.

³⁹ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. Л., 1939. С. 72.

⁴⁰ Булатов В.Э. Формирование геральдических изображений... С. 21.

⁴¹ Там же. С. 23–29. Появление этих печатей могло стать следствием ужесточения таможенного контроля над сибирской торговлей, проводимого А.А. Виниусом — с этой целью последний добился 9 декабря 1696 г. восстановления особой печати

Титульный лист Окладной книги.

Окладная книга Сибири 1697 г. /

Сост.: В.Э. Булатов. М.: Государственный исторический музей

дают основания для предположения, что ее «гимовский» экземпляр мог готовиться как подносный для самого царя, активно вмешавшегося в «сибирские» проблемы. Однако он, скорее всего, не был вручен государю (возможно, потому, что с его составлением не успели до отправления в Великое посольство).

Книга в первую очередь давала объяснения случившемуся и необходимую дополнительную аргументацию для обоснования «нового сибирского курса» Петру I. Еще М.И. Наврот констатировала, что указанный в ней «общий недобор ясака по всем городам Сибири... был очень велик: из 1021 сороков 39 соболей по окладу уплачено фактически всего 475 сороков 13 соболей»⁴², т.е. 46,9%. Дефицит средств на жалованье служилым людям Сибири определялся в 50 420 руб. из 62 541 руб., т.е.

Сибирского приказа, и исключительно ей должны были скрепляться грамоты и подорожные в сибирские города, без которых никто не пропусклся в Сибирь; изъятия Сибирского приказа из ведома Печатного приказа и отмены уплаты печатных пошлин в последний (ПСЗРИ, 1830. Т. III. № 1559). Этот особый режим действовал до указа 5 декабря 1699 г. (ПСЗРИ, 1830. Т. III. № 1727).

⁴² Наврот М.И. Окладная книга... С. 202, 199.

в 80,6%, частично покрываясь (примерно по 20 тыс. руб.) посылаемыми из московских доходов Сибирского приказа деньгами⁴³, но все же оставаясь в размере около 48,6%.

Поэтому сразу после отправления Великого посольства 22 марта 1697 г. была фактически введена монополия казны на торговлю мехами соболей и чернобурых лисиц, мотивированная тем, что «его великого государя соболина ясачная казна... многою воеводскою вымышленною корыстью *учала пред прошлыми годами малиться*, и воеводы с торговыми и своими людьми многие соболи к Москве и в Китайское государство и в иные места для мены и продажи посылали, и тем себя чрезмерно богатели». В связи с этим до 1 августа 1697 г. всем частникам было приказано распродать имеющихся соболей, а после перепродавать только купленные из Сибирского приказа с печатями из него⁴⁴. Началась и борьба с завышением цен на казенные соболя — впервые с начала века они были оценены в Москве *ниже* сибирской цены. Если в 1690–1696 гг. «московская» цена на соболя колебалась в диапазоне от 111 до 155% от «сибирской» (в среднем превышая сибирскую на 28,6%), то именно в 1697 г. «московская» цена составила 94%, а в 1698 г. — всего лишь 101% от «сибирской» цены⁴⁵.

Вряд ли случайно к началу нового года (1 сентября 1697 г.) последовала и смена части сибирских воевод — на место тобольских воевод родственников царя стольников Андрея Федоровича Нарышкина с сыном Андреем, покровительствовавших отвергаемым служилым «городом» красноярским воеводам⁴⁶, был отправлен князь Михаил Яковлевич Черкасский с сыном Петром, а верхотурским воеводой должен был стать стольник Козьма Петрович Котов⁴⁷. М.Я. Черкасский благополучно воеводствовал в Тобольске еще 10 лет (с 1697 по 1710 г.⁴⁸), следуя букве закона 24 апреля 1695 г., продлившего сроки воеводства для сибирских воевод.

Однако картина огромного дефицита, вскрытая «Окладной книгой», вряд ли внушала А.А. Виниусу особые надежды на резкое увеличение доходности Сибирского приказа даже в случае жесткого применения «антивоеводского курса». Не исключено, что поиски новых источников

⁴³ Там же. С. 198–199.

⁴⁴ ПСЗРИ, 1830. Т. III. № 1578.

⁴⁵ Подсчитано по: Павлов П.Н. Пушной промысел... С. 235, табл. 11.

⁴⁶ Зольникова Н.Д. Указ. соч. С. 192.

⁴⁷ ПСЗРИ, 1830. Т. III. № 1594, 1595.

⁴⁸ Marshall T. Poe. The Russian Elite ... Vol. 1. P. 462.

дохода обратили его внимание на второй аспект «нового сибирского курса», активизированный перед отправлением Великого посольства.

* * *

Финансовые проблемы и проблема обеспечения артиллерией начинающегося строиться Азовского флота на рубеже 1696–1697 гг. стимулировали поиск серебряных и медных руд.

12 декабря 1696 г. появился указ о посылке в Сибирь в Томск грека Александра Левандиади с 10 чел. для поиска серебряной руды и размножения рудников⁴⁹, а весной 1697 г. назначенному в Нерчинск воеводе С.Ф. Николеву были отданы распоряжения о возобновлении добычи нерчинской руды и заселении региона выходцами из окрестных островов с перспективой возможного строительства сереброплавильного завода⁵⁰. Не позднее начала марта 1697 г. в Казань был послан участвовавший в поиске руд еще при Алексее Михайловиче подполковник Л.А. Нейдхарт с задачей поиска в Поволжье медных руд («а медное дело заводить по тому ж большим заводом, и медную руду выимать и медь плавить с великим радением»)⁵¹. Не оставляли надежд на разработку нерчинского серебра и в Великом посольстве — к выяснению качества нерчинской руды активно привлекался Н. Витсен, 1 сентября 1696 г. организовавший в Амстердаме свои пробы присланной ему руды и нашедший ее перспективной («считают, что рудники примерно равны по значению рудникам Саксонии»), и, видимо, не преминувший по приезде посольства поделиться своими оценками с Ф.А. Головиным, который рассказал ему, «что он был на серебряных рудниках в Даурии и видел старые рудники, которые многие сотни лет были разработаны»⁵².

Явно причастный к этому А.А. Виниус с весны 1697 г. сделал, однако, основную ставку на более перспективную металлургию железа в Сибири, чему способствовали обнаруженные к этому времени залежи магнитной руды, и «та магнитная руда... такова богата, что из 100 фунтов руды выходит 30 или 40 фунтов самого доброго железа», к тому же «от

⁴⁹ ПСЗРИ. Т. III. № 1561.

⁵⁰ Курлаев Е.А., Манькова Е.Л. Освоение... С. 285–286.

⁵¹ ПСЗРИ. Т. III. № 1579. С. 301, 292.

⁵² Витсен Николаас. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. I. Амстердам: Pegasus. 2010. С. 107–108.

того места во все Руские и Сибирские города всякое ружье и железо мочно водою спровадить»⁵³. В письме Петра I от 20 апреля, полученном им 3 мая 1697 г., он фактически получил санкцию царя на строительство металлургических заводов в Сибири, и с ответного письма от 7 мая 1697 г. началась длительная эпопея с настойчивыми просьбами Виниуса о поиске государем в Великом посольстве мастеров для новых железных заводов, которыми он поддерживал устойчивое внимание к своей персоне и оправдывал медленный ход работ по подготовке к строительству заводов⁵⁴.

5 июня 1697 г. умер глава Сибирского приказа князь И.Б. Репнин, по словам Виниуса, расстававшийся «со мною с великими знаки сердечной ко мне отеческой любви, хотя б с самым и ближним своим сродником»⁵⁵. Виниус «вышел из тени» Репнина и стал формальным главой Сибирского приказа, но остался «без прикрытия» влиятельного боярина, что вызывало его опасения — думный дьяк, возможно, просил царя уволить его от руководства приказом, но получил отказ⁵⁶. Понимая, что крутые меры могут столкнуть Виниуса с серьезными противниками, царь 31 декабря 1697 г. поручил его в ведение Ф.Ю. Ромодановскому: «Писал Виниус, чтоб ему быть пот покровом милости вашей; о чем прошу, изволь учинить по его прошению»⁵⁷.

Сразу после смерти И.Б. Репнина виниусовский курс на развитие уральской металлургии обрел плоть: 10 июня 1697 г. был издан обширный указ о подготовке к строительству железоделательного завода в Сибири⁵⁸. Завод был ориентирован прежде всего на удовлетворение внутренних сибирских нужд: а) «чтоб на тех заводах лить пушки и гранаты и всякое ружье для обороны Сибирского царства»; б) «также бы на том заводе делать и лить железо связное, и прutowое, и дощатое, и цренное, и кровельное; для продажи в разные города к соляным Камским промыслам»), но предусматривал и возможность отправки продукции в Москву. Указ предполагал стратегию активного поиска руд местным населением («и буде их трудами и обысками сыщутся какие руды добрые и прибыльные и прочные, и за то они будут пожалованы ЕВГ-ря жалованьем»). Поэтому строительству завода должна была предшествовать

⁵³ ПБПВ. Т. I. С. 623.

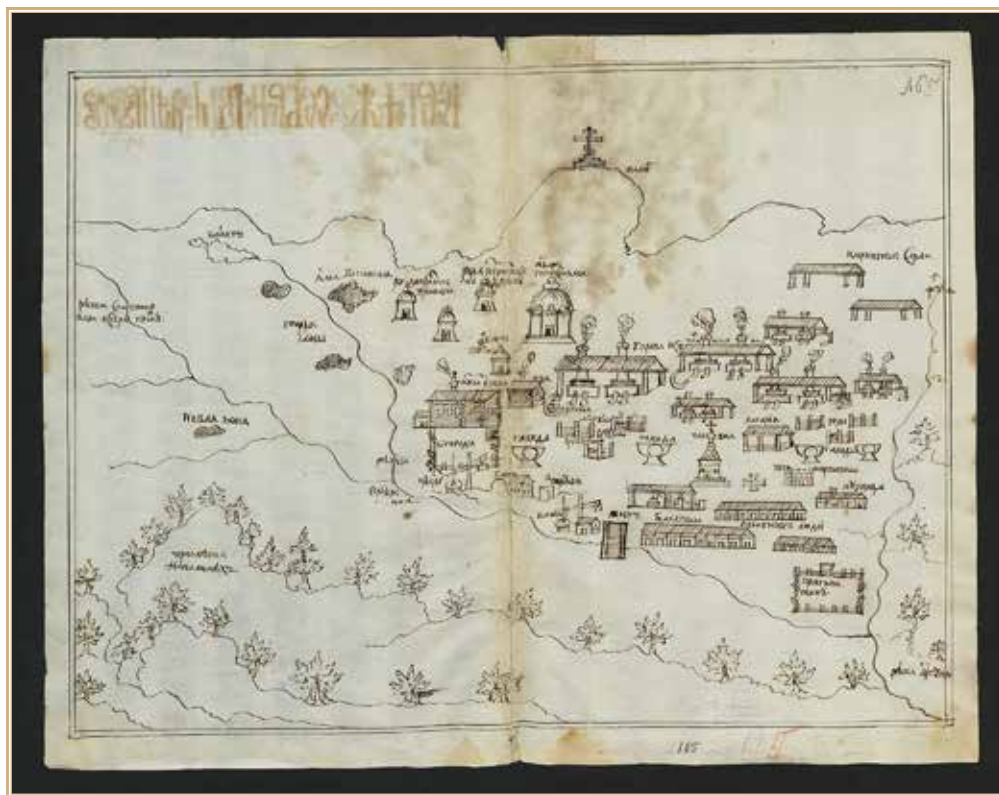
⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Зольникова Н.Д. Указ. соч. С. 195.

⁵⁶ Милоков С.Г. Указ. соч. С. 253.

⁵⁷ ПБПВ. Т. I. № 215. С. 228.

⁵⁸ ПСЗРИ. Т. III. № 1588.

Чертеж серебряных Нерчинских заводов.
«Сибирская чертежная книга» С.У. Ремезова. Л. 165

тщательная подготовка с описанием местности, маршрутов транспортировки со стоимостью провоза, ресурсов руд и поиском мастеров, «а до того... пока добрые мастера и заводчики присланы будут, плотины не делать и заводов не заводить, и людям уездным в том тягости не чинить»⁵⁹.

Новый курс на поиски руд и развитие металлургии мог стать дополнительным стимулом для завершения программы картографирования Сибири: указом 20 сентября 1697 г. для составления сводного чертежа Сибири А.А. Виниус вызвал в Москву С.У. Ремезова, сумевшего приехать, однако, только лишь спустя почти год⁶⁰.

Одной из причин его запоздания были другие аспекты курса, связанные с проблемами на границах Сибири — с ростом угрозы набегов казахских кочевников, в отражении которых в 1696 г. участвовал Ремезов. А.А. Виниус, очевидно, уже весной 1697 г. планировал строительство ка-

⁵⁹ Там же. С. 326.

⁶⁰ Гольденберг Л.А. Указ. соч. С. 120.

менного Тобольского кремля (грамота об этом была получена А.Ф. Нарышкиным еще в июле 1697 г.)⁶¹. А.Ю. Конев совершенно справедливо указывает, что сложившийся в историографии стереотип о «парадно-представительских» его функциях при высокой стоимости строительства (44 тыс. руб.) в условиях дефицита сибирского бюджета несостоятелен, и Тобольский кремль был прежде всего крепостью, вполне достаточной для отражения кочевников и меньше подверженной пожарной опасности, вызывавшей ранее ее постоянные перестройки с излишней тратой средств⁶². Удивительно, что Виниус, прекрасно представлявший себе состояние сибирских доходов, решился на это, но пункт о строительстве каменного Тобольского кремля вошел в наказ новому тобольскому воеводе М.Я. Черкасскому (п. 12). Он уже изначально ориентировал на поиск постепенного («чтобы не вдруг и большой бы тягости в том людям не было и помалу к тому каменному заводу потребные запасы... собирать и готовить исподволь») и максимально дешевого варианта его строительства — «чтобы то строение учинить недорогой ценой; а у того строения и у всяких запасов и заводов велеть быть тобольским дворянам самым добрым людям»⁶³. Последним в конечном счете и оказался С.У. Ремезов, вынужденный при М.Я. Черкасском до 9 мая 1698 г. заниматься планом и составлением самого дешевого варианта сметы, вынужденно сводившего кремль к минимальным размерам при скромной высоте и толщине стен и башен, однако все же стоившего при этом 44 225 руб., что вызвало 8 сентября 1698 г. новое напоминание Сибирского приказа о необходимости экономии средств⁶⁴. Характерно, что в то же самое время А.А. Виниус активно занимался и хозяйственным обустройством самого Сибирского приказа в Москве: он строил каменные палаты для приказа, которые, возможно, спасли «меховую казну» в пожаре «207-го» (1698–1699 гг.)⁶⁵.

Не исключено, что еще одним следствием роста опасности на границах (возможно, как-то связанным с перестройкой в камне тобольской крепости) стал указ о формировании в Сибири Тобольского драгунского полка. По данным А.В. Дмитриева, указ о формировании полка

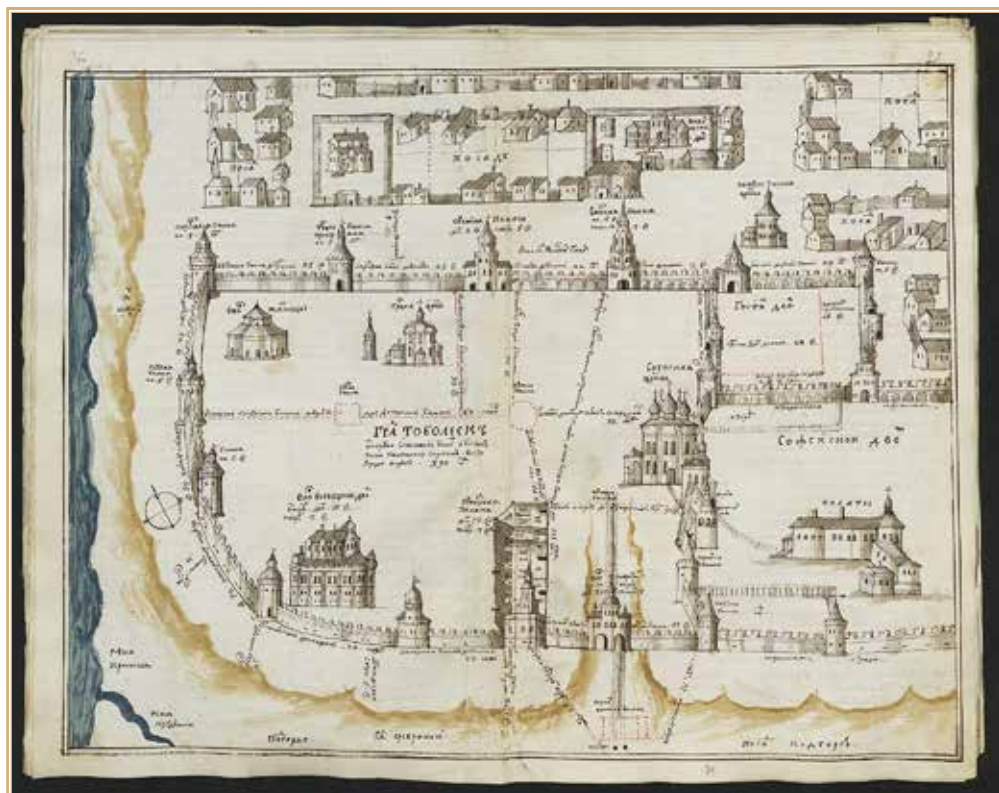
⁶¹ Конев А.Ю. Тобольский кремль: дискуссионные вопросы «каменного городского строения» в Сибири // Исторический вестник. 2024. Т. XLIX. С. 45.

⁶² Там же. С. 55–57.

⁶³ ПСЗРИ. Т. III. № 1594. С. 343–344.

⁶⁴ Гольденберг Л.А. Указ. соч. С. 118.

⁶⁵ Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М.: Наука, 2007. С. 231.

Тобольск.
 «Сибирская чертежная книга» С.У. Ремезова. Л. 21

состоялся еще 22 декабря 1697 г.⁶⁶ и, вероятно, был лишь транслирован в Сибирь 20 февраля 1698 г. Полк не просто восстанавливал фактически упраздненных и слитых в 1689–1690 гг. с беломестными казаками сибирских драгун, но впервые превращался в реальную боевую единицу — полурегулярный полк с единым командованием и структурой, чего так и не было достигнуто при его формальном основании в 1667–1668 гг., однако финансировался теперь за счет нового дополнительного налога в 30–50 коп. на местное крестьянское и посадское население Сибири⁶⁷. Не исключено, что с этой программой усиления обороны границ была связана и миссия ссыльного Христофора Левенфельта, посланного А.Ф. Нарышкиным для осмотра острогов и слобод Тобольского и Верхотурского уездов с целью разработки мер по их укреплению, результаты которой были получены в июле — октябре 1697 г.⁶⁸

⁶⁶ Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири... С. 191.

⁶⁷ Там же. С. 185–187; 191–193.

⁶⁸ Гольденберг Л.А. Указ. соч. С. 293.

Пока же в ожидании возможного распоряжения о присылке к Великому посольству новой партии соболей Виниус 3 декабря 1697 г. продолжил борьбу с фиктивным завышением цен при их приеме в казну, обязав гостей, завышавших цены соболей при оценке, самим выкупить непроданные казной в последние три года из-за завышенных цен соболя (оцениваемые в общей сложности в 10 тыс. руб.), которые, «из года в год лежа, отцвывают» или вызывают жалобы служилых людей, получавших ими жалованье и вынужденных продавать их потом низкими ценами⁶⁹. В итоге в этом году «московская» цена соболей впервые оказалась ниже «сибирской». 5 декабря 1697 г. Виниус отправил в Тобольск дворянина Ивана Качанова для переписи дворов и межевания земель⁷⁰. Как раз в эти дни, 6 декабря, Петр получил письмо Виниуса от 4 ноября 1697 г. с известиями об итогах нового курса: из Китая вышел караван с 40 тыс. камок и, возможно, «добрым златом», вывезенным купцами; «воеводы новые зело смирны», а злоупотребления прежних открываются все более, чему способствует начавшийся сыск Данилы Полянского, «только его сыску еще к Москве не бывало»⁷¹.

Письмо Виниуса, внушавшее надежды на пополнение сибирских доходов, могло стать дополнительным стимулом к распоряжению 10 декабря 1697 г. «для отсылки к нынешнему великому посольству соболей в сороках и парах доброй сибирской оценки... на 10 000 р.»⁷².

Но даже отправка этой относительно скромной партии вызвала серьезные затруднения.

Далеко не все поступившие в казну соболя годились для представительских посольских расходов. Из того, что еще в 1680-е гг. среднегодовая добыча соболя государством упала до 30,2 тыс. шт. и до 71 тыс. руб. по его стоимости⁷³, очевидно, что средняя сибирская цена поступившего в казну соболя в 1680-е гг. составляла 2,3 руб. По ряду западносибирских уездов средняя «московская» цена соболя в 1685 г. колебалась от 69 до 79 коп., и лишь восточносибирские соболя могли цениться от 3,2 до 3,9 руб.⁷⁴ и стать пригодными для посольских подарков отдельным лицам «парами» соболей, стоимость которых в Великом посольстве обычно начиналась от 6,5–7 руб. за пару. Для посольских даров (даже

⁶⁹ ПСЗРИ. Т. III. № 1604.

⁷⁰ ПСЗРИ. Т. III. № 1605.

⁷¹ ПБПВ. Т. I. С. 656.

⁷² ПДС. Т. VIII. Ст. 1137.

⁷³ Павлов П.Н. Пушной промысел... С. 106, табл. 2; 105.

⁷⁴ Там же. С. 144, табл. 6.

в составе «сороков») годились лишь «лучшие» и «добрые» соболя, стоявшие не менее 2–3 руб.⁷⁵, а их в Сибирский приказ поступало явное меньшинство. К тому же в 1690-е гг. количество и качество соболей по сравнению с 1680 г. явно понизилось. Вместе с тем, по нашим подсчетам, за время пребывания Великого посольства в Европе было в общей сложности израсходовано (в основном подарено) 4307 шт. соболей на общую сумму 31 749,5 руб., а следовательно, средняя цена соболя составила чуть менее 7,4 руб.⁷⁶ Неудивительно, что перед отъездом посольства приказу удалось наскрести качественных соболей лишь на 40 тыс. руб., и даже комплектование второй, вчетверо меньшей партии вызывало большие сложности, а потому соболя были привезены Владимиром Борзым в Вену перед самым возвращением посольства в Россию только за день до аудиенции у цесаря, 17 июля 1697 г.⁷⁷

Все это (вместе с продолжающимся снижением доходов от пушного промысла), видимо, все больше склоняло Виниуса к надеждам на его компенсацию за счет сибирской металлургии, и поиск мастеров для сибирских заводов продолжал оставаться сквозной темой в его переписке с Петром судя по ответным письмам к нему царя (21 января, 16 февраля, 1 и 29 марта 1698 г.)⁷⁸.

* * *

Очередной виток активизации «сибирского курса» оказался связан уже с возвращением Петра I из Великого посольства.

Накануне его в Москву 11 августа 1698 г. прибыл С.У. Ремезов с предложениями по строительству Тобольского кремля и со сметой расходов на него (возможно, и с дополненной им «Хорографической книгой», в оглавление которой уже входил «чертеж каменного городского строения»)⁷⁹, а также, вероятно, с задачей завершения картографического описания Сибири. Он, вероятно, еще до 8 сентября 1698 г. сделал лич-

⁷⁵ Там же. С. 143.

⁷⁶ Подсчитано по: Лефорт Ф. Сборник материалов... С. 381–392. Расчеты по «сороку» (в 40 соболей) несколько условны. Наши данные по стоимости несколько отличаются также от итогового подсчета в расходной книге (где учтено соболей на 31 578 руб.), но превышают их всего лишь на 171,5 руб., т.е. на 0,5%, что является вполне допустимой погрешностью.

⁷⁷ Лефорт Ф. Сборник ... С. 382; ПДС. Т. VIII. Ст. 1394.

⁷⁸ ПБПВ. Т. I. № 228, 230, 233.

⁷⁹ Гольденберг Л.А. Указ. соч. С. 119, 122, 118.

ный доклад А.А. Виниусу о плане и проблемах строительства, и Виниус почти сразу переключил его на работы по составлению сводного «Чертежа всех сибирских городов и земель», ибо думный дяк явно нуждался в наглядном «презентационном» материале для доклада Петру о почти четырех годах реализации «сибирского курса», могущем отвлечь государя от детальной оценки пока весьма скромных его результатов.

Ремезов с сыном Семеном в кратчайшие сроки сделал копии картографических материалов, собранных в Сибирском приказе, и уже к 18 сентября 1698 г., соотнеся их со своими, очевидно, подготовил черновой вариант «Чертежа...», тщательно отрисованный в красках в октябре 1698 г. в двух вариантах (на белой китайке и лощеной бязи) и поданный к 8 ноября в Сибирский приказ⁸⁰. Один из двух экземпляров (на бязи) предназначался лично царю «в Верх в дубовую палату» и, вероятно, был позднее подарен ему А.А. Виниусом.

Петр I по-прежнему проявлял интерес к «сибирскому курсу» — перед началом стрелецкого розыска он 11 сентября 1698 г. заслушал выписки по делу о сибирских заводах и приказал строить железный завод, который мог бы использовать в том числе и руду Магнитной горы (чертеж которой Виниус отправлял царю еще в Великое посольство). Петр I приказал, за неимением иноземных, набрать туда мастеров с тульских и каширских заводов, отправив их в Сибирь уже зимой 1698/99 г. Однако, несмотря на то, что мастера появились в Сибирском приказе уже в январе 1699 г., в течение этого года ни один из них не был отправлен в Сибирь⁸¹.

Возможно, перед отъездом 23 октября в Воронеж царь, занятый ранее другими делами и стрелецким розыском, снова беседовал с Виниусом о сибирских делах и санкционировал последовавшую вскоре серию новых указов, продолжавших «антивоеводский курс».

7 ноября 1698 г. был издан указ об основании казенных винокуренных заводов в Сибири, производстве вина из местного хлеба и запрете там частного винокурения (одним из стимулов стал хлебный недород в России, обусловивший крайнюю дороговизну поставок вина в Сибирь). 22 ноября 1698 г. появился дополняющий и развивающий его указ о принципах торговли вином с кабаков в Сибири, который прямо обвинял сибирских воевод в корчемстве, умалившем казенные доходы от пи-

⁸⁰ Там же. С. 120–122.

⁸¹ Курлаев Е.А. Строительство заводов на Урале в 1699–1700 гг.: планы и реальность // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Т. 55. № 15. 2008. С. 220.

тейной продажи, и даже запрещал спаивать до крайности как русских, так и ясачных иноземцев («чтоб *никто через силу не пил*, и от безмерного питья *до смерти бы не опился* и душу свою навеки не погубил»). За умершего в кабаке целовальникам было обещано жестокое битье кнутом и уплата пени в 20 руб. семье умершего; запрещалось также принимать в уплату за вино вооружение служилых людей⁸². 14 февраля 1699 г. указом были определены цены на продажу с кабаков вина в Сибири: по 1 руб. 20 коп. за ведро простого вина и по 2 руб. 40 коп. за вино двойного⁸³, что было почти в два раза выше московских цен, поднятых по случаю хлебного неурожая.

12 ноября 1698 г. был издан указ, изменяющий принцип сбора пошлин в Сибири взиманием их с одних продажных товаров и отменяющий пошлину при покупке сибирских товаров «десятым зверем», не приносящую ранее больших доходов, ибо «знатно, что головы воровали»⁸⁴. Фактически этим указом в Сибири была проведена таможенная реформа, отменяющая таможенные статьи 1693–1694 гг., которая, по оценке Е.В. Вершинина, более подробно охарактеризовавшего ее, «облегчила тяжесть таможенных сборов в Сибири и способствовала дальнейшему развитию экономических связей между ней и европейской частью России»⁸⁵. 20 декабря 1698 г. был издан указ о клеймении сибирских товаров, чтобы под их видом не провозили контрабандных китайских и сложнее было бы избежать уплаты пошлин⁸⁶.

Виниус таким образом пытался бороться с падением сибирских доходов на прежних основах указа 24 апреля 1695 г., но пока не достиг успеха в этом — именно в 1699 г. общая добыча соболя, вероятно, достигла минимума по стоимости (58 тыс. руб.). Кризис пушного промысла ощущался и в существенном падении среднегодовых показателей сбора ясака — они в большинстве регионов Сибири в 1695–1700 гг. по сравнению с серединой века сократились с 3–5 до 1–1,1 соболя с человека⁸⁷. Виниус пока не достиг успеха и в том, чем стойко поддержи-

⁸² ПСЗРИ. Т. III. № 1652, 1656.

⁸³ ПСЗРИ. Т. III. № 1677.

⁸⁴ ПСЗРИ. Т. III. № 1654.

⁸⁵ Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 289.

⁸⁶ ПСЗРИ. Т. III. № 1659.

⁸⁷ Бродников А.А. Сбор ясака: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири XVII в.) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Сб. ст. Новосибирск, 1999. Таблицы на с. 120, 122.

вал к себе интерес Петра I в период Великого посольства — к практическим шагам по постройке сибирских металлургических заводов он пока еще не приступал (хотя некоторым оправданием ему могла стать так и не решенная пока Петром проблема найма иноземных мастеров для них).

Все это, вероятно, к концу 1699 г. стало вызывать у царя первые симптомы недовольства А.А. Виниусом — он оказался не слишком эффективным «кризисным менеджером». Конечно, в этом не было его вины — так и не осознанный им объективный кризис пушного промысла не могла компенсировать борьба с воеводским произволом и коррупцией в 1695–1699 гг., ход и объективные результаты которой еще ждут своего исследователя.

Вернувшийся в Тобольск определенный в Москве руководителем строительных работ Ремезов в январе 1699 г. приступил к заготовке извести для строительства кремля, а 30 января 1699 г. — к реализации еще одного поручения А.А. Виниуса, поддержанного «снисканием и трудолюбивым прилежанием» думного дьяка, данного ему 18 ноября 1698 г. на фоне новой волны «антивоеводских» указов — к составлению второго сибирского атласа, «Чертежной книги Сибири»⁸⁸, идею которого могла подсказать «Хорографическая книга», с которой наверняка ознакомился Виниус в приезд Ремезова (а С.У. Ремезов в ответ — с «Окладной книгой Сибири 1697 г.»⁸⁹). В апреле 1699 г. в Тобольск и слободы «для остерегательства от приходу неприятельских людей» было отправлено 100 пушек и 20 тыс. ядер с тульских и каширских заводов А.К. Нарышкина и еще 2100 пудов железа к строительству города⁹⁰ — это свидетельствовало не только о строительстве кремля в первую очередь как крепости, но и о том, что курс на основание сибирских заводов пока не дал ожидавшихся от него результатов.

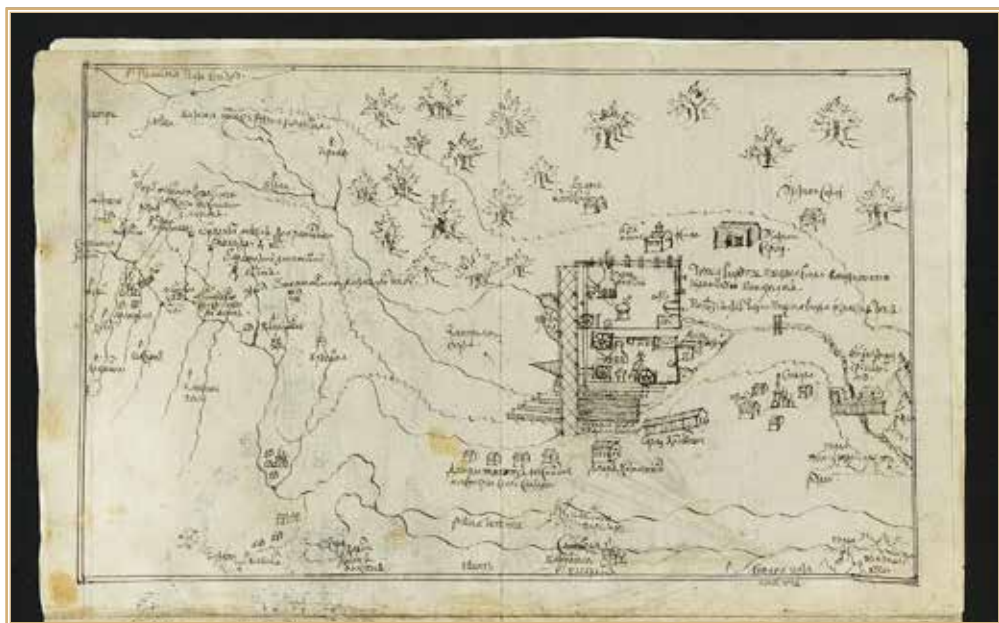
Поэтому сам Виниус, не видя значительной отдачи от «антивоеводского курса», поневоле должен был сосредоточиться на сибирской металлургии.

23 апреля 1699 г. царь подписал уже более конкретный указ о строительстве железного завода в Верхотурском уезде на реках Тагиле и Нейве, но, по мнению Е.А. Курлаева, реальные практические работы по подготовке к строительству Невьянского завода начались лишь с 1 сентября

⁸⁸ Гольденберг Л.А. Указ. соч. С. 128, 190, 125–126.

⁸⁹ Там же. С. 289.

⁹⁰ Там же. С. 126–128.

Каменский завод. 1703 г.
«Сибирская чертежная книга» С.У. Ремезова. Л. 155

1699 г., а крестьяне окрестных слобод приступили к заготовке магнитогорской руды⁹¹.

В это время в Москве наконец появились присланные из Саксонии горные специалисты: 26 сентября 1699 г. рудокопный мастер Яган Эндерлейн представил царю роспись прибывших с ним 9 «рудокопным людям». Они были привезены саксонским генералом Карловичем⁹² и, видимо, по мысли Августа II, должны были стать еще одним жестом «доброй воли» и дополнительным аргументом в переговорах в пользу склонения Петра I к вступлению в шведскую войну — но, вероятно, стали еще одним толчком к ускорению работ на сибирских заводах.

В самом конце 1699 г. началась подготовка к строительству Каменского завода в Тобольском уезде, где уже 15 лет работал небольшой завод Далматовского Успенского монастыря. Однако строительство завода (который должен был выпускать артиллерию и даже ружья) началось лишь летом 1700 г., а первый металл из новопостроенной домны был получен лишь к концу 1700 г.⁹³

⁹¹ Курлаев Е.А. Строительство заводов... С. 223–224.

⁹² Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. III. Приложение VII. С. 511, 524.

⁹³ Курлаев Е.А. Строительство заводов... С. 223–226.

Но только после нового указа Петра от 19 января 1700 г. из Москвы в Верхотурье 1 февраля 1700 г. были отправлены первые 22 специалиста, с прибытием которых была первоначально сделана попытка построить не Невьянский, а Тагильский завод на месте нынешнего Нижнего Тагила. Однако этот первенец уральской металлургии, строившийся до конца 1700 г., вскоре был остановлен (скорее всего, из-за неумения плавить магнитный железняк и нехватки рабочей силы), хотя добытая там магнитная руда некоторое время использовалась на Невьянском заводе в качестве добавки к обычной руде⁹⁴. Виниус, однако, уже 6 марта 1700 г. поспешил отрапортовать царю, что из Сибири привезено железо, которое мастера считают лучше шведского и годным на пушки⁹⁵. Чуть позднее, 9 мая 1700 г., строительством приказной палаты С.У. Ремезов после годичной подготовки и организации на месте массового производства кирпича начал возведение ансамбля Тобольского кремля, продолжая параллельно работу над «Чертежной книгой Сибири», завершенную к 1 января 1701 г.⁹⁶ В июле 1700 г. на Нерчинский (Аргунский) сереброплавильный завод прибыл грек А. Левандиани, вскоре проводший первую плавку руды, и в Нерчинске приступили к возобновлению производства серебра и свинца⁹⁷, окончательно налаженного лишь в 1704 г.

В итоге «новый сибирский курс» Петра I только к 1700–1701 гг. привел в конце концов к первым зримым практическим результатам и к становлению основ уральской и сибирской металлургии, которое стало еще одним существенным итогом периода раннего реформаторства Петра I.

Но уральские заводы, обещанные царю Виниусом, заработали в основном только к концу 1701 г., а отсутствие опыта и неотлаженность производства на Каменском заводе привели к тому, что первые выпущенные им партии пушек, привезенные в Москву, оказались с очень значительным процентом брака.

«Медлительность» Виниуса могла вызвать недовольство царя, и в 1700 г. началось заметное охлаждение его отношений с Петром I: уже в 1700 г. сократилась его оживленная переписка с царем; в марте 1701 г. у него были отобраны доходные почты, а сам Виниус все же оказался не

⁹⁴ Там же. С. 222–223.

⁹⁵ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. III. С. 534.

⁹⁶ Гольденберг Л.А. Указ. соч. С. 128, 190, 125–126. Скорее всего, именно через посредничество Виниуса материалы «Чертежной книги» (и другие материалы Ремезова) стали доступны Е. Избранту (И. Идесу) и Н. Витсену, использовавшему их к 1705 г. [Там же. С. 257, 260, 264–265].

⁹⁷ Изгачев В.Г. Указ. соч. С. 15.

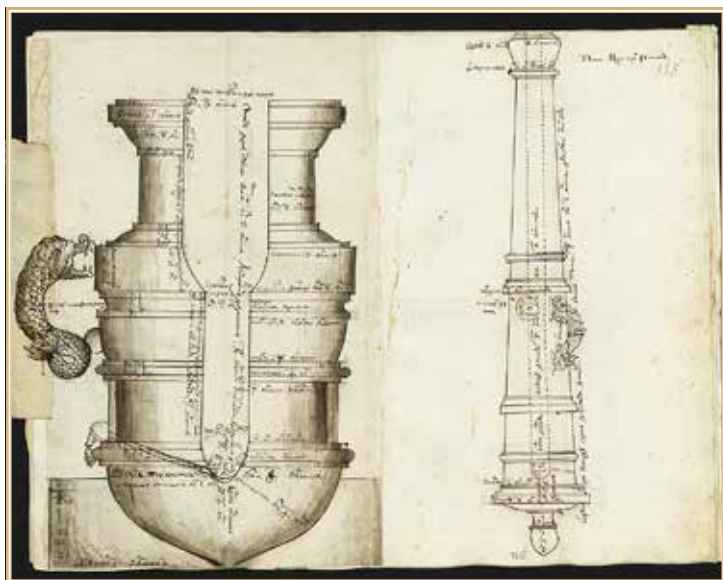

Литье пушек на уральском заводе в 1701–1703 гг.
 «Сибирская чертежная книга» С.У. Ремезова. Л. 156

настолько эффективен в управлении, как ожидал царь, когда в его руках в 1701–1703 гг. оказалось на время сосредоточено управление сразу тремя приказами (Сибирским, Аптекарским и приказом Артиллерии), да еще и работа в первой петровской Уложенной комиссии. В итоге летом — осенью 1703 г. А.А. Виниус попал в опалу, едва не закончившуюся ссылкой в Сибирь, понес значительные материальные убытки и потерял управление всеми тремя приказами⁹⁸. К производству пушек на Каменском заводе и составлению его чертежей с осени 1703 г. был подключен С.У. Ремезов.

Начавшаяся Северная война и последовавшая вскоре опала А.А. Виниуса существенно ослабили внимание Петра I к проблемам Сибири

⁹⁸ Юркин И.Н. Указ. соч. С. 271, 279, 283–315.

Чертеж мортиры и пушки.

«Сибирская чертежная книга» С.У. Ремезова. Л. 125

и привели к завершению «нового курса», не давшего скорых и эффективных результатов.

Вместе с тем он стал заметным явлением во внутренней политике России в начальный период петровского реформаторства (1695–1699 гг.) — по нашим подсчетам, на долю законодательства, касающегося Сибири, пришлось 21,6% всех актов, вошедших за эти годы в ПСЗ, а с учетом многостраничных наказов сибирским воеводам — почти четверть, 23,9% всех актов⁹⁹. Даже при явном завышении удельного веса «сибирского курса» из-за неполноты и многочисленных лакун в ПСЗ очевидно, что он занимал в ней далеко не последнее место.

Дать объективную оценку этого курса пока не представляется возможным: степень эффективности «антивоеводского курса» может быть выяснена только при детальном исследовании его практических результатов. Вместе с тем, вероятно, он все же оказал влияние на ограничение произвола воевод на рубеже XVI–XVII вв., упорядочение сибирской торговли, усиление таможенного контроля, упрочение обороноспособности южных границ Сибири, накопление знаний о регионе, а также на проведение более мягкой политики в отношении ясачного населения. Более определенно можно говорить о позитивных последствиях второго направления этого курса — он положил реальное начало уральской металлургии,

⁹⁹ Подсчитано нами по: ПСЗРИ. Т. III. № 1503–1739

и без основания первых заводов на рубеже столетий ее развитие могло быть отодвинуто на неопределенное время (а возможно, не случилось бы и «демидовской империи» первой половины XVIII в., выросшей на уже построенном казной Невьянском заводе и разведанных рудных ресурсах).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Андреев А.И. *Очерки по источниковедению Сибири XVII в.* Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 184 с.
Andreev A.I. *Essays on the source studies of Siberia in the 17th century.* Leningrad: Publishing house of the Chief Administration of the Northern Sea Route, 1939. 184 p. (in Russ.).
2. Булатов В.Э. Формирование геральдических изображений сибирских городов (по материалам Окладной книги Сибири 1697 г.), в: *Гербоведение*. Т. IV. М.: Старая Басманная, 2015. С. 20–33.
Bulatov V.E. The formation of heraldic images of Siberian cities (based on the materials of the Tax register of Siberia of 1697), in: *Gerbovedenie*. Vol. IV. Moscow: Staraya Basmannaya, 2015. P. 20–33 (in Russ.).
3. Вершинин Е.В. *Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — XVII вв.* Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 503 с.
Vershinin E.V. *Russian colonization of Northwestern Siberia in the late 16th–17th centuries.* Ekaterinburg: Demidovsky Institut, 2018. 503 p. (in Russ.).
4. Гольденберг Л.А. *Изограф земли Сибирской. Жизнь и труды Семена Ремезова.* Магадан: Книжное изд-во, 1990. 391 с.
Gol'denberg L.A. *Iconographer of the Siberian Land: The life and works of Semen Remezov.* Magadan: Magadan Book Publishing house, 1990. 391 p. (in Russ.).
5. Гордон П. *Дневник. 1690–1695.* М.: Наука, 2009. 618 с.
Gordon P. *Diary. 1690–1695.* Moscow: Nauka, 2009. 618 p. (in Russ.).

6. Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века: Монография. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2008. 240 с.
Dmitriev A.V. «New order» troops in Siberia in the second half of the 17th century: A monograph. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2008. 240 p. (in Russ.).
7. Зольникова Н.Д. «Что своему брату учинишь, такожде и сам примешь»: грамотки и челобитные красnojарскому воеводе С.И. Дурново. 1696–1698 гг. *Исторический архив*. 1993;(5):190–197.
Zol'nikova N.D. «What you do to your brother, you will receive yourself»: Letters and petitions to the Krasnoyarsk governor S.I. Durnovo. 1696–1698. *Historical Archive*. 1993;(5):190–197 (in Russ.).
8. Изгачев В.Г. Строительство первого Аргунского сереброплавильного-завода в XVII в. *Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского*. 2009(3):9–16.
Izgachev V.G. The construction of the first Argun silver smelting plant in the 17th century. *Scientific Notes of the Transbaikal State University for the Humanities and Pedagogy named after N.G. Chernyshevsky*. 2009;(3):9–16 (in Russ.).
9. Конев А.Ю. Тобольский кремль: дискуссионные вопросы «каменного городского строения» в Сибири. *Исторический вестник*. 2024;49:44–61.
Konev A.Yu. The Tobolsk Kremlin: Debated questions of «stone fortification construction» in Siberia. *Historical Reporter*. 2024;49:44–61 (in Russ.).
10. Курлаев Е.А. Манькова Е.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке (у истоков российской промышленно политики). М.: Древлехранилище, 2005. 321 с.
Kurlaev E.A., Man'kova E.L. The development of ore deposits in the Urals and Siberia in the 17th century (At the origins of Russian industrial policy). Moscow: Drevlekhranilishche, 2005. 321 p. (in Russ.).
11. Курлаев Е.А. Строительство заводов на Урале в 1699–1700 гг.: планы и реальность. *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2008;55(15):2008. С. 217–226.
Kurlaev E.A. The construction of factories in the Urals in 1699–1700: Plans and reality, in: *Proceedings of the Ural State University. Series 2: Humanities*. 2008;55(15):217–226 (in Russ.).

12. Лефорт Ф. *Сборник материалов и документов* / РГАДА; Посольство Швейцарии в Москве; Сост.: Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьёва. М.: Древлехранилище, 2006. 567 с.
Lefort F. *Collection of materials and documents* / Ed. by T.A. Lapteva, T.B. Solov'eva. Moscow: Drevlekhranilishche, 2006. 567 p. (in Russ.).
13. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. *Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 301 с.
Liseytshev D.V., Rogozhin N.M., Eskin Yu.M. *The chancelleries (prikazy) of the Muscovite State in the 16th–17th centuries: A reference dictionary*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2015. 301 p. (in Russ.).
14. Милюков С.Г. Неизвестное послание А.А. Виниуса к Петру Первому, в: *Документ. Архив. История. Современность. Сборник научных трудов*. Вып. 10 / Уральский госуниверситет им. А.М. Горького. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. С. 240–280.
Milyukov S.G. An unknown letter of A.A. Vinius to Peter the Great, in: *Document. Archive. History. Modernity: Collection of scientific papers*. Iss. 10. Ekaterinburg: Ural University Press, 2010. P. 240–280 (in Russ.).
15. Наврот М.И. Окладная книга Сибири 1697 г., в: *Проблемы источниковедения*. Вып. V. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 184–209.
Navrot M.I. *The Tax register of Siberia of 1697*, in: *Problems of source studies*. Iss. V. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1956. P. 184–209 (in Russ.).
16. Никитин Н.И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII веке, в: *Общественно-политическое развитие феодальной России*. М., 1985. С. 51–70.
Nikitin N.I. State support of the Tobolsk rank's garrisons in the 17th century, in: *The socio-political development of feudal Russia*. Moscow, 1985. P. 51–70 (in Russ.).
17. Оглоблин Н.Н. Красноярский бунт 1695–1698 гг. (к истории народных движений XVII века). *Журнал Министерства народного просвещения* (ЖМНП). 1901;335(5;Отд. 2):26–70.
Ogloblin N.N. *The Krasnoyarsk Rebellion of 1695–1698 (Contribution to the history of popular movements in the 17th century)*. *Journal of the Ministry of Public Education*. 1901;335(5;Sect. 2):26–70 (in Russ.).
18. *Окладная книга Сибири 1697 г.* / Сост.: В.Э. Булатов. М.: Государственный исторический музей. 2015. 294 с.
The Tax register of Siberia of 1697 / Comp. by V.E. Bulatov. Moscow: State Historical Museum, 2015. 294 p. (in Russ.).

19. Павлов П.Н. *Пушиной промысел в Сибири в XVII в.: Учебное пособие.* Красноярск, 1972. 410 с.
Pavlov P.N. *Fur trade in Siberia in the 17th century: A textbook.* Krasnoyarsk, 1972. 410 p. (in Russ.).
20. *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (ПДС). Т. VIII. Памятники дипломатических сношений с Империей Римской (с 1695 по 1699 г.).* СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. 1416 ст.
Monuments of diplomatic relations of Ancient Russia with foreign powers (PDS). Vol. VIII. Monuments of diplomatic relations with the Roman Empire (from 1695 to 1699). St. Petersburg: Printing house of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1867. 1416 cols. (in Russ.).
21. Петрухинцев Н.Н. «Начало славных дел»: первые преобразования Петра I в контексте внешней и внутренней политики России (1682 — рубеж XVII–XVIII вв.). *Очерки по истории ранних реформ Петра I.* М.: РОССПЭН, 2022. 711 с.
Petrukhintsev N.N. «The beginning of glorious deeds»: The first reforms of Peter I in the context of Russia's foreign and domestic policy (1682 — the turn of the 17th–18th centuries). *Essays on the history of Peter the Great's early reforms.* Moscow: ROSSPEN, 2022. 711 p. (in Russ.).
22. *Письма и бумаги императора Петра Великого (ПБПВ) (в 14 т.). Т. I: 1688–1701.* СПб.; М.; Л., 1887–2022. СПб.: Гос. Тип., 1887. 888 с.
Letters and papers of Emperor Peter the Great (PBPV) (in 14 vols.). Vol. I: 1688–1701. St. Petersburg; Moscow; Leningrad, 1887–2022. St. Petersburg: State Printing house, 1887. 888 p. (in Russ.).
23. *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. III.* СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 694 с.
Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). Vol. III. St. Petersburg: Printing house of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 694 p. (in Russ.).
24. Сиренов А.В. *Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв.* М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 545 с.
Sirenov A.V. *The book of degrees and Russian historical thought, 16th–18th centuries.* Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2010. 545 p. (in Russ.).

25. Устрялов Н.Г. *История царствования Петра Великого*. Т. II: *Потешные и азовские походы*. СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1858. 582 с.; Т. III: *Путешествие и разрыв с Швецией*. СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1858. 652 с.
Ustryalov N.G. *History of the reign of Peter the Great*. St. Petersburg: Printing house of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1858. Vol. II: The «Funny troops» and the Azov campaigns. 582 p.; Vol. III: The journey and the break with Sweden. 652 p. (in Russ.).
26. Юркин И.Н. *Андрей Андреевич Виниус*. 1641–1716. М.: Наука, 2007. 557 с.
Yurkin I.N. *Andrey Andreevich Vinius*. 1641–1716. Moscow: Nauka, 2007. 557 p. (in Russ.).
27. Юхт А.И. *Русские деньги от Петра Великого до Александра I*. М.: Финансы и статистика, 1994. 294 с.
Yukht A.I. *Russian money from Peter the Great to Alexander I*. Moscow: Finansy i statistika, 1994. 294 p. (in Russ.).
28. Marshall T. Poe. *The Russian elite in the Seventeenth century*. 1613–1713 (in 2 vols.). Vol. 1: *The Consular and ceremonial ranks of the Russian «Sovereign's Court», 1613–1713*. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2004. 469 p.

Петрухинцев Николай Николаевич
Nikolay N. Petrukhintsev

доктор исторических наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики», Российский технический
университет МИРЭА,
SPIN-код: 9289-2480,
Author ID: 407829

D.Sc. (History), National Research
University Higher School of Economics,
MIREA — Russian University
of Technology,
SPIN-code: 9289-2480,
Author ID: 407829

Поступила в редакцию /
Received
14.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
16.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
12.05.2026

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.003)

Оригинальная статья / Original paper

А.М. Абидулин¹, К.Е. Балдин²

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация;

² Ивановский государственный университет,
Иваново, Российская Федерация

E-mail: ¹abidulin@itomi.unn.ru, ²kebaldin@mail.ru

Мемуары православного священника Иоанна Добротворского о паломничестве к христианским святыням Востока

Аннотация

В статье анализируется содержание путевых записок священника Иоанна Добротворского из Сергачского уезда Нижегородской губернии. На рубеже XIX и XX вв. он совершил паломничество в Восточное Средиземноморье. В двух очерках, помещенных в «Нижегородском церковно-общественном вестнике», он отразил свои впечатления от посещения турецкой столицы Константинополя и Мамврийского дуба, находящегося в Святой земле. В его воспоминаниях критически рассматривается иноземная среда, для которой характерны другая религия и другая культура. В этой связи в тексте путевых записок рассматриваются невербальные категории «другого» и «чужого». Особенно тяжелое впечатление на автора произвели христианские святыни, находящиеся в руках иноверцев, и памятные места, связанные с репрессиями турок против православного меньшинства Османской империи. Одновременно в статье уделяется большое внимание про-

цессу конструирования национальной, религиозной и культурной идентичности мемуариста и других русских паломников в иноземной среде. Индивидуальная и коллективная идентичность формировалась в результате общения земляков-паломников между собой, в процессе их совместного проживания на подворьях, открытых русскими православными структурами в Константинополе и Палестине. Также на территории Османской империи российские паломники имели возможность посещать службы и молиться в церквях Константинопольского и Иерусалимского патриархатов, в которых устройство храмов и особенности богослужения отличались от знакомых россиянам практик, но были все же православными. На бытовом уровне идентификация осуществлялась в возможности общаться на родном языке, употреблять в пищу привычные продукты.

Ключевые слова:

православное паломничество; православное духовенство; Константинопольская православная церковь; Османская империя; Константинополь; Мамврийский дуб; национальная идентичность; религиозная идентичность

Для цитирования:

Абидулин А.М., Балдин К.Е. Мемуары православного священника Иоанна Добротворского о паломничестве к христианским святыням Востока // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 74–101. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.003)

Alim M. Abidulin¹, Kirill E. Baldin²

¹*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation;*

²*Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation*

E-mail: ¹abidulin@imomi.unn.ru, ²kebaldin@mail.ru

Memoirs of the orthodox priest Ioann Dobrotvorsky about a pilgrimage to the Christian shrines of the East

Abstract

The article analyzes the content of the travel notes of the priest John Dobrotvolsky from Sergach district of Nizhny Novgorod province. At the turn of the 19th and 20th centuries he made a pilgrimage to the Eastern Mediterranean. In two essays, published in the Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, he reflected his impressions of visiting the Turkish capital of Constantinople and the Oak of Mamre, located in the Holy Land. His memoirs critically examine the foreign surroundings, which is characterized by a different religion and a different culture. In this regard, the non-verbal categories of «other» and «alien» are viewed in the text of travel notes. The author was particularly impressed by Christian shrines in the hands of Gentiles and memorials related to the repression of the Turks against the Orthodox minority of the Ottoman Empire. At the same time, the article pays great attention to the process of constructing the national, religious and cultural identity of the memoirist and other Russian pilgrims in a foreign surroundings. Individual and collective identity was formed as a result of the communication of fellow pilgrims among themselves, in the process of their living together in the shelters, opened by Russian Orthodox structures in Constantinople and Palestine. Also on the territory of the Ottoman Empire, Russian pilgrims had the opportunity to attend services and pray in churches of the Patriarchates of Constantinople and Jerusalem, where the structure of temples and the features of worship differed from the practices familiar to Russians, but were still Orthodox. At the household level, identification was carried out in the ability to communicate in their native language and eat familiar foods.

Keywords:

Orthodox pilgrimage; Orthodox clergy; Constantinople Orthodox Church; Ottoman Empire; Constantinople; Oak of Mamre; National identity; Religious identity

For citation:

Alim M. Abidulin, Kirill E. Baldin. Memoirs of the orthodox priest Ioann Dobrotvorsky about a pilgrimage to the Christian shrines of the East // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 74–101. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.003)

амые первые путевые записки отечественных паломников появились еще в эпоху глубокого средневековья — в XI столетии. На протяжении веков воспоминания богомольцев о пребывании на христианском Востоке появлялись довольно редко, так как в библейский регион тогда наши земляки ездили нечасто, такого рода путешествия были трудными и очень опасными. В XVIII — первой половине XIX в. таких источников личного происхождения стало заметно больше, они стали привлекать внимание широкой читающей публики. Во второй половине позапрошлого столетия и в начале XX в. мемуары православных паломников превращаются практически в отдельный специфический жанр литературы. Авторами этих текстов становились представители дворянства, чиновничества, интеллигенции, предпринимательской среды. Но все же большинство таких произведений выходили из-под пера духовенства, как ученого — с академическим образованием, так и рядового приходского. Значительная часть этих воспоминаний затерялась на страницах местных епархиальных «Ведомостей» и пока не вводилась исследователями в научный оборот. В этом отношении весьма интересными являются забытые мемуары протоиерея из Сергачского уезда Нижегородской епархии отца Иоанна Добротворского. Добротворский Иван Федорович, протоиерей Троицкой церкви с. Какино Сергачского уезда Нижегородской губернии. Родился в 1841 г., уроженец с. Сырятино Лукояновского уезда Нижегородской губернии. В 1865 г. окончил курс Нижегородской духовной семинарии по 1-му разряду. Определен иереем в с. Какино. Имел награды: набедренник, скуфью, камилавку, наперсный крест ор-

дена Св. Владимира 4-й степени. В 1904 г. возведен в сан протоиерея. С 1881–1904 гг. — благочинный. В 1907 г. вышел в заштат.

Он совершил паломничество в Святую землю, судя по косвенным данным, за несколько лет до публикации его путевых записок. Воспоминания о пребывании в столице Османской империи были опубликованы в «Нижегородском церковно-общественном вестнике» в 1913 г. (№ 11, 12, 19, 33, 35, 38) и называются они «Константинополь». В 1915 г. там же появились записки о посещении Мамврийского дуба в Палестине. Затем в том же 1915 г. очерк «К дубу Мамврийскому» появился отдельной брошюрой без указания выходных данных.

Абсолютное большинство паломнических мемуаров, вышедших из-под пера представителей духовенства, посвящено подробным описаниям святых мест и их религиозных переживаний при посещении Восточного Средиземноморья — Константинополя, Афона, Святой земли. Также там речь шла о встречах с греческим духовенством восточных патриархий, особенностях греческого богослужения на канонических территориях этих сестринских церквей и т.п. В такого рода источниках личного происхождения весьма редко встречаются сюжеты, связанные с бытовыми деталями паломничества — жильем и питанием во время поездки, этнографическим описанием жизни местного населения, его нравов и обычаев, особенностей климата, красот природы и т.п. Такая самоцензура была связана с широко распространенным пониманием границ жанра паломнических записок. По мнению авторов, в текстах, посвященных такой возвышенной тематике, не подобает уделять внимание мирским подробностям.

Но автор рассматриваемых нами мемуаров понимал границы жанра по-иному. Нижегородский священник, вероятно, считал, что для пользы дела, для того, чтобы текст был более интересным, для привлечения новых паломников на Ближний Восток целесообразно остановиться не только на впечатлениях от святых мест, но и на встречах с соотечественниками за рубежом, на контактах с местным населением, на погоде, флоре и фауне, на денежных расходах, которые ждали наших богомольцев за рубежом, и на многом другом. В этой связи стоит обратить внимание на знаменательный подзаголовок мемуаров отца Иоанна: «Из заметок (в другом очерке — воспоминаний) сергачского паломника-*туриста* (курсив наш. — А.А., К.Б.)». Разумеется, это не была «оговорка по Фрейду». Автор ни в коей мере не ощущал себя туристом-мирянином на Святой земле. Он на самом деле являлся паломником и никем более. Но все равно, как нам представляется, оговорка выглядела знаме-

Мамврийский дуб. Литография XIX в.
Из открытых источников

нательно, так как автор обращал пристальное внимание в числе других на те объекты, которые интересовали в основном туристов.

В этой связи следует заметить, что рубеж XIX–XX в. был временем появления массового туризма на Западе, он получил развитие и в российской среде, но пока в значительно меньших масштабах. Автор воспоминаний, вероятно, не раз слышал иностранное слово «турист», становившееся тогда модным, и решил «ввернуть» его в заглавие своих путевых заметок.

Широкий круг впечатлений, содержащихся в тексте Иоанна Добротворского, позволяет исследователю, изучающему его, остановиться на таких в общем-то необычных для священнических мемуаров темах, как социальное самочувствие русского паломника в иноземной среде и формирование в нем религиозной, национальной, языковой, бытовой идентичности. Для исследования такого рода проблематики путевые записки нижегородского иерея, несмотря на их относительно небольшой объем, дают богатый и благодарный материал.

Разумеется, главной целью российских православных паломников, направлявшихся в Святую землю, было посещение тех мест, которые можно условно назвать священными достопримечательностями. Некоторые исследователи склонны также именовать их хронотопами. Исходя из этимологии этого слова, оно обозначает события, которые

Святая София, Константинополь. Фотография Братьев Абдулла, вторая половина XIX в.
Из открытых источников

произошли в совершенно определенном месте (*топос* — др.-греч.) и в определенное время (*хронос* — др.-греч.). Рассмотрим те, которые удалось посетить автору мемуаров.

Наиболее известной точкой притяжения для русских православных поклонников в Константинополе являлся собор Святой Софии, по-гречески — Айя-София. Он был построен при императоре Юстиниане в VI в., но после завоевания турками Византии превращен в мечеть. На всех посетителей это купольное сооружение, одно из самых крупных молитвенных зданий в мире, производило неизгладимое впечатление. О. Иоанн Добротворский с восторгом вспоминает о незабываемых минутах: «С замиранием сердечным вступили мы внутрь, и положительно поражены были невообразимой громадностью его. Помещение в нем и высоко, и широко, и длинно, и решительно недоумеваешь, как держится покров этого поразительного вместилища, так как не замечаешь ни одного устоя, загромождающего наши великие храмы»¹.

Во время краткого пребывания в Константинополе паломники посетили еще один из древнейших храмов первых веков христианства —

¹ Добротворский И., *прот.* Константинополь (Из воспоминаний сергачского паломника-туриста) // Нижегородский церковно-общественный вестник (НЦОВ). 1913. № 19. С. 491.

Церковь Святой Ирины, Константинополь. Фото конца XIX — начала XX в.
Из открытых источников

во имя св. Ирины. Он получил название во имя обожествленного понятия мира. Как бы в издевательство над этим турки использовали это здание как склад оружия. Также российским паломникам показывали колонну, поставленную еще в IV в. по приказанию императора Константина Великого, превратившего христианство в господствующую религию Византии. Автор с глубоким сожалением констатирует, что «она имеет вовсе невзрачный вид четырехугольного столба, сложенного из кирпичей, ничем не прикрытых. Говорят, что в свое время она была обложена бронзовыми досками, которые завоеватели (т.е. турки. — А.А., К.Б.) сочли за золото и ободрали»². Перечисленные выше архитектурные памятники представляли собой живые свидетельства первых веков христианства.

В Константинополе автору довелось увидеть также места, связанные с жестокими расправами османов с прежними хозяевами Царьграда — греками. Эти места вызывали у русских богомольцев не просто печаль, а ужас и возмущение. Во время одной из экскурсий по турецкой столице их кавас (охранник и одновременно гид на Востоке) обратил внимание на железные крючья, которые были вбиты в многовековые деревья, расположенные на одном из городских пустырей. Он расска-

² Там же. № 33. С. 862.

зал россиянам, что здесь вешали побежденных греков. Имелись в виду массовые расправы завоевателей с местным населением после взятия Константинополя османами в 1553 г. «Несмотря на жару, — писал автор, — дрожь невольно пробежала по нашим телам при наглядном представлении картины происходивших здесь ужасов, не изглаженных еще минувшими уже веками...»³

Не менее эмоционально наши паломники восприняли место, связанное с трагическими событиями совсем близкого к ним XIX столетия. В 1821 г. в Греции началось восстание местных жителей, боровшихся за независимость от Османской империи. В ответ на это турки устроили массовую резню в своей столице среди местной греческой общины. Кульминацией ее стала расправа с патриархом Константинопольским Григорием V. Нашим паломникам проводник указал на проволоку, на которой висело тело патриарха. Правда, автор допускает в тексте ошибку, относя эти трагические события к 1864 г.⁴

К гораздо более древним временам относятся священные места, которые посетил автор в Святой земле. Главным из них в рассказе о. Иоанна Добротворского «К дубу Мамврийскому» является это священное дерево, возраст которого, по библейским данным, достигал нескольких тысяч лет. События, которые произошли рядом с ним в глубокой древности, вошли в книгу «Бытие», первую по хронологии в Ветхом Завете. Под дубом был раскинут шатер Авраама и сюда к нему явился Господь в облике трех мужей. Авраам с великим почетом принял их и накормил лучшими яствами. После трапезы он получил от них предсказание о том, что у него с женой Саррой будет ребенок, которого они по преклонному возрасту уже не надеялись произвести на свет (Бытие. 18: 1–14). В воспоминание этих библейских событий около дуба, «освященного видимым явлением Тресвятой Троицы», нижегородский протоиерей прочел «акафист Триипостасному Божеству»⁵.

По свидетельству начальника Русской духовной миссии архимандрита Леонида (Кавелина) в конце 1850-х гг., крона дуба-патриарха была еще очень густой, «...ветви раскинулись обширным непроницаемым навесом, в окружности коего 120 шагов...»⁶. По словам русского путеше-

³ Добротворский И. Константинополь // НЦЮВ. 1913. № 19. С. 490.

⁴ Там же. № 33. С. 863.

⁵ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. Из записок сергачского паломника-туриста [Нижний Новгород, 1915]. С. 2.

⁶ Архимандрит Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 2008. С. 368.

ственника А.В. Елисеева, «как ни считали различные туристы число лет Мамврийскому дубу по числу слоев... но в конце концов они потеряли счет». В путевых записках Елисеева помещен рисунок дуба, сделанный известным русским художником А.Д. Кившенко. По нему видно, что из трех основных стволов дуба в начале 1880-х два уже засохли и только на третьем еще имелись листья⁷.

После ночевки около дерева о. Иоанн направился в город Хеврон, который мемуарист авторитетно называет «одним из древних городов мира». Здесь их интересовал склеп, где были погребены праотцы Авраам, Исаак и Иаков. На это сооружение, являвшееся очень важным ветхозаветным памятным местом, богомольцы не преминули полюбоваться⁸.

В конце своего путешествия к дубу нижегородские паломники уже на подъезде к Иерусалиму обратили внимание на большой камень, на поверхности которого сохранилось углубление, похожее на отпечаток человека, лежавшего на боку. По традиции считалось, что этот след оставил на камне ветхозаветный пророк Илия⁹.

Во время поездки к Мамврийскому дубу на пути наших богомольцев оказалось священное евангельское место — так называемый фонтан волхвов. На этом месте волхвы вновь узрели чудесную звезду, которая на время скрылась от них, когда они находились в Иерусалиме (Мф. 2: 9–10). Эта звезда на небосклоне свидетельствовала о появлении на свет Спасителя¹⁰.

Во время путешествия по Константинополю и Палестине русские паломники с головой окунулись в иноземную среду — иноверную, иноязычную и инокультурную. В продолжение всего путешествия это производило на них большое впечатление, особенно на тех, которые впервые выезжали за пределы России.

В связи с этим в паломнических текстах встречается невербальная категория «другого», с которым автор постоянно сталкивался за рубежом. Оно не обязательно вызывало отторжение, но цепляло внимание, порождало неподдельный интерес. «Другое» было любопытно мемуаристам-россиянам тем, что у себя на родине они не видели ничего подобного. Это было характерно для этнографических деталей повседневной

⁷ Елисеев А.В. По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого света. В 4 т. СПб., 1915. Т. 1. С. 284–285.

⁸ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. С. 5.

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ Там же.

жизни местного населения, т. е. стереотипов поведения, одежды, пищи, жилищ, а также особенностей климата, животного и растительного мира. Для авторов-представителей духовенства «другими» являлись особенности богослужения, устройства храмов, на них эти мемуаристы особенно заостряли свое внимание.

Первыми звуками, которые привлекли внимание автора и его спутчиков, еще даже не сошедших на берег в Константинополе, был колокольный звон. В тот день отмечался большой двенадесятый праздник — Вознесение Господне, и автор пишет о своей живой реакции на звуки колокола за сотни верст от родины: «...отрадно было слышать их в басурманской столице, и сердце отрадно вострепнулось». Но с первых же ударов чуткое ухо священника сразу определило, что это «другой» звон; колокол был, судя по всему, небольшим, а звуки резкими и даже «беспорядочными». Отличие заключалось и в том, что «благовест этот раздавался одиноко, сиротливо и как-то точно невесело, и звуки его, как бы насильно задушенные, скоро прервались»¹¹.

Со временем автор понял, почему этот звон воспринимался как необычный русскими богомольцами. Придя на богослужение в константинопольский греческий храм Николая Чудотворца, расположенный рядом с паломническим подворьем, где жил автор, он наглядно увидел причину этого. В России звонари раскачивали язык колокола, который ударял по его поверхности, а в восточных православных храмах (Константинопольского, Иерусалимского патриархатов) раскачивали сам колокол, который ударял по свободно висящему языку¹².

Обойдя вокруг упомянутого выше храма, автор также с сожалением заметил, что он почти не отличается от окружавших его жилых домов, так как на нем не было ни купола, ни креста, ни колокольни, как, впрочем, и у других православных храмов на Ближнем Востоке. Храм греков больше напомнил мемуаристу лютеранский молитвенный дом¹³.

В тексте очерка о пребывании в Константинополе автор дважды обращает внимание еще на одну отличительную особенность восточно-христианских храмов в Греции и Османской империи. Как известно, в России православные прихожане молятся стоя, в греческих храмах же

¹¹ Добротворский И. Константинополь // НЦЮВ. 1913. № 11. С. 285.

¹² Там же. № 35. С. 919.

¹³ Там же.

Константинополь, мечеть Султанахмет. Фото конца XIX — начала XX в.
Из открытых источников

имелись стасидии, т. е. сиденья. Эта особенность также была воспринята автором как нечто «другое», вызывавшее не отторжение, а, скорее, любопытство. Автор уточняет, что они предназначались для почетных богомольцев. Это касалось не только константинопольских, но и афонских, палестинских храмов. О богослужении на подворье Пантелеймоновского афонского монастыря в Царьграде в воспоминаниях о. И. Добротворского говорится: «У западной стены и по клиросам поставлены стасидии — род высоких кресел (выше человеческого роста), украшенных резным верхом, с глухими боковыми стенками, с локотниками и откидной доской сзади для сидения»¹⁴.

Кроме того, всем богомольцам иноземная среда предлагала свой рацион питания, свою специфическую кухню. С ней россияне познакомились вскоре после прибытия на паломническое подворье в Царьграде. На завтрак им подали рыбу в различных видах — жареную, холодную и консервированную, а также фрукты и вместо привычного кваса — графин красного вина. Обед в тот же день состоял из рисовой похлебки, гречневой каши с оливковым маслом, слив и того же красного вина. Из этого меню видно, что пища у царьградских монахов тоже была «дру-

¹⁴ Там же. № 12. С. 315.

гой», так как в России большинство населения видело фрукты на своем столе далеко не ежедневно, а оливковое масло употребляли только состоятельные люди¹⁵.

Вечер первого дня пребывания на чужой земле напомнил о том, что Константинополь является городом хотя и мусульманским, но по-столичному шумным, со своим своеобразным досуговым пространством, которое много всего вобрало с Запада. После того как изрядно уставшие россияне улеглись на мягких постелях и даже успели заснуть, их разбудили грохот барабанов, звуки духовой музыки и певица, «верещавшая всю ночь», потому что паломнический приют находился рядом с «кафешайтаном» (курсив автора мемуаров). Отец Иоанн наверняка намеренно искажил в тексте это слово для того, чтобы дать понять читателям, что это досуговое учреждение является, по его мнению, порождением лукавого¹⁶. В отличие от стасидий в храмах или оливкового масла за обедом, вызывавших интерес, но не отторжение автора, такого рода развлечения представляли собой нечто «другое», которое нижегородский иерей явно не готов был принять.

Флора и фауна Восточного Средиземноморья также не были похожи на то, к чему русские привыкли у себя дома. Здесь они, вероятно, впервые в жизни увидели ослов, верхом на которых приходилось путешествовать, а также верблюдов, которые пугали их своим необычным внешним видом. Еще одно животное в Палестине им удалось только услышать, а не увидеть. Ночью о. Иоанн Добротворский и его спутник в дороге вдруг услышали вдали жалобный плач. Они насторожились, но сопровождавший их кавас объяснил, что это воет шакал¹⁷.

Флора была не менее экзотичной, чем фауна. Возможно, паломники видели у себя в России кактусы, но только небольшого размера, на подоконниках или в оранжереях. В Палестине около фонтана волхвов им довелось увидеть изгородь из кактусов, эта высокая и колючая ограда охраняла частные владения надежнее любого забора¹⁸. Другой паломник, священник из Вятской губернии Н.Г. Гусев наткнулся на грецкое ореховое дерево, плоды которого он видел только в магазинах, а не на ветках¹⁹.

¹⁵ Там же. С. 315–317.

¹⁶ Там же. С. 317.

¹⁷ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. С. 1–2.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ Гусев Н.Г. Путешествие в Святую Землю // Вятские епархиальные ведомости. 1900. № 7. С. 293.

Своеобразно выглядел и главный объект интереса паломников в очерке о Мамврийском дубе, т. е. совершенно не похожим на аналогичные российские деревья внешним видом своей коры, по этому признаку его можно было принять скорее за вяз. Но самое главное отличие вечно-зеленых палестинских дубов заключается в листьях, которые, во-первых, были лишены волнообразных вырезков по бокам, а во-вторых, их длина была не более полувершка. Листья были скорее не зелеными, а серо-зелеными, напоминая этим оливковые. Палестинские дубы как нельзя больше подходили под понятие «другого». Только по наличию желудей можно было догадаться, что это дуб. Толщина ствола его была впечатляющей — три-четыре охвата²⁰.

В отличие от «другого», которое воспринималось с интересом и без отторжения, «чужое» выглядело совсем иначе. Оно представлялось угрожающим, вызывая полное неприятие и даже страх. В связи с этим для начала необходимо остановиться на таком явлении, как слухи, циркулировавшие в паломнической среде. Чаще всего они относились к той категории, которая в социологической науке называется «слух-пугало». Таковы были широко распространенные толки о том, что во время морского путешествия в Святую землю можно попасть в кораблекрушение и утонуть, что население Палестины крайне враждебно относится к иностранцам и т. п. Когда российские богомольцы направлялись в палестинский город Хеврон, сопровождавший их кавас Николай предупредил, что в этом городе нужно быть крайне осторожным. Он сообщил, что хевронцы — «народ крайне грубый и неукротимо буйный... и пустая причина может привести к печальным последствиям»²¹. Много слухов о жестокости турок, их враждебности и опасности лишиться жизни циркулировало и в Константинополе.

Вполне естественно, что такого рода слухи порождали тесно связанные с ними страхи, передававшиеся от одного поколения богомольцев к другому. В Константинополе о. Иоанн задумал пройти по Пере — главной улице турецкой столицы, где находились посольства и консульства почти всех европейских государств. Несмотря на то что эта улица всегда была наполнена народом, он боялся идти туда с наперсным золотым крестом, рассуждая о том, «турки не оторвут ли мне вместе с ним и голову»²².

²⁰ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. С. 2–3.

²¹ Там же. С. 6.

²² Добротворский И. Константинополь // НЦОВ. 1913. № 38. С. 1001.

В Палестине совершенно определенные слухи и страхи циркулировали вокруг такого места, как Соломоновы пруды, которые попались нашим путникам на дороге между Мамврийским дубом и Иерусалимом. Это были сохранившиеся до наших дней огромные, наполовину пересохшие резервуары воды, сооружение которых по традиции связывают с правителем Израильского царства царем Соломоном, жившим в X в. до н. э. Хотя было очень жарко, кавас настоятельно посоветовал паломникам не купаться здесь, так как, по его словам, несчастные случаи бывали неоднократно. Автор мемуаров приводит разные слухи о причинах гибели людей: «Водоросли ли их запутывают или какие гадины похищают — неизвестно»²³. Здесь читатель снова сталкивается с типичным примером превращения слуха-пугала в стойкий страх, который связан с чуждой окружающей средой.

Явственный маркер враждебного «чужого» встречается уже на первой же странице рассматриваемых нами мемуаров о посещении турецкой столицы. Когда русский пароход шел по Босфору и Константинополя не было даже видно, автор заметил, что на берегах пролива тут и там виднеются в земляных насыпях амбразуры, «из коих, грозно притаясь, выглядывают пасти стальных чудовищ, стерегущих Босфор». В одном месте автор насчитал семь таких батарей с обеих сторон пролива. «Не поздоровится неприятельскому кораблю, если он проникнет сюда», — заключает о. Иоанн свои впечатления о вражеских укреплениях²⁴. Такие рассуждения были вполне естественны, так как Турция веками была историческим противником России. В памяти современников еще живы были события Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а на горизонте уже маячили перспективы Первой мировой войны, в которых России снова суждено было столкнуться с турецкой армией.

О русско-турецких конфликтах довольно отдаленного (XVIII в.) и не столь отдаленного прошлого (четыре войны с турками в XIX в.) напомнил нашим паломникам музей янычар, куда они пошли с монахом-проводником. Здесь были выставлены восковые фигуры этих турецких гвардейцев из прошлого (корпус янычар был расформирован в 1826 г.) в костюмах и в полном вооружении. «Вид личностей свирепый», — замечает автор мемуаров, невербально сразу относя их к категории «чужого»²⁵. Рекламируемый турками музей янычар не понравился и дру-

²³ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. С. 9.

²⁴ Добротворский И. Константинополь // НЦОВ. 1913. № 11. С. 284.

²⁵ Там же. № 19. С. 493.

Церковь Троицы Живоначальной села Какино. Фото 1960 г.
Гагинский краеведческий музей

тому нашему паломнику — священнику А. Трапицыну, который назвал его экспонаты «отвратительными чучелами» и явно предпочел музей египетских и греческих древностей, где были собраны замечательные образцы скульптуры Древнего мира²⁶.

Выше уже говорилось о том, какое огромное впечатление произвела изнутри на русских паломников Айя-София. Но это впечатление было омрачено тем, что ее внутреннее убранство было осквернено неверными. Христианские фрески были не видны за громадными деревянными щитами, украшенными затейливой вязью золоченых арабских букв. Изображенные высоко на стенах шестикрылые серафимы остались, но их лица были замазаны черной краской. Д.А. Скалон, путешествовавший в Константинополь в 1872 г., заметил, что «над горним местом сквозит лик Богоматери, которая сидит на пурпурном одре, с подле стоящим младенцем Иисусом». Наконец, на стене сохранился кровавый отпечаток руки завоевателя Царьграда, султана Мехмеда II, опершегося на стену ладонью, залитой человеческой кровью при взятии города в 1453 г.²⁷

²⁶ Трапицын А. Из впечатлений паломника во Святую Землю // Вятские епархиальные ведомости. 1878. № 5. С. 145.

²⁷ Добротворский И. Константинополь // НЦОВ. 1913. № 19. С. 491–492; Скалон Д.А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. М., 2007. С. 37.

Наши паломники были глубоко удручены видом оскверненных православных храмов, превращенных в мечети. Тяжелым было чувство от лицемерия погрязших христианских святынь. «Глубоко в душе, — пишет автор, — возносился вопль: когда же, Господи, кончится эта мерзость запустения?»²⁸

Крайне неприятные воспоминания у большинства российских богомольцев оставил такой «чужой» обычай, как постоянное выпрашивание и даже требование местными жителями того, что на Востоке называется емким термином «бакшиш». Оно пришло из языка фарси и обозначает нечто среднее между взяткой, подарком и милостыней.

С почти всепильным бакшишем, который открывал любые двери и который сопровождал наших паломников ежедневно и чуть ли не ежечасно, о. Иоанн Добротворский встретился еще до высадки с корабля в Константинополе. К лодке, в которой монахи перевозили наших богомольцев на берег, причалил небольшой каик (шлюпка). В ней сидел эфенди в мундире со светлыми пуговицами, свидетельствовавшими о его официальном статусе. Он неторопливо и с сознанием своей важности протянул руки к багажу священника.

«— Что это такое значит? — спрашиваю монаха.

— А вот что: позвольте мне два двугривенных? — отвечает он.

Даю. Монах сунул их в руку эфенди и каик отвалил. Оказалось, что это таможенный чиновник, следящий за контрабандой, и, если бы не откупиться от него, то он бесцеремонно стал бы рыться в наших чемоданах. Позже монах пояснил: в целях экономии государственных средств таможенные чиновники не получают жалованья и живут только за счет бакшиша»²⁹.

Знакомство с этой недоброй восточной традицией продолжилось в Палестине. Покидая город Хеврон, наши путники повстречались на дороге с муллой и каким-то оборванцем, с которыми они познакомились в городе, причем ни тот ни другой не оказывали им никаких реальных услуг. Однако оба начали очень настойчиво требовать бакшиш. Мулла получил двугривенный, причем был недоволен, что ему дали мало. Оборванец не получил ничего и очень обиделся. Он схватил камень и хотел бросить его в русских паломников, но сопровождавший наших путешественников кавас выхватил

²⁸ Добротворский И. Константинополь // НЦОВ. 1913. № 19. С. 491.

²⁹ Там же. № 11. С. 285–286.

револьвер, стал угрожающе размахивать им и отогнал агрессивного попрошайку³⁰.

«Другое» и «чужое» не являлись навечно замкнутыми в себе категориями. В сознании человека они могут под влиянием обстоятельств трансформироваться одно в другое и обратно. По мемуарам о. Иоанна это можно проследить на примере его личных впечатлений во время пребывания в Константинополе.

Однажды в паломническом приюте он услышал на улице заунывное пение и увидел похоронную процессию, участники ее несли хоругви, а во главе вереницы людей шли греческие православные священники в соответствующих облачениях. С соседней православной церкви слышались редкие удары в колокол. Зрелище вызвало немалое удивление автора, который до этого был убежден в том, что в Османской империи, как и многие века до этого, запрещено «открытое проявление веры Христовой». За разъяснениями он обратился к монахам Пантелеймоновского подворья, где он жил.

Оказывается, его сведения о крайне тяжелом положении православия в Турции оказались несколько устаревшими. Монахи рассказали ему о том, что после «последней войны русских с турками» (имелась в виду война 1877–1878 гг.) на улицах турецкой столицы без всякого официального разрешения стали время от времени появляться православные похоронные процессии. Турки сначала смотрели на них косо, а потом привыкли, «...теперь это стало представляться общепринятым обычаем, коим никто не возмущается и не оказывает противодействия». В равной степени это относилось и к церковному звону, демонстрации на улицах хоругвей и других богослужебных атрибутов³¹. Таким образом, происходила трансформация «чужого», т. е. враждебного по отношению к христианству в «другое», постепенно среди иноверного населения формировалась веротерпимость в отношении православия. Этот случай также свидетельствовал о том, что ожидания не всегда совпадали с действительностью и последняя оказывалась значительно лучше ожиданий. Подтверждение этому мы находим в еще одном сюжете путевых записок.

Показательным было отношение к автору тех турок, с которыми он общался в Константинополе. Местные жители помогали ему ориентироваться в огромном незнакомом городе, который первоначально ка-

³⁰ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. С. 7.

³¹ Добротворский И. Константинополь // НЦОВ. 1913. № 38. С. 1003.

зался враждебным. Однажды о. Иоанн случайно оказался на подземной станции трамваев. В полутьме он направился куда-то наугад и услышал, что кто-то кричит ему: «бурда, бурда» (*burda* — «здесь, сюда» по-турецки). Он не мог понять, что кричат и кому. Затем ему снова закричали уже по-русски «сюда, сюда» и священник увидел, что ему машет рукой человек из билетной кассы. Отец Иоанн купил билет и скоро уже ехал в трамвае³². Эта ситуация показывает, что некоторые турки, которым приходилось общаться с нашими путешественниками, знали и употребляли наиболее ходовые русские слова.

В мемуарах есть еще один довольно колоритный фрагмент, который демонстрирует уже не обмен отдельными словами, как выше, а своего рода «межнациональный диалог». На палубе парохода, направлявшегося через Константинополь в Палестину, русская паломница рассказывала печальную повесть о своем сыне, который попал в какую-то беду. Ее собеседник-турок внимательно слушал, не перебивая. Во время возникшей паузы осман взялся рассказывать женщине уже свою повесть, судя по выражению его лица — тоже невеселую. Отец И. Добротворский пишет: «Чередуясь, они наконец покончили свою беседу, и турок, вставши, приложил пальцы правой руки ко лбу своему и сердцу, показывая этим, что он отвел свою душу в беседе с добрым человеком и сердечно благодарит свою собеседницу». Далее в мемуарах следовал небольшой диалог их автора с паломницей:

«— Поняла ли ты, что толковал тебе турок?

— Коли понять, ведь он бормотал по-басурмански.

— Ну а он понял ли?

— Да коли не понять, ведь я говорила с ним по-расейски, чего проще то, родимый»³³.

Женщина была абсолютно уверена в том, что «расейский» язык должны понимать везде. В то же время автор выражает уверенность, что они обоюдно поняли если не детали, то общее содержание своих печальных рассказов и прониклись сочувствием друг к другу. Турок и русская, конечно, явно были разными, но в то же время и не «чужими».

Мы предполагаем, что о. И. Добротворский еще до своего путешествия слышал о такой достопримечательности турецкой столицы, как константинопольские собаки, так как большинство русских путешественников, проезжавших через турецкую столицу, упоминали о них,

³² Там же. С. 1002.

³³ Там же. № 35. С. 919.

причем чаще всего как о чем-то негативном. Действительно, в начале своего рассказа автор повествует об этих многочисленных и «никому не принадлежащих» псов однозначно отрицательно, именуя их «паршивыми». Однако, как мемуарист узнал в дальнейшем, собаки оказались весьма полезными животными и «как нельзя лучше выполняют роль санитаров, очищая город от неприбранных людьми разного рода нечистот и отбросов, которые без этих даровых тружеников могли бы заразить воздух». Также о. Иоанн увидел, что собаки пользуются в турецкой столице даже неким почетом. В России, пишет он, лежащую на дороге собаку почти обязательно пнут, а в Турции ее деликатно обходят. Более того, местные жители подкармливают их, «сердобольные граждане этим псам делают иногда нарочитое угощение на помин души какого-либо богатого скончавшегося эфенди»³⁴. В этих рассуждениях паломника прослеживается сочувствие не только к бездомным собакам, но и к местным жителям, которые не только терпимо, но даже заботливо относились к этой живой достопримечательности своего города.

Необычность, в ряде случаев — чуждость и даже враждебность окружающей иноземной среды приводили к тому, что паломники нуждались в духовно-психологической и организационной поддержке. Важным инструментом ее становилась религиозная, национальная и культурно-языковая идентичность. Потребность в идентификации является одной из экзистенциальных потребностей человека. Чувство идентичности очень важно для человека, оказавшегося в иноземной среде. Он сознательно или бессознательно начинает искать себе подобных для общения и взаимной поддержки или же какие-либо иные точки опоры в упомянутой выше среде.

Наряду с «другим» и «чужим» российские богомольцы постоянно пересекались в далеких краях с земляками-единоверцами, которых было не так мало. Русское государство, православные институты и общественные структуры хорошо знали о потребностях богомольцев, они специально создавали опорные объекты, которые давали возможность паломникам ощутить себя в родственной среде во время зарубежного путешествия, не чувствовать себя брошенными.

Действительно, вопрос о том, где преклонить голову в совершенно чужом для них городе, возник уже на палубе российского корабля, вставшего на якорь в заливе Золотой Рог в Константинополе: «Появи-

³⁴ Там же. № 12. С. 316.

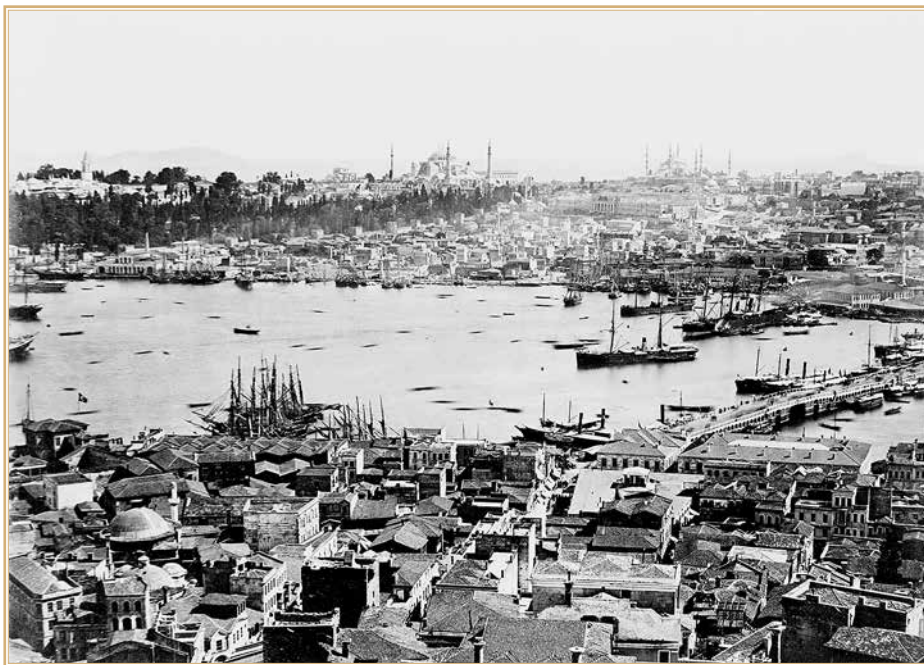
лась обычная суета, и возник, сопряженный с нею, жуткий вопрос: куда же теперь деваться в громадном, совершенно незнакомом и к тому же басурманском городе?...» Мгновенно возникли вполне естественные в этих условиях страхи. Однако растерянность паломников, которые не знали, где здесь жить, длилась недолго. Автор продолжает: «...спасибо, выручила радушная братия разных афонских монастырей, нарочито с этой целью явившаяся на наш пароход»³⁵. Впрочем, некоторые паломники, отправлявшиеся из Одессы в Константинополь, заранее знали, где они будут квартировать в турецкой столице во время стоянки судна, продолжавшейся два-три дня. Еще в Одессе они размещались на одном из подворий афонских обителей. Это были Пантелеймоновский, Андреевский и Ильинский монастыри, которые среди нескольких десятков афонских обителей были русскими по составу монахов (остальные обители Святой горы были в основном греческими). Подворья тех же трех монастырей действовали и в Константинополе. Их представители хорошо знали расписание пароходов из России и встречали наших богомольцев на своих лодках, помогали им избежать проблем с таможей, провожали до ворот своих подворий. Автор остановился в странноприимнице русского Пантелеймоновского монастыря.

Каменный четырехэтажный дом подворья был довольно вместительным. «Приняли нас здесь радушно, — повествует автор, — и отвели просторный и чистый номер, окна коего с южной стороны выходили на Золотой Рог...» Так как на день их приезда приходился праздник Вознесения Господня, то русские поклонники сразу же направились в подворскую церковь, чтобы поблагодарить Господа за удачно завершившуюся первую часть морского путешествия. Богомольцев здесь было много, и среди них были не только земляки, но и «братушки» — православные единоверцы из Балканских стран — сербы, болгары, черногорцы³⁶.

Идентичность конструируется в сознании человека не только в национальной и конфессиональной сферах, но и на чисто бытовом уровне. Это касалось той пищи, которая была предложена нашим паломникам на Пантелеймоновском подворье. С одной стороны, их порадовали привычные для русского человека блюда и предметы кухонной утвари, с другой стороны, они с любопытством увидели и попробовали то, с чем

³⁵ Там же. № 11. С. 285.

³⁶ Там же. № 12. С. 314–315.

Константинополь, бухта Золотой Рог. Фото XIX в.
Из открытых источников

они сталкивались редко или только слышали. После благодарственного молебна по поводу благополучного прибытия в подворской церкви паломникам предложили легкий перекус, для этого им подали «самовар и белый хлеб»³⁷. Самовар был воспринят как однозначный маркер русской идентичности.

В тот же день русские монахи с Пантелеймоновского подворья порадовали наших паломников за обедом знаковым отечественным блюдом. Им подали гречневую кашу. Правда, она была сдобрена не льняным или конопляным маслом, а оливковым, о котором многие знали только понаслышке³⁸. Таким образом в рационе наших богомольцев сочетались идентичные для них блюда и экзотичные, т. е. «другие».

Русские путники прожили на Пантелеймоновском подворье в Царьграде несколько дней. Автор так оценивал характер их общения со служителями подворья, которые принадлежали к православному духовенству: «Под влиянием ласкового и радушного обращения братии почувствовали себя здесь, как дома, в России, матушке родной»³⁹.

³⁷ Там же. С. 315.

³⁸ Там же. С. 317.

³⁹ Там же.

Паломникам было очень жаль покидать гостеприимных хозяев, которые заботливо доставили их до трапа парохода вместе с багажом. Свои чувства при расставании о. Иоанн описывал так: «Оказались они для нас воистину как бы отцами родными. Спаси их, Христе, и помилуй! При последнем расставании слезы навертывались у нас на глазах и жаль было разлучаться с этими христиански добрыми людьми»⁴⁰.

Особо следует отметить совершенно некоммерческий подход русских монахов-святогорцев к паломникам. Они ничего не запрашивали за оказанные услуги (жилье, питание, прогулки по городу и пр.), довольствуясь тем, что им давали. Автор сообщал, что он уплатил по 2 рубля за сутки, и служители странноприимицы были этим более чем довольны. При этом о. Иоанн упоминает, что некоторые то ли по бедности, то ли по скаредности не платили ничего и при этом ни одного слова осуждения не слышали. Монахи рассказывали, что им иной раз приходилось предоставлять жилье и кормить на обратном пути паломников, совершенно поистратившихся в Святой земле, и даже давать им деньги на дорогу без всяких расписок. Некоторые долги не возвращали, а другие, напротив, присылали деньги с лихвой, так что убытков братия не несла. Когда некоторые из попутчиков о. Иоанна уже перед посадкой на пароход в Константинополе пытались вручить монахам в качестве благодарности некие суммы, то они восприняли это как искушение и категорически отвергли⁴¹.

Религиозная идентичность наших паломников явственно чувствовалась ими во время посещения православной церкви на Пантелеимоновском подворье, где вся литургическая практика полностью соответствовала канонам их родной православной церкви. Однажды после утрени в подворском храме автор направился в расположенную по соседству греческую церковь, чтобы послушать эллинское богослужение. Он рассказывает о сюрпризе, который ждал его здесь: «Вдруг, к удивлению своему, услышал я раздававшееся в нем пение в минорном тоне с нерусским акцентом “Господи, помилуй”. Зашел я туда и узнал, что службу совершают там черногорцы, арендующие у греков придел». Черногорские богослужебные особенности православия заинтересовали о. Иоанна. Он увидел в храме, как у греков, стасидии, обнаружил, что здесь нет царских врат, но иконостас, как у русских, имелся. Порадовало его, что «...священник облачен совершенно по-нашему, и вся служба соверша-

⁴⁰ Там же. № 38. С. 1003.

⁴¹ Там же. № 12. С. 316; № 38. С. 1003.

ется по-нашему же служебнику... Напев унылый, смахивающий на греческий, но без гнусавой интонации в голосе». Отца Иоанна черногорцы просили участвовать в службе, на что он согласился и прочел ряд текстов по-церковнославянски. После окончания службы к нижегородскому иерею подошел черногорский священник и приветствовал его: «Драго ми познатися з Вами». Перевод этой фразы не потребовался⁴². Добавим к этому, что проводником в прогулках наших паломников по Константинополю являлся черногорец по имени Давид, которым русские богомольцы были очень довольны⁴³.

Приведем еще один пример идентичности, на этот раз языковой, с которой автор столкнулся совершенно случайно на одной из улиц Константинополя. Человек, по виду — турок, в зеленом халате и белой чалме, обратился к о. Иоанну: «Здравствуй, бачка». Священник с приятным удивлением спросил его: «Как это ты говоришь по-русски?» «Я, чай, казанска татарин!» — отвечал тот с акцентом. Мемуарист резюмировал эту встречу словами: «значит, земляки, — свои люди»⁴⁴.

Благодаря Императорскому православному палестинскому обществу (ИППО) и Русской духовной миссии (РДМ) в Иерусалиме и других местах Святой земли также были созданы странноприимицы для проживания российских паломников. В первых же строках очерка о поездке к Мамврийскому дубу автор сообщает, что паломники отправились к нему с «Русских построек»⁴⁵. Этот комплекс зданий находился на окраине Иерусалима и включал в себя Троицкий собор, просторные подворья для паломников, дома РДМ, российского консульства и больницы. Они были выстроены в 1860–1872 гг. Палестинским комитетом — предшественником ИППО, а затем переданы этому обществу. Значительную часть участков для других русских религиозных и социально-культурных опорных точек приобрел в Палестине архимандрит Антонин, который возглавлял Русскую духовную миссию в Иерусалиме в 1865–1894 гг. Он упомянут в мемуарах о. Иоанна в связи с тем, что основал подворье для русских паломников около Мамврийского дуба. Не случайно в тексте рассматриваемых нами мемуаров оно названо «Антониновской странноприимницей». В ней автор мемуаров встретил самый радушный прием. О. Иоанн особо отметил, что номера в паломниче-

⁴² Там же. № 35. С. 919–920.

⁴³ Там же. № 19. С. 490.

⁴⁴ Там же. № 33. С. 862.

⁴⁵ *Добротворский И.* К дубу Мамврийскому. С. 1.

ской гостинице были комфортными, по русской традиции путникам был предложен чай⁴⁶.

В начале XX в. у дуба строился храм во имя святых Праотцев. Роскошное облачение для его ризницы было пожаловано председательницей ИППО великой княгиней Елизаветой Федоровной. Храм был полностью возведен в 1914 г., но в связи с начавшейся Первой мировой войной был освящен только в 1925 г.⁴⁷

Очень важным было то, что наши паломники путешествовали по своей Святой земле не на свой страх и риск. Палестинское общество наняло для них проводников-кавасов. Протоиерея И. Добротворского сопровождал молодой черногорец Николай; уроженцами этой южно-славянской страны были и другие проводники наших паломников⁴⁸.

Несмотря на слухи и страхи по поводу враждебности внешней среды, автор отмечал, что действительность часто отличалась от ожиданий, и отношение к русским паломникам на Ближнем Востоке было заметно лучше, чем к путешественникам из Западной Европы. Об этом свидетельствует приведенный И. Добротворским диалог российского паломника А.Н. Эррахтена с местным жителем: «Спросит, например... почти в упор указывая на тебя пальцем: Москов? — Ответишь ему в шутку: но, Инглези (Англичанин). Надуется и отвернется. Чтобы утешить его, снова скажешь ему: но, но, Москов. Обрадуется и начнет ласкаться»⁴⁹. Комментарии к этой цитате, как говорится, излишни.

Подводя итоги, следует констатировать, что путешествие на Восток оставляло у российских православных паломников глубокие и незабываемые впечатления. Их можно разделить на позитивные и негативные. Начнем с впечатлений положительных.

Самые важные из них — это глубокие религиозные переживания от посещения и молитв у главных христианских святынь в Царьграде и на Святой земле. Причем у многих православных поклонников коллективные религиозные переживания в толпе своих земляков нередко были более глубокими, чем индивидуальные. Большое впечатление на паломников произвело общение со своими единоверьцами в чуждой окружающей среде — иноверной, инокультурной, инопзычной. Именно благодаря этому общению формировалась конфессиональная и одновременно

⁴⁶ Там же. С. 2, 5.

⁴⁷ Россия в Святой Земле. Документы и материалы. В 3 т. М., 2017. Т. 2. С. 809, 884.

⁴⁸ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. С. 1.

⁴⁹ Там же. С. 8.

национальная идентичность наших паломников. Большинство местного населения — турки и арабы относились вполне терпимо к православной религии и даже благожелательно — к самим россиянам. По наблюдениям паломников, в том числе и автора мемуаров, отношение было заметно лучше, чем к западным туристам паломникам, что вызывало у них закономерное чувство патриотизма.

С другой стороны, было немало и негативных впечатлений. В первую очередь удручал и, более того, возмущал паломников вид великих христианских святынь, перешедших в руки иноверцев и поруганных ими. Кроме того, вызывали дискомфорт многие проявления окружавшей их иноверной и инокультурной среды, нравы и обычаи, серьезно отличавшиеся от того, к чему они привыкли на родине. Постоянно возникали опасения о том, как бы не сделать неверный шаг, последствия которого могли быть непредсказуемо печальны. Нельзя было не заметить, что часть мусульманского населения демонстрировала если не открытую враждебность, то неприязнь к русским паломникам, прежде всего, как к иноверцам. Наконец, наших земляков удивляло и раздражало постоянное попрошайничество большинства местных жителей, которые считали, что русские обязаны заниматься благотворительностью и платить бакшиш не только за реальные, но и за воображаемые услуги.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Авторский вклад

А.М. Абидулин — разработка концепции, курирование данных, формальный анализ, административное руководство исследовательским проектом, проведение исследования, валидация результатов, визуализация, написание черновика рукописи.

К.Е. Балдин — разработка методологии, научное руководство, проведение исследования, валидация результатов, визуализация, написание рукописи — рецензирование и редактирование.

Список литературы / References

1. Гусев Н.Г. Путешествие в Святую Землю. *Вятские епархиальные ведомости*. 1900;(7):272–295.
Gusev N.G. A journey to the Holy Land. *Vyatskie Eparkhial'nye Vedomosti*. 1900;(7):272–295 (in Russ.).
2. Добротворский И. К дубу Мамврийскому. Из записок сергачского паломника-туриста. Н. Новгорода, 1915.
Dobrotvorsky I. *To the oak of Mamre: From the notes of a Sergach pilgrim-tourist*. Nizhny Novgorod, 1915 (in Russ.).
3. Добротворский И. Константинополь (Из воспоминаний сергачского паломника-туриста). *Нижегородский церковно-общественный вестник*. 1913;(11):283–286; (12):314–317; (19):490–493; (33):862–863; (35):918–921; (38):1001–1003.
Dobrotvorsky I. Constantinople (From the memoirs of a Sergach pilgrim-tourist). *Nizhegorodskii Tserkovno-Obshchestvennyi Vestnik*. 1913;(11):283–286; (12):314–317; (19):490–493; (33):862–863; (35):918–921; (38):1001–1003 (in Russ.).
4. Елисеев А.В. По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого света (в 4 т.). Т. 1. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1915. 361 с.
Eliseev A.V. *Around the world: Sketches and pictures from travels across three parts of the Old World* (in 4 vols.). Vol. 1. St. Petersburg: Printing house of P.P. Soykin, 1915. 361 p. (in Russ.).
5. Кавелин Леонид, архим. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М.: Индрик, 2008. 639 с.
Kavelin Leonid, Archimandrite. *Old Jerusalem and its environs: From the notes of a monk pilgrim*. Moscow: Indrik, 2008. 639 p. (in Russ.).
6. *Россия в Святой Земле. Документы и материалы* (в 3 т.). Т. 2. М.: Индрик, 2017. 1094 с.
Russia in the Holy Land: Documents and materials (in 3 vols.). Vol. 2. Moscow: Indrik, 2017. 1094 p. (in Russ.).
7. Скалон Д.А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 г. М.: Индрик, 2007. 220 с.

Skalon D.A. *A Journey through the East and the Holy Land in the suite of Grand Duke Nikolai Nikolaevich in 1872*. Moscow: Indrik, 2007. 220 p. (in Russ.).

8. Трапицын А. Из впечатлений паломника во Святую Землю. *Вятские епархиальные ведомости*. 1878;(5):139–151.

Trapitsyn A. From the impressions of a pilgrim to the Holy Land. *Vyatskie Eparkhial'nye Vedomosti*. 1878;(5):139–151 (in Russ.).

 Абидулин Алим Маратович
Alim M. Abidulin

кандидат исторических наук,
доцент кафедры восточных языков
и лингвокультурологии Нижегородского
государственного университета,
ORCID: 0000-0002-3322-0240

C.Sc. (History), Associate Professor of the
Department of Oriental Languages and
Linguocultural Studies Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod,
ORCID: 0000-0002-3322-0240

 Балдин Кирилл Евгеньевич
Kirill E. Baldin

доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Ивановского государственного
университета,
ORCID: 0000-0002-7568-0528

D.Sc. (History), Professor, Leading
Researcher, Ivanovo State University,
ORCID: 0000-0002-7568-0528

Поступила в редакцию /
Received
05.11.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
15.12.2025

Принята к публикации /
Accepted
12.01.2026

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.004)

Оригинальная статья / Original paper

А.П. Шевырев¹, С.С. Юдин²

¹Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация,

²Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: ¹london7579@yandex.ru, ²stasstas08@mail.ru

Военные и морские реформы при Александре III

Аннотация

В статье рассматривается состояние и развитие российской армии и флота в царствование императора Александра III (1881–1894 гг.) как важный этап в эволюции вооруженных сил Российской империи конца XIX в. В основе военной и военно-морской политики периода 1881–1894 гг. лежало, с одной стороны, продолжение и развитие реформ предыдущего этапа, с другой стороны, корректировка ряда мер и адаптация к изменяющимся внешне- и внутриполитическим условиям. На основе анализа системы военного управления, технического перевооружения, материального обеспечения, а также кадровой политики авторы выявляют противоречие между модернизационными тенденциями в армии и во флоте и общим консервативным курсом верховной власти. Несмотря на отдельные успехи, касающиеся развертывания строительства флота, увеличения численного состава и боевой готовности армии, уже к 1894 г. становятся заметны негативные процессы, которые впоследствии обострятся при Николае II. К середине 1890-х гг. стратегические вопросы обороны начали вступать в противоречие с общей политической линией последних Романовых, ориентированной на сохранение социальной стабильности. Эти противоречия проявились в сфере материального обеспечения (во-

оружие, крепостное строительство, развитие железнодорожной сети, кораблестроение) и особенно ярко в решении «офицерского вопроса» — проблем социального состава, престижа карьерного роста и профессиональной подготовки командного корпуса. Авторы приходят к выводу, что именно в период правления Александра III были заложены предпосылки тех кризисных явлений, которые определяют состояние русской армии и флота, приведут к военным и политическим поражениям в начале XX в.

Ключевые слова:

Александр III; Российская империя; армия; флот; военные реформы; модернизация; офицерский корпус

Для цитирования:

Шевырев А.П., Юдин С.С. Военные и морские реформы при Александре III // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 102–139. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.004)

Alexander P. Shevyrev¹, Stanislav S. Yudin²

¹*Faculty of History, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation,*

²*Unaffiliated Researcher, Moscow, Russian Federation
E-mail: ¹london7579@yandex.ru; ²stasstas08@mail.ru*

Military and Naval Reforms under Alexander III

Abstract

The article examines the condition and development of the Russian army and navy during the reign of Emperor Alexander III (1881–1894) as an important stage in the evolution of the armed forces of the Russian

Empire in the late nineteenth century. The military and navy policy of this period was based, on the one hand, on the continuation and further development of the reforms of the previous reign, and on the other, on the revision of certain measures and their adaptation to changing external and internal political conditions. Through an analysis of the system of military administration, technical rearmament, material support, and personnel policy, the authors identify a contradiction between the modernization trends within the army and navy and the overall conservative course of the supreme power. Despite certain achievements — such as progress in naval construction, an increase in the size and combat readiness of the army — by 1894 negative tendencies had already become apparent, which would later intensify under Nicholas II. By the mid-1890s, strategic issues of national defense had begun to conflict with the general political line of the late Romanovs, aimed at preserving social stability. These contradictions were evident in the areas of material supply (armaments, fortress construction, the development of the railway network, shipbuilding), and most vividly in addressing the “officer question”, which concerned the social composition, prestige, career development and professional training of the officer corps. The authors conclude that it was during the reign of Alexander III that the foundations were laid for the crisis phenomena that would determine the condition of the Russian army and navy and lead to the military and political defeats of the early twentieth century.

Keywords:

Alexander III; Russian Empire; Army; Navy; Military Reforms; Naval reforms; Modernization; Officer Corps

For citation:

Alexander P. Shevyrev, Stanislav S. Yudin. Military and Naval Reforms under Alexander III // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 102–139. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.004)

Застой?

В 1881 г. оценка состояния русской армии и флота определялась неоднозначными итогами Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и растущей угрозой со стороны Германии. Но к моменту смерти в 1894 г. Александра III ее престиж снова стоял достаточно высоко. Войска обладали многими новейшими техническими средствами, а Черноморский флот был восстановлен. Однако всего через 10 лет последует жестокий удар в виде поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг., а затем армейские части и морские экипажи будут вовлечены в революцию 1905–1907 гг. Эти бурные события заставят смотреть на предшествующие мирные десятилетия как на период застоя, медленного увядания военной и военно-морской мощи Российской империи.

Среди историков существует консенсус¹ о застойных тенденциях в военной и военно-морской сферах, но слабо изучена их динамика. Действительно ли мы можем рассматривать историю русской армии и флота после 1881 г. как равномерное движение к поражениям в Маньчжурии и Цусимском проливе? Или же была резкая грань, за которой негативные тенденции усилились? Не составляет ли смена царствования в 1894 г. такой грани?

Другой важный и слабо изученный вопрос заключается в природе этого упадка. Часть историков вслед за А.А. Керсновским² склонна выводить корень негативных тенденций в военных реформах Д.А. Милютина, в их незавершенном характере или даже в ими порожденной «бюрократизации» армии. Другие придают повышенное значение личностям, включая Александра III, Николая II, их окружение и наиболее видных представителей генералитета³. Для их логики важно, что в 1881 г. начались навязанные сверху «контрреформы», в атмосфере которых царствовала серость и некомпетентность. Поэтому вопрос о разрыве или преемственности в войсках и во флоте

¹ Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия Российской империи. 1861–1914. М., 2016. С. 129.

² Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 14.

³ Бескровный А.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 100; Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973. С. 3; Биографии наиболее видных деятелей: Кочуков С.А. П.С. Ванновский — военный министр России (1881–1898 гг.). Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Саратов, 2003; Айрапетов О.Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017; Юдин С.С. Солдат империи. Генерал М.И. Драгомиров. Стратег. Учитель. Полководец. М., 2022.

Дмитрий Алексеевич Милютин.
Из открытых источников

по отношению к царствованию Александра II представляется особенно важным.

В военно-морской историографии сомнений в плодотворности реформ, проведенных генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем в первое десятилетие его управления морским ведомством, не возникает⁴. Но исследователи отмечают, что с середины 1860-х гг. великий князь отстранился от непосредственного командования морским ведомством и передал бразды правления своему послушному заместителю Н.К. Краббе. После этого курс морской политики стал слишком произвольным и недостаточно продуманным. Чрезмерное упрощение административной структуры Морского министерства по итогам реорганизации 1867 г. и увлечение строительством круглых судов — «поповок» имели своим следствием низкую боеспособность Черноморского флота⁵.

Как в военной, так и морской историографии специалисты уделяют большое внимание объективным обстоятельствам, в которых развивались вооруженные силы Российской империи. Переход к массовым, многомиллионным армиям, сложная стратегическая обстановка на

⁴ Воронин В.Е. Государственная деятельность великого князя Константина Николаевича до начала 60-х гг. XIX в.: Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1996; Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: Либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

⁵ Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006. С. 11–18, 315.

Великий князь Константин Николаевич.
Из открытых источников

западных границах, а также в Балтийском и Черном морях и на Тихом океане, стремительное развитие технических средств, крупные социально-экономические перемены, недостаток бюджетных средств — все это несомненно усложняло задачу личностям, призванным к управлению армией и флотом. Однако соотношение объективных и субъективных факторов остается предметом дискуссий.

Немало вопросов вызывают пути возможного выхода, которыми не воспользовалось руководство армии. Опираясь на пример германской армии и мнения некоторых авторитетных современников, целый ряд историков⁶ высказывали сожаление о том, что в Российской империи так и не состоялось выделение Генерального штаба в самостоятельный орган планирования. Такой шаг кажется логичным с точки зрения масштаба возникших стратегических задач, но его политические последствия трудно предсказать⁷. Вполне понятно, что консервативные монархи, вроде Александра III, предпочитали держать армию под контролем послушных бюрократов, вроде П.С. Ванновского.

Относительно реформирования флота при Александре III у историков в целом существует единодушие. То, что в тупик морское ведомство

⁶ Steinberg J.W. All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington D.C., 2010. P. 6; Меннинг Б.У. Указ. соч. С. 143–145; Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 294.

⁷ Rich D. A. The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge MA, London, 1998. P. 6.

Александр III.
Из открытых источников

зашло еще в конце предыдущего царствования, стало очевидным в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда оказалось, что Черноморского флота по сути дела и нет, несмотря на то что с момента отмены ограничительных статей Парижского мирного договора до начала войны прошло шесть лет. Поэтому главные достижения этого периода — возрождение Черноморского флота и строительство мореходных броненосцев на Балтике — трудно было ставить под сомнение⁸. Столь же единодушны историки и в оценке неблагоприятных последствий введения во флоте морского ценза⁹. Однако история флота по-прежнему большей частью сводится к истории морских кампаний и сражений, истории отдельных кораблей и их плаваний. Если говорить о более общих вопросах флотской истории в период царствования Александра III, то наиболее разработанной можно считать проблему морской политики, которой

⁸ Кондратенко Р.В. Указ. соч. С. 316; Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия российского флота, XIX — начало XX века. М.; СПб., 2004. С. 478–481; Грибовский В.Ю. Флот в эпоху Александра III: Корабли открытого моря // Морской сборник. 1995. № 9. С. 83–88.

⁹ Никитин В.О. Закон и реальность. «Положение о морском цензе для офицеров флота 1885 года» // Россия XXI. 2011. № 6. С. 58–75; он же. Морской ценз в Российском флоте // Военно-исторический журнал. 2016. № 1. С. 10–15; Кондратенко Р.В. Указ. соч. С. 315.

посвящена фундаментальная монография Р.В. Кондратенко, а также диссертации В.А. Болтрукевича, А.Д. Федечкина¹⁰. В этих исследованиях прослеживается связь перемен в морской стратегии с теми внешнеполитическими вызовами, с которыми сталкивалась Россия в период правления царя-мироотворца. Остаются малоисследованными вопросы, связанные с реформами морской администрации, морского образования, с экономическими аспектами кораблестроения и иной хозяйственной деятельностью Морского министерства и портовых учреждений.

Военное и Морское министерства: люди и администрация

В 1881 г. на престол взошел император Александр III. Для русской армии и флота перемена царствования, прежде всего, ставила вопрос о продолжении курса, начатого военными реформами 1850–1870-х гг. Внешнеполитическая обстановка во многом оставалась прежней, продиктованной итогами Франко-прусской войны 1870–1871 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В записке начала 1881 г. Д.А. Милютин высказывал мрачный прогноз: «Все происходящее в Европе свидетельствует, что мы переживаем лишь перемирие и, быть может, очень непродолжительное»¹¹. Несмотря на то, что Александр III войдет в историю как Миротворец, армия и флот должны были готовиться к войне.

Гибель Александра II и последовавший затем Манифест 29 апреля 1881 г., декларирующий незыблемость самодержавия, сделали невозможным пребывание Д.А. Милютина на посту военного министра. 22 мая (3 июня) 1881 г. управляющим Военным министерством стал генерал П.С. Ванновский, бывший начальник штаба Рушукского отряда. 1(13) января 1882 г. последовало его утверждение военным министром. Начальником Главного штаба при нем стал генерал Н.Н. Обручев, близкий сотрудник Милютина. Ванновский и Обручев составили тандем, стоявший во главе военного ведомства до 1898 г. Консервативный военный министр и руководитель Главного штаба, имевший репутацию

¹⁰ Кондратенко Р.В. Указ. соч.; Болтрукевич В.А. Развитие Императорского Российского флота во второй половине XIX века в восприятии военно-морских кругов: Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2014; Федечкин А.Д. Создание и совершенствование конструкции броненосных крейсеров Российского флота во второй половине XIX века (1869–1901): Проблемы и решения: Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. СПб., 2019.

¹¹ Цит. по: Величко К.И. Русские крепости в связи с операциями полевых армий в Мировую войну. Л., 1926. С. 20–21.

Петр Семенович Ванновский.
Из открытых источников

«либерала», отражали противоречивый характер политики по отношению к армии, в которой сочетались преемственность с эпохой Великих реформ и новые охранительные тенденции.

Как только выяснилась отставка Д.А. Милютина, активизировалась оппозиция военным реформам. После смерти князя А.И. Барятинского в 1879 г. ее неформальным лидером стал князь И.И. Воронцов-Дашков, близко стоявший к новому императору¹². Р.А. Фадеев, как и прежде, играл роль идейного вдохновителя и мотора¹³. Вместе они ставили цель провести масштабные преобразования в центральной военной администрации по образцу устройства, существовавшего после 1812 г. с сильным и независимым начальником Главного штаба, представителем строевого командования, и слабым военным министром, который бы отвечал лишь за хозяйственные вопросы. Дополнительным аргументом в пользу такой «контрреформы» было некоторое внешнее сходство с устройством управления германской армией, которая после 1871 г. задавала тон в военном мире. Однако главным намерением Воронцова-Дашкова и Фадеева было устранить пагубное, с их точки зрения, влияние «военной бюрократии». Тем не менее учрежденная по их инициативе Особая

¹² Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005. С. 221.

¹³ Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 137.

Николай Николаевич Обручев.
 Из открытых источников

комиссия для обсуждения Высочайше преподанных вопросов обустройства военного управления под председательством графа П.Е. Коцебу не одобрила коренную ломку милютинских порядков. По всей видимости, противодействие Ванновского и Обручева, опасение больших расходов и отсутствие внятного проекта нового устройства сыграли решающую роль в провале этой военной «контрреформы»¹⁴.

В июле 1881 г. в письме Милютину Обручев выражал уверенность в устойчивости прежней системы: «Палаццо же будет все стоять и все будут знать, как его звать»¹⁵. Так и вышло: структура управления русской армией осталась прежней. Руководство осуществлялось Ванновским и Обручевым, большое влияние сохраняли авторитетные «герои» 1877 г. И.В. Гурко и М.И. Драгомиров, а также великие князья Владимир Александрович, Николай Николаевич Старший и Михаил Николаевич.

В морском ведомстве кадровые перемены носили более драматический характер. Помимо того что генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич был наиболее активным сторонником продолжения реформаторского курса Александра II, он вызывал личную неприязнь у Александра III. Поэтому в мае 1881 г. генерал-адмирал вынужден был уехать из

¹⁴ Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 102; Юдин С.С. Генерал М.И. Драгомиров и проекты реформирования военной администрации в 1881 г. // Российская история. 2016. № 6. С. 55.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 169. К. 71. Д. 61. Л. 5 об.

Петербурга в свое крымское имение Ореанда, а вслед за этим император в ультимативной форме потребовал, чтобы Константин Николаевич сам написал прошение об отставке со всех своих должностей, что после некоторых пререканий и было сделано. Великий князь, правда, рассчитывал, что он формально продержится в своей должности до августа, когда исполнялось 50 лет его службы в звании генерал-адмирала, но 13 июля 1881 г. своим указом Александр III уволил Константина Николаевича и назначил главой флота генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича.

Задачей нового начальника было круто свернуть морское ведомство с того пути, которым оно следовало при прежнем главе флота. Зная, очевидно, о слабости характера Алексея Александровича, император в январе 1882 г. назначил ему в помощь управляющим Морским министерством И.А. Шестакова, человека жесткого, желчного и к тому же обиженного в предыдущее царствование, правда, не самим Константином Николаевичем, а управляющим Морским министерством Н.К. Краббе. Подозревая, что «в морском деле замышляются радикальные перемены и что ради их выбор и пал на Шестакова», опальный великий князь тем не менее «не мог допустить, чтобы Шестаков мог сделаться изменником ни передо мною, ни перед своим прошлым»¹⁶. Но еще в июне 1881 г., т.е. до начала кадровых перемен, при первой своей аудиенции у Александра III Шестаков двусмысленно заявил, что «ломать не должно, но нужно непременно ликвидировать все, чтобы Алексей [Александрович. — А.Ш., С.Ю.] вступил в должность без оков и затруднений»¹⁷.

Став управляющим министерством, Шестаков повел политику, которая строилась на преодолении ошибок предыдущего руководства. Но формально основные задачи, которые ставил перед ведомством Константин Николаевич в начале своего начальствования над флотом, оставались неизменными и при его преемнике. Эти задачи воспроизводились в отчете Алексея Александровича за период царствования Александра III и заключались они: «1) в возможно большем развитии плаваний военных судов в дальних морях и океанах для создания истинных моряков и для поддержания международного значения России; 2) в независимости нашего отечества от иностранных верфей и заводов в деле сооружения военных судов и 3) в сокращении и упрощении береговой администрации до крайних пределов возможности

¹⁶ Великий князь Константин Николаевич — А.В. Головнину. 23 января/4 февраля 1882 г. // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1119. Л. 36–36 об.

¹⁷ Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Т. 1. Воспоминания (1838–1881 гг.). СПб., 2013. С. 842.

Генерал-адмирал Великий князь Алексей Александрович.
Из открытых источников

при сознании, что не флот существует для администрации, а последняя для флота»¹⁸.

Шестаков управлял Морским министерством до своей смерти в 1888 г., после чего должность управляющего до 1896 г. исполнял Н.М. Чихачев.

В отличие от военного ведомства Морское министерство подвергло свою административную структуру заметной перестройке. К моменту вступления Шестакова в должность управление морским ведомством действовало по Положению 1867 г., согласно которому вся хозяйственная деятельность была сосредоточена в портовых управлениях, а центральная администрация не имела органов ни хозяйственного управления, ни стратегического планирования. Действительно, береговая администрация была сокращена и упрощена «до крайних пределов возможности».

Почти сразу после вступления в должность, в апреле 1882 г., Шестаков инициировал работу комиссии для пересмотра действовавших узаконений об организации управления морским ведомством, но за-

¹⁸ Обзор деятельности Морского ведомства за царствование императора Александра III. 1881–1894. СПб., 1901. С. 6.

Павел Евстафьевич Коцебу.
Из открытых источников

кончить свою работу комиссия смогла лишь в 1884 г., и 3 июня 1885 г. Александр III утвердил Положение об управлении морским ведомством¹⁹. По этому Положению в составе Морского министерства появлялись пять новых органов: Главный морской штаб, Главное управление кораблестроения и снабжений, Морской ученый комитет, Морской строительный комитет и Главное военно-морское судное управление. Дела инспекторского департамента передавались в Главный морской штаб, статус гидрографического департамента повышался до главного управления, а управление генерал-штаб-доктора переименовывалось в управление главного медицинского инспектора флота.

В компетенцию Главного морского штаба (ГМШ) входило все, «касающееся охранению дисциплины во флоте и боевой его готовности»²⁰. Он был разделен на два отдела, один из которых занимался учетом личного состава, а другой имел разнообразные функции: «отвечал за обучение личного состава, контролировал хозяйственную деятельность команд, собирал сведения об иностранных военных и коммерческих флотах, торговых коммуникациях, разрабатывал программу плаваний собственных кораблей и следил за ее исполнением, вел списки судов и «делопроизводство по приготовлению их к военным действиям»». По справедливому мнению

¹⁹ ПСЗРИ. Собрание 3-е. 1885. 3 июня. № 3025.

²⁰ Там же. Ст. 29.

Иван Алексеевич Шестаков. Худ. Александр Першаков.
Из открытых источников

Р.В. Кондратенко, при «относительной слабости российских сил» и неизменности в силу этого прежней стратегии использования флота «настоятельной необходимости в преобразовании стратегической части ГМШ в особый генеральный штаб Морское министерство не испытывало»²¹.

Стратегия: крепости и железные дороги

Военные реформы 1850–1870-х гг. обеспечивали русской армии прочную структуру управления во главе с Военным министерством и надежный механизм комплектования. Введенная в 1874 г. всеобщая воинская повинность позволяла содержать под ружьем в мирное время 844 тыс. (1881 г.), 940 тыс. (1894 г.) и даже более 1 млн (1904 г.) чел. При этом накапливался значительный запас (вырос с 1 до 2,24 млн в 1881–1890 гг.), который позволял в военное время сформировать действительно массовую армию. Мобилизационное расписание 1903 г. определяло общий состав войск в военное время в 3 млн чел.²² Русская армия окончательно

²¹ Кондратенко Р.В. Указ. соч. С. 137–138.

²² Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования государя императора Александра Александровича: 1881–1890. СПб., 1892. С. 2; Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 123; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 42–43; Меннинг Б.У. Указ. соч. С. 160.

переставала быть профессиональным войском с длительными сроками службы. А.Ф. Редигер подводил итог этим тенденциям: «Армия ныне обратилась в школу, через которую проводится возможно большая часть мужского населения, в кадр тех громадных сил (вооруженного народа), кои выставляются в случае войны»²³.

Однако армии других великих держав были не менее многочисленны и рационально организованы²⁴. В случае большой европейской войны нельзя было рассчитывать на принципиальное численное преимущество. Соответственно, на первый план выходили качественные показатели: быстрота мобилизации и концентрации, решения командования, качество войск и их вооружение и т. п. Ванновскому и Обручеву предстояло сосредоточить свои усилия на улучшении именно этих показателей. Два обстоятельства представляли серьезные препятствия на этом пути.

Во-первых, русская армия снова находилась в ситуации жесткой экономии. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. привела к значительному дефициту бюджета, и финансовые последствия балканского конфликта удалось преодолеть только к концу 1880-х гг. Расходы Военного министерства сократились с 253,6 млн руб. в 1881 г. до 204,9 млн руб. в 1882 г. Существенный рост этих расходов произошел только на рубеже 1880–1890-х гг.: 213,4 (1888 г.), 227,7 (1889 г.), 243 (1890 г.), 254,7 (1891 г.) млн руб. В конце царствования Александра III военные расходы достигли 284,4 млн руб. (1894 г.)²⁵. В 1880-е гг. ситуация не оставляла выбора: приходилось рассрочивать необходимые расходы на несколько лет и откладывать некоторые затратные проекты.

Во-вторых, в случае войны с Германией и Австро-Венгрией на западных границах Российской империи складывалась крайне неблагоприятная обстановка. Две соседние державы значительно опережали по темпу мобилизации и сосредоточения силы Александра III. По прогнозам конца XIX в., Германия заканчивала бы сосредоточение и развертывание своих армий на русском фронте на 12-й день, Австро-Венгрия — на 15-й, тогда как развертывание всех русских войск продолжалось около 32 дней²⁶. Конфигурация границ позволяла вой-

²³ Редигер А. Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., 1900. С. 176.

²⁴ Численность войск основных европейских держав в мирное (военное) время в 1892 г.: Германия — 521 тыс. (2,37 млн), Австро-Венгрия — 317 тыс. (1,16 млн), Франция — 552 тыс. (2,6 млн), Италия — 249 тыс. (1,16 млн), Великобритания — 382 тыс. (900 тыс.) чел. (Бескровный А.Г. Указ. соч. С. 43).

²⁵ Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 81.

²⁶ Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне. М., 1926. С. 41.

Николай Матвеевич Чихачев. 1895–1900 гг.
Из открытых источников

скам Тройственного союза охватить русские силы в «польском выступе» (территории Российской империи, глубоко вдававшейся на запад). Русское командование было бы поставлено перед альтернативой: либо очищать Царство Польское, либо принимать бой в неблагоприятных обстоятельствах с высокой вероятностью быть отрезанными.

Чтобы компенсировать эту стратегическую уязвимость, необходимо было проводить целый комплекс мероприятий, включавших строительство пограничных крепостей, передислоцирование войск из глубины территории к границам, проведение дополнительных железнодорожных линий и общее повышение мобилизационной готовности. Но нехватка средств ограничивала возможности Ванновского и Обручева.

Военное руководство должно было активизировать строительство современных крепостей, чтобы не допустить быстрого разгрома войск в «польском выступе». К 1881 г. на западной границе находилось лишь несколько устаревших крепостей: Динабург, Новогеоргиевск, Варшавская цитадель, Ивангород, Брест-Литовск, Киев и Бендеры, а во второй линии — Бобруйск.

В начале 1881 г. тогдашний военный министр Д.А. Милютин признал существующее положение дел с укреплениями на западной грани-

це неудовлетворительным. Были намечены первоначальные работы по модернизации укреплений Новогорьковского, Варшавы и Ивангорода, а также строительству крепостей Осовец, Дубно и Ковно. Общие расходы должны были составить 32 млн руб.²⁷ К началу 1890-х гг. этот план был в основных чертах выполнен. Варшава была превращена в одну из самых обширных в мире крепостей с 14 фортами и наружной линией около 47 верст. Однако другие проекты трудно признать удачными. Форт-застава Дубно был плохо расположен, плохо построен и стал предметом коррупционного скандала²⁸. В 1886–1887 гг. успешные испытания крупнокалиберных фугасных снарядов вновь сделали укрепления на западной границе устаревшими. Мощный рывок в деле атаки крепостей требовал таких же мощных усилий со стороны обороны, но это означало новые расходы, целесообразность которых была под вопросом. В 1890-е гг. Военное министерство будет постепенно сворачивать фортификационную программу.

Альтернативой широкому крепостному строительству было развитие сети железных дорог. Меры в этом направлении могли радикально увеличить скорость мобилизации и концентрации, что позволило бы «отыграть» преимущество Германии и Австро-Венгрии. Еще в 1873 г. было намечено 11 железнодорожных линий, строго необходимых для обороны западной границы. Однако к 1888 г. было приступлено к строительству трех из них. В том же году Главный штаб получил отказ на решительное требование постройки 959 верст новых путей и переделки 602 верст в двухколейную линию. В 1881–1888 гг. предполагалось строительство 2655 верст дорог с твердым покрытием, но было закончено только 40 верст (1,5%)²⁹. За 1880-е гг. России удалось увеличить протяженность своих железных дорог на 33%, Германии — на 25%, Австро-Венгрии — на 44%³⁰. К 1900 г. Российская империя обгоняла Австро-Венгрию по обеспеченности железных дорог пар-

²⁷ Величко К.И. Указ. соч. С. 18–20.

²⁸ Service Historique de la Défense (SHD GR) 7 N 1472. Nomination du général Zabotkine à la tête de la Direction du Génie (10 novembre 1890); SHD GR 7 N 1472. Au sujet du fort de Doubno (1 juin 1891); Очерк деятельности Военного министерства... С. 181.

²⁹ Fuller W. Strategy and Power in Russia. 1600–1914. New York; Toronto, 1992. P. 339.

³⁰ В 1880–1890 гг. протяженность железных дорог увеличилась в России с 22,9 до 30,6 тыс. км; в Германии с 33,3 до 41,8 тыс. км; в Австро-Венгрии с 18,4 до 26,5 тыс. км (Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 231; Энциклопедический словарь: В 86 т. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XIa. СПб., 1894. С. 783).

возами, вагонами и персоналом, но проигрывала по тем же показателям Германии³¹.

Еще одним средством ускорения мобилизации было размещение войск ближе к западной границе и повышение их боевой готовности. Численность войск в Варшавском, Киевском и Виленском округах в мирное время возросла с 227 тыс. (1883) до 610 тыс. чел. (1893). Последняя цифра составляла около 45% всей армии мирного времени. Но смена дислокации также означала новые расходы на строительство казарм, складов и т.д.³² Низкая обеспеченность казармами была вековым слабым местом русской армии, которое сказывалось, прежде всего, на качестве обучения частей, разбросанных на большом пространстве. В 1883 г. началось строительство казарм хозяйственным способом (силами самих войск). Доля частей, живших в казармах, росла медленно: с 57,1% (1885) до 61,5% (1894)³³.

Начало строительства Транссибирской магистрали в 1891 г. привело к замедлению железнодорожного строительства, связанного с обороной западной границы. Как и в случае с крепостями, значительные траты не привели к радикальному улучшению стратегической ситуации в гипотетическом конфликте с Центральными державами.

Стратегия: Черноморский флот и мореходные броненосцы

Стратегия морского ведомства в начале 1880-х гг. определялась теми новыми внешнеполитическими обстоятельствами, которые сложились к этому времени. «Зачаточное состояние»³⁴ Черноморского флота имело следствием то, что Россия не смогла в полной степени воспользоваться плодами своих побед на суше в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Образование Германской империи создало новую ситуацию на Балтике. И если в 1860-е гг. задача создания флота, превосходящего совокупные силы всех балтийских государств, была вполне выполни-

³¹ Соловьева А.М. Указ. соч. С. 303.

³² Fuller W. Op. cit. P. 342.

³³ Русское военное обозрение. Положение о постройке казарм распоряжением войскового начальства хозяйственным способом // Военный сборник. 1887. № 5. С. 27; Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1894 год. СПб., 1896. С. 7.

³⁴ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л.: Госвоениздат, 1926. С. 24.

мой, то быстро развивающийся флот Германской империи становился уже довольно опасным соперником. Другой задачей Балтийского флота в 1860–1870-е гг. было успешное противостояние заведомо превосходящим в силе британскому и французскому флотам за счет сочетания броненосцев береговой обороны и кораблей, предназначенных для крейсерских операций на коммуникациях противника. Однако «сочетание береговой обороны и океанского крейсерства, казавшееся уместным при столкновении с Англией или Францией, не обещало успеха в борьбе против объединившейся Германии или Турции»³⁵. Наконец, укрепление военной и морской силы Китая и Японии требовало соответствующего усиления флота на Дальнем Востоке в случае обострения там политической ситуации.

В августе 1881 г. состоялось совещание с участием военного министра П.С. Ванновского, министра иностранных дел Н.К. Гирса и управляющего Морским министерством И.А. Шестакова под председательством великого князя Алексея Александровича. На нем было решено, что первоочередной задачей Морского министерства будет строительство боеспособного Черноморского флота, который мог бы обеспечить «безусловное господство на водах Черного моря», а в случае вмешательства других держав в войну с Турцией «овладеть устьем Босфора, укрепиться на обоих берегах и, став прочно у входа в Черное море, оградить его берега и воды от всякого посягательства». Не отказываясь от идеи оборонительного флота на Балтике, совещание признавало, что «оборона берегов Балтийского моря должна быть активная, не допускающая блокады и готовая воспользоваться всяким удобным случаем для перехода в наступление». Наконец, для решения дальневосточной проблемы предполагалось, что «в случае отдельных столкновений с Китаем или Японией [...] предстоит откомандирование в воды Тихого океана эскадры из состава Балтийского и Черноморского флотов». Признавалось также необходимым «располагать в водах Тихого океана достаточным количеством крейсеров, которые могли бы в случае столкновения с европейскими державами серьезно угрожать их торговле»³⁶. Крейсера, отмечает исследователь В.А. Болтрукевич, «по-прежнему рассматривались правящими кругами как единственное сильное средство для нанесения урона интересам по-

³⁵ Кондратенко Р.В. Указ. соч. С. 14–15.

³⁶ Цит. по: Кондратенко Р.В. Указ. соч. С. 76.

Михаил Иванович Драгомиров. Худ. И.Е. Ретин.
 Из открытых источников

тенциальных противников русского государства»³⁷, т.е. за пределами Балтийского и Черного морей.

В 1882 г. Александр III утвердил судостроительную программу на 20 лет, которая предусматривала пополнение Балтийского флота 16 броненосцами и 11 крейсерами, а Черноморского флота — 8 броненосцами, а также сооружение 41 судна меньшего ранга для всех флотов³⁸. Впоследствии эта программа неоднократно корректировалась. Решению поставленных задач способствовал рост морского бюджета в 1880-е гг. опережающими темпами в сравнении с бюджетом Военного министерства. Он увеличился с 30,7 млн руб. в 1882 г. до 40,9 млн руб. в 1888 г.³⁹, т.е. на 33%, в то время как военный бюджет за эти годы вырос всего на 4%. Однако к концу министерства И.А. Шестакова в 1888 г. было построено (вступили в строй или спущены на воду): на Балтике только один броненосец и четыре крейсера (два фрегата и два корвета), а на Черном море — три броненосца и шесть канонерских лодок⁴⁰.

³⁷ Болтрукевич В.А. Эволюция типа русского корабля крейсерского класса на протяжении второй половины XIX в. в восприятии военно-морских кругов // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 2 (10). С. 21.

³⁸ Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902 гг.). СПб., 1902. С. 217–218.

³⁹ Там же. С. 243–244.

⁴⁰ Моисеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М.: Воениздат, 1948. С. 52–53, 66–67, 278–279, 320–323.

И если на Черном море русские броненосцы превосходили по количеству и качеству турецкие, то на Балтике превосходство броненосных сил Германии только увеличивалось.

С середины 1880-х гг. в судостроительные программы стали включать миноносцы. Идеи французской «молодой школы» были популярны в России, поскольку отвечали тем же задачам, которые ставил перед своим флотом назначенный в 1886 г. морским министром Франции Теофиль Об. Как Франция не в силах была конкурировать с огромным броненосным флотом Великобритании, так и Россия была неспособна угнаться за темпами германского броненосного судостроения, поэтому развитием многочисленного «малого флота» надеялись компенсировать недостаток больших броненосцев. В России эта идея базировалась еще и на успешном опыте использования минного оружия в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.⁴¹ С 1886 г. Морское министерство приступило к массовым заказам за границей и строительству миноносцев в России, и к концу царствования Александра III флот пополнился 49 миноносцами⁴². Однако, по мнению историков, «несмотря на все ожидания, порожденные первым успешным его применением, к концу XIX в. миноносец не смог полностью оправдать все возложенные на него надежды. Одновременно с совершенствованием нового класса кораблей шел процесс развития средств противодействия ему — как активных, так и пассивных»⁴³.

Люди: унтер-офицеры, офицеры и кавалерия

Как уже говорилось, боевые качества солдат и офицеров понимались как важнейший фактор в условиях столкновения массовых армий. Однако повышать эти качества становилось все сложнее. Во-первых, для накопления резерва устанавливались короткие сроки службы. Срок службы был поднят с 4 до 5 лет в 1881 г., но затем — вновь сокращен до 4 лет в 1888 г.⁴⁴ Во-вторых, в войска поступал стабильно низкий процент грамотных новобранцев — около 22%. В-третьих, в условиях продолжи-

⁴¹ Болтрукевич В.А. Указ. соч. С. 112–113.

⁴² Обзор деятельности Морского ведомства за царствование императора Александра III... С. 87.

⁴³ Болтрукевич В.А. Указ. соч. С. 122. См. также: Кондратенко Р.В. Указ. соч. С. 297–298.

⁴⁴ Очерк деятельности Военного министерства... С. 4.

тельного мира в Европе и завершения боевых столкновений в Средней Азии в деле подготовки войск приходилось полагаться исключительно на мирные средства — общие сборы, подвижные сборы и большие маневры. Последние проходили в 1886–1892 гг. под Белостоком, Елисаветградом, на Волыни и вблизи крепости Ивангород. Из них особенно пышными были Волынские маневры 1890 г., длившиеся 9 дней и задействовавшие 120 тыс. чел.⁴⁵

Очевидным слабым местом русской армии в 1880-е гг. оставались унтер-офицеры. Предполагалось иметь 33 тыс. сверхсрочнослужащих унтер-офицеров, но в действительности их число колебалось в районе 5 тыс. чел. В 1888 г. было введено пособие, которое позволило резко увеличить число сверхсрочнослужащих с 4988 чел. в 1888 г. до 7800 чел. в 1891 г.⁴⁶ Однако деньги давали ограниченный эффект, потому что сверхсрочная служба не могла конкурировать в борьбе за людские ресурсы с сельским хозяйством или предприятиями в городе⁴⁷. Предполагалось упростить доступ унтер-офицеров к офицерскому званию, но резко против этой меры выступил Ванновский⁴⁸. К концу 1890-х гг. в армии числилось около 13 тыс. сверхсрочнослужащих, но это была не слишком большая доля от потребности. П.А. Зайончковский заключал, что комплектование армии унтер-офицерами было «наиболее сложной и по существу так и оставшейся нерешенной задачей»⁴⁹.

Похожие проблемы существовали в офицерском корпусе. В результате сокращений армии мирного времени число офицеров упало с 34 917 в 1880 г. до 30 655 в 1885 г., а затем вернулось к уровню 36 568 чел. в 1895 г.⁵⁰ При этом эпоха массовых армий требовала одновременно увеличения офицерского корпуса и повышения их профессионального уровня. Военное ведомство с трудом справлялось с этими задачами. В 1882 г. были восстановлены кадетские корпуса. Целью этой «контрреформы» было придать образованию детей военный характер, укрепить кастовость офицерского корпуса и поддержать в нем дворянский, верноподданнический дух. Специальные меры были приняты для облегче-

⁴⁵ Там же. С. 83–88.

⁴⁶ Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 122.

⁴⁷ Шишло К. К унтер-офицерскому вопросу // Военный сборник. 1884. № 10. С. 235.

⁴⁸ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 161.

⁴⁹ Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 120.

⁵⁰ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 97.

ния поступления в кадетские корпуса детей дворян и офицеров⁵¹. После кадетского корпуса юноша поступал в военное училище, где проходил специальную подготовку перед производством в офицеры. Параллельно существовал менее престижный, но более быстрый путь к эполетам через юнкерские училища. К 1889 г. число выпускников из военных и юнкерских училищ практически сравнялось⁵². Одновременно предпринимались усилия, чтобы подтянуть уровень образования юнкеров, и А.И. Деникин (бывший юнкер) полагал, что в этом направлении были достигнуты значительные успехи⁵³.

Любопытно, что в царствование Александра III, отличавшееся консервативными тенденциями, радикальным реформам подверглась кавалерия, род войск, отличавшийся кастовостью и особой приверженностью к традициям⁵⁴. Преобразования в коннице были вызваны множеством причин, среди которых дороговизна, низкая эффективность в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и очевидная уязвимость перед современными средствами огневого боя. По инициативе полковника Н.Н. Сухотина в 1882 г. гусарские и уланские полки были преобразованы в драгунские. Получившаяся экономия позволила увеличить число эскадронов с 224 до 328. В том же году была учреждена Офицерская кавалерийская школа. В обучении усилился акцент на действия в пешем строю, разведке и проведении рейдов в тыл неприятеля. Отказ от традиционной роли кавалерии как средства для таранного удара на поле боя, упразднение привычной формы и наименований полков и особенно передислокация конницы в приграничные районы с плохими условиями стоянок привели к оттоку обеспеченных офицеров и недовольству оставшихся. В 1890 г. французский военный атташе отмечал слабую подготовку кавалерии, особенно гвардейской, и наметившуюся реакцию против реформ⁵⁵. Смерть генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича Старшего в 1891 г. усилила дискуссии о будущем этого рода войск. Планировавшиеся рейды вглубь территории Восточной Прус-

⁵¹ Очерк деятельности Военного министерства... С. 206–207.

⁵² Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 98–99.

⁵³ Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 233.

⁵⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 18–21; Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 294; Шаниро Б.Л. Русификация и модернизация конницы в царствование Александра III // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2019. № 4 (32) Т. 2. С. 70–86.

⁵⁵ SHD. GR 7 N 1472. Au sujet des Manoeuvres de Krasnoe-Selo et de Narva (9 septembre 1890).

Великий князь Николай Николаевич Старший. Худ. Н. Шильдер.
 Из открытых источников

сии и Галиции для срыва мобилизации и концентрации германских и австро-венгерских войск уже не выглядели перспективными⁵⁶. Начался закат «рейдоманства».

Моряки «настоящие» и «карьеристы»

В юбилейном отчете Морского министерства за 1855–1880 гг. утверждалось, что численность офицеров морского ведомства к 1 мая 1879 г. составляла 2962 человека при потребности флота в 3021 офицере⁵⁷. В отчете же за царствование Александра III говорилось, что в 1880 г. на действительной службе состояло 3209 офицеров, что превышало потребность флота на 182 человека⁵⁸. Необходимость избавиться от лишних офицеров, в особенности от тех, кто длительное время оставался на береговых должностях, стала причиной введения во флоте в 1885 г. морского ценза.

⁵⁶ SHD. GR 7 N 1472. Au sujet de l'emploi de la Cavalerie au début des opérations (8 janvier 1892).

⁵⁷ Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855–1880. Ч. 1. СПб., 1880. С. 12–13.

⁵⁸ Обзор деятельности Морского ведомства за царствование императора Александра III... С. 11–12.

Евфимий Васильевич Путятин.
Из открытых источников

Впервые идея регулировать численность и карьерное движение офицерского состава во флоте путем установления требования обязательного выхода в море на продолжении всей службы была высказана комиссией под председательством адмирала Е.В. Путятина в 1871 г.⁵⁹ Тогда же вице-адмирал Г.И. Бутаков, а в конце 1870-х гг. контр-адмирал Н.М. Чихачев представили свои записки о введении морского ценза. Эти проекты и создаваемые комиссии, по справедливому утверждению В.О. Никитина, «свидетельствуют о поиске путей изменения порядка службы офицеров»⁶⁰ еще в предшествующую эпоху.

С вступлением И.А. Шестакова в должность управляющего министерством вопрос о морском цензе был сразу включен в повестку грядущих преобразований, и 25 февраля 1885 г. Положение о морском цензе для офицеров флота было высочайше утверждено⁶¹. Закон устанавливал определенное количество месяцев нахождения в плавании для производства в очередной чин, а также предельный возраст пребывания в каждом чине. По достижении такого возраста офицер подлежал увольнению из состава флота.

Действие морского ценза очень скоро вызвало критическое к себе отношение со стороны морских офицеров, и в конечном счете его будут

⁵⁹ Никитин В.О. Морской ценз в Российском флоте... С. 10.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ПСЗРИ. Собрание 3-е. 1885. 25 февраля. № 2769.

Григорий Иванович Бутаков.
 Из открытых источников

считать «одной из важнейших причин разгрома при Цусиме»⁶². Само по себе стремление поддерживать боеспособность каждого офицера флота регулярными плаваниями было вполне обосновано, но на практике реализация этой идеи вылилась в бюрократическую калькуляцию дней, проведенных на том или ином судне в том или ином походном статусе и с тем или иным коэффициентом сложности. Очень образно и в то же время точно подытожил значение этой реформы В.О. Никитин: «Закон о морском цензе был нацелен на то, чтобы во флоте появилось как можно больше “настоящих” моряков, но вместо того способствовал значительному увеличению “карьеристов” среди офицеров, что не преминуло сказаться на боевой готовности флота»⁶³.

Другой реформой положения офицерского состава стало упразднение специальных корпусов флотских штурманов и морской артиллерии. До появления паровых кораблей и даже до того, как пар полностью вытеснил парус в качестве движителя корабля, обязанности вахтенного офицера по управлению кораблем были довольно сложными, поэтому совмещать строевую службу с обязанностями артиллериста и штурмана считалось невозможным. Эти обязанности возлагались на офицеров соответствующих корпусов. Офицеры этих корпусов находились в положении париев морской службы: у них были сухопутные военные чины

⁶² Никитин В.О. Закон и реальность... С. 60.

⁶³ Там же. С. 72.

и пополнялись они не только дворянами, но и разночинцами. 12 июня 1885 г. были утверждены Правила об упразднении корпусов флотских штурманов и морской артиллерии, согласно которым прекращался прием в штурманское и артиллерийское отделения Технического училища морского ведомства, а штурманские и артиллерийские должности во флоте постепенно замещались флотскими офицерами⁶⁴.

Годом позже были реорганизованы корпуса корабельных инженеров и инженеров-механиков⁶⁵. Сухопутные чины в этих корпусах упразднялись и заменялись пятью званиями в каждом из корпусов: от младшего помощника судостроителя до инспектора кораблестроения и от младшего инженера-механика до инспектора механической части. При этом было установлено соответствие этих званий морским чинам при назначении пенсий и при переходе на службу в гражданское ведомство. Оба корпуса продолжали пополняться из кораблестроительного и механического отделений Технического училища. Таким образом, перемены в технической оснащенности флота привели к слиянию штурманских и артиллерийских специальностей со строевыми и к еще большему обособлению инженерных служб.

В 1891 г. последовала контрреформа в области морского образования подобно более раннему преобразованию в сухопутном ведомстве: Морское училище было переименовано обратно в Морской кадетский корпус, а в 1894 г. так же, как и в армии, доступ в него был открыт только потомственным дворянам и детям морских офицеров.

Навстречу XX веку

Определенным итогом первого этапа развития русской армии в царствование Александра III можно считать принятое в 1890 г. новое Положение о полевом управлении войск в военное время⁶⁶. Новый порядок управления имел несколько особенностей. Во-первых, он впервые предусматривал формирование на одном театре военных действий нескольких армий, подчиняющихся одному главнокомандующему. Во-вторых, штабы армий формировались на основе штабов военных округов, что ускоряло этот процесс и упрощало слаживание их работы.

⁶⁴ ПСЗРИ. Собрание 3-е. 1885. 12 июня. № 3056.

⁶⁵ ПСЗРИ. Собрание 3-е. 1886. 15 мая. № 3701.

⁶⁶ ПСЗРИ. Собрание 3-е. 1890. 26 февраля. № 6609.

В-третьих, Положение 1890 г. исправляло существенный недостаток Положения 1868 г., дополненного в 1876 г., тяжело сказавшийся в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: нечетко прописанную систему снабжения войск. П.А. Зайончковский признавал этот документ шагом вперед, несмотря на то что его пришлось исправлять в 1903 г. в связи с увеличением числа армий на западной границе до семи, тогда как приграничных округов было только четыре⁶⁷.

Некоторые мероприятия 1880-х гг. продолжали линию, намеченную военными реформами Д.А. Милютина, иногда даже в радикальном варианте (реформы в кавалерии). Другим больше подходит определение «контрреформ» (воссоздание кадетских корпусов). Но в целом меры военного ведомства пытались скорректировать прежний курс в связи с новыми обстоятельствами: угрожающей стратегической обстановкой, недостатком средств, переходом к массовым армиям, уроками Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и т.д.

В 1890–1894 гг. произошли серьезные изменения в общей обстановке, в которой развивались армия и флот Российской империи. Обострение отношений с Германией и, как следствие, заключение франко-русского союза совпали с экономическим ростом. Оживилось общественное мнение, в том числе антимилиитаристские настроения. Наконец, начавшийся в середине 1880-х гг. новый виток развития военных технологий заставлял военное руководство реагировать на связанные с этим вызовы.

Во флоте перемены на рубеже 1880–1890-х гг. были связаны также и со сменой управляющего Морским министерством. После смерти И.А. Шестакова в 1888 г. министерство возглавил Н.М. Чихачев. Новый министр «выступил противником распыления сил активного флота для операций во внешних морях и на Тихом океане, последовательно отстаивая приоритет Балтийского морского театра»⁶⁸. В 1890 г. началось строительство незамерзающего порта в Либаве, который через восемь лет принял первые корабли. С 1891 г. морской бюджет стал заметно расти и к концу царствования Александра III увеличился с 40,7 млн руб. в 1890 г. до 51,2 млн руб. в 1894 г. В дальнейшем затраты на флот будут расти еще более высокими темпами и в 1902 г. достигнут 98,3 млн руб.⁶⁹

Всего за время правления Александра III на Балтике вступили в строй четыре броненосца и еще семь строились, семь крейсеров I-го ранга (два

⁶⁷ Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 108.

⁶⁸ Грибовский В.Ю. Указ. соч. С. 87.

⁶⁹ Огородников С.Ф. Указ. соч. С. 243–244, 259.

строились), пять минных крейсеров, 33 миноносца (один в постройке), одна миноноска, семь канонерских лодок (одна строилась). На Черном море в строй вступили четыре броненосца (еще три строились), один крейсер, два минных крейсера (один в постройке), 15 миноносцев, шесть канонерских лодок. Еще два миноносца были изготовлены в Петербурге и собраны во Владивостоке⁷⁰. Можно согласиться с В.Ю. Грибовским, что «к середине 90-х гг. XIX века российский флот по боевой мощи занимал прочное третье место в мире, уступая лишь флотам Англии и Франции»⁷¹, однако на Балтике превосходство германского флота было очевидным.

В армии усиленная работа по планированию, совершенствованию процесса мобилизации и теоретическому освоению новых средств борьбы укрепила положение Генерального штаба, численность которого выросла с 661 чел. в 1882 г. до 1232 чел. в 1904 г.⁷² В его составе находились авторитеты с международной репутацией: Н.Н. Обручев, М.И. Драгомиров, Г.А. Леер, А.К. Пузыревский и А.Н. Куропаткин. Однако в организационном плане Генеральный штаб оставался одним из подразделений Военного министерства наравне с артиллерийским, инженерным, медицинским и другими управлениями. В 1894 г. Обручев указал на ненормальность этой ситуации и предложил проект преобразования Главного штаба, предполагавший расширение штатов и прав начальника, включая самостоятельный доклад у императора. Однако Ванновский отказался рассматривать реформу, которая могла бы вывести орган стратегического планирования из-под его подчинения⁷³.

К 1881 г. русская армия имела на вооружении винтовку Бердана, хотя окончательное перевооружение завершилось только к 1884 г. К этому времени уже были ясны дальнейшие направления совершенствования стрелкового оружия: уменьшение калибра и переход на магазинную подачу патронов. Основные европейские державы ввели у себя сначала магазинные винтовки, а затем винтовки с уменьшенным калибром. Российская империя не могла также дважды издерживать крупные суммы. Фактически военное руководство шло на риск, оставляя на несколько лет армию с устаревшим вооружением, чтобы затем сразу принять систему, обладавшую обоими преимуществами. Так, в 1891 г. была принята на вооружение винтовка С.И. Мосина. Переход на новый образец

⁷⁰ Моисеев С.П. Указ. соч. С. 52–55, 66–71, 74–77, 94–107, 180–181, 204–205, 208–211, 278–281, 284–289, 298–305, 320–323, 370–373.

⁷¹ Грибовский В.Ю. Указ. соч. С. 87.

⁷² Там же. С. 177–178.

⁷³ Кочуков С.А. Указ. соч. С. 72–73.

потребовал дополнительных расходов в 70 млн руб. Перевооружение происходило в две очереди, которые завершились в 1897 и 1903 гг.⁷⁴

К концу 1881 г. в целом был завершён переход на стальные орудия в полевой артиллерии, после чего новое вооружение получили также резервная (1884–1885), горная (1885–1886) и запасная артиллерия (1887–1890). В 1889–1894 гг. было сформировано пять мортирных полков, вооружённых 6-дюймовыми мортирами А.П. Энгельгардта, позволявшими вести навесной огонь с лафета. Важным организационным преобразованием была передача корпусной артиллерии из ведения начальников артиллерии округа непосредственно корпусным командирам. Эта мера резко сокращала организационную автономию этого рода войск и способствовала более тесной связи между ним и пехотой. Численность артиллерии в период 1881–1899 гг. выросла на 40%, однако оснащённость этим видом вооружений все равно была недостаточной. Так, в 1893 г. на каждый батальон приходилось у французов — 4,2 орудия, у немцев — 3, у австрийцев — 2,85 и у русских — 2,5⁷⁵.

В русской армии велись испытания воздушных шаров, пулеметов, телефонов и других средств. Однако новинки редко встречали достаточно доверия и готовности к тратам. Например, после испытаний 1891–1892 гг. 250 пулеметов было заказано для оснащения крепостей, но не полевых войск⁷⁶. В целом русская армия с трудом и запаздыванием, но поддерживала высокие темпы гонки вооружений конца XIX в. Помимо очевидных финансовых проблем, сказывалось то, что военное руководство по-прежнему видело гипотетическую большую европейскую войну как маневренный и непродолжительный конфликт, в котором техническая оснащённость войск будет играть второстепенную роль.

Вероятно, наиболее острая проблема русской армии в 1890-е гг. была связана не с медленной мобилизацией или технической отсталостью, а с социальными проблемами внутри войск и растущим разрывом между армией и обществом. Дж. Бушнелл представлял мир русского офицера рубежа XIX–XX вв. как замкнутый круг, в котором женщины, пьянство и азартные игры подталкивали к воровству, воровство покрывалось из-за понятий о кастовой чести, кастовость усиливала изоляцию

⁷⁴ Бескровный А.Г. Указ. соч. С. 312–319; Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 156–157; Кочуков С.А. Указ. соч. С. 181; Меннинг Б.У. Указ. соч. С. 153–154.

⁷⁵ Бескровный А.Г. Указ. соч. С. 356; Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 159–162; Меннинг Б.У. Указ. соч. С. 155–156.

⁷⁶ Бескровный А.Г. Указ. соч. С. 321.

офицерского корпуса, а последняя провоцировала пьянство⁷⁷. Естественно, далеко не все офицеры были увлекаемы этим потоком. Исследователи отмечают неровный, разношерстный состав русского офицерства в этот период⁷⁸. Однако выйти за узкий круг незавидной гарнизонной жизни на более широкую дорогу действительно было нелегко.

Из-за привилегий гвардии и невозможности частых переводов офицеров чинопроизводство в разных частях сильно отличалось⁷⁹. Но общая картина была неперспективной для тех, кто не обладал нужными связями. Происходило старение офицерского корпуса. Почти треть командиров рот была старше 46 лет⁸⁰. Их путь к новым чинам блокировался малым числом подполковничьих вакансий и значительным числом престарелых генералов. Ванновский строго выполнял волю Александра III: чинопроизводство шло по выслуге лет, а стариков не обижали отставкой⁸¹. В результате амбициозные офицеры покидали службу, а на их место приходили инертные или даже порочные начальники. Такой отбор не способствовал престижу офицеров среди нижних чинов и общества. Кроме того, размывалось социальное единство офицерской корпорации, в которой к 1895 г. потомственные дворяне составляли около 50%⁸².

Возрождение кадетских корпусов немало способствовало замкнутости офицерского корпуса. В 1894 г. в этом направлении был сделан новый шаг, когда, вопреки уголовному праву и мировым тенденциям, были легализованы дуэли в армии. Этим актом военное ведомство рассчитывало укрепить корпоративный дух офицеров, однако в действительности добилось только роста числа поединков и большего отчуждения между войском и обществом⁸³.

Уже к 1894 г. в развитии русской армии и флота видны негативные тенденции, которые обостряются в царствование Николая II. В ситуации, когда война становилась «научной и административной пробле-

⁷⁷ *Bushnell J.* The Tsarist Officer Corps, 1881–1914: Customs, Duties, Inefficiency // *American Historical Review*. Vol. 86. No. 4 (October 1981). P. 753–780.

⁷⁸ *Зайончковский П.А.* Русский офицерский корпус на рубеже столетий (1881–1903) // *Военно-исторический журнал*. 1971. № 8. С. 41; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 152.

⁷⁹ *Зацук И.* Ваканционное производство 1893 года в армейской пехоте // *Разведчик*. 1893. № 160. С. 869–870.

⁸⁰ *Зайончковский П.А.* Самодержавие... С. 189.

⁸¹ *Кочуков С.А.* Указ. соч. С. 46.

⁸² *Зайончковский П.А.* Самодержавие... С. 204–205.

⁸³ *Robinson P.* Courts of Honour in the Late Imperial Russian Army // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 84. No. 4. 2006. P. 711–713.

мой»⁸⁴, на первый план выдвигались организационные и технические факторы. Российская империя традиционно не была сильна в этих компонентах и делала слишком мало для того, чтобы это исправить. Она могла обеспечивать себя материальными средствами (вооружение, крепости, железные дороги) с некоторым отставанием от ведущих держав. Однако положение становилось пугающим там, где военные вопросы соприкасались с политическими и социально-экономическими. Необходимость серьезных перемен в офицерском корпусе была очевидной, но они блокировались со стороны верховной власти. Шаги, направленные на консервацию военной касты (восстановление кадетских корпусов, легализация дуэлей), вряд ли можно признать удачными.

К середине 1890-х гг. становилось очевидным, что стратегические вопросы обороны входили в противоречие с консервативным курсом последних Романовых.

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы / References

1. Айрапетов О.Р. *Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи.* М.: Русская книга, 2017. 495 с. Airapetov O.R. *Adjutant General Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904): A portrait against the background of an epoch.* Moscow: Russkaya kniga, 2017. 495 p. (in Russ.).

⁸⁴ Интеллектуальная и моральная реформа во Франции // Ренан Э. Собрание сочинений Эрнеста Ренана. В 12 т. Т. IV. Киев, 1902. С. 130.

2. Бескровный Л.Г. *Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России*. М.: Наука, 1973. 616 с.
Beskrovny L.G. *The Russian Army and Navy in the 19th century: The military-economic potential of Russia*. Moscow: Nauka, 1973. 616 p. (in Russ.).
3. Болтрукевич В.А. *Развитие Императорского Российского флота во второй половине XIX века в восприятии военно-морских кругов*: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. 255 с.
Boltrushevich V.A. *The development of the Imperial Russian Navy in the second half of the 19th century in the perception of naval circles*. PhD diss. (Hist.). Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2014. 255 p. (in Russ.).
4. Болтрукевич В.А. Эволюция типа русского корабля крейсерского класса на протяжении второй половины XIX в. в восприятии военно-морских кругов. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*. 2018;10(2):11–39.
Boltrushevich V.A. Evolution of the Russian cruiser-type ship in the second half of the 19th century as perceived by naval circles. *Vestnik of Dmitry Pozharsky University*. 2018;10(2):11–39 (in Russ.).
5. Величко К.И. *Русские крепости в связи с операциями полевых армий в Мировую войну*. Л.: Военно-инженерная академия РККА, 1926. 144 с.
Velichko K.I. *Russian fortresses in connection with field army operations in the World War*. Leningrad: Military Engineering Academy of the Red Army, 1926. 144 p. (in Russ.).
6. Воронин В.Е. *Государственная деятельность великого князя Константина Николаевича до начала 60-х гг. XIX в.*: дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт российской истории РАН, 1996. 241 с.
Voronin V.E. *The state activity of Grand Duke Konstantin Nikolaevich before the early 1860s*. PhD diss. (Hist.). Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 1996. 241 p. (in Russ.).
7. *Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1894 год*. СПб.: Военная типография, 1896.
The most submissive report of the War Ministry for 1894. St. Petersburg: Military Printing house, 1896 (in Russ.).
8. Грибовский В.Ю. Флот в эпоху Александра III: Корабли открытого моря. *Морской сборник*. 1995;(9):83–88.
Gribovsky V.Yu. The navy in the era of Alexander III: Seagoing ships. *Naval Digest*. 1995;(9):83–88 (in Russ.).

9. Деникин А.И. *Старая армия. Офицеры*. М.: Айрис-пресс, 2005. 512 с. (Серия «Белая Россия»).
- Denikin A.I. *The old army: Officers*. Moscow: Ayris-press, 2005. 512 p. (Series: White Russia) (in Russ.).
10. Зайончковский А.М. *Подготовка России к мировой войне*. М.: Гос. изд-во, 1926.
- Zayonchkovsky A.M. *Russia's preparation for the World War*. Moscow: State Publishing house, 1926 (in Russ.).
11. Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус на рубеже столетий (1881–1903). *Военно-исторический журнал*. 1971;(8):39–47.
- Zayonchkovsky P.A. The Russian officer corps at the turn of the century (1881–1903). *Military Historical Journal*. 1971;(8):39–47 (in Russ.).
12. Зайончковский П.А. *Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903*. М.: Мысль, 1973. 351 с.
- Zayonchkovsky P.A. *Autocracy and the Russian Army at the turn of the 19th–20th centuries. 1881–1903*. Moscow: Mysl', 1973. 351 p. (in Russ.).
13. Зашук И. Ваканционное производство 1893 года в армейской пехоте. *Разведчик*. 1893;(160):869–870.
- Zashchuk I. The vacancy promotions of 1893 in the army infantry. *Scout*. 1893;(160):869–870 (in Russ.).
14. Золотарёв В.А., Козлов И.А. *Три столетия российского флота, XIX – начало XX века*. М.; СПб.: АСТ; Полигон, 2004. 685 с.
- Zolotarev V.A., Kozlov I.A. *Three centuries of the Russian Navy: 19th – early 20th century*. Moscow; St. Petersburg: AST; Polygon, 2004. 685 p. (in Russ.).
15. Исмаил-Заде Д.И. *Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский*. М.: Центрполиграф, 2005.
- Ismail-Zade D.I. *Count I.I. Vorontsov-Dashkov: Viceroy of the Caucasus*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005 (in Russ.).
16. Керсновский А.А. *История русской армии*. Т. 3. М.: Голос, 1994. 352 с.
- Kersnovsky A.A. *History of the Russian Army*. Vol. 3. Moscow: Golos, 1994. 352 p. (in Russ.).
17. Кондратенко Р.В. *Морская политика России 80-х годов XIX века*. СПб.: ЛеКо, 2006. 344 с.
- Kondratenko R.V. *Russia's naval policy in the 1880s*. St. Petersburg: LeKo, 2006. 344 p. (in Russ.).
18. Кочуков С.А. П.С. Ванновский – военный министр России (1881–1898 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2003. 221 с.

- Kochukov S.A. *P.S. Vannovsky – Minister of War of Russia (1881–1898)*. PhD diss. (Hist.). Saratov: Saratov State University, 2003. 221 p. (in Russ.).
19. Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 1998. 182 с.
Kuznetsov O.V. R.A. *Fadeev: General and publicist*. Volgograd: Volgograd State University, 1998. 182 p. (in Russ.).
20. Лоссовский Ю. Наш генералитет. *Разведчик*. 1893;(151):700–701.
Lossovsky Yu. Our generals. *Scout*. 1893;(151):700–701 (in Russ.).
21. Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия Российской империи. 1861–1914. М.: Модест Колеров, 2016. 424 с.
Menning B.W. *Bayonets and bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914*. Moscow: Modest Kolero, 2016. 424 p. (in Russ.).
22. Моисеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М.: Воениздат, 1948. 576 с.
Moiseev S.P. *List of ships of the Russian steam and armoured fleet (from 1861 to 1917)*. Moscow: Voenizdat, 1948. 576 p. (in Russ.).
23. Никитин В.О. Закон и реальность. «Положение о морском цензе для офицеров флота 1885 года». *Россия XXI*. 2011;(6):58–75.
Nikitin V.O. Law and reality: The «Regulation on naval seniority for fleet officers of 1885». *Russia XXI*. 2011;(6):58–75 (in Russ.).
24. Никитин В.О. Морской ценз в Российском флоте. *Военно-исторический журнал*. 2016;(1):10–15.
Nikitin V.O. Naval seniority in the Russian fleet. *Military Historical Journal*. 2016;(1):10–15 (in Russ.).
25. Обзор деятельности Морского ведомства за царствование императора Александра III. 1881–1894. СПб.: Тип. Морского министерства, 1901.
Survey of the activities of the Naval Department during the reign of Emperor Alexander III. 1881–1894. St. Petersburg: Printing house of the Naval Ministry, 1901 (in Russ.).
26. Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855–1880. Ч. 1. СПб.: Тип. Морского министерства, 1880.
Survey of the activities of the Naval Administration in Russia during the first twenty-five years of the happy reign of Sovereign Emperor Alexander Nikolaevich. 1855–1880. Part 1. St. Petersburg: Printing house of the Naval Ministry, 1880 (in Russ.).

27. Огородников С.Ф. *Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902 гг.)*. СПб.: Тип. Морского министерства, 1902. 279 с.
Ogorodnikov S.F. *Historical survey of the development and activities of the Naval Ministry over the hundred years of its existence (1802–1902)*. St. Petersburg: Printing house of the Naval Ministry, 1902. 279 p. (in Russ.).
28. *Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования государя императора Александра Александровича: 1881–1890*. СПб.: Военная тип., 1892.
Outline of the activities of the War Ministry over the past decade of the happy reign of Sovereign Emperor Alexander Alexandrovich: 1881–1890. St. Petersburg: Military Printing house, 1892 (in Russ.).
29. Петров М.А. *Подготовка России к мировой войне на море*. М.; Л.: Госвоениздат, 1926. 272 с.
Petrov M.A. *Russia's preparation for the World War at Sea*. Moscow; Leningrad: Gosvoenizdat, 1926. 272 p. (in Russ.).
30. Редигер А. *Комплектование и устройство вооруженной силы*. СПб.: Военная тип., 1900.
Rediger A. *Recruitment and organisation of the armed force*. St. Petersburg: Military Printing house, 1900 (in Russ.).
31. Редигер А.Ф. *История моей жизни. Воспоминания военного министра*. Т. 1. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. 576 с.
Rediger A.F. *The story of my life: Memoirs of a Minister of War*. Vol. 1. Moscow: Kanon-press; Kuchkovo pole, 1999. 576 p. (in Russ.).
32. Ренан Э. Интеллектуальная и моральная реформа во Франции, в: *Собрание сочинений Эрнеста Ренана в 12 томах*. Т. IV. Киев: Б.К. Фукс, 1902. С. 65–117.
Renan E. Intellectual and moral reform in France, in: *Collected works of Ernest Renan in 12 vols*. Vol. IV. Kyiv: B.K. Fuks, 1902. P. 65–117 (in Russ.).
33. *Русское военное обозрение. Положение о постройке казарм распоряжением войскового начальства хозяйственным способом. Военный сборник*. 1887;(5):20–70.
Russian military review. Regulations on the construction of barracks by order of the military authorities by economic means. *Military Digest*. 1887;(5):20–70 (in Russ.).
34. Соловьёва А.М. *Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в.* М.: Наука, 1975. 315 с.
Solovyova A.M. *Railway transport in Russia in the second half of the 19th century*. Moscow: Nauka, 1975. 315 p. (in Russ.).

35. Федечкин А.Д. *Создание и совершенствование конструкции броненосных крейсеров Российского флота во второй половине XIX века (1869–1901): Проблемы и решения*: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2019. 248 с.
Fedechkin A.D. *Creation and improvement of the design of armoured cruisers of the Russian Navy in the second half of the 19th century (1869–1901): Problems and solutions*. PhD diss. (Hist.). St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2019. 248 p. (in Russ.).
36. Шапиро Б.Л. Русификация и модернизация конницы в царствование Александра III. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого*. 2019;2(4(32)):70–86.
Shapiro B.L. Russification and modernisation of the cavalry during the reign of Alexander III. *Humanities Bulletin of TSPU named after L.N. Tolstoy*. 2019;2(4(32)):70–86 (in Russ.).
37. Шевырев А.П. *Русский флот после Крымской войны: Либеральная бюрократия и морские реформы*. М.: Изд-во МГУ, 1990. 184 с.
Shevyrev A.P. *The Russian Navy after the Crimean War: Liberal bureaucracy and naval reforms*. Moscow: Moscow University Press, 1990. 184 p. (in Russ.).
38. Шестаков И.А. *Полвека обыкновенной жизни. Т. 1. Воспоминания (1838–1881 гг.)*. СПб.: Судостроение, 2013. 790 с.
Shestakov I.A. *Half a century of an ordinary life. Vol. 1. Memoirs (1838–1881)*. St. Petersburg: Sudostroenie, 2013. 790 p. (in Russ.).
39. Шишло К. К унтер-офицерскому вопросу. *Военный сборник*. 1884;(10):233–240.
Shishlo K. On the non-commissioned officer question. *Military Digest*. 1884;(10):233–240 (in Russ.).
40. *Энциклопедический словарь*: в 86 т. / Сост.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XIa. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1894.
Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary in 86 vols. Vol. XIa. St. Petersburg: Typolithography of I.A. Efron, 1894 (in Russ.).
41. Юдин С.С. Генерал М.И. Драгомиров и проекты реформирования военной администрации в 1881 г. *Российская история*. 2016;(6): 46–55.
Yudin S.S. General M.I. Dragomirov and the projects for reforming military administration in 1881. *Russian History*. 2016;(6):46–55 (in Russ.).
42. Юдин С.С. *Солдат империи. Генерал М.И. Драгомиров. Стратег. Учитель. Полководец*. М.: Яуза-Каталог, 2022. 317 с.

- Yudin S.S. *Soldier of the Empire: General M.I. Dragomirov. Strategist. Teacher. Commander*. Moscow: Yauza-Katalog, 2022. 317 p. (in Russ.).
43. Bushnell J. The Tsarist officer corps, 1881–1914: Customs, duties, inefficiency. *American Historical Review*. 1981;86(4):753–780.
44. Fuller W. *Strategy and power in Russia, 1600–1914*. New York; Toronto: Free Press, 1992. 576 p.
45. Rich D.A. *The Tsar's colonels: Professionalism, strategy, and subversion in late Imperial Russia*. Cambridge (MA); London: Harvard University Press, 1998. 570 p.
46. Robinson P. Courts of honour in the late Imperial Russian Army. *The Slavonic and East European Review*. 2006;84(4):708–728.
47. Steinberg J.W. *All the Tsar's men: Russia's general staff and the fate of the Empire, 1898–1914*. Washington (D.C.); Baltimore: Woodrow Wilson Center Press; Johns Hopkins University Press, 2010. 408 p.

Александр Павлович Шевырев
Alexander P. Shevyrev

кандидат исторических наук, доцент
исторического факультета Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова,
Scopus Author ID: 6601910435,
SPIN-код: 8707-7996,
ORCID: 0000-0001-5454-2719

C.Sc. (History), Associate Professor,
Faculty of History, Lomonosov
Moscow State University,
Scopus Author ID: 6601910435,
SPIN-код: 8707-7996,
ORCID: 0000-0001-5454-2719

Станислав Сергеевич Юдин
Stanislav S. Yudin

кандидат исторических наук,
независимый исследователь.
Москва, Российская Федерация,
Scopus Author ID: 57193486292,
SPIN-код: 6424-4530,
ORCID: 0009-0002-3140-9637

C.Sc. (History), unaffiliated researcher.
Scopus Author ID: 57193486292,
SPIN-code: 6424-4530,
ORCID: 0009-0002-3140-9637

Поступила в редакцию /
Received
04.11.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
12.01.2026

Принята к публикации /
Accepted
15.02.2026

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.005](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.005)

Оригинальная статья / Original paper

Н.С. Ерохов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», г. Москва, Российская Федерация
E-mail: nikita1312er@gmail.com*

«Царь переходит в католичество»: конфессиональные иерархии, восприятие указа о веротерпимости и религиозное насилие в Северо-Западном крае после 17 апреля 1905 г.

Аннотация

В статье изучаются случаи религиозного насилия (разграблений храмов, кладбищ, атак на прихожан православной церкви) со стороны католиков Северо-Западного края Российской империи в отношении живших в этом крае православных вскоре после издания указа о веротерпимости. Основываясь на материалах делопроизводства и публицистики, фиксировавших случаи разграбления храмов и кладбищ (и, в некоторых случаях, их мотивировку), делается вывод, что разграбления несли символическое значение, были призваны «очистить» сакральное пространство храма или кладбища от атрибутов «грязной», «собачьей» веры и что они были мотивированы сложившимся в католической среде представлением о православии как «нечистой веры». Демонстрируется, что всплеск религиозного насилия со стороны католиков после издания указа 17 апреля 1905 г. был вызван специфическим сочетанием в миро-

воззрении католиков губерний Северо-Западного края представлений о верховной власти с упомянутым ранее восприятием православия как «нечистой веры». Отмечается, что в разграблении православных храмов католиками последними виделось не только утверждение своей веры, но и достижение их социальных требований и улучшения институционального положения католической церкви. В заключении статьи делается вывод, что случаи атаки на храмы и кладбища, принуждения некоторых православных к переходу в католичество можно интерпретировать как «перенаправление» католиками бюрократических мотивировок их массового обращения в «царскую веру» в 1860-е гг. и что такое «перенаправление» было призвано обозначить складывающуюся (по мнению самих католиков) новую конфессиональную иерархию в Северо-Западном крае после 17 апреля 1905 г.

Ключевые слова:

иностранные исповедания Российской империи; Северо-Западный край Российской империи; указ о веротерпимости 17 апреля 1905 г.

Для цитирования:

Ерохов Н.С. «Царь переходит в католичество»: конфессиональные иерархии, восприятие указа о веротерпимости и религиозное насилие в Северо-Западном крае после 17 апреля 1905 г. // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 140–163. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.005](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.005)

Nikita S. Erokhov

National Research University Higher School of Economics,

Moscow, Russian Federation

E-mail: nikita1312er@gmail.com

«The Tsar Converts to Catholicism»: Confessional Hierarchies, Perceptions of the Decree on Religious Tolerance, and Religious Violence in the Northwestern Region after April 17, 1905

Abstract

The article examines cases of religious violence (looting of churches, cemeteries, attacks on parishioners of the Orthodox Church) by Catholics in the Northwestern borderlands of the Russian Empire against Orthodox Christians living in this region shortly after the issue of the decree of religious tolerance. Based on the description of cases of looting of churches and cemeteries (and, in some cases, their motivation), it is concluded that the looting had a symbolic meaning, was intended to “cleanse” the sacred space of the church or cemetery from the attributes of the “dirty”, “dog” faith, and that they were motivated by the idea that had developed in the Catholic environment of Orthodoxy as an “unclean faith”. It is demonstrated that the surge of religious violence by Catholics after the decree of April 17, 1905 was caused by a specific combination in the worldview of Catholics in the provinces of the North-West Region of ideas about the Russian emperor with the previously mentioned perception of Orthodoxy as an “unclean faith”. It is concluded that cases of attacks on churches and cemeteries, forcing some Orthodox Christians to convert to Catholicism can be interpreted as a case of “redirection” by Catholics of bureaucratic motivations for the mass conversion of Catholics to the “royal faith” in the 1860s, and that such “redirection” was intended to designate the emerging (in the opinion of the Catholics themselves) new confessional hierarchy in the North-West Territory after April 17, 1905.

Keywords:

The Northwestern borderlands of the Russian empire; The decree of tolerance 17th of April 1905; Religious violence

For citation:

Nikita S. Erokhov. «The Tsar Converts to Catholicism»: Confessional Hierarchies, Perceptions of the Decree on Religious Tolerance, and Religious Violence in the Northwestern Region after April 17, 1905 // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 140–163. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.005](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.005)

о сообщениям Департамента полиции в Виленской губернии, 1 ноября 1905 г. в православной церкви Святого Иоанна произошло необычное ограбление. Согласно сообщению департамента, из церкви были «вынесены святые иконы, царские и боковые врата, паникадило, св. престол, жертвенник, хоругви и прочая церковная утварь, и все это разбросано вокруг церкви, возле ограды и за оградой церкви оказались св. престол, жертвенник и аналои, святые иконы прямо на земле, разбросаны вдоль всей ограды, причем царские врата целы, а боковые разломаны, две хоругви разобраны и поставлены за оградой, а также брошены за ограду паникадило и изображение тайной вечери, бывшее прикрепленным к верху царских врат, две священнические ризы надеты на ели, листы Евангелия повешены на вынесенный жертвенник, а переплет от св. Евангелия и св. Крест, изогнутый, найдены в двухверстном расстоянии от церкви в казенной лесной даче на опрокинутом столбе. В церкви осталось лишь старинное рельефное распятие р-к церкви» (остававшееся в церкви с того момента, как она была обращена из униатского костела в православную церковь)¹. По сообщенным информатору слухам оно было сделано с целью обращения церкви в костел².

Это разграбление было очень не похоже на более «Обычные» случаи грабежа церквей — в донесении о разгроме церкви Святого Иоанна не было ничего сказано о случаях утаивания богатой церковной утвари

¹ ГА РФ. Ф. 102 Д-3. Оп. 103. Д. 16. Ч. 33. Л. 20.

² Там же. Л. 18.

в соседних деревнях и кражи из церкви денег, что было характерно для обычного грабежа³.

Как будет показано далее, в случае церкви Святого Иоанна пересеклись сразу несколько узловых проблем, связанных с особенностями конфессиональной ситуации в Северо-Западном крае Российской империи. С одной стороны, в нем проявилось долгосрочное последствие массовых бюрократических обращений католиков в православие и перевода католических храмов в юрисдикцию православных епархий, происходивших в 1860-е гг., с другой — особенности восприятия указа о веротерпимости в среде местных католиков. В настоящей статье будет предпринята попытка изучить, почему издание этого указа было интерпретировано католиками как сигнал к началу атак на местных православных и их сакральные объекты.

Институциональное положение католичества в Северо-Западном крае во второй половине XIX — начале XX в.

Современные исследователи конфессий в Российской империи при описании существовавшей в ней системы управления конфессиями называют ее «конфессиональным государством»⁴. Как отмечает автор этого понятия Роберт Круз, бюрократия империи гарантировала отдельным вероисповеданиям статус «терпимой» конфессии, в обмен рассчитывая на лояльность ее представителей к имперскому режиму⁵.

Католичество являлось одной из таких «Терпимых» конфессий, структура управления которой во многом повторяла созданную в начале XVIII в. синодальную систему⁶. Окончательно система управления ка-

³ Вот как описывается такое «Типичное» ограбление: 26 сентября 1906 г. в слободе Косицкой Вылевской волости из старообрядческой(!) молельной было украдено церковных книг на 200 рублей, а также свечи, три ризы с аналоев и погребальное покрывало (все суммарно на 105 рублей). Вещи эти были разысканы в слободе, в бане местной жительницы, там же нашли и воров, при задержании вора нанесли побои местные жители, от чего они умерли. Характерно, что в этом случае мы наблюдаем кооперацию с администрацией местных жителей, в итоге совершающих самосуд над ворами. В случае с ритуализированными разграблениями православных церквей и кладбищ сведения о таких самосудах отсутствуют.

⁴ Crews R. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // *The American Historical Review*. 2003. P. 50–83.

⁵ Ibid. P. 53–55.

⁶ О синодальной системе см.: Freeze G. Institutionalizing Piety: The Church and Popular Religion in Russia, 1750–1850 // *Imperial Russia: New Histories for the*

Генерал-губернатор М.Н. Муравьев-Виленский.
Из открытых источников

толической церковью была оформлена уже в 1832 г., когда Департамент духовных дел иностранных исповеданий, осуществлявший управление всеми неправославными вероисповеданиями империи, вошел в состав Министерства внутренних дел⁷.

В этом учреждении, с одной стороны, проявилось желание государства усилить контроль за жизнью своих подданных, в том числе и при помощи привлечения на свою сторону духовенства, с другой — косвенно признавалась необходимость участия представителей духовенства в местном управлении.

В ответ на это уже само духовенство как бы «подписывалось» под тем, что оно не будет вовлечено в политику и не будет претендовать на равный статус с православной церковью (за которой сохранялось эксклюзивное право на миссионерство среди других исповеданий). В статье 54 «католической» части «Устава иностранных исповеданий» указывалось, что «лицам Римско-католического духовенства строго запрещено в своих поучениях, произносимых в церквях, касаться предметов поли-

Empire, ed. Jane Burbank and David Ransel. Bloomington, 1999. P. 212. О схожести православного Синода с Римско-католической духовной коллегией см.: Werth P. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford, 2014. P. 52.

⁷ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: Центральные государственные учреждения. Т. 2. СПб., 2001. С. 36–38.

тических, даже в общих выражениях, или издавать сочинения о делах политических»⁸.

Этот «договор» между католиками и правительством, с точки зрения самих властей, был нарушен в ходе двух восстаний 1830–1831 и (в особенности) 1863–1864 гг.⁹ Вскоре после этого на территории Северо-Западного края начали вводиться дополнительные ограничения в повседневной жизни католической веры, призванные лишить ее «политического» содержания. Так, в ходе генерал-губернаторства М.Н. Муравьева вводился запрет на торжественные встречи духовенства, запрет на пастырские послания, отлучки из приходов при отсутствии разрешения на то со стороны администрации края, вводились также ограничения на постройку костелов и каплиц (католических часовен)¹⁰.

Таким образом, начиная с 1860-х гг. постепенно укоренилась контаминация политического и конфессионального — запреты, вводимые в отношении конфессиональных атрибутов католической церкви, имели политическое значение. Одновременно с этим проводились кампании по переводу католиков в «царскую веру» — православие. Ключевой мотивацией этих переходов должно было стать не религиозное переживание и сознательная смена веры, а утверждение гражданского самоопределения, проявление политической лояльности трону¹¹. Вместе с переходами католиков в православие «уходили» и храмы, которые становились символическим воплощением господства православия в крае.

Сторонниками таких «бюрократических» обращений эти акции воспринимались как утверждение «русского» присутствия в крае¹². Однако в настоящей статье будет изучено то, как православие и католичество воспринимались в среде самих католиков, которые выработали собственные представления об иерархии конфессий и о месте православия в ней.

⁸ Свод законов Российской империи. Т.ХI. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. С. 14.

⁹ Werth P. The Tsar's... P. 153. О самом восстании см.: Воронин В.Е. Польское восстание 1863 года: опыт «Примирительной политики» русского правительства. М., 2008. О важной предыстории отношений властей и католической церкви см.: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 41–109.

¹⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 5. Л. 19.

¹¹ Долбилов М.Д. Русский край... С. 379–381.

¹² Там же. С. 452.

Архиепископ Литовский Александр.
Из открытых источников

«Собачья вера»: образ православия в католической среде

Как показывают современные исследователи католической церкви эпохи модерна, история католических сообществ в Европе XIX в. оказывается связана с переплетением процессов секуляризации и религиозного возрождения¹³. В это время католической церкви, с одной стороны, удалось создать транснациональное сообщество верующих, с другой — окончательно определить и трансформировать ценности своего сообщества и определить «врага» как отрицающего эти ценности¹⁴.

При этом отличительной чертой «Католического возрождения» стало повышенное внимание к религиозности «низов» — церковный канон и пастырский авторитет сочетались с поощрением религиозных представлений и вкусов, близких социальным низам¹⁵. На западных окраинах Российской империи же католики воспринимались как политически нелояльная и опасная группа, на нее накладывалось большое количество адми-

¹³ Clark C. The New Catholicism and the European culture wars // Culture Wars: Secular-Catholic Conflict in Nineteenth-Century Europe Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 11.

¹⁴ Ibid. P. 35–36.

¹⁵ Долбилов М.Д. Конфессиональная идентичность и аргументы памяти — католический ответ на русификацию // Православие: конфессия, институты, религиозность (XVII–XX вв.): Сборник научных работ. СПб., 2009. С. 76.

нистративных ограничений, вводившихся с целью защиты «господствующей веры»¹⁶, что не могло не сказываться на восприятии соседствующих с католиками православных — дружественные отношения православных и католиков в крае были наказуемы местными священнослужителями¹⁷.

Поэтому на западных окраинах Российской империи в рамках «обновления» католицизма особенно актуальна оказалась проблема отделения своего сообщества от существующего рядом «врага»¹⁸. Такая демаркация «свой-чужой» по отношению к православным производилась католиками сразу в нескольких плоскостях — конфессиональной, социальной и политической¹⁹. Начнем с описания конфессионального измерения.

Одним из самых часто встречающихся тропов антиправославного дискурса католичества является описание православия как грязной, «собачьей» веры. Согласно подробному письму литовского архиепископа Александра, посвященному описанию действий католических священников, «ксендзы притесняют при выдаче свидетельств о вступлении в брак с православными, прося за это большие деньги и высказывая дикие суждения: “православная вера есть песья, собачья вера”, “от каждого православного пахнет псом и с ним противно жить в супружестве”, “лучше католику жить распутно, чем вступать в брак с православными”, “от браков православных с католиками рождаются дьяволы (бесята) в непрерывном ряде поколений, и они осуждены на вечную жизнь в аду”»²⁰.

¹⁶ Об этом см.: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера... С. 297–367.

¹⁷ Werth P. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford, 2014. P. 201.

¹⁸ Необходимость такого конфессионального разделения также диктовалась тем, что далеко не все верующие в своей повседневной жизни обращались лишь к одному вероисповеданию — еще в начале XX в. в рапорте начальника канцелярии генерал-губернатора Северо-Западного края сообщалось, что в некоторых деревнях у прихожан стоят как православные, так и католические иконы и что православные и католики ходят в храмы друг друга. (ОР НБ МГУ. Ф.39. Оп. 1. Д. 122. Л. 3). Такая ситуация воспринималась католическим духовенством как ненормальная.

¹⁹ Необходимо сделать одно важное замечание, прежде чем переходить к непосредственному анализу риторики католической церкви Северо-Западного края. В отличие от представлений бюрократии и православных о католичестве, доступных нам «из первых рук», в случае с представлениями католиков о православных мы практически всегда получаем эти известия через «посредника», заинтересованного в негативном изображении католиков, в результате чего он мог искажать (а то и вовсе выдумывать) прямую речь. Поэтому так важно в случае такого анализа опираться не только на риторику, но и на действия католических священников, зафиксированные в делопроизводственных документах.

²⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2061. Л.11.

Похожее описание дается и о православных храмах: «лучше быть в корчме, в скотском хлеве и в распутном доме, чем сходить в православном храме»²¹. Осквернивший себя посещением православного храма католик должен очиститься бросанием в этот храм падали кошек, собак и навоза или личным оскорблением священника²². Подобные топорные описания православных священников будут встречаться и в публицистике в 1905 г. — «Новое время» будет приводить следующие цитаты: «от православного священника смердит собакой», «православные помазываются собачьими хвостиками» и «лучше сходить в синагогу, чем в церковь»²³.

Пытливый читатель может обратить внимание, что все вышеперечисленные нами случаи такого восприятия православия получены «из вторых рук» и что есть все основания сомневаться в их достоверности. Поэтому обратимся к примеру из 1902 г., когда представления о «нечистом» православии воплотились в практиках католиков. Речь идет о случае, когда виленским епископом Стефаном Зверовичем был издан циркуляр о запрете посещения католиками церковно-приходских школ.

В этом циркуляре (текст которого сохранился в фонде Департамента полиции ГА РФ) говорится, что церковно-приходские школы враждебны католической вере и что в них на католиков смотрят как на врагов государственности²⁴.

Зверович указывает, что, поскольку церковно-приходские школы оказывают безусловно вредное влияние на подрастающее католическое юношество, священникам необходимо следить за тем, чтобы их не посещали — а если посещают, то не давать отпущения грехов детям и их родителям²⁵.

По всей видимости, по крайней мере часть католических священников исполняла это требование. Так, один из ксендзов уже после издания указа, узнав, что его прихожанин Антон Марцинкевич ходит в школу, выдрал его за ухо в костеле. Другой ксендз по фамилии Войцеховский говорил, что в школах учат разврату, а также что он лишит ходящих туда христианского погребения²⁶.

Таким образом, описываемые выше представления католиков о необходимости защищать «чистоту» собственной веры от «грязного»

²¹ Там же. Л.11 об.

²² Там же.

²³ Новое время. 20.05.1905. С. 3.

²⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 100. Д. 48. Ч. 5. Л. 2–2 об. О политических коннотациях конфессионального разделения православия и католичества речь пойдет ниже.

²⁵ Там же. Л. 3 об.

²⁶ Там же. Л. 29.

православия хотя и могли быть приукрашены в донесениях и публицистических статьях, но, по всей видимости, имели под собой реальные основания. И в 1905 г. мы наблюдаем большое число символических «очищений» сакральных пространств (храмов, кладбищ и т.д.) от элементов грязной, «собачьей» веры, подобно упомянутому в начале статьи случаю разграбления церкви Святого Иоанна.

Так, в Бельском уезде Гродненской губернии в свое время упразднили костел по причине «вредного влияния» на православное население. В 1881 г. все его имущество было передано православным, но работы по его реконструкции православные начали лишь в июле 1905 г. — и это вызвало недовольство католиков, которые пытались помешать работам и не хотели, чтобы принадлежавший им ранее костел менял свой профессиональный облик²⁷.

Другой случай, в котором католики уже не «обороняли» когда-то принадлежавший им костел, а «атаковали» православный. В сентябре 1905 г., по сообщению минского губернатора, два ксендза приехали в село в Слуцком уезде и устроили мессу, после которой обратили в католичество 150 человек, после чего говорили, что все земли тут будут возвращены католикам. Властями были вызваны две роты, которые предотвратили превращение бывшего упраздненного костела в католический храм²⁸.

Иногда католики стремились предотвратить постройку православного храма — в мае 1905 г. ксендз Малиновский и викарий Карл Солуба явились с толпой крестьян-католиков на место постройки новой православной часовни, требуя, чтобы работы прекратили²⁹.

В некоторых случаях вскоре после взятия костела, обращенного в храм, там начинали проводиться католические богослужения — 13 мая 1905 г. жители застенка Жолнеркевичи перешли в католицизм и вскоре захватили ключи от кладбищенской церкви, каковых, несмотря на требование священника, не возвратили, «причем после захвата ключей совершали в церкви какие-то самочинные службы»³⁰. Лишь после вмешательства государственной власти в августе 1905 г. ключи были возвращены священнику этой церкви³¹.

²⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 80. Л. 31–31 об.

²⁸ Там же. Оп. 3. Д. 822. Л. 1–1 об.

²⁹ Там же. Д. 817. Л. 3.

³⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 75. Отд. III, ст. 3. Д. 324. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 3.

Католический архиепископ Могилевский Шембек.
Из открытых источников

Разграблениям подвергались не только храмы — так, к примеру, в мае 1905 г. в деревне Студянке была разграблена церковно-приходская школа — «сорваны были ставни с окон, двери, побиты стекла, поломаны парты, разрушена печка, изорваны в куски портреты Государя Императора и архиепископа Иеронима, икона снята и поставлена в заднем углу у порога»³².

Подвергались нападениям и разграблениям и кладбища — в сентябре 1905 г. в Ковенской губернии неизвестными было разрушено православное кладбище, уничтожено 24 надмогильных креста и сломана ограда³³. Характерно, что в ходе такого разграбления четырехконечные кресты, схожие с католическими, остались нетронутыми, тогда как восьмиконечные кресты (четко маркируемые как православные) все были уничтожены³⁴.

В некоторых случаях дело не ограничивалось лишь крестами — в посаде Кодне бывшие упорствующие поломали находившиеся на кладбище памятники и кресты, пытались разрывать некоторые могилы и выбрасывать из них кости православных мертвецов³⁵.

³² Католическая агитация // Новое время 31.05.1905. С. 4.

³³ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 104. Д. 1. Ч. 59. Б. Л. 28.

³⁴ Там же. Л. 36.

³⁵ Католическая агитация // Новое время. 31.05.1905. С.4.

Местные власти (а также писавшие об этом газеты) объясняли такие случаи ритуальных атак агитацией и подстрекательством ксендзов³⁶. Однако далеко не всегда акции по разграблению храмов «согласовывались» с католическим духовенством — более того, в некоторых случаях мы можем с уверенностью говорить, что прихожане-католики действовали по собственной инициативе. В мае 1905 г. в ходе своего визита в Минскую губернию католический архиепископ Шембек узнал о конфликте местных католиков с православным священником по поводу конфессиональной принадлежности кладбища и о том, что местный православный священник, стремясь избежать разграбления, запер его. Шембек, не желая эскалации конфликта, не стал заезжать на кладбище, но при этом местные крестьяне все равно перелезали через кладбищенский забор и «очищали» кладбище от православной утвари³⁷.

Все вышеописанные случаи объединяет удивительная избирательность в том, какие именно предметы были сломаны или выброшены из храмов или кладбищ. Практически всегда эти предметы оказываются конфессионально окрашены как православные — это могут быть восьмиконечный крест (при этом четырехконечные кресты на кладбище остаются нетронутыми), хоругвь, священническая риза, иконы. Кроме того, зачастую вскоре после захвата храмов, которые ранее принадлежали католикам, а затем стали православными, взявшие их католические прихожане начинали совершать там службы. В некоторых случаях католики сопротивлялись освящению объектов православными священниками — в деревне Островок Гродненской губернии в июне 1905 г. священник освятил местный колодец, после чего к нему подошла мона-

³⁶ См., напр.: «Литовские крестьяне во время феста напали на старообрядцев, при этом в толпе были крики “долой русских, полицию и стражников, не нужно нам царя, у нас должна быть Литва”. По слухам, озлоблению литовцев способствует ксендз Петр Войтекун, который в своих проповедях подстрекает литовцев к нападению на русских» (ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 104. Д. 1. Ч. 59. Б. А. 10). При этом кажется важным подчеркнуть, что в некоторых случаях атаки католиков на православных могли провоцироваться религиозно экзальтированными прихожанами и священниками (хотя, как показывает описываемый далее случай с архиепископом Шембеком, имели место быть и прямо противоположные ситуации). Но одновременно с этим представляется неосновательной позиция А.Ю. Бендина, заявляющего, что атаки на храмы и кладбища были лишь результатом «пропагандистской кампании» (Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи. Минск, 2010. С. 322). Ведь даже если нападения католиков на православных были результатом спланированной пропаганды католического духовенства, то необходимо понять, почему эта пропаганда так легко находила отклик в сердцах их прихожан.

³⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3012. Л. 90–92.

хиня-терциарка и заявила, что «нам не надо, чтобы русские черти освящали воду в колодце, я сама ее освятила»³⁸.

Обратным процессом происходивших «очищений» бывших католических костелов и недопуска проникновения элементов православия в католические приходы являлось символическое «загрязнение» православных храмов — к примеру, в посаде Горадло в пасхальную службу во время крестного хода православные подверглись открытому нападению упорствующих и католиков; перебиты были фонари, церковные стекла, а по входе православных в церковь последняя была осквернена нечистотами³⁹. Вместе с «загрязнением» часто проводилось и ограждение католических сакральных пространств от православных — в Гелвонском приходе Виленской губернии католики отделили для православных в углу небольшое место, окружили рвом и пробili в стене отверстие, чтобы «поганные» православные не носили умерших через главный вход⁴⁰.

Таким образом, можно заметить, что конфессиональная демаркация православия и католичества предполагала их иерархизацию, в которой «чистое» католичество доминировало над «грязным» православием. Такое символическое разделение наделяющего «Другого» атрибутами грязи и нечистоты, с одной стороны, является одним из наиболее распространенных в самых разных культурах способов членения окружающей реальности⁴¹. Но не менее важно и другое, возникающее при использовании таких метафор противопоставление: «чистого» католичества «грязному» православию.

Представляется, что такое разделение являлось ответом на использовавшуюся в ходе кампаний по дискредитации католичества в 1860-е гг. гиперболизированную оппозицию социальной иерархии империи «блеск-серость», в которой блеск «верха» общества Северо-Западного края (в данном случае имелись в виду польский помещик и образованный ксендз) на поверку оказывался поверхностью и «наносным элементом»⁴².

Если это рассуждение верно, то описание православия как «грязной» веры являлось символическим переопределением иерархий пра-

³⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 103. Д. 1. Ч. 18. Л. Б. Л. 21.

³⁹ «Католическая агитация» // Новое время. 31.05.1905. С. 4.

⁴⁰ «Католическая агитация» // Новое время. 11.06.1905. С. 3.

⁴¹ См., напр.: Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000. С. 24–28.

⁴² Долбилов М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. М., 2005. С. 142–143.

вославия и католичества, в котором устоявшиеся символы социальных и конфессиональных иерархий, однажды переопределенные властью, вновь переопределялись, на этот раз уже «в пользу» католичества как «чистой» и принадлежащей к социальному верху конфессии. Именно поэтому в публицистике встречаются выражения ксендзов о том, что православные священники в будущем у них будут «пастухами»⁴³, что православная вера — холопская и что православные священники живут в нищете⁴⁴.

Наконец, это разделение обладало и политическими коннотациями. Выше уже цитировался текст циркуляра епископа Зверовича, в котором говорилось, что на католиков смотрят как на врагов государственности. Конфессиональное противостояние католичества и православия, политизированное в 1860-е гг. самими имперскими властями⁴⁵, теперь также осмыслялось и католиками.

В этом смысле будет бесполезно вернуться к письму архиепископа Александра, где он также сообщал о том (в 1882 г.!), что среди католиков циркулирует слух, что после коронавания в Москве царствующий государь примет католицизм и отправится в Рим на поклон папе⁴⁶.

Такой слух заново расставлял и переворачивал существующую политическую иерархию — католичество из «терпимого» вероисповедания превращалось в господствующую конфессию, силе которой подчиняется даже сам император! Эта небольшая деталь из письма архиепископа Александра окажется крайне важной при дальнейшем анализе действий католиков и их интерпретации указа 17 апреля 1905 г., поскольку отчасти позволит объяснить резкий всплеск религиозного насилия со стороны католиков после его издания.

«Царь-католик»: слухи о религиозных изменениях в католической среде после издания указа о веротерпимости

Упомянутое ранее письмо архиепископа Александра, в котором говорилось о существовавшем в среде католиков слухе о скором переходе императора в католичество, является не единственным свидетельством

⁴³ Новое время. 20.05.1905. С. 3.

⁴⁴ «Из западнорусских епархий» // Литовские епархиальные ведомости. № 28–29. С. 257.

⁴⁵ Werth P. The Tsar's... P. 153.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2061. Л. 12 об.–13.

о том, что такое представление, по всей видимости, действительно существовало в католической среде. Приведу пример схожего сообщения.

В 1903 г. сотрудник администрации Северо-Западного края П.Н. Сергиевский отмечал, что католики Песковского прихода Гродненской губернии убеждают православных в том, что «Бог даст, скоро будет уния, Иоанн Кронштадтский переходит в католичество и будет папой Римским» (причем их веру в такой исход событий подкрепляла недавняя закладка в их приходе нового костела)⁴⁷. Сергиевский также упоминал о существовании других кажущихся при первом прочтении абсурдными слухов: о том, что издан «Царский манифест, признающий ныне повсеместно в России католичество как единственную правую веру, но его прячет священник»⁴⁸, что «Иоаким епископ Гродненский был арестован правительственной властью за то, что говорил на тему о превосходстве православия»⁴⁹.

Такие слухи, описываемые властями как суеверия, по всей видимости, являлись неотъемлемой частью существовавшего в католической среде мировосприятия. Как отмечают исследователи крестьянской культуры, в этой среде достаточно часто появлялись слухи, которые возникали в результате когнитивных конфликтов: столкновения крестьянских представлений о том, как должно быть, с намерениями властей и политической реальностью⁵⁰.

В нашем случае такое столкновение кажется более чем очевидным — существовавшие в католической среде представления о первенствующей роли католичества (как единственной истинной веры) сталкивались с более низким (а учитывая многочисленные запреты на проявления католической религиозности в крае и вовсе дискриминированным) институциональным положением католической церкви по отношению к православной. По всей видимости, такое противоречие

⁴⁷ ОР НБ МГУ. Ф.39. Оп. 1. Д. 122. Л. 56–57. Сергиевский описывает эти взгляды католиков как результат «влияния» местного ксендза, который представлялся непосредственным автором таких «чудовищных слухов». И хотя нам кажется, что появление таких слухов, скорее всего, все-таки было связано с крестьянской средой, но при этом вполне можно представить ситуацию, когда местный священник как минимум не препятствует их распространению — в католичестве второй половины XIX в. считалось важным прислушиваться и почитать народную сторону религиозности. Об этом см.: *Долбилов М.Д. Русский край... С. 227–240 et passim.*

⁴⁸ Там же. Л. 59.

⁴⁹ Там же. Л. 57.

⁵⁰ *Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2022. С. 237.*

«снималось» в сознании крестьян-католиков представлением, что за нынешние «мучения за веру»⁵¹ (а случаи дискредитации католичества воспринимались, по всей видимости, именно так — в одном из докладов генерал-губернатору прямо сообщалось, что «наказание виновных лиц римско-католического духовенства за упорство в антиправительственном движении, являясь в глазах паствы мученическим подвижничеством за веру, только подогревало фанатизм и подчиняло народ еще большему влиянию ксендзов» — после ссылки ксендза Гриневицкого крестьяне стали паломничать в честь его памяти в Вильну)⁵² католикам воздастся в будущем превращением католичества в единственную истинную веру во всей империи⁵³.

Указ 17 апреля в таком восприятии оказывался подтверждением существовавших в католической среде слухов о будущей судьбе православия и католичества⁵⁴ — и соединялся с в целом присущим крестьянскому сознанию эсхатологическим предчувствием⁵⁵. Уже в мае 1905 г. мы видим актуализацию этих представлений, которые часто оказывались весомым аргументом в пользу перехода православных в католичество.

Так, состоявшая в переписке с К.П. Победоносцевым местная ревнительница православия О.И. Анненкова сообщала, что «дарованная милость, казалось бы, должна была объединить народ, но горькая действительность показывает обратное. Католики, держась иезуитского девиза — цель оправдывает средства — ничего не стесняются, расширяют донельзя фиктивные свои права, утверждают, что и государь принял католичество, а равно и отец Иоанн Кронштадтский, словом, все будут

⁵¹ Как отмечает М.Д. Долбилов, «в российском католицизме психология народного католицизма готовила его адептов и адепток к страданиям за веру». См.: Русский край... С. 235.

⁵² ОР НБ МГУ. Ф.39. Оп. 1. Д. 101. Л. 60 об.

⁵³ Будущее «воздаяние», как будет показано нами далее на примере обсуждения в крестьянской среде слуха о том, что только католики получают землю, имело в сознании католиков не только узкоконфессиональные, но и более широкие социальные последствия — вновь налицо уже описанная нами ситуация контаминации конфессионального, социального и политического, «запаковывающегося» в факт конфессиональной принадлежности.

⁵⁴ Если рассматривать этот указ как часть символического пространства, то он вполне мог истолкован иначе, чем это изначально предполагалось властями — поскольку «перевод» символов может быть совершенно неожиданным, им может быть приписано совершенно неожиданное значение» (Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. СПб., 2001. С. 12).

⁵⁵ Аксенов В.Б. Указ. соч. С. 241.

католиками, и чем скорее это совершится, тем лучше, так как церкви будут запечатаны»⁵⁶.

Признания Анненковой подкрепляются и сообщениями департамента полиции — в июне 1905 г. сообщалось, что крестьянин Виленской губернии заявил кронскому полицейскому уряднику при ремонте им православной часовни в Кронцах, что «зачем починяешь эту церковь, церковь эта будет наша и вера православная проклятая, я вычитал с книги, что вера эта проклятая»⁵⁷.

Известия о слухах о скором переходе императора в католичество встречаются и в публицистике того времени — в июле 1905 г. говорилось, что существуют слухи «о том, что царь перешел в католичество, что католичество теперь господствующая религия, что православные церкви обратят в костелы и что земельные наделы будут отданы католикам, даже само положение комментируется предвзято — говорится, что раз переход из православия в католичество не наказывается, то переход из католичества в православие наказывается»⁵⁸. В августовском номере «Литовских епархиальных ведомостей» говорилось, что в одном из костелов «ксендз громко сказал, что переход из православия в римско-католичество теперь дозволен правительством, разрешившим поездку бискупа по витебской губернии для этой именно цели»⁵⁹.

В более ранней статье конца июня 1905 г. мы встречаем и указания на то, что издание указа будет иметь и незамедлительное практическое воплощение — согласно тексту статьи указ комментировался так «будто Государь повелел всем переходить в католичество, православные церкви будут обращаться в костелы, а имущества их будут переданы ксендзам»⁶⁰.

Передача имущества (и самое главное — земли) в пользу католических приходов также встречается в сообщениях о распространявшихся в среде католиков слухах: один из крестьян заявил священнику,

⁵⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 2. Д. 88. Л. 43 об. — 44. Вновь встречающееся упоминание Иоанна Кронштадтского как важного для католиков «переходящего» в католичество, по всей видимости, свидетельствует, что его почитание было характерно не только для православных. Его же образ заступника за «маленьких людей» вновь показывает связь конфессиональных и социальных характеристик. О случае прошений к отцу Иоанну со стороны католиков и даже иудеев с просьбой о заступничестве см.: Киценко Н.Б. Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006. С. 61, 75.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 103. Д. 1. Ч. 33. Л. Б. Л. 7.

⁵⁸ «Католическая агитация» // Новое время. 11.07.1905. С. 3.

⁵⁹ «Подвиги польских ксендзов» // Литовские епархиальные ведомости. № 35. 31.08.1903.

⁶⁰ «Борьба католичества с православием в Литве» // Новое время. 20.06.1905. С. 3.

что «ходят слухи, что крестьянин одной из деревень заявил священнику, что они будут лишены земельных наделов, если откажутся от перехода в католичество, а церковь обратят в костел»⁶¹.

Связь между обладанием землей и католическим вероисповеданием показывает, что упоминавшаяся нами ранее контаминация социального, конфессионального и политического, характерная для Северо-Западного края, актуализировалась вскоре после издания указа 17 апреля.

Ярким примером такой контаминации является сохранившаяся брошюра «уничтожение костелов москалями», появившаяся в 1905 г.⁶² В ней рассказывается о том, как закрыли костел в Шледзанове, как в 1892 г. он чудом открылся. Вскоре после открытия на место приехала полиция, стремившаяся вновь закрыть костел, но люди не хотели уходить из костела, лежали в нем и вокруг него, и в итоге солдаты били тех, кто лежал в костеле. В тексте сообщалось, что многие были побиты нагайками лишь за то, что хотели посмотреть на свершившееся чудо⁶³.

В брошюре говорилось, что «тот, кто хочет удержаться в вере отцов, тот должен удержать и родной язык» и что «тот, кто обороняет святую веру от поруганий, тот в конце концов должен оборонять и язык отцов»⁶⁴. Именно поэтому «московская власть запретила учить в школах по-польски, чтобы мы забыли язык отцов и то, что мы — поляки»⁶⁵. Политическая власть представлялась как адские силы и сравнивалась с римскими императорами: «Московиты — посланники ада, которые громят Божьи Храмы», что они орудие сатаны, «которым ад ведет бой с Христом», что это «враг и погибель всякой правды, более грозный, чем Нерон»⁶⁶.

Далее, согласно тексту брошюры, местные православные жители обвиняются в том, что осели на землях костела и «доносили (именно так!) на поляков-католиков своим попам». Таким образом, мы видим, что содержание указа 17 апреля, проникая в католическую среду, трак-

⁶¹ «Католическая агитация» // Новое время. 11.07.1905. С. 3.

⁶² Мне не удалось найти место создания и издателя этой брошюры, однако кажется очевидным, что она создавалась одним из сторонников польского национального проекта и в этом смысле изначально она явно была орудием польского национализма. Между тем используемые в этой брошюре образы, рассчитанные, по всей видимости, на крестьянское восприятие, изобилуют религиозным символизмом и в соединении политического, этнического и конфессионального в ней нам видится имевшееся в сознании католиков переплетение этих сфер жизни.

⁶³ РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 822. Л. 12–13.

⁶⁴ Там же. Л. 15.

⁶⁵ Там же. Л. 15–17.

⁶⁶ Там же. Л. 20.

товалось как сбывающееся ожидание скорого торжества католической церкви, когда эту веру должен был принять правящий монарх, а католицизм стать господствующим вероисповеданием. При этом принадлежность к католической церкви, в ситуации, когда у конфессиональной принадлежности существовали политические и социальные коннотации, означала и повышение статуса католиков — им должны были быть переданы земельные участки и церковные имущества православных.

При этом политическое измерение переопределения иерархий православия и католичества вовсе не означало, что католики были нелояльны трону — напротив, вскоре после издания указа в более чем сорока костелах Виленской губернии были совершены благодарственные молебны⁶⁷.

Католическое население, по всей видимости, интерпретировало изданный 17 апреля указ как возвращение к «нормальности», к восстановлению в административно-политическом измерении «истинной» иерархии вероисповеданий, и вполне возможно, что некоторые из католиков понимали свои усилия по захвату закрытых ранее костелов и «очищению» их от православных элементов как исполнение «царской воли».

Ярчайшим примером этого является случай, когда в марте 1906 г. в одном из бывших закрытых костелов, в котором начали вновь проводить богослужения, был повешен портрет Николая II⁶⁸.

Заключение

А.П. Стороженко, один из самых активных проводников русификации в Северо-Западном крае в 1860-е гг., надеялся на то, что проводимые им кампании в конечном счете увеличат религиозную индифферентность местного населения, «охладят» веру местных жителей до такой степени, что она перестанет быть важным фактором местной политики⁶⁹. Для секуляризированного бюрократа «горячая» вера казалась уходящим в небытие атрибутом прошлых эпох и трактовалась как набор искусственно поддерживаемых суеверий, в лучшем случае курьезных, в худшем — политически опасных⁷⁰.

Между тем эпоха конца XIX — начала XX в. оказывалась временем роста религиозности не только в России, но и во всей Европе — увеличи-

⁶⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3012. Л. 80.

⁶⁸ Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи. Минск, 2010. С. 336.

⁶⁹ Долбилов М.Д. Русский край... С. 453–454.

⁷⁰ Там же. С. 243–245.

вающаяся грамотность и увеличение доступности духовной литературы повысили уровень духовной и религиозной независимости, а ориентация духовной литературы на индивида сделала религиозное переживание более персональным⁷¹. В России начала XX в. появлялось огромное количество новых религиозных течений, а старые же все больше внимания уделяли духовной, внутренней стороне веры, ее переживанию⁷².

По всей видимости, католики Северо-Западного края также не оказались в стороне от этого процесса «разгорания» религиозности. Католическое сообщество, оказываясь внутренне сплоченным, выработало собственные представления о правильном и неправильном вероисповедании, выстраивало собственную, альтернативную имевшейся в институциональном поле символическую иерархию. В этой иерархии причудливым образом идея о «грязном» православии сочеталась с мыслью о том, что правящий монарх вскоре примет католичество и сделает его официальным вероисповеданием империи.

События после указа 17 апреля 1905 г. оказываются в некотором смысле «реваншем» горячей веры католиков, носители которой атаковали сложившуюся на тот момент в крае институциональную структуру конфессиональной иерархии. Ключевая роль в этой атаке принадлежала «очищению» закрытого или обращенного в православный храм католического костела или кладбища в его «нормальное» состояние.

Представляется, что в происходивших в 1905 г. насильственных попытках захвата храмов, уничтожении православных могил на кладбищах, ритуализированного уничтожения имущества можно видеть бумерангом возвращенную католиками местной администрации и православным существовавшую в 1860-е гг. (частичный рецидив которой случился в 1890-е гг.⁷³) практику административного «перекрещивания» католиков в «царскую веру»⁷⁴. В ситуации, когда в католической среде активно циркулировали слухи о переходе императора в католичество, «царской

⁷¹ Shevtzov V. Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution. Oxford, 2004. P. 5.

⁷² Слезкин Ю.А. Дом правительства: Сага о русской революции. М., 2017. С. 31–32.

⁷³ Об этом «рецидиве», отчасти связанном с именем К.П. Победоносцева, см.: Полупанов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 266–279.

⁷⁴ Долбилов М.Д. Русский край... С. 381–390. Долбилов говорил о взаимном обращении стереотипов и моделей описания между католиками и православными, см.: Долбилов М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. М., 2005. С.166). Кажется справедливым, что то же можно сказать и про действия. В данном случае такая судьба постигла практики, которые изначально были призваны очищать православие от наносного католического элемента.

верой» оказывалось само католичество — и в таком случае ее символическое первенство в среде самих католиков (подкрепленное оппозицией «чистого» католичества и «грязного» православия) воплощалось в виде попыток «очистить» сакральные пространства от конфессионально окрашенных как православные элементов и, таким образом, утвердить господство «правильной» веры.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2022.
Aksenov V. (2022). *Slukhi, Obrazy, Emotsii: Massovie nastroyenia rossiyan v gody pervoi mirovoi voiny I revolutsii*. Moscow. (In Russ.)
2. Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-западном крае Российской империи. Минск, 2010.
Bendin A. (2010) *Problemy veroterpimosti v Severo-zapadnom krae rossijskoj imperii*. Minsk. (In Russ.)
3. Воронин В.Е. Польское восстание 1863 года: опыт «Примирительной политики» русского правительства. М., 2008.
Voronin V. (2008) *Pol'skoe vosstanie 1863 goda: opyt "Primiritel'noj politiki" russkogo pravitel'stva*. Moscow. (In Russ.)
4. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: Центральные государственные учреждения. Т. 2. СПб., 2001.
Vysshie i central'nye gosudarstvennyye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917: *Central'nye gosudarstvennyye uchrezhdeniya*. (2001) T. 2. Saint Petersburg. (In Russ.)
5. Долбилов М.Д. Конфессиональная идентичность и аргументы памяти — католический ответ на русификацию // Православие: конфессия, институты, религиозность (XVII–XX вв.): сборник научных работ. СПб., 2009. С. 72–105.

- Dolbilov M.D. (2009) “Konfessional’naya identichnost’ i argumenty pamyati — katolicheskij otvet na rusifikaciju”, in *Pravoslaviye: konfessiya, instituty, religioznost’ (XVII–XX vv.): sbornik nauchnyh rabot*, pp. 72–105. (In Russ.)
6. Долбиллов М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг., в: *Образ врага* / Ред.: Л. Гудков. М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2005. С. 127–174.
Dolbilov M.D. Polonophobia and the policy of Russification in the Northwestern region of the Empire in the 1860s, in: *The image of the enemy* / Ed. by L. Gudkov. Moscow: OGI (United Humanitarian Publishing House), 2005. P. 127–174 (in Russ.).
 7. Долбиллов М.Д. Поляк в имперском политическом лексиконе // Понятия о России: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. С. 292–342.
Dolbilov M.D. (2012) “Polyak v imperskom politicheskom leksikone”, in *Ponyatiya o Rossii: k istoricheskoy semantike imperskogo perioda*, pp. 292–342. (In Russ.)
 8. Долбиллов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
Dolbilov M.D. (2010) *Russkij kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional’naya politika v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moscow. (In Russ.)
 9. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000.
Duglas M. (2000) *Chistota i opasnost’: analiz predstavlenij ob oskvernenii i tabu*. Moscow (In Russ.)
 10. Киценко Н.Б. Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006.
Kicenko N.(2006) *Svyatoj nashego vremeni: otec Ioann Kronshtadtskij i russkij narod*. Moscow. (In Russ.)
 11. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. СПб., 2001.
Kolonickij B (2001) *Simvolj vlasti i bor’ba za vlast’*. Saint Petersburg. (In Russ.)
 12. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
Polunov A. (2010). *K.P. Pobedonoscev v obshchestvenno-politicheskoy i duhovnoj zhizni Rossii*. Moscow. (In Russ.)
 13. *Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий*. СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1857. С. 14.

- Digest of laws of the Russian Empire*. Vol. XI. Part 1. Statutes on the spiritual affairs of foreign confessions. St. Petersburg: Printing house of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1857. P. 14 (in Russ.).
14. Слѣзкин Ю.А. *Дом правительства: Сага о русской революции*. М.: АСТ; КОРПУС, 2017. 976 с.
Slezkine Yu.A. *The House of Government: A saga of the Russian Revolution*. Moscow: AST; CORPUS, 2019. 976 p. (in Russ.).
15. Clark C. The new Catholicism and the European culture wars, in: *Culture wars: Secular-Catholic conflict in nineteenth-century Europe* / Ed. by C. Clark, W. Kaiser. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 11.
16. Crews R. Empire and the confessional state: Islam and religious politics in nineteenth-century Russia. *The American Historical Review*. 2003;108(1):50-83.
17. Freeze G. Institutionalizing piety: The Church and popular religion in Russia, 1750–1850, in: *Imperial Russia: New histories for the Empire* / Ed. by J. Burbank, D. Ransel. Bloomington: Indiana University Press, 1999. P. 221–256.
18. Shevzov V. *Russian Orthodoxy on the eve of Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 372 p.
19. Werth P. *The Tsar's foreign faiths: Toleration and the fate of religious freedom in Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 288 p.

Ерохов Никита Сергеевич
Nikita S. Erokhov

аспирант Школы исторических
наук факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики»,
SPIN-код: 3363-1684,
AuthorID: 1323744

first year Postgraduate student at the
School of Historical Sciences, Faculty of
Humanities, National Research University
Higher School of Economics,
SPIN-код: 3363-1684,
AuthorID: 1323744

Поступила в редакцию /
Received
02.11.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
03.12.2025

Принята к публикации /
Accepted
12.01.2026

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.007](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.007)

Оригинальная статья / Original paper

Д.В. Рыбин

*Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: danilarybin@rambler.ru*

Современная российская историография консервативного либерализма и легализма в начале XX в.

Аннотация

Рассмотрена историография деятельности консервативных либералов (прежде всего легалистов) в начале XX в. на основе научных работ и политической практики. Сформировалась обширная группа ученых, которая подробно разобрала большинство направлений либерализма и установила основные признаки, характеризующие российские реформаторские (освободительные) течения. Цель исследования — на основе обширной исторической, философской, юридической и политологической литературы выявить комплекс идей, сложившийся внутри либеральной юриспруденции Российской империи, определить основные точки зрения современных ученых на природу консервативного либерализма.

Материалы и методы

Значительная часть трудов ведущих легалистов опубликована. Это облегчает задачу исследователя. Привлечение многих источников (бесчисленные статьи и монографии легалистов) вкупе с современными исследованиями позволяет сравнить разные точки зрения на сущность

движения и прийти к общим выводам. Использование проблемно-хронологического метода и метода сравнения позволяет провести полноценный научный анализ.

Результаты

Под легалистами понимается объединение либеральных сановников Российской империи, преимущественно выходцев из судебного корпуса, и ученых-юристов. Идеологию легалистов можно определить как консервативный либерализм, а их вдохновителями были известные ученые К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин. Сформировалась устойчивая группа юристов, которая была кровно заинтересована в развитии в России законности и правопорядка («люди правового порядка»). В начале XX в. легализм переживал упадок и «растворялся» внутри новых праволиберальных течений. Ученые-историки и философы тщательно проанализировали разные аспекты мировоззрения праволиберальной интеллигенции.

Выводы

Приходится констатировать, что несмотря на большие успехи, достигнутые при выяснении сущности и природы центристских идеологий в поздней империи, современные ученые, в основном, не связали их с юридическим происхождением основных идеологов-ученых. Почти не рассмотрели юридическую подоплеку консервативно-либеральной идеологии легализма. Да и не стремились к этому. Исследование точек зрения ученых на природу правового либерализма позволяет сформировать новое направление исследований, которые позволят, в перспективе, выявить юридическую природу движения и установить легалистский компонент в общем либеральном потоке.

Ключевые слова:

консервативный либерализм; либеральный консерватизм; легализм; партия прогрессистов; партия мирного обновления; А.Ф. Кони

Для цитирования:

Рыбин Д.В. Современная российская историография консервативного либерализма и легализма в начале XX в. // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 164–213. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.007](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.007)

Danil V. Rybin

*St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University
of Justice (RPA Ministry of Justice)
E-mail: danilarybin@rambler.ru*

Contemporary Russian Historiography of Conservative Liberalism and Legalism in the Early Twentieth Century

Abstract

The article examines the historiography of the activities of conservative liberals (primarily legalists) in the early twentieth century based on scientific works and political practice. A large group of scientists has been formed that has analyzed in detail most of the trends in liberalism and established the main features that characterize Russian reformist (liberation) movements. The purpose of the study is to identify, based on extensive historical, philosophical, legal and political literature, a set of ideas that developed within the liberal jurisprudence of the Russian Empire and to determine the main points of view of modern scientists on the nature of conservative liberalism.

Materials and methods

A significant part of the works of leading legalists have been published. This simplifies the task of the researcher. The use of many sources (countless articles and monographs by legalists) coupled with modern research allows us to compare different points of view on the essence of the movement and come to common conclusions. The use of the problem-chronological method and the comparison method allows us to conduct a full-fledged scientific analysis.

Results

Legalists are understood as an association of liberal dignitaries of the Russian Empire, mainly from the judicial corps, and legal scholars. The ideology of the legalists can be defined as conservative liberalism, and their inspiration was the famous scientists K.D. Kavelin and B.N. Chicherin. A stable group of lawyers was formed, which was vitally interested in the development of legality and law and order in Russia (“people of the legal order”). At the beginning of the 20th century, legalism was in decline and “dissolved” within the new right-liberal trends. Scholars, historians and philosophers carefully analyzed various aspects of the worldview of the right-liberal intelligentsia.

Conclusions

It must be noted that despite the great success achieved in clarifying the essence and nature of centrist ideologies in the late empire, modern scientists, for the most part, did not connect them with the legal origin of the main ideologists-scientists. They almost did not consider the legal background of the conservative-liberal ideology of legalism. And they did not strive for this. The study of the views of scientists on the nature of right-wing liberalism allows us to form a new direction of research that will allow, in the long term, to identify the legal nature of the movement and establish a legalistic component in the general liberal stream.

Keywords:

Conservative liberalism; Liberal conservatism; Legalism; Party of progressives; Party of peaceful renewal; A.F. Koni

For citation:

Daniil V. Rybin. Contemporary Russian Historiography of Conservative Liberalism and Legalism in the Early Twentieth Century // Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 164–213. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.007](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.007)

Введение

Как справедливо писал историограф А.Н. Егоров, в конце XX в. в России произошло освобождение историков от идеологической опеки и обеспечен доступ исследователей в архивохранилища страны для работы

с новыми документами. При этом были сохранены лучшие достижения советской школы либераловедения. Российский либерализм «освободился» от буржуазии. Была отброшена советская теория «властебоязни» и либералы стали оцениваться если не относительно позитивно, то нейтрально¹.

В нашей работе мы попытаемся определить содержание общественно-политического явления «консервативный либерализм» в научной литературе 1990–2020-х гг. В тот период в российской науке появились сотни ученых, которые с энтузиазмом стали исследовать ранее недостаточно изученные темы из истории российской общественной жизни империи. Изучив многие работы, мы стремились выявить разные направления внутри консервативного либерализма и в первую очередь старались установить, в какой степени исследователи смогли выявить юридическое течение либерального легализма внутри правого либерализма. Столкнувшись с огромным массивом исторических работ, мы были вынуждены исключить из предмета нашего исследования многие интересные работы, косвенно связанные с рассматриваемой темой: другие виды либерализма, октябристское и кадетское направления в консерватизме и либерализме и многие другие смежные труды. Также были исключены работы, в которых заявленная тема не была раскрыта исследователями.

В настоящем исследовании мы только упомянем некоторые работы, связанные с историографией либерализма. Ни один из сотен исторических очерков, даже специализированные исследования, не смог охватить большей доли работ по либерализму из-за их огромного числа. Наряду с очень хорошими трудами А.Н. Егорова была защищена диссертация В.Г. Кичеева по историографии «помещичьих и буржуазных партий». В его работах определение партий предполагало сохранение старого советского подхода к оценке партийной системы империи. В целом ученый придерживался ленинской классификации партий. Например, Кичеев верно подметил, что отнесение октябристов к тому или иному политическому лагерю является предметом бесконечного историографического спора (сам автор по-прежнему относил их к либералам)².

Особенностью обобщений знаний в современной науке является переход к историографии отдельных направлений деятельности либе-

¹ Егоров А.Н. Российские либералы начала XX в. и власть: историографические дискуссии. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2007. С. 194–197.

² Кичеев В.Г. Методология классификации политических партий и историография парламентской деятельности в России начала XX века. Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, 2009. 111 с.

ралов и биографий выдающихся деятелей. Так, в работе С.В. Пронкина подробно был разобран правительственный конституционализм в годы первой русской революции. По его данным, большую роль в разработке основного закона сыграли легалисты (П.А. Харитонов и пр.)³. А.Н. Егоров исследует национальный вопрос у либералов⁴. Н.Б. Хайлова опубликовала актуальную историографию центристских партий⁵. Д.Н. Шипову посвящена работа Е.А. Найденовой⁶. Историографию Е.Н. Трубецкого рассмотрела Н.Б. Хайлова⁷. Множество историографических очерков содержится в диссертациях и монографиях современных авторов.

В 1998 г. В.В. Шелохаев, анализируя состояние научного знания о либерализме, поставил несколько историографических задач и закономерно ожидал перехода накопленных знаний в новое качественное состояние⁸. Можно отметить, что в 1990-х — начале 2000-х гг. продолжали выходить аналитические обзоры Шевырина, в которых содержался актуальный анализ историографии либерализма⁹. Вплоть до наших дней В.В. Шелохаев и К.А. Соловьев формулируют современные задачи изучения либерализма в России и во многом определяют перспективы развития исторической науки в этой сфере¹⁰.

³ Пронкин С.В. Правительственный конституционализм в России XVIII — начала XX в. в отечественной историографии: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2012. 50 с.

⁴ Егоров А.Н. Российские либералы начала XX в. и национальный вопрос: историографические оценки // Политико-правовые практики российского либерализма в начале XX в. Мат-лы Междунар. науч. конф. Т. 1. Ч. III. Орел, 2019. С. 210–220.

⁵ Пушкарева И.М., Хайлова Н.Б. Либеральный центризм в России начала XX в. (историографический аспект). Ч. 1 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2023. № 2. С. 7–28.

⁶ Найденова Е.А. Современная историография общественно-политических взглядов и земской деятельности Д.Н. Шипова // Наука сегодня. Ключевые проблемы и перспективы развития. Сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 19–20 декабря 2015 года. СПб.: Редакционно-издательский центр «Культ-информ-пресс», 2015. С. 25–29.

⁷ Хайлова Н.Б. Политические взгляды и деятельность Е.Н. Трубецкого: историографический обзор // Прошлое и будущее либерализма в России — итоги и перспективы изучения. Муромцевские чтения вчера, сегодня, завтра. Мат-лы Междунар. науч. конф. Орел: Издательский дом «ОРИК», 2021. С. 198–211.

⁸ Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–40.

⁹ Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). Аналитический обзор. История России. Серия аналитических обзоров и сборников. 2003. № 1. С. 1–152; Шевырин В.М. Революции 1917 г.: переосмысление в зарубежной историографии // Россия и современный мир. 2007. № 1 (54). С. 53–77.

¹⁰ Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Политические партии России в начале XX в. как историографическая проблема // Российская история. 2021. № 1. С. 139–150.

Продолжается проведение конференций по либерализму или по близким темам: Муромцевские, Чичеринские, Конивские чтения, а также ежегодные масштабные Таврические чтения в Санкт-Петербурге и пр.

В нашей статье мы постараемся определить нынешнее состояние науки о консервативно-либеральных идеях империи и выявить, удалось ли ученым обосновать наличие отдельного праволиберального юридического течения в общем освободительном движении в империи.

Основное содержание

В 1990-е гг. ученые перешли к свободной дискуссии о сущности понятия «консервативный либерализм». Сложилось несколько направлений в современных российских гуманитарных науках при анализе этой общественно-политической идеологии и практики поздней империи. Первое условно можно назвать «историческим». В его рамках сотни исследователей изучали понятия «либерализм» и «консерватизм». Большинство из этих ученых описывали социальные явления либерализма, объясняя его многочисленные проявления, и не восходили к их абстрактному пониманию. Почти все из историков (за редким исключением) старались аккуратно уклониться от определения явления «консервативного либерализма» в последние десятилетия существования империи. Как следствие, возник разрыв в понимании сущности происходивших процессов и самих процессов. Во многих случаях (например, с октябристами) это вело к ряду неверных логических выводов и ошибкам при общем внешне правильном описании происходящих событий. Часть из историков формировала свои точки зрения, другие следовали ленинской схеме, третьи (большинство), к сожалению, игнорировали терминологию и применяли ее без анализа, следуя распространенным схемам. А именно исследователи, как правило, смешивали, отождествляли, а также путали термины «консервативный либерализм» и «либеральный консерватизм».

Второе направление можно назвать «философским». В его рамках большинство философов и социологов тщательно подошли к анализу трудов идеологов либерализма от Кавелина/Чичерина до Струве. Скрупулезный анализ точек зрения дореволюционных ученых привел в большинстве случаев к научно обоснованным выводам, которые оказались зачастую противоположны выводам историков. Именно это направление исследователей разработало категориально-понятийный аппарат консервативного либерализма. Сформулировали его признаки, формы, содержание,

а также определили его ключевые акторы. Третье направление можно условно определить как «политологическое». В его рамках политологи, а также отдельные ученые из других отраслей наук (историки, философы и пр.) схоластически подошли к теме консервативного либерализма, поверхностно описывая его. Четвертое направление мы определяем как «юридическое». В его рамках ученые из разных наук, в основном юридических, подошли к проблеме консервативного либерализма с позиции правовых наук. В рамках этого направления мы в большей степени видим стремление авторов показать влияние идей правового государства и правового порядка на становление консервативно-либеральной идеологии.

В нашем исследовании мы остановимся только на «исторических» исследованиях, т.е. работах, посвященных становлению консервативного либерализма во второй половине XIX в. и начале XX в. и освещающих не столько идеологию движения, сколько его политические практики.

Шелохаевская школа

Продолжающейся с советского времени тематикой стали исследования по истории партийного движения в империи. В 1990 гг. известный историк В.В. Шелохаев приступил к исследованию праволиберального партийного спектра поздней империи¹¹. Он выделил политическую активность партии прогрессистов в годы Первой мировой войны, пошедшей дальше кадетов. Шелохаев рассмотрел тактики борьбы либеральных партий с правительством¹².

Следствием накопления количественных данных стал их переход в новое качественное состояние. В 1990–2020-х гг. вышла серия коллективных и индивидуальных работ, в рамках «шелохаевской школы», в которых подводились итоги изучения партий и либерализма в целом за предыдущие десятилетия и ставились новые задачи. Например, вышла коллективная монография «Политические партии России» (2000), в которой ведущие ученые, в числе прочего, анализировали работу праволиберальных пар-

¹¹ Шелохаев В.В. Прогрессисты — партия предпринимателей и интеллектуалов // Полис. 1993. №4. С. 159–164; Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX — начало XX века). М.: Памятники исторической мысли, 1995. 286 с.; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М.: РОССПЭН, 1996. 280 с. и пр.

¹² Егоров А.Н. Российские либералы начала XX в. и власть: историографические дискуссии. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2007. С. 194–199.

тий: В.В. Шелохаев (прогрессистов), Н.Б. Хайлова (демреформаторов), В.М. Шевырин (мирнообновленцев). В этом исследовании был представлен краткий абрис формирования и кризиса праволиберальных партий¹³. Стоит отметить, что Шелохаев и представители школы относят октябристов к правым либералам. В своей публикации автор указывал, что октябристы были либерально-консервативной партией, с чем можно согласиться. Тут же через запятую он указывает, что октябристы были приверженцами конституционной монархии, наследственной власти в любом случае, были противниками парламентаризма, цензовой системы. Эти элементы государственного устройства в существенной степени противоречат принципу либерализма. То есть октябристы в первую очередь были все же партией консервативной¹⁴. В 1996 г. вышел первый вариант энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века»¹⁵.

Научная школа В.В. Шелохаева совершила важный рывок вперед, опубликовав обширные сборники документов политических партий и организаций России в начале XX в. (с 1994 г.). В числе прочего были опубликованы материалы центристских партий¹⁶. В 2006 г. вышла энциклопедия «Государственная дума», а в 2008 г. ее переиздание. Энциклопедия вобрала в себя много прекрасных статей и биографических очерков по работе Думы империи¹⁷. Важным интеллектуальным шагом вперед в современном либераловедении стала энциклопедия «Российский либерализм» (2010 г.), работа получилась очень подробной, хорошо продуманной, но, как бывает в больших проектах с привлечением разных ученых, не исчерпывающей. Некоторые элементы энциклопедии вызывают ряд вопросов. Так, в энциклопедии отсутствовали важные термины рассматриваемой эпохи: «освободительное движение», «правовой порядок», «консервативный либерализм», не проанализирована деятельность

¹³ Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 630 с.

¹⁴ Шелохаев В.В. Либеральная модель преобразования России начала XX века // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. Материалы Восьмого Международного симпозиума. М.: МВШСЭН, 2001. С. 32–40.

¹⁵ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. 800 с.

¹⁶ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы 1906–1916 гг. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.

¹⁷ Государственная дума Российской империи. Энциклопедия. В 2 т. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2006. 767 с.; Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. 735 с.

Российский либерализм. 2010.
Из открытых источников

кружка внепартийного объединения в Госсовете и пр. Из поля научного поиска авторов фундаментального труда пропали многие видные либералы: А.Ф. Кони, Н.С. Таганцев, А.А. Сабуров¹⁸.

В 1994 г. по партии демократических реформ была защищена диссертация Н.Б. Хайловой. В обстоятельной работе подробно исследованы становление и политическая деятельность организации. Автор проанализировала сферу, в которой возникла партия, ее состав, общую организацию, работу в парламенте, содержание программы. В то же время автор, отчасти потому что не ставила перед собой такие цели, не обратила внимания на доминирование в партии юристов, не дала точного определения идеологии партии, не соотнесла ее с партийными соседями, не подчеркнула, какие социальные группы голосовали за партию¹⁹.

Шелохаевская школа продолжает готовить многочисленные сборники, справочники и энциклопедии по общественной мысли в России. Упомянем только некоторые из них: «Россия в 1905–1907 гг.»²⁰, «Россия в 1917 году»²¹, «Либерализм в России в начале XX века»²², «Общественная мысль России:

¹⁸ Российский либерализм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 533–535.

¹⁹ Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994. 30 с.

²⁰ Россия в 1905–1907 гг. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2016. 1196 с.

²¹ Россия в 1917 году. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2017. 1095 с.

²² Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2019. 503 с.

с древнейших времен до середины XX в.»²³ и пр. Большой интерес представляет справочник по акторам либерального движения в России²⁴. В нем наконец-то стали появляться деятели, которых ранее игнорировали, в том числе А.Ф. Кони и пр. На данный момент это наибольший по количеству имен справочник либеральных деятелей России имперского времени.

Группа исследователей школы продолжала интенсивную работу над подробным описанием партийных движений в России в начале XX в. Интерес представляет монография «Реформы в России» (том 3), вышедшая в 2016 г. Показав широкую панораму реформ в последние 60 лет империи, авторы, в том числе, определили степень активного участия разных политических групп в модернизации России. Тем не менее вновь участие консервативно-либеральных групп в этой модернизации почти не было представлено (за исключением внешней политики)²⁵. Развитием научной деятельности шелохаевской школы стало появление монографии «Общественная мысль в России» (2020). Авторы старались воссоздать глубинные процессы, происходящие в интеллектуальной среде в начале века. Позитивным научным шагом можно рассматривать уклонение автора А.А. Сафонова от однозначного отнесения партий демократических реформ и мирного обновления к тому или иному спектру либерального лагеря. К.А. Соколов же справедливо относит упомянутые объединения к «партиям центра». Между прочим, эти партии сохраняли цензовые представления Чичерина об ограниченном народном представительстве.

В работе содержится важное сравнение позиций «консервативно настроенных либералов» (шиповцев) и «радикально настроенных либералов» (кадетов). Первые предполагали сохранение монархии в конституционной модели, вторые воспринимали монархию как техническое явление, которое можно и заменить. Это была черта, где пролегла граница между консервативными и радикальными либералами²⁶. Впрочем, в рассматриваемой работе по инерции октябристы все еще были отнесены к либеральной партии.

²³ Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в. В 4 т. Т. 3: Общественная мысль России второй четверти XIX — начала XX в. М.: РОССПЭН, 2020. 486 с.

²⁴ Деятели либерального движения в России: середина XVIII в. — 1917 г.: [биобиблиографический] справочник и электронная база данных. М.: Памятники исторической мысли, 2012. 772 с.

²⁵ Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в. В 4 т. Т. 3: Вторая половина XIX — начало XX в. М.: РОССПЭН, 2016. 765 с.

²⁶ Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX века. В 4 т. Т. 3. Общественная мысль России второй четверти XIX — начала XX в. М.: РОССПЭН, 2020. С. 150–153, 182, 183, 206, 207, 211, 212, 215, 246–251, 261, 290–293, 376, 385.

Общественная мысль России.
Из открытых источников

В 2022 г. вышла новая фундаментальная работа «Политические партии России» (том 2), посвященная партогенезу на рубеже XIX–XX вв. Отдельная глава была посвящена прогрессизму. В ней описывалась слабость прогрессизма, но не давались определения и не разбиралась идеология. Октябристы отнесены к либералам. Вклад деятелей легализма в идеологию российского либерализма затрагивается вскользь. Из числа либеральных партий кадетам посвящено 80% текста²⁷.

В числе многих других работ К.А. Соловьев²⁸ раскрывает новые аспекты правительственного конституционализма на рубеже веков, характер взаимодействия власти и общества накануне и во время первой русской революции. Исследователь удачно вскрывает основные элементы политической системы империи. В числе прочего он демонстрирует работу сановных юристов по внедрению правопорядка в стране. Партийные исследования, в том числе региональные, проводит историк Н.Д. Постников²⁹. Но о праволиберальных партиях он не сообщает.

²⁷ Политические партии России. Конец XIX — начало XX в. В 3 т. Т. 2: Либеральные партии. М.: РОССПЭН, 2022. С. 26, 52, 97–109, 124, 158–167, 191, 192, 246–249, 349–357, 388, 389.

²⁸ Соловьев К.А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в 1906–1917 годах. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 344 с.

²⁹ Постников Н.Д. Территориальное размещение и численность политических партий России (1907 — февраль 1917). М.: Информационно-издательское управление МГОУ, 2013. 325 с.

Важным шагом в современной науке стало появление диссертационного исследования Нины Борисовны Хайловой³⁰. Конечно, ее работа, в определенном смысле, является вторичной к работе В.Н. Селецкого. Точнее является новым шагом в изучении прогрессизма. Исследовательница постаралась проникнуть глубоко в суть консервативно-либерального движения, понять его природу и сущность и соотнести с другими частями освободительного движения. Опираясь на терминологию братьев Трубецких, она стала шире применять термин «центризм», отождествив его с консервативным либерализмом. Это позволило ей включить в состав центризма не только прогрессистов, но и мирнообновленцев, демреформаторов и прочие маленькие партии.

Изложив процесс становления «центризма» в России и хорошо проанализировав причины внутренней слабости и аморфности право-либеральных партий, ученый показала, как идеология крупных деятелей движения повлияла на либерализм вообще, подробно разобрала работу центристов в госдумах. Хайлова верно показала их подвижнический образ жизни, точно определила их этический, а следовательно, ошибочный подход к политике. Составила почти полный краткий очерк центристских общественных организаций и партий за последние 20 лет империи. Хайлова заметила, что в межреволюционный период возникли наметки раскола внутри прогрессистов по вопросу о будущей войне — между пацифистами (Ковалевский) и национал-либералами (Струве). Ее заслугой также можно считать окончательную реабилитацию мирнообновленцев и прогрессистов, которых до того неоднократно «хоронили» региональные историки, предпочитая вовсе не говорить о местных отделах центристских партий. Очень удачно показала деятельность центристов в 1917 г. Мы безусловно согласны с исследовательницей, что центристский путь развития России в то время отвечал ее национальным потребностям. Стоит отметить, что ученый относила правых либералов к центру либерального лагеря, а не к правому центру, как считаем мы. Таким образом, она по-прежнему относит октябристов к правым либералам, а кадетов к левым.

Так Нина Борисовна Хайлова закрыла некоторые историографические пробелы в наших знаниях. Она верно подметила, что центристские партии были в наибольшей степени конституционными. Но не объясни-

³⁰ Хайлова Н.Б. Центризм в российском либерализме начала XX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 638 с.

ла причину этого явления, не увидела за этим легалистское зерно. Избегала слова «правовой порядок», как и термина «консервативный либерализм». В целом она почти всегда положительно оценивала деятельность прогрессистов и не расценивала их маневры с прогрессивным блоком как авантюру.

Партии и организации в Госдуме и Госсовете

Интерес у исследователей вызывает организация праволиберальных партий.

Например, известны работы А.В. Гоголевского³¹. По его мнению, октябристов следовало бы скорее отнести к консервативному лагерю. В числе прочего ученый подробно рассмотрел проекты избирательного закона и других конституционных актов, разрабатываемых в 1905 г., и показал роль в их разработке юристов.

Важной итоговой и в настоящее время основной работой по прогрессизму остается исследование В.Н. Селецкого. Ученый реконструировал весь путь партии от рассвета до заката. Несмотря на то, что ученый оставался в рамках марксистского идеологического подхода, он создал широкое полотно деятельности консервативно-либеральной партии в России в последние 10 лет существования империи³². На наш взгляд, данной работе не хватает анализа идеологии прогрессизма. Отталкиваясь от программы партии, Селецкий проанализировал планы прогрессистов на будущее России. При этом он не рассматривал нравственный и правовой аспект их идей. Также ученый не исследовал концепции «правового конституционного монархического государства» прогрессистов, хотя в источниках, которые автор рассматривал, такие материалы имеются.

Многие работы были подготовлены по истории деятельности либеральных партий в Государственной думе империи. Например, выделяется работа Д.В. Аронова. Начав с биографии С.А. Муромцева, автор вскоре перешел к общей деятельности либералов в Госдуме. К сожалению, в своей диссертации автор исключил праволиберальные группы парламента, сосредоточившись на кадетях (кроме 5-й главы). Как следствие, история

³¹ Гоголевский А.В. Русский либерализм в последнее десятилетие империи: очерки истории (1906–1912). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 227 с.

³² Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М.: Мир книги, 1996. 363 с.

законотворческой деятельности либералов в Госдуме осталась раскрыта лишь частично³³.

Интерес также представляет работа В.А. Демина по работе либералов в Государственной думе³⁴. Исследование отличается тщательной проработкой состава депутатов Думы. Так, автор подробно рассмотрел работы комиссий всех дум. В 1-й и 2-й думах юристы возглавляли 70% всех комиссий, а легалисты половину всех комиссий. Известны работы В.А. Козбаненко о работе фракций в 1-й и 2-й Государственной думе. В числе прочего он рассказал о формировании и деятельности фракции мирнообновленцев³⁵. Повторную работу выполнил С.Б. Павлов³⁶.

Исследователь Ю.А. Шестаков предпринял тщательный анализ работы парламента (включая легалистов) по проведению судебной реформы³⁷ и реформы местного суда в межреволюционный³⁸ период. Много внимания деятельности политических партий в Государственной думе уделил исследователь К.А. Соловьев. Так, он подробно рассматривал деятельность либеральных групп во всех созывах Думы и определил основные аспекты взаимодействия их с правительством³⁹.

Новой стала тема взаимоотношений полиции и либералов. Этому посвящена диссертация Л.В. Ульяновой (2009). Проведя хороший анализ, исследовательница приходит к выводу, что либералы и полиция разговаривали «на одном языке», т.е. на языке права. Полиции, как правило, противостояли опытные юристы, бороться с которыми было непросто. Либералы во всю свою силу использовали властные структуры (консервативные либералы являлись их частью) в случае столкновений с полицией⁴⁰. И.С. Розенталь исследовал дея-

³³ Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1979 гг.). М.: Юрист, 2005. 408 с.

³⁴ Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917). М.: РОССПЭН, 1996. 216 с.

³⁵ Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных Думах России, 1906–1907. М.: РОССПЭН, 1996. 238 с.

³⁶ Павлов С.Б. Взаимоотношения власти и легальной оппозиции (либералов и крайне правых) 1900–1907 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. 24 с.

³⁷ Шестаков Ю.А. Судебная реформа начала XX века и фракции III Государственной думы. Шахты: ГОУ ВПО ЮРГУЭС, 2010. 111 с.

³⁸ Шестаков Ю.А. Обсуждение законопроекта «О преобразовании местного суда» в III Государственной думе. Шахты: ФГБОУ ВПО ЮРГУЭС, 2012. 120 с.

³⁹ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: РОССПЭН, 2011. 720 с.

⁴⁰ Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение, 1880 — октябрь 1905 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 22 с.

К.А. Соловьев. Законодательная и исполнительная власть в России.
Из открытых источников

тельность общественных клубов в Российской империи, в том числе легалистских⁴¹.

В исследовании С.В. Куликова ученый постарался определить внутренний состав Госсовета империи⁴². По теме Госсовета специализируется В.А. Демин. В своем обширном исследовании ученый скрупулезно выявил состав партийных групп в верхней палате. В том числе он проанализировал «оплот» консервативного либерализма — кружок внепартийного объединения, выделил лидеров партий, привел многие образные высказывания легалистов (Кони, Ковалевского и др.) о работе Госсовета и пр.⁴³ Близкой по типу и характеру являются работы Е.А. Юртаевой⁴⁴.

Важной является работа А.П. Бородина по деятельности Государственного совета империи между двумя революциями. В ней автор, в числе прочего, разбирает основные группы верхней палаты и показывает работу легалистов. Описывая «левую» академическую группу, Бо-

⁴¹ Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!». Клубы в истории российской общест-венности. Конец XVIII — начало XX вв. М.: Новый хронограф, 2007. 398 с.

⁴² Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917) // Из глубины времен. 1997. № 9. С. 3–22.

⁴³ Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М.: РОССПЭН, 2006. 376 с.

⁴⁴ Юртаева Е.А. Государственный совет в России (1906–1917 гг.). М.: Эдиториал УРСС, 2001. 200 с.

родин показывает, как за счет включения легалистов она превратилась в «прогрессивную». Автор выделяет влияние юристов в верхней палате. Так, например, в либерально-консервативной группе центра юристы составляли половину членов⁴⁵.

В последнее десятилетие ученые продолжают исследовать работу палат российского парламента. Тщательный подсчет состава академической группы Госсовета проведен в диссертации С.Б. Арчегова⁴⁶. Хотя группа в основном состояла из кадетов, ее также поддерживали отдельные легалисты («тайнобрачные» по выражению Д. Гримм). Определенное отражение деятельности легалистов в верхней палате получило в диссертации З.И. Алиевой⁴⁷. Также можно выделить наши работы⁴⁸.

В хорошей монографии А.П. Дегтярев разобрал работу депутатских групп в Госдуме между двумя революциями. В числе прочего ученый изучил деятельность фракций мирнообновленцев и прогрессистов по перевооружению армии. Правда, на наш взгляд, степень участия прогрессистов в продвижении оборонных программ была выше, чем в упомянутом исследовании⁴⁹. В монографии А.Д. Миндлина подробно был разобран вопрос о прохождении «еврейского» законодательства в нижней палате⁵⁰. В том числе рассматривается деятельность прогрессистов. Расширенная версия борьбы легалистов за сохранение и расширение прав местного суда за 50 лет представлена в исследовании А.А. Сорокина⁵¹.

⁴⁵ Бородин А.П. Государственный совет России 1906–1917 (Состав и роль в истории третьей юнкерской монархии): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 46 с.

⁴⁶ Арчегов С.Б. Академическая группа Государственного совета (1906–1917 гг.): историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. СПб., 2016. 25 с.

⁴⁷ Алиева З.И. Административно-судебные подразделения в структуре Государственного совета Российской империи 1906–1917 гг. (историко-правовое исследование): автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2019. 30 с.

⁴⁸ Рыбин Д.В. Партийное строительство легалистских организаций и их участие в выборах в Государственную думу в 1906–1907 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. 2024. Т. 13. № 1. С. 113–123; Рыбин Д.В. А.Ф. Кони — член Государственного совета Российской империи (1907–1917 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 1. С. 139–151.

⁴⁹ Дегтярев А.П. Военные проблемы в деятельности Государственной думы России. М.: ВУ, 2018. 284 с.

⁵⁰ Миндлин А.Б. Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. СПб.: Алетейя, 2014. 488 с.

⁵¹ Сорокин А.А. Реформа местного суда в Российской империи: власть и общество (конец XIX — начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 255 с.

В 2021 г. вышла обширная монография А.Ф. Смирнова о работе Государственной думы (переиздание 2010 г.)⁵². В ней также много внимания было уделено прогрессистам и их деятельности в парламенте. Также работа умеренных либералов рассмотрена К.А. Соловьевым и В.В. Шелохаевым. В совместной монографии работа прогрессистов представлена очень репрезентативно и подробно⁵³. Вообще К.А. Соловьев предпринял целую серию исследований, которые освещали различные аспекты деятельности парламентских групп и партий в Государственной думе и Госсовете⁵⁴. В числе прочего он составил множество биографических справок на либералов, размещенных в энциклопедиях и справочниках. А.А. Иванов проанализировал, как прогрессисты взаимодействовали в парламенте с правыми партиями в годы Мировой войны⁵⁵.

В 2017 г. была защищена диссертация Ф.А. Гайды. В ней вновь, с добавлением новых подробностей, подробно рассмотрено противостояние Госдумы и правительства в 1910–1917 гг., в том числе с участием прогрессистов. Автор верно констатирует факт, что рост популярности прогрессистов был обусловлен разочарованием избирателей в старых партиях⁵⁶. Также об участии прогрессистов в противостоянии с властью говорит современный исследователь С.В. Холяев⁵⁷.

Пресса

Тематика истории либеральной прессы также остается предметом рассмотрения современных специалистов.

⁵² Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи, 1906–1917: историко-правовой очерк. Челябинск: Социум, 2010. 624 с.

⁵³ Шелохаев В.В., Соловьев К.А. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. М.: Изд. Госдумы, 2013. 240 с.

⁵⁴ Соловьев К.А. Государственный Совет и законотворческий процесс в 1906–1914 гг. // Труды Историко-архивного института. М., 2014. С. 37–50.

⁵⁵ Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.: СПб.: Альянс-Архео, 2013. 520 с.

⁵⁶ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 604 с.

⁵⁷ Холяев С.В. Государственная дума Российской империи против Николая II: путь к февралю (1915–1917 годы). Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2013. 155 с.

Партии демократических реформ. Сборник.
Из открытых источников

А.В. Лихоманов⁵⁸ рассмотрел процесс переработки актов о печати в годы первой русской революции. В Сибири вышло исследование В.В. Воробьева о местной прессе⁵⁹. О «Московском еженедельнике» пишет Т.И. Сидненко⁶⁰.

Вышло несколько работ Ю.А. Жердевой по русскому либерализму в 1917 г. Автору удалось проследить быстрые изменения, происходящие в либеральном лагере в сфере организации, публицистике, войне, экономике и пр. Жердева в отличие от многих других авторов заметила, что либералам не удалось сплотиться вокруг кадетов (часть прогрессистов осталась вне кадетов до конца 1917 г.), что ослабило их позиции. Новая работа автора знаменовала шаг в углублении наших знаний об умеренной печати империи. В числе прочего исследовательница разобрала транс-

⁵⁸ Лихоманов А.В. А.Ф. Кони в Особом совещании по составлению нового устава о печати 1905 г. // Цензура в России: история и современность. Сб. науч. тр. Вып. 4. СПб., 2008. С. 125–141.

⁵⁹ Воробьев В.В. Либерально-буржуазная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края в 1907–1914 гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Омск, 1996. 22 с.

⁶⁰ Сидненко Т.И. «Новый» либерализм в России в начале XX в.: к истории создания и выхода в свет «Московского еженедельника» // Общество и власть. Мат-лы Всерос. науч. конф. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет культуры и искусств, 2006. С. 161–166.

формации политических организаций либералов, споры о либерализме, финансовое и правовое положение прессы, основные темы, освещаемые в печати, и пр. В целом, по данным автора, либералы быстро радикализировались. Это касалось и легалистов⁶¹.

В настоящее время вышла и выходит серия работ А.П. Соповой по правовому положению прессы и реализации свободы печати в империи в начале XX в.⁶² Много страниц автор посвятила разработке Устава о печати и других аналогичных актов в 1905 г.⁶³ Исследование увенчалось диссертацией в 2021 г. Также о разработке Устава о печати повествуется в работе А.Я. Кодинцева⁶⁴.

Известны работы следующих современных авторов. О «Русской молве» вышла статья Е.И. Орловой⁶⁵. В работах А.П. Соповой изложена история цензурных учреждений империи в начале XX в.⁶⁶

Дискуссия о судьбе либерального правительства в 1905–1907 гг. и борьбе парламента с правительством в годы Первой мировой войны

«Новое дыхание» было придано истории о трех раундах переговоров о формировании ответственного министерства в годы первой русской революции. Точки зрения в современной науке по этому вопросу подробно обрисовал А.Н. Егоров. Так, он выделил три научные позиции по вопросу

⁶¹ Жердева Ю.А. Пресса как инструмент политических технологий русского либерализма в 1917 г. Самара: Изд-во Самарского государственного экономического университета, 2013. 322 с.

⁶² Сопова А.П. Концепция свободы печати в русской либеральной правовой мысли конца XIX — начала XX веков // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 10–14; Сопова А.П. Правовое положение прессы в России в начале XX века // Государство и право. 2024. № 1. С. 188–196.

⁶³ Сопова А.П. Дискуссия о порядке учреждения периодических изданий в ходе разработки проекта устава о печати в 1905 г. // История государства и права. 2018. № 2. С. 76–80.

⁶⁴ Кодицев А.Я., Штыкова Н.Н. Уголовно-правовые и административно-правовые меры регулирования правонарушений в сфере печати в трудах А.Ф. Кони // История государства и права. 2022. № 9. С. 10–16.

⁶⁵ Орлова Е.И. К истории либеральной печати: газета «Русская молва» (1912–1913) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 6. С. 3–20.

⁶⁶ Сопова А.П. Функционирование цензурных учреждений в Российской империи в 1905–1914 гг. // История российской государственности. Доклады Межд. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина. М.: РГГУ, 2021. С. 262–268.

о провале переговоров по ответственному министерству: виновато правительство, виноваты либералы, виноваты и те и другие⁶⁷. Егоров в итоге в основном соглашается с выводами советских ученых, о том, что в тот момент соглашение между государством и либералами было невозможно.

История неудачных переговоров с привлечением новых источников была описана И.А. Христофоровым⁶⁸. Качество работы ученого снижается из-за того, что автор «потерял» правых либералов — «мирнообновленцев». Также мы не можем согласиться с определением автором октябристов как «консервативно-либеральной партии». В работе С.В. Шелохаева был представлен подробный список участников первого раунда переговоров о формировании ответственного министерства в 1905 г. Половина из них были легалистами⁶⁹.

Продолжалось обсуждение взаимоотношения парламента и правительства в годы Первой мировой войны⁷⁰. В.М. Шевырин, как упоминалось, подготовил обширный аналитический обзор о состоянии науки на эту тему на 2003 г.⁷¹ Кроме работ В.Н. Селецкого политические практики прогрессистов в годы войны изучал В.В. Шелохаев⁷². Этот известный ученый, в частности, подтвердил предположения о стремлении участников прогрессивного блока избежать революции путем давления на правительство и царя. В итоге предотвратить революцию либералы не смогли, а «лодку раскачали»⁷³.

В оригинальном исследовании С.В. Куликова⁷⁴ вновь были рассмотрены проблемы противостояния либералов и государства в годы Первой

⁶⁷ Егоров А.Н. Российские либералы начала XX в. и власть: историографические дискуссии. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2007. С. 227–237.

⁶⁸ Первая революция в России: Взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 393–461.

⁶⁹ Шелохаев С.В. Поиск либералами консенсуса с властными структурами на платформе манифеста 17 октября 1905 года // Либеральный консерватизм: История и современность. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 25–26 мая 2000 г.). / Отв. ред. А.И. Нарезный. М.: РОССПЭН, 2001. С. 251–263.

⁷⁰ Куликов С.В. Совет министров и прогрессивный блок во время падения монархии // Нестор. 2005. № 7. С. 280–299.

⁷¹ Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). Аналитический обзор. История России. Серия аналитических обзоров и сборников. 2003. № 1. С. 1–152.

⁷² Егоров А.Н. Российские либералы начала XX в. и власть: историографические дискуссии. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2007. С. 237–249.

⁷³ Шелохаев В.В. Прогрессисты — партия предпринимателей и интеллектуалов // Полис. Политические исследования. 1993. № 4. С. 159–164.

⁷⁴ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: НРИИД, 2004. 467 с.

мировой войны. Автор очень активно использовал термин «консервативные либералы», наиболее, пожалуй, широко в то время. Он активно доказывает, что Николай II был консервативным либералом. На примере деятельности Штюрмера и Щегловитова становится понятно, что автор подразумевал под «консервативным либерализмом», а именно — «либеральный консерватизм» в нашем понимании. Автор формирует представление о двух обширных группах — парламентаристах (кадетах, прогрессистах и левых октябристах). Более правые группы он именовал «дуалистами», относя их тоже к либералам! В итоге автор приходил к выводам: «Таким образом, правительственный либерализм начала XX в., дуалистический по своей сути, был более либеральным, чем общественный либерализм».

Вершиной обсуждения либерального «натиска» на власть в годы мировой войны является исследование Ф.А. Гайды. Автор повторяет старые нарративы об «отсутствии партии прогрессистов», основывая свою точку зрения на воспоминаниях четырех человек⁷⁵. В своей работе он неоднократно показывает гиперактивную деятельность прогрессистов в 1915–1916 гг., ссылаясь на кадетов, рассуждающих о «ничтожности» прогрессистов. К преимуществам работы относится один из первых разборов взаимоотношений и координации либеральных групп Госсовета и Госдумы в преддверии новой революции. Сообщая о декабрьских 1916 г. выборов в Московскую гордуму, говорит о победе кадетов и прогрессистов. На самом деле победу одержали прогрессисты. После выхода из прогрессивного блока прогрессисты резко «пропадают» на 4 месяца из политического поля (по версии автора). Что происходило у прогрессистов после 1 ноября? Роль бюро прогрессивного блока в событиях 1916 г. (включая активные действия ведущих легалистов империи) автор не освещает.

Свободы

Новой темой, разрабатываемой исследователями, стала борьба либералов за реализацию основных свобод подданных. В 1990-е гг. освободившиеся историки описывали историю реализации свободы совести в России в начале XX в. В тот момент ведущим исследователем свободы совести стала А.А. Дорская. Ученый в своих исследованиях подробно ра-

⁷⁵ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003. С. 73, 77–79, 82, 86, 102, 103, 109–113, 120–125, 128, 130–134, 170–175, 183, 184, 187, 223–228, 234, 245, 247, 249, 312, 313, 374.

зобрала проблему реализации свободы совести в России в начале XX в.⁷⁶ Она не только проанализировала правовые акты по свободе совести, но и подробно описала процесс их принятия во всех составах Госдумы и Госсовета. В числе прочего исследовательница выявила степень участия либеральных юристов при продвижении вопросов свободы совести в Госсовете империи.

В новом веке интерес к теме усилился. Количество исследований быстро растет. Большой блок работ посвящен анализу правовых актов по свободе совести в начале XX в. Так, схожие исследования проводит А.Ю. Бендин⁷⁷.

Сформировавшиеся исследователи и молодые ученые выполняют свои исследования в рамках нескольких тем. Много работ посвящено политической борьбе за внедрение принципа свободы совести. Например, Ф.А. Селезнев описал бесконечный процесс прохождения много-страдального закона о старообрядческих общинах⁷⁸. Стоит упомянуть работу А.С. Тумановой о работе Госдумы по реализации проектов о свободе совести⁷⁹. Также принятие законов в сфере свобод и их правовая реализация разработаны в работе группы исследователей во главе с Н.В. Шингаревой⁸⁰.

Что интересно, в большинстве работ авторы не упоминали об идеологической подготовке с переходом к свободе совести со стороны ведущих либералов, не раскрывали сложности прохождения законопроектов в Госсовете, не показывали накал страстей в прессе по вопросу о свободе

⁷⁶ Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 144 с.; Дорская А.А. Деятельность комиссии по вероисповедным вопросам Государственной думы III созыва (1907–1912) // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. СПб., 2013. С. 153–162.

⁷⁷ Бендин А.Ю. Свобода совести или веротерпимость? Полемика в российской печати (начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2010. № 2 (24). С. 5–14.

⁷⁸ Селезнев Ф.А. Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905–1914) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. История. 2008. № 1. С. 130–140.

⁷⁹ Туманова А.С., Киселев Р.В. Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX — начала XX века. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 279 с.

⁸⁰ Михайлова Н.В., Журов А.Н., Колыхалов Д.В., Шингарева Н.В. Разработка и реализация законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX в. — феврале 1917 г.). Историко-правовое исследование. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2008. 156 с.

совести, не анализировали работу комиссий по указанным проблемам. Во многих работах, особенно юридических, без конца переписываются одни и те же тексты правовых актов в сфере свободы совести.

Во многих работах борьба за реализацию свободы прессы упоминается в общем контексте освободительного движения в России⁸¹. Тема прав человека в контексте либеральной практики начала XX в. глубоко интересует Д.В. Аронова. В своей диссертации и в ряде трудов он постарался осмыслить представления либералов о модели переустройства России⁸². Особенность работ Аронова заключалась в том, что он описал, как легалисты — Кавелин, Чичерин и Ковалевский формировали теорию прав человека в России. Сами же свободы подданных Аронов описал через призму конституционно-демократической партии, попросту отождествив ее с либерализмом.

Есть немного работ о вкладе либералов в разработке законодательных актов о свободе совести. Например, к таким исследованиям относится труд И.К. Петровича⁸³. Среди последних работ можно выделить исследование М.И. Одинцова и А.С. Кочетовой. В нем комплексно проанализирована история борьбы за и против свободы совести в России в 1890–1920-е гг. Несмотря на несколько очерковедческий характер работы, авторы осветили основные проблемы, связанные с рассматриваемыми ими темами. Рассмотрев большую проблему, они были вынуждены, например, пропустить роль легалистов и ряда других политических групп в становлении свободы совести в России. Например, они не упомянули многих авторов, дискутировавших о свободе совести, не раскрыли, как проходили законопроекты по свободе совести в Госсовете и пр.⁸⁴

В числе прочих исследований можно также выделить нашу работу⁸⁵.

⁸¹ Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М.: Юрист, 2005. С. 144, 145.

⁸² Аронов Д.В. Права человека в теории и политико-правовой практике российского либерализма в конце XIX — начале XX в. М.: Юрист, 2007. 383 с.

⁸³ Петрович И.К. Законотворческая деятельность депутатов от либеральных политических партий по религиозному вопросу в Государственной думе Российской империи (1906–1917 гг.) // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 4.

⁸⁴ Одинцов М.И., Кочетова А.С. Свобода совести в истории России: идеи, законодательные проекты, практическое воплощение. Конец XIX — первая четверть XX в. М.: РОССПЭН, 2023. 559 с.

⁸⁵ Рыбин Д.В. Старообрядческий вопрос в Государственном Совете Российской империи: идея свободы совести в трудах А.Ф. Кони // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4 (46). С. 141–146.

Национальный вопрос в практике либерализма

Также вышло несколько диссертационных исследований, в которых рассматривается позиция либеральных партий по национальному вопросу⁸⁶. Так, в работе Г.Н. Бавкуновой подробно рассмотрены программы партий по национальному вопросу. При этом автор исключила планы и действия всех центристских партий и, напротив, расписала программу октябристов («либералов»).

Важной стала работа Д.П. Кондратенко по взаимоотношению самодержавия — либералов — национальных групп по самоопределению наций. Автор подробно описал работу либеральных партий по смягчению национальной политики в империи. Правда, почему-то либеральные партии у него целиком свелись к кадетам. Роль правых либералов исследователь почти не затронул, а у них было свое видение национального вопроса. Легалисты сыграли важную роль в Госсовете, сопротивляясь законодательным проектам, ущемлявшим права национальных групп, но ученый эту тему совершенно не затронул⁸⁷. Сходные работы по национально-государственному устройству империи выполняет Н.Г. Карнишина⁸⁸. Можно отметить наши работы по данной проблематике⁸⁹.

⁸⁶ Бавкунова Г.Н. Отечественные либеральные партии начала XX века: национальный аспект: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2003. 189 с.; Витухновская М.А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX — начала XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. В. Новгород, 2007. С. 89–143; Золотовский Ю.А. Государственное устройство России в программных документах политических партий в начале XX в.: дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 1998; Иванников О.В. Политическая борьба в России по национальному вопросу в первой четверти XX века: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. 220 с.

⁸⁷ Кондратенко Д.П. Самодержавие, либералы и национальный вопрос в России в конце XIX — начале XX века. Киров: Изд-во Вятского гос. гуманит. ун-та, 2005. 238 с.

⁸⁸ Карнишина Н.Г. Национальный вопрос в теории российского либерализма конца XIX — начала XX в. // Сергей Андреевич Муромцев — председатель первой Государственной думы: политик, ученый, педагог. Сборник научных статей. Орел: ИД «Орлик», 2010. С. 128–138; Карнишина Н.Г., Карнишин В.Ю. Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в начале XX в.: по материалам журнала «Финляндия» // *Vua in tempore. История, политология*. Т. 48. 2021. № 4. С. 849–858.

⁸⁹ Рыбин Д.В. Консервативно-либеральные юристы Российской империи и польская проблема в начале XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. № 2 (103). С. 56–61; Рыбин Д.В. Финляндский вопрос в Российской империи в 1907–1917 годах (политико-правовая позиция легалистов) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2025. Т. 35. № 1. С. 114–125.

Политические партии России. 1996.
Из открытых источников

Интерес представляет коллекция исследований Миндлина по отношению к евреям со стороны высших сановников и общественных деятелей империи на рубеже веков⁹⁰. Его книга расширяет наш кругозор по этому вопросу. Тем не менее она не свободна от недостатков. Так, ряд деятелей, внесших немалый вклад в эмансипацию евреев (или, напротив, препятствовавших ей), в нее не попали: А.Ф. Кони, Д.Н. Милютин, Г.А. Евреинов, Е.Ф. Турау и пр.

Юридический и правительственный конституционализм

Популярной и новой темой рубежа веков стало рассмотрение конституционных проектов, разработанных либералами⁹¹. Бурдукова, что важно для нашего исследования, определила и проанализировала подход Витте как консервативного либерала. Интерес также представляет тщательный анализ сборника «Из глубины» (1918, продолжение «Вех»). Сборник яв-

⁹⁰ Миндлин А.Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев, 1762–1917: Справочник персоналий. СПб.: Алетейя. Историческая книга, 2007. 391 с.

⁹¹ Бурдукова И.И. Становление и развитие конституционных идей в России. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 1999. С. 116–130, 143–157, 186–223.

ляется деконструкцией консервативного либерализма, написанный консервативными либералами. Были разобраны ошибки правых либералов и показана невозможность осуществления их проектов в России. По мнению ученого, П.Б. Струве стал прямым продолжателем Чичерина.

Особый интерес представляет публикация С.В. Куликова, в которой рассматривается несколько проектов Конституции, разработанных легалистами в 1905 г.⁹² Эти проекты являлись частью более широкой легалистской идеологии, распространенной среди юристов России во второй половине XIX в. В других работах С.В. Куликов⁹³ раскрывает много новых аспектов правительственного конституционализма на рубеже веков, характер взаимодействия власти и общества накануне и во время первой русской революции. В рамках научной школы В.В. Шелохаева исследователи подробно изучали многие конституционные акты дореволюционного и послереволюционного времени⁹⁴.

В начале XXI в. вышло несколько работ и защищена диссертация Н.Р. Голубева о планах политических деятелей по переустройству России. Легалистам там почти не уделено информации⁹⁵. Роль легалистов в разработке правительственных проектов 1905 г. подробно освещена в диссертации С.С. Новосельского. Данная добротная работа отличается, например, тем, что автор впервые сгруппировал основные предложения по организации народного представительства в России на рубеже веков⁹⁶. Соглашаясь с этими моделями, мы не можем не заметить, что пятую модель (легалистскую) — формирование законодательного органа как отдельной палаты Сената автор упустил.

⁹² Куликов С.В. Государственная Дума и Государственный Совет в проектах основных законов П.А. Харитонов, А.П. Саломона и графа А.Ф. Гейдена (ноябрь — декабрь 1905 г.) // Таврические чтения 2010. Международная научная конференция «Актуальные проблемы истории парламентаризма»: Сб. науч. ст. СПб.: Межпарламентская ассамблея государств-участников СНГ, Центр истории парламентаризма. 2011. С. 29–99.

⁹³ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: НРИИД, 2004. 467 с.

⁹⁴ Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в. В 4 т. Т. 3: Общественная мысль России второй четверти XIX — начала XX в. М.: РОССПЭН, 2020. 486 с.

⁹⁵ Голубев Н.Р. Общественно-политическая мысль революционной России (1905–1907 гг.). Проблема переустройства страны. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2003; Голубев Н.Р. Взгляды политических партий и общественных движений на проблемы настоящего и будущего России (конец XIX — начало XX в.). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1998. 331 с.

⁹⁶ Новосельский С.С. Правительственные проекты преодоления революционного кризиса 1905 г. в России: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2019. 35 с.

Много о конституционализме консервативно-либеральных ученых второй половины XIX в. рассуждает З.Д. Динаева⁹⁷. Также можно отметить наше исследование на эту тему⁹⁸.

В настоящее время С.В. Куликов продолжает активную работу по публикации материалов, связанных с разработкой Основного закона империи в годы первой русской революции⁹⁹, и отражает роль законников в его разработке. В этом плане особенно примечательна его обширная статья, вышедшая в 2021 г., в которой в полной мере, в современной науке, проанализирован процесс разработки конституционных законов в 1905–1906 гг.¹⁰⁰ В этих работах легалисты, составлявшие почти половину состава комиссий и совещаний, представлены у автора в изобилии. Масштаб исследований Куликова таков, что мы вправе ожидать завершающего диссертационного исследования.

Региональные исследования

В новом периоде развития отечественной исторической науки продолжают появляться региональные исторические исследования. В нашей работе мы рассматриваем только те из них, которые имеют общее название: «либерализм в...». Специализированных работ по истории прогрессистского движения в провинции нет.

Важной работой является исследование А.П. Толочко о партогенезе в Сибири в начале XX в., в том числе о либеральных организациях. Что интересно, Толочко не отметил то, что сибирские исследователи проиг-

⁹⁷ Динаева З.Д. Вопрос о народном представительстве в либерально-консервативной политико-правовой теории в России в конце XIX — начале XX века // Право и практика. 2020. № 1. С. 15–19.

⁹⁸ Рыбин Д.В. Конституционные проекты и идеи легалистов на рубеже XIX–XX веков // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 1 (53). С. 233–246.

⁹⁹ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи и великое княжество Финляндское в 1905–1906 гг.: дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии при подготовке основных государственных законов 1906 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1 (13). С. 126–141; Куликов С.В. Свобода совести в Российской империи начала XX века и конституционная реформа 1906 года // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 9. С. 426–448.

¹⁰⁰ Куликов С.В. История создания основных государственных законов 1906 г.: предварительные итоги изучения // Проблемы истории общества, государства и права. Сб. науч. трудов Всерос. заоч. науч. конф. Екатеринбург: Издательский дом УрГЮУ, 2021. С. 255–391.

норировали другие либеральные партии, кроме кадетской¹⁰¹. Вышла хорошая работа О.А. Харусь о либерализме в Сибири. В частности, констатируя недостаточность разработанности темы либерализма в XX в., она постаралась ее подробно рассмотреть. Но ни одного слова о мирнообновленцах или прогрессистах в Сибири мы не найдем. А они были¹⁰². Также вновь она относилась октябристов к правым либералам. Так и в работе Н.В. Макарьевой о типологии сибирского либерализма прогрессистам места не нашлось¹⁰³.

Схожая ситуация сложилась в исследованиях других региональных ученых. Например, прогрессисты только упоминаются в диссертации П.И. Жиляева о либерализме на Южном Урале¹⁰⁴. В хорошей работе В.Н. Люсева о либеральном движении в Поволжье совершенно не упоминается партия мирного обновления, а именно в Самаре и Саратове она создала подразделения¹⁰⁵. В диссертации А.М. Семененко, посвященной либеральному движению в Верхнем Поволжье между двумя революциями, прогрессисты лишь упоминаются, хотя они имели в Нижнем Новгороде немалое количество сторонников¹⁰⁶. Редким вариантом является диссертация И.Н. Матвиевского о либерализме в Костромской губернии, где он исследовал все либеральные группы, включая мирнообновленцев и прогрессистов¹⁰⁷. Небольшое внимание прогрессистам на Кавказе уделил Л.А. Карапетян¹⁰⁸.

¹⁰¹ Толочко А.П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. Омск: ОмГУ, 2001. 139 с.

¹⁰² Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика. Томск: ТГУ, 1996. 226 с.

¹⁰³ Макарьева Н.В. Либерализм в Сибири 1890–1907 гг.: проблема типологии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. 22 с.

¹⁰⁴ Жиляев П.И. Региональный аспект развития российского парламентаризма (на материалах Оренбургской губернии 1906–1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003. 25 с.

¹⁰⁵ Люсев В.Н. Либеральное движение в Поволжье в 1905–1907 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998. 22 с.

¹⁰⁶ Семененко А.М. Общественно-политическая деятельность либерально-демократической интеллигенции в 1910 — феврале 1917 г. (По материалам Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской губерний): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004. 24 с.

¹⁰⁷ Матвиевский И.Н. Либеральное движение в российской провинции в начале XX века (на материалах Костромской губернии): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2012. 26 с.

¹⁰⁸ Карапетян Л.А. Политические партии на Северном Кавказе: организация, идеология, тактика (конец 90-х гг. XIX в. — февраль 1917 г.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2001. 43 с.

Не упомянув многие региональные диссертации, мы можем только отметить, что в подавляющем большинстве в работах (о Казанской губернии, Белгородской, Брянской, Владимирской, Воронежской, Вятской, Курской, Могилевской, Оренбургской, Черниговской, Пензенской, Пермской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Нижегородской, Орловской, Тамбовской, Уфимской, Черноморской, весь Урал, Сибирь и пр.), посвященных либерализму, вообще не было ни слова о праволиберальных партиях (с оговоркой, что многие диссертанты относили к правым либералам октябристов). При этом, например, в Тобольской, Пермской, Оренбургской, Нижегородской, Саратовской, Самарской, Уфимской и прочих губерниях существовали постоянные и влиятельные группы (отделения) мирнообновленцев, а затем прогрессистов. На выборах эти партии часто одерживали победу. Такое игнорирование очень странно и необъяснимо. Порой ситуация доходит до курьезов, так, исследовательница Ю.В. Рейзвих, рассказывая о думской работе Н.Л. Скалозубова, скрывает его партийную принадлежность (мирнообновленец)¹⁰⁹.

В 2019 г. был подготовлен энциклопедический словарь «Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX — начале XX века». Первое и важное издание включает в себя много полезной информации об организациях и деятелях позднеимперской Сибири. Однако в ней, например, не оказалось такого видного теоретика легализма и консервативного либерализма, как И.В. Михайловский. Не сообщается, что Н.Л. Скалозубов, избранный в III Госдуму, избирался от партии мирного обновления. Об отделениях и группах прогрессистов, существовавших в некоторых городах Сибири, не говорится ни слова и т.п.¹¹⁰

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что российские ученые в 1990–2020-е гг. проделали большую работу по сбору, обработке и исследованию новых архивных материалов, связанных с либеральным движением в России. Наука сделала существенный шаг вперед. Были сформулированы мно-

¹⁰⁹ Рейзвих Ю.В. Взаимодействие депутатов Государственной Думы от Западной Сибири с населением региона в 1906–1914 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 172 с.

¹¹⁰ Шиловский М.В., Ноздрин Г.А., Кириллов А.К. Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX — начале XX века. Энциклопедический словарь. Новосибирск: Параллель, 2019. 397 с.

гие термины, связанные с консервативным либерализмом. Возникло разделение интеллектуального труда между «философами» и «историками». Первые тщательно проработали термины по консервативному либерализму, вторые подробно осветили практики консервативных либералов.

Ученые продолжали разрабатывать старые темы по правому либерализму: терминология и идеология, переговоры о формировании ответственного министерства, легалистская пресса, борьба либералов с правительством во время мировой войны. На первый план выступают новые темы: либеральный конституционализм, либералы и национальный вопрос, права и свободы личности в трудах и практиках либералов, партийная организация и тактика партий, парламентская деятельность партий, деятельность легалистов в Госдуме и Госсовете. В целом тематика расширяется, работы становятся более глубокими. Одновременно продолжает выходить немалое количество научных работ, в которых или повторяются старые истины о либерализме, или содержится ненаучная информация.

Роль юристов в освободительном движении в империи в начале XX в. по-прежнему освещается недостаточно. Хотя в большинстве работ юристы постоянно упоминаются.

В современной науке мы замечаем неослабевающий интерес к теме либерализма. Сохраняется значительное число защит диссертаций по истории. К сожалению, в ряде исследований продолжают встречаться повторы старых материалов, в отдельных случаях вводятся суждения, давно опровергнутые наукой. Сохраняются старые проблемы, преследующие ряд ученых. Остаются спорные утверждения, когда октябристов относят к либералам или понятие «либерализм» ассоциируется с левым либерализмом, или консервативный либерализм смешивается с либеральным консерватизмом и т.п. Существует расхождение в понимании правого либерализма в научной литературе. Философская литература тщательно разбирает сущность либеральных учений, историческая же сосредоточена на практиках либералов. Оба направления по неизвестным причинам, как правило, не заимствуют научные открытия друг у друга. В целом же мы можем говорить о высоком уровне научных дискуссий. Существует несколько научных школ по либерализму, проводятся многочисленные конференции, продолжают выходить сборники и энциклопедии.

Можно отметить, что если легалистское движение можно было бы выделить в период до 1905 г., то после определить его существование

было бы сложно. Все элементы освободительного движения перемещались и получили новую форму. Но и тогда люди, организации легалистской направленности сохранялись. Идеи легализма продолжали развиваться. Идеология легализма оказала огромное влияние на все либеральное движение. Ученые так и не определили роль легалистов в российском либерализме. В то же время в последние годы отдельные исследователи приблизились к пониманию наличия юридического движения в поздней империи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Алиева З.И. *Административно-судебные подразделения в структуре Государственного совета Российской империи 1906–1917 гг. (историко-правовое исследование)*: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2019. 30 с.
Alieva Z.I. Administrative and judicial units in the structure of the State Council of the Russian Empire in 1906–1917 (historical and legal research): Abstract of PhD diss. (Law). Moscow, 2019. 30 p. (in Russ.)
2. Аронов Д.В. *Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.)*. М.: Юрист, 2005. 408 с.
Aronov D.V. Legislative activities of Russian liberals in the State Duma (1906–1917). Moscow: Yurist, 2005. 408 p. (in Russ.)
3. Аронов Д.В. *Права человека в теории и политико-правовой практике российского либерализма в конце XIX — начале XX в.* М.: Юрист, 2007. 383 с.
Aronov D.V. Human rights in the theory and political and legal practice of Russian liberalism in the late 19th — early 20th centuries. Moscow: Yurist, 2007. 383 p. (in Russ.)

4. Арчegov С.Б. *Академическая группа Государственного совета (1906–1917 гг.): историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юр. наук.* СПб., 2016. 25 с.
Archegov S.B. *Academic group of the State Council (1906–1917): Historical and legal research: Abstract of PhD diss. (Law).* St. Petersburg, 2016. 25 p. (in Russ.).
5. Бавкунова Г.Н. *Отечественные либеральные партии начала XX века: национальный аспект: дисс. ... канд. ист. наук.* Брянск, 2003. 189 с.
Bavkunova G.N. *Domestic liberal parties of the early 20th century: National aspect: PhD diss. (Hist.).* Bryansk, 2003. 189 p. (in Russ.)
6. Бендин А.Ю. Свобода совести или веротерпимость?: полемика в российской печати (начало XX в.). *Новый исторический вестник.* 2010;24(2):5–14.
Bendin A.Yu. Freedom of conscience or religious tolerance?: Controversy in the Russian press (early 20th century). *Novyi Istoricheskii Vestnik.* 2010;24(2):5–14 (in Russ.)
7. Бородин А.П. *Государственный совет России 1906–1917: состав и роль в истории третьиюньской монархии: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук.* М., 2000. 46 с.
Borodin A.P. *State Council of Russia 1906–1917: Composition and role in the history of the Third of June monarchy: Abstract of Dr. diss. (Hist.).* Moscow, 2000. 46 p. (in Russ.).
8. Бурдукова И.И. *Становление и развитие конституционных идей в России.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, 1999. 255 с.
Burdukova I.I. *Formation and development of constitutional ideas in Russia.* St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts Press, 1999. 255 p. (in Russ.)
9. Витухновская М.А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX — начала XX веков, в: *Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России.* В. Новгород, 2007. С. 89–143.
Vitukhnovskaya M.A. Rebellious outskirts or a role model: Finland through the eyes of Russian conservatives and liberals in the second half of the 19th — early 20th centuries, in: *Many-faced Finland. The image of Finland and the Finns in Russia.* Veliky Novgorod, 2007. P. 89–143. (in Russ.)
10. Воробьёв В.В. *Либерально-буржуазная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края в 1907–1914 гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук.* Омск, 1996. 22 с.

- Vorobyov V.V. *Liberal-bourgeois periodical press of Siberia in the socio-political life of the region in 1907–1914*: Abstract of Dr. diss. (Hist.). Omsk, 1996. 22 p. (in Russ.)
11. Гайда Ф.А. *Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917)*. М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2016. 604 с.
 Gaida F.A. *Power and the public in Russia: Dialogue on the path of political development (1910–1917)*. Moscow: Dmitry Pozharsky University Press, 2016. 604 p. (in Russ.)
 12. Гайда Ф.А. *Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.)*. М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.
 Gaida F.A. *Liberal opposition on the path to power (1914 — spring 1917)*. Moscow: ROSSPEN, 2003. 432 p. (in Russ.)
 13. Гоголевский А.В. *Русский либерализм в последнее десятилетие империи: очерки истории (1906–1912)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 227 с.
 Gogolevsky A.V. *Russian liberalism in the last decade of the Empire: Essays on history (1906–1912)*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2002. 227 p. (in Russ.)
 14. Голубев Н.Р. *Общественно-политическая мысль революционной России (1905–1907 гг.): проблема переустройства страны*. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2003. 135 с.
 Golubev N.R. *Socio-political thought of revolutionary Russia (1905–1907): The problem of reorganization of the country*. Perm: Perm State University Press, 2003. 135 p. (in Russ.)
 15. Голубев Н.Р. *Взгляды политических партий и общественных движений на проблемы настоящего и будущего России (конец XIX — начало XX в.)*. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1998. 331 с.
 Golubev N.R. *Views of political parties and public movements on the problems of the present and future of Russia (late 19th — early 20th centuries)*. Perm: Perm State University Press, 1998. 331 p. (in Russ.)
 16. *Государственная дума Российской империи. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. Государственная Дума Российской империи (1906–1917 гг.)*. М.: РОССПЭН, 2006. 767 с.
State Duma of the Russian Empire. Encyclopedia in 2 vols. Vol. 1. State Duma of the Russian Empire (1906–1917). Moscow: ROSSPEN, 2006. 767 p. (in Russ.)
 17. *Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия*. М.: РОССПЭН, 2008. 735 с.

- State Duma of the Russian Empire: 1906–1917. Encyclopedia.* Moscow: ROSSPEN, 2008. 735 p. (in Russ.)
18. Дегтярев А.П. *Военные проблемы в деятельности Государственной думы России*: Монография. М.: ВУ, 2018. 284 с.
Degtyarev A.P. *Military issues in the activities of the State Duma of Russia: A monograph.* Moscow: VU, 2018. 284 p. (in Russ.)
 19. Демин В.А. *Государственная дума России (1906–1917)*. М.: РОСС-ПЭН, 1996. 216 с.
Demin V.A. *State Duma of Russia (1906–1917)*. Moscow: ROSSPEN, 1996. 216 p. (in Russ.)
 20. Демин В.А. *Верхняя палата Российской империи. 1906–1917*. М.: РОССПЭН, 2006. 376 с.
Demin V.A. *Upper Chamber of the Russian Empire. 1906–1917*. Moscow: ROSSPEN, 2006. 376 p. (in Russ.)
 21. *Деятели либерального движения в России: середина XVIII в. — 1917 г.*: [биобиблиографический] справочник и электронная база данных. М.: Памятники исторической мысли, 2012. 772 с.
Figures of the liberal movement in Russia: mid-18th century — 1917: [bio-bibliographic] reference book and electronic database. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2012. 772 p. (in Russ.)
 22. Динаева З.Д. Вопрос о народном представительстве в либерально-консервативной политико-правовой теории в России в конце XIX — начале XX века. *Право и практика*. 2020;1:15–19.
Dinaeva Z.D. The issue of popular representation in the liberal-conservative political and legal theory in Russia in the late 19th — early 20th century. *Law and Practice*. 2020;1:15–19 (in Russ.)
 23. Дорская А.А. *Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 144 с.
Dorskaya A.A. *Freedom of conscience in Russia: The fate of bills of the early 20th century*. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Press, 2001. 144 p. (in Russ.)
 24. Дорская А.А. Деятельность комиссии по вероисповедным вопросам Государственной думы III созыва (1907–1912), в: *Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция: сборник научных статей*. СПб.: Центр истории парламентаризма при Межпарламентской Ассамблее СНГ, 2013. С. 153–162.
Dorskaya A.A. Activities of the commission on religious issues of the State Duma of the III convocation (1907–1912), in: *Tauride Readings 2012*.

- Actual problems of parliamentarism: History and modernity. International Scientific Conference: Coll. of scientific articles.* St. Petersburg: The Center for the History of Parliamentarism at the CIS Interparliamentary Assembly, 2013. P. 153–162. (in Russ.)
25. Егоров А.Н. *Российские либералы начала XX в. и власть: историографические дискуссии.* Череповец: Изд-во Череповецкого государственного университета, 2007. 259 с.
 Egorov A.N. *Russian liberals of the early 20th century and power: Historiographic discussions.* Cherepovets: Cherepovets State University Press, 2007. 259 p. (in Russ.)
 26. Егоров А.Н. Российские либералы начала XX в. и национальный вопрос: историографические оценки, в: *Политико-правовые практики российского либерализма в начале XX в. Мат-лы Междунар. науч. конф.* Т. 1. Ч. III (Орел, 2019). С. 210–220.
 Egorov A.N. Russian liberals of the early 20th century and the national question: Historiographic assessments, in: *Political and legal practices of Russian liberalism at the beginning of the 20th century. Proc. Int. Sci. Conf.* Vol. 1. Pt. III (Orel, 2019). P. 210–220. (in Russ.)
 27. Жердева Ю.А. *Пресса как инструмент политических технологий русского либерализма в 1917 г.* Самара: Изд-во Самарского государственного экономического университета, 2013. 322 с.
 Zherdeva Yu.A. *The press as an instrument of political technologies of Russian liberalism in 1917.* Samara: Samara State University of Economics Press, 2013. 322 p. (in Russ.)
 28. Жилияев П.И. *Региональный аспект развития российского парламентаризма (на материалах Оренбургской губернии 1906–1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук.* Оренбург, 2003. 25 с.
 Zhilyaev P.I. *Regional aspect of the development of Russian parliamentarism (based on the materials of the Orenburg province in 1906–1917): Abstract of PhD diss. (Hist.).* Orenburg, 2003. 25 p. (in Russ.)
 29. Золотовский Ю.Л. *Государственное устройство России в программных документах политических партий в начале XX в.: дис. канд. ист. наук.* Воронеж, 1998. 156 с.
 Zolotovskiy Yu.L. *State structure of Russia in program documents of political parties at the beginning of the 20th century: PhD diss. (Hist.).* Voronezh, 1998. 156 p. (in Russ.)
 30. Иванников О.В. *Политическая борьба в России по национальному вопросу в первой четверти XX века: дис. ... канд. ист. наук.* М., 2005. 220 с.

- Ivannikov O. V. *Political struggle in Russia on the national question in the first quarter of the 20th century*: PhD diss. (Hist.). Moscow, 2005. 220 p. (in Russ.)
31. Иванов А.А. *Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917)*. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 520 с.
Ivanov A.A. *The right in the Russian Parliament: From crisis to collapse (1914–1917)*. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2013. 520 p. (in Russ.)
32. Карапетян Л.А. *Политические партии на Северном Кавказе: организация, идеология, тактика (конец 90-х гг. XIX в. — февраль 1917 г.)*: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2001. 43 с.
Karapetyan L.A. *Political parties in the North Caucasus: Organization, ideology, tactics (late 1890s — February 1917)*: Abstract of Dr. diss. (Hist.). Krasnodar, 2001. 43 p. (in Russ.)
33. Карнишина Н.Г. Национальный вопрос в теории российского либерализма конца XIX — начала XX в., в: *Сергей Андреевич Муромцев — председатель первой Государственной думы: политик, ученый, педагог. Сборник научных статей*. Орел: ИД «Орлик», 2010. С. 128–138.
Karnishina N.G. The national question in the theory of Russian liberalism in the late 19th — early 20th centuries, in: *Sergei Andreevich Muromtsev — Chairman of the First State Duma: Politician, scientist, teacher. Collection of scientific articles*. Orel: «Orlik» Printing house, 2010. P. 128–138. (in Russ.)
34. Карнишина Н.Г., Карнишин В.Ю. Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в начале XX в.: по материалам журнала «Финляндия». *Vua in tempore. История. политология*. 2021;48(4):849–858.
Karnishina N.G., Karnishin V.Yu. The Grand Duchy of Finland as part of the Russian Empire at the beginning of the 20th century: Based on the materials of the journal «Finland». *Vua in tempore. History. Political Science*. 2021;48(4):849–858 (in Russ.)
35. Кичеев В.Г. *Методология классификации политических партий и историография парламентской деятельности в России начала XX века*. Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, 2009. 111 с.
Kicheev V.G. *Methodology of classification of political parties and historiography of parliamentary activity in Russia at the beginning of the 20th century*. Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Arts Press, 2009. 111 p. (in Russ.)

36. Кодинцев А.Я., Штыкова Н.Н. Уголовно-правовые и административно-правовые меры регулирования правонарушений в сфере печати в трудах А.Ф. Кони. *История государства и права*. 2022;9:10–16.
Kodintsev A.Ya., Shtykova N.N. Criminal and administrative measures for regulating offenses in the sphere of the press in the works of A.F. Koni. *History of the State and Law*. 2022;9:10–16 (in Russ.)
37. Козбаненко В.А. *Партийные фракции в I и II Государственных Думах России, 1906–1907*. М.: РОССПЭН, 1996. 238 с.
Kozbanenko V.A. *Party factions in the I and II State Dumas of Russia, 1906–1907*. Moscow: ROSSPEN, 1996. 238 p. (in Russ.)
38. Кондратенко Д.П. *Самодержавие, либералы и национальный вопрос в России в конце XIX — начале XX века*. Киров: Изд-во Вятского государственного гуманитарного университета, 2005. 238 с.
Kondratenko D.P. *Autocracy, liberals and the national question in Russia in the late 19th — early 20th centuries*. Kirov: Vyatka State Humanitarian University Press, 2005. 238 p. (in Russ.)
39. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи и великое княжество Финляндское в 1905–1906 гг.: дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии при подготовке основных государственных законов 1906 г. *Петербургский исторический журнал*. 2017;1:126–141.
Kulikov S.V. Bureaucratic elite of the Russian Empire and the Grand Duchy of Finland in 1905–1906: Discussions on the state and legal status of Finland during the preparation of the basic state laws of 1906. *Petersburg Historical Journal*. 2017;1:126–141 (in Russ.).
40. Куликов С.В. Свобода совести в Российской империи начала XX века и конституционная реформа 1906 года. *Научный диалог*. 2023;12(9):426–448.
Kulikov S.V. Freedom of conscience in the Russian Empire at the beginning of the 20th century and the constitutional reform of 1906. *Scientific Dialogue*. 2023;12(9):426–448 (in Russ.).
41. Куликов С.В. История создания основных государственных законов 1906 г.: предварительные итоги изучения, в: *Проблемы истории общества, государства и права. Сб. науч. трудов Всероссийской заочной научной конференции*. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного юридического университета, 2021. С. 255–391.
Kulikov S.V. History of the creation of the basic state laws of 1906: Preliminary results of the study; in: *Problems of the History of Society, State and Law. Coll. scientific works of the All-Russian Correspondence*

Scientific Conf. Ekaterinburg: Ural State Law University Press, 2021. P. 255–391. (in Russ.)

42. Куликов С.В. Государственная дума и Государственный совет в проектах основных законов П.А. Харитонова, А.П. Саломона и графа А.Ф. Гейдена (ноябрь–декабрь 1905 г.), в: *Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция: сборник научных статей*. СПб.: Центр истории парламентаризма при Межпарламентской Ассамблее СНГ, 2011. С. 29–99.

Kulikov S.V. The State Duma and the State Council in the drafts of the basic laws of P.A. Kharitonov, A.P. Salomon and Count A.F. Heyden (November–December 1905), in: *Tauride Readings 2010. Actual problems of the history of parliamentarism. International Scientific Conference: Coll. of scientific articles*. St. Petersburg: The Center for the History of Parliamentarism at the CIS Interparliamentary Assembly, 2011. P. 29–99 (in Russ.).

43. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: НРИИД, 2004. 467 с.

Kulikov S.V. *Bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914–1917)*. Ryazan: NRIID, 2004. 467 p. (in Russ.)

44. Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917). *Из глубины времен*. 1997;9:3–22.

Kulikov S.V. Political differentiation of members of the State Council during the First World War (August 1915 — February 1917). *From the Depths of Time*. 1997;9:3–22 (in Russ.).

45. Куликов С.В. Совет министров и прогрессивный блок во время падения монархии. *Нестор*. 2005;7:280–299.

Kulikov S.V. Council of ministers and the progressive bloc during the fall of the monarchy. *Nestor*. 2005;7:280–299 (in Russ.).

46. Лихоманов А.В. А.Ф. Кони в Особом совещании по составлению нового устава о печати 1905 г., в: *Цензура в России: история и современность: Сборник научных трудов*. Вып. 4. СПб., 2008. С. 125–141.

Likhomanov A.V. A.F. Koni in the special conference on the drafting of the new press charter of 1905, in: *Censorship in Russia: History and modernity. Collection of scientific papers*. Iss. 4. St. Petersburg, 2008. P. 125–141 (in Russ.).

47. Люсев В.Н. *Либеральное движение в Поволжье в 1905–1907 гг.*: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998. 22 с.

- Lyusev V.N. *Liberal movement in the Volga region in 1905–1907*: Abstract of PhD diss. (Hist.). Penza, 1998. 22 p. (in Russ.)
48. Макарьева Н.В. *Либерализм в Сибири 1890–1907 гг.: проблема типологии*: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. 22 с.
 Makaryeva N.V. *Liberalism in Siberia in 1890–1907: Problem of typology*: Abstract of PhD diss. (Hist.). Omsk, 1999. 22 p. (in Russ.)
49. Матвиевский И.Н. *Либеральное движение в российской провинции в начале XX века (на материалах Костромской губернии)*: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2012. 26 с.
 Matvievsky I.N. *The liberal movement in the Russian provinces at the beginning of the 20th century (based on the materials of the Kostroma province)*: Abstract of PhD diss. (Hist.). Ivanovo, 2012. 26 p. (in Russ.)
50. Миндлин А.Б. *Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев, 1762–1917: справочник персоналий*. СПб.: Алетейя, 2007. 391 с.
 Mindlin A.B. *State, political and public figures of the Russian Empire in the fates of Jews, 1762–1917: A reference book of personalities*. St. Petersburg: Aleteya, 2007. 391 p. (in Russ.)
51. Миндлин А.Б. *Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос*. СПб.: Алетейя, 2014. 488 с.
 Mindlin A.B. *The State Duma of the Russian Empire and the Jewish question*. St. Petersburg: Aleteya, 2014. 488 p. (in Russ.)
52. Михайлова Н.В., Журов А.Н., Колыхалов Д.В., Шингарева Н.В. *Разработка и реализация законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX в. — феврале 1917 г.): Историко-правовое исследование*. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2008. 156 с.
 Mikhailova N.V., Zhurov A.N., Kolykhalov D.V., Shingareva N.V. *Development and implementation of legislation on religious tolerance and freedom of conscience in the second half of the 19th century — February 1917): Historical and legal study*. Moscow: Moscow University for the Humanities Press, 2008. 156 p. (in Russ.)
53. Найденова Е.А. Современная историография общественно-политических взглядов и земской деятельности Д.Н. Шипова, в: *Наука сегодня. Ключевые проблемы и перспективы развития. Сборник научных статей по итогам Международной науч.-практ. конференции* (Санкт-Петербург, 19–20 декабря 2015 года). СПб.: Редакционно-издательский центр «Культ-информ-пресс», 2015. С. 25–29.

- Naidenova E.A. Modern historiography of socio-political views and zemstvo activities of D.N. Shipov, in: *Science today. Key problems and development prospects. Coll. sci. articles based on the results of the Int. Sci.-Pract. Conf.* (St. Petersburg, December 19–20, 2015). St. Petersburg: Editorial and publishing center «Kul't-inform-press», 2015. P. 25–29 (in Russ.).
54. Новосельский С.С. *Правительственные проекты преодоления революционного кризиса 1905 г. в России*: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2019. 35 с.
Novoselsky S.S. *Government projects for overcoming the revolutionary crisis of 1905 in Russia*: Abstract of PhD diss. (Hist.). Moscow, 2019. 35 p. (in Russ.)
55. *Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в.* (в 4 т.). Т. 3: *Общественная мысль России второй четверти XIX — начала XX в.* М.: РОССПЭН, 2020. 486 с.
Social thought of Russia: From ancient times to the mid-20th century (in 4 vols.). Vol. 3: *Social thought of Russia in the second quarter of the 19th — early 20th century*. Moscow: ROSSPEN, 2020. 486 p. (in Russ.)
56. Одинцов М.И., Кочетова А.С. *Свобода совести в истории России: идеи, законодательные проекты, практическое воплощение. Конец XIX — первая четверть XX в.* М.: РОССПЭН, 2023. 559 с.
Odintsov M.I., Kochetova A.S. *Freedom of conscience in the history of Russia: Ideas, legislative projects, and practical implementation. Late 19th — first quarter of the 20th century*. Moscow: ROSSPEN, 2023. 559 p. (in Russ.)
57. Орлова Е.И. К истории либеральной печати: газета «Русская молва» (1912–1913). *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2021;6:3–20.
Orlova E.I. On the history of the liberal press: The newspaper «Russkaya Molva» (1912–1913). *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*. 2021;6:3–20 (in Russ.).
58. Павлов С.Б. *Взаимоотношения власти и легальной оппозиции (либералов и крайне правых), 1900–1907 гг.*: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. 24 с.
Pavlov S.B. *Relations between the authorities and the legal opposition (liberals and the extreme right) in 1900–1907*: Abstract of PhD diss. (Hist.). Moscow, 2000. 24 p. (in Russ.)
59. *Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы 1906–1916 гг.* М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.

- Parties of democratic reforms, peaceful renewal, progressives. Documents and materials from 1906–1916.* Moscow: ROSSPEN, 2002. 528 p. (in Russ.)
60. Первая революция в России: Взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 603 с.
The first revolution in Russia: A look through the century. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2005. 603 p. (in Russ.)
61. Петрович И.К. Законотворческая деятельность депутатов от либеральных политических партий по религиозному вопросу в Государственной Думе Российской империи (1906–1917 гг.). *Христианское чтение.* 2021;4:474–481.
 Petrovich I.K. Legislative activity of deputies from liberal political parties on the religious issue in the State Duma of the Russian Empire (1906–1917). *Christian Reading.* 2021;4:474–481 (in Russ.).
62. Постников Н.Д. Территориальное размещение и численность политических партий России (1907 — февраль 1917). М.: Информационно-издательское управление МГОУ, 2013. 325 с.
 Postnikov N.D. Territorial distribution and number of political parties in Russia (1907 — February 1917). Moscow: Information and Publishing Department of Moscow State Open University, 2013. 325 p. (in Russ.)
63. Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 630 с.
Political parties of Russia: history and modernity. Moscow: ROSSPEN, 2000. 630 p. (in Russ.)
64. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. *Энциклопедия* / Отв. ред.: В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. 800 с.
Political parties of Russia. Late 19th — first third of the 20th century. Encyclopedia / Ed. by V.V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 1996. 800 p. (in Russ.)
65. Политические партии России. Конец XIX — начало XX в. (в 3 т.). Т. 2: Либеральные партии. М.: РОССПЭН, 2022.
Political parties of Russia. The end of the 19th — beginning of the 20th century (in 3 vol.). Vol. 2: Liberal parties. Moscow: ROSSPEN, 2022 (in Russ.).
66. Пронкин С.В. Правительственный конституционализм в России XVIII — начала XX вв. в отечественной историографии: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2012. 50 с.
 Pronkin S.V. Government constitutionalism in Russia in the 18th — early 20th centuries in Russian historiography: Abstract of Dr. diss. (Hist.). Moscow, 2012. 50 p. (in Russ.)

67. Пушкарева И.М., Хайлова Н.Б. Либеральный центризм в России начала XX в. (историографический аспект). Ч. 1. Социальные и гуманитарные науки. *Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История*. 2023;2:7–28.
Pushkareva I.M., Khailova N.B. Liberal centrism in Russia at the beginning of the 20th century (historiographic aspect). Pt. 1. Social and Humanitarian Sciences. *Domestic and Foreign Literature. Series 5: History*. 2023;2:7–28 (in Russ.).
68. Рейзвих Ю.В. *Взаимодействие депутатов Государственной Думы от Западной Сибири с населением региона в 1906–1914 гг.*: дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 172 с.
Reyzvikh Yu.V. *Interaction of State Duma deputies from Western Siberia with the population of the region in 1906–1914*: PhD diss. (Hist.). Omsk, 2007. 172 p. (in Russ.)
69. *Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.* (в 4 т.). Т. 3: *Вторая половина XIX — начало XX в.* М.: РОССПЭН, 2016. 765 с.
Reforms in Russia. From ancient times to the end of the 20th century (in 4 vols.). Vol. 3: *The second half of the 19th — beginning of the 20th century*. Moscow: ROSSPEN, 2016. 765 p. (in Russ.)
70. Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!». *Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII — начало XX вв.* М.: Новый хронограф, 2007. 398 с.
Rosenthal I.S. «And here is public opinion!» *Clubs in the history of the Russian public. The end of the 18th — beginning of the 20th centuries*. Moscow: Novyi Khronograf, 2007. 398 p. (in Russ.)
71. *Российский либерализм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия*. М.: РОССПЭН, 2010. 1086 с.
Russian liberalism of the mid-18th — early 20th centuries. Encyclopedia. Moscow: ROSSPEN, 2010. 1086 p. (in Russ.)
72. *Россия в 1905–1907 гг. Энциклопедия*. М.: РОССПЭН, 2016. 1196 с.
Russia in 1905–1907. Encyclopedia. Moscow: ROSSPEN, 2016. 1196 p. (in Russ.)
73. *Россия в 1917 году. Энциклопедия*. М.: РОССПЭН, 2017. 1095 с.
Russia in 1917. Encyclopedia. Moscow: ROSSPEN, 2017. 1095 p. (in Russ.)
74. Рыбин Д.В. Старообрядческий вопрос в Государственном Совете Российской империи: идея свободы совести в трудах А.Ф. Кони. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2021;46(4):141–146.
Rybin D.V. The Old Believer question in the State Council of the Russian Empire: the idea of freedom of conscience in the works of A.F. Koni.

- Problems of Socio-Economic Development of Siberia*. 2021;46(4):141–146 (in Russ.).
75. Рыбин Д.В. Консервативно-либеральные юристы Российской империи и польская проблема в начале XX века. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2024;103:56–61.
Rybin D.V. Conservative-liberal lawyers of the Russian Empire and the Polish problem at the beginning of the 20th century. *Scientific Notes of Orel State University*. 2024;103:56–61 (in Russ.).
76. Рыбин Д.В. Финляндский вопрос в Российской империи в 1907–1917 годах (политико-правовая позиция легалистов). *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2025;35(1):114–125.
Rybin D.V. Finnish question in the Russian empire in 1907–1917 (political and legal position of legalists). *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*. 2025;35(1):114–125 (in Russ.).
77. Рыбин Д.В. Конституционные проекты и идеи легалистов на рубеже XIX–XX веков. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2025;53(1):233–246.
Rybin D.V. Constitutional projects and ideas of legalists at the turn of the 19th–20th centuries. *Bulletin of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. 2025;53(1):233–246 (in Russ.).
78. Рыбин Д.В. Партийное строительство легалистских организаций и их участие в выборах в Государственную Думу в 1906–1907 гг. *Вестник государственного и муниципального управления*. 2024;13(1):113–123.
Rybin D.V. Party building of legalist organizations and their participation in the elections to the State Duma in 1906–1907. *Bulletin of State and Municipal Administration*. 2024;13(1):113–123 (in Russ.).
79. Рыбин Д.В. А.Ф. Кони — член Государственного Совета Российской империи (1907–1917 гг.). *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2023;1:139–151.
Rybin D.V. A.F. Koni — member of the State Council of the Russian Empire (1907–1917). *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Political Science. History. International Relations*. 2023;1:139–151 (in Russ.).
80. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. *Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX — начало XX века)*. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 286 с.

- Sekirinsky S.S., Shelokhaev V.V. *Liberalism in Russia. Essays on History (mid-19th — early 20th centuries)*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1995. 286 p. (in Russ.)
81. Селезнев Ф.А. Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905–1914). *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. История*. 2008;1:130–140.
Seleznev F.A. The fate of the draft law on Old Believer communities (1905–1914). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. History*. 2008;1:130–140 (in Russ.).
82. Селецкий В.Н. Прогрессиизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М.: Мир книги, 1996. 363 с.
Seletsky V.N. *Progressivism as a political party and ideological direction in Russian liberalism*. Moscow: Mir knigi, 1996. 363 p. (in Russ.)
83. Семененко А.М. Общественно-политическая деятельность либерально-демократической интеллигенции в 1910 — феврале 1917 г.: (По материалам Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской. губерний): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004. 24 с.
Semenenko A.M. *Social and political activities of the liberal democratic intelligentsia in 1910 — February 1917: (based on materials from the Vladimir, Kostroma, Tver and Yaroslavl Provinces): Abstract of PhD diss. (Hist.)*. Ivanovo, 2004. 24 p. (in Russ.).
84. Сидненко Т.И. «Новый» либерализм в России в начале XX в.: к истории создания и выхода в свет «Московского еженедельника», в: *Общество и власть. Мат-лы Всерос. науч. конф.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, 2006. С. 161–166.
Sidnenko T.I. «New» liberalism in Russia at the beginning of the 20th century: On the history of the creation and publication of the «Moscow Weekly». *Society and power. Proc. of the All-Russian scientific conf.* St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts Press, 2006. P. 161–166 (in Russ.).
85. Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи, 1906–1917: историко-правовой очерк. Челябинск: Социум, 2010. 624 с.
Smirnov A.F. *State Duma of the Russian Empire, 1906–1917: Historical and legal essay*. Chelyabinsk: Sotsium, 2010. 624 p. (in Russ.)
86. Соловьев К.А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в 1906–1917 годах. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 344 с.

- Soloviev K.A. *Autocracy and constitution: political everyday life in 1906–1917*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Observer), 2019. 344 p. (in Russ.)
87. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: РОССПЭН, 2011. 720 с.
Soloviev K.A. *Legislative and executive power in Russia: Mechanisms of interaction (1906–1914)*. Moscow: ROSSPEN, 2011. 720 p. (in Russ.)
88. Соловьев К.А. Государственный Совет и законотворческий процесс в 1906–1914 гг., в: *Труды Историко-архивного института*. М., 2014. С. 37–50.
Soloviev K.A. The State Council and the legislative process in 1906–1914, in: *Proceedings of the Historical and Archival Institute*. Moscow, 2014. P. 37–50 (in Russ.).
89. Сопова А.П. Концепция свободы печати в русской либеральной правовой мысли конца XIX — начала XX веков. *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2016;2:10–14.
Sopova A.P. The concept of freedom of the press in Russian liberal legal thought of the late 19th — early 20th centuries. *Civil Society in Russia and Abroad*. 2016;2:10–14 (in Russ.).
90. Сопова А.П. Правовое положение прессы в России в начале XX века. *Государство и право*. 2024;1:188–196.
Sopova A.P. Legal status of the press in Russia at the beginning of the 20th century. *State and Law*. 2024;1:188–196 (in Russ.).
91. Сопова А.П. Функционирование цензурных учреждений в Российской империи в 1905–1914 гг., в: *История российской государственности. Доклады Межд. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина*. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2021. С. 262–268.
Sopova A.P. Functioning of censorship institutions in the Russian Empire in 1905–1914, in: *History of Russian Statehood. Int. Sci. Conf. dedicated to the 100th Anniversary of the birth of Professor N.P. Eroshkin*. Moscow: Russian State Humanitarian University Press, 2021. P. 262–268 (in Russ.).
92. Сопова А.П. Дискуссия о порядке учреждения периодических изданий в ходе разработки проекта устава о печати в 1905 г. *История государства и права*. 2018;2:76–80.
Sopova A.P. Discussion on the procedure for establishing periodicals during the development of the draft charter on the press in 1905. *History of the State and Law*. 2018;2:76–80 (in Russ.).

93. Сорокин А.А. *Реформа местного суда в Российской империи: власть и общество (конец XIX — начало XX в.)*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 255 с.
Sorokin A.A. *Reform of the local court in the Russian Empire: Power and society (late 19th — early 20th centuries)*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2021. 255 p. (in Russ.)
94. Толочко А.П. *Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в.* Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2001. 139 с.
Tolochko A.P. *Modern Russian historiography of the party and political movement in Siberia at the beginning of the 20th century*. Omsk: Omsk State University Press, 2001. 139 p. (in Russ.)
95. Туманова А.С., Киселев Р.В. *Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX — начала XX века*. М.: ИД Высшей школы экономики, 2011. 279 с.
Tumanova A.S., Kiselev R.V. *Human rights in legal thought and lawmaking of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th century*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2011. 279 p. (in Russ.)
96. Ульянова Л.В. *Политическая полиция и либеральное движение, 1880 — октябрь 1905 гг.*: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 22 с.
Ulyanova L.V. *Political police and the liberal movement, 1880 — October 1905*: Abstract of PhD diss. (Hist.). Moscow, 2009. 22 p. (in Russ.)
97. Хайлова Н.Б. *Партия демократических реформ*: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994. 30 с.
Khailova N.B. *Party of democratic reforms*: Abstract of PhD diss. (Hist.). Moscow, 1994. 30 p. (in Russ.)
98. Хайлова Н.Б. *Центризм в российском либерализме начала XX века*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 638 с.
Khailova N.B. *Centrism in Russian liberalism of the early 20th century*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2022. 638 p. (in Russ.)
99. Хайлова Н.Б. Политические взгляды и деятельность Е.Н. Трубецкого: историографический обзор, в: *Прошлое и будущее либерализма в России — итоги и перспективы изучения*. Муромцевские чтения вчера, сегодня, завтра. Мат-лы Межд. науч. конф. Орел: ИД «Орлик», 2021. С. 198–211.
Khailova N.B. Political views and activities of E.N. Trubetskoy: A historiographic review, in: *The past and future of liberalism in Russia —*

- Results and prospects of study. Muromtsev readings — Yesterday, today, tomorrow. Proc. of the Int. Scientific Conf. Orel: «Orlik» Publishing house, 2021. P. 198–211 (in Russ.).*
100. Харусь О.А. *Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика*. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1996. 226 с.
 Kharus O.A. *Liberalism in Siberia at the beginning of the 20th century: Ideology and politics*. Tomsk: Tomsk State University Press, 1996. 226 p. (in Russ.)
 101. Холяев С.В. *Государственная дума Российской империи против Николая II: путь к февралю (1915–1917 годы)*. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного технического университета, 2013. 155 с.
 Kholyaev S.V. *The State Duma of the Russian Empire against Nicholas II: The path to February (1915–1917)*. Yaroslavl: Yaroslavl State Technical University Press, 2013. 155 p. (in Russ.)
 102. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). аналитический обзор, в: *История России. Серия аналитических обзоров и сборников*. 2003. № 1. С. 1–152.
 Shevyrin V.M. Power and public organizations in Russia (1914–1917). An analytical review, in: *History of Russia. Series of analytical reviews and collections*. 2003. No. 1. P. 1–152 (in Russ.).
 103. Шевырин В.М. Революции 1917 г.: переосмысление в зарубежной историографии. *Россия и современный мир*. 2007;54(1):53–77.
 Shevyrin V.M. Revolutions of 1917: A rethinking in foreign historiography. *Russia and the Modern World*. 2007;54(1):53–77 (in Russ.).
 104. Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историческая проблема. *Вопросы истории*. 1998;4:26–40.
 Shelokhaev V.V. Russian liberalism as a historiographical and historical problem. *Questions of History*. 1998;4:26–40 (in Russ.).
 105. Шелохаев В.В., Соловьёв К.А. Политические партии России в начале XX в. как историографическая проблема. *Российская история*. 2021;1:139–150.
 Shelokhaev V.V., Solovyov K.A. Political parties of Russia in the early 20th century as a historiographic problem. *Russian history*. 2021;1:139–150 (in Russ.).
 106. Шелохаев В.В. *Либеральная модель переустройства России*. М.: РОССПЭН, 1996. 280 с.
 Shelokhaev V.V. *Liberal model of reorganization of Russia*. Moscow: ROSSPEN, 1996. 280 p. (in Russ.)

107. Шелохаев В.В. Либеральная модель преобразования России начала XX века, в: *Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. Мат-лы 8-го Международного симпозиума*. М.: МВШСЭН, 2001. С. 32–40.
Shelokhaev V.V. Liberal model of transformation of Russia in the early 20th century, in: *Who and where is trying to lead Russia?.. Actors of macro-, meso- and microlevels of the modern transformation process. Proceedings of the 8th International Symposium*. Moscow: Moscow School of Social and Economic Sciences, 2001. P. 32–40 (in Russ.).
108. Шелохаев В.В. *Либерализм в России в начале XX века*. М.: РОССПЭН, 2019. 503 с.
Shelokhaev V.V. *Liberalism in Russia in the early 20th century*. Moscow: ROSSPEN, 2019. 503 p. (in Russ.).
109. Шелохаев В.В., Соловьёв К.А. *История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества*. М.: Изд-во Госдумы, 2013. 240 с.
Shelokhaev V.V., Soloviev K.A. *History of the activities of the first State Dumas of pre-revolutionary Russia: A comparative analysis of the traditions of lawmaking*. Moscow: State Duma Press, 2013. 240 p. (in Russ.).
110. Шелохаев В.В. Прогрессисты — партия предпринимателей и интеллектуалов. *Полис. Политические исследования*. 1993;4:159–164.
Shelokhaev V.V. Progressives — a party of entrepreneurs and intellectuals. *Polis. Political Studies*. 1993;4:159–164 (in Russ.).
111. Шелохаев С.В. Поиск либералами консенсуса с властными структурами на платформе манифеста 17 октября 1905 года, в: *Либеральный консерватизм: История и современность. Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 25–26 мая 2000 г.)* / Отв. ред.: А.И. Нарезный. М.: РОССПЭН, 2001. С. 251–263.
Shelokhaev S.V. Search for consensus by liberals with the authorities on the platform of the manifesto of October 17, 1905, in: *Liberal conservatism: History and modernity. Proc. of the All-Russian scientific-practical. conf. (Rostov-on-Don, May 25–26, 2000)* / Ed. by A.I. Narezhny. Moscow: ROSSPEN, 2001. P. 251–263 (in Russ.).
112. Шестаков Ю.А. *Судебная реформа начала XX века и фракции III Государственной думы*. Шахты: Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, 2010. 111 с.
Shestakov Yu.A. *Judicial reform of the early 20th century and factions of the III State Duma*. Shakhty: South Russian State University of Economics and Service, 2010. 111 p. (in Russ.).

113. Шестаков Ю.А. Обсуждение законопроекта «О преобразовании местного суда» в III Государственной Думе. Шахты: Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, 2012. 120 с.
Shestakov Yu.A. Discussion of the draft law «On the transformation of the local court» in the III State Duma. Shakhty: South Russian State University of Economics and Service, 2012. 120 p. (in Russ.)
114. Шиловский М.В., Ноздрин Г.А., Кириллов А.К. Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX — начале XX века: Энциклопедический словарь. Новосибирск: Параллель, 2019. 397 с.
Shilovsky M.V., Nozdrin G.A., Kirillov A.K. Social and political life of Siberia in the late 19th — early 20th centuries: Encyclopedic dictionary. Novosibirsk: Parallel', 2019. 397 p. (in Russ.)
115. Юртаева Е.А. Государственный совет в России (1906–1917 гг.). М.: Эдиториал УРСС, 2001. 200 с.
Yurtaeva E.A. State Council in Russia (1906–1917). Moscow: Editorial URSS, 2001. 200 p. (in Russ.)

Рыбин Данил Вячеславович
Danil V. Rybin

кандидат исторических наук,
доцент, Санкт-Петербургский
институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста),
ORCID: 0000-0003-4851-2235

C.Sc. (History), associate professor,
St. Petersburg Institute (branch) of the
All-Russian State University of Justice
(RPA Ministry of Justice),
ORCID: 0000-0003-4851-2235

Поступила в редакцию /
Received
27.08.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
08.11.2025

Принята к публикации /
Accepted
17.02.2026

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.008](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.008)

Оригинальная статья / Original paper

Э.А. Демирджи, Д.А. Демирджи

*Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская
Федерация*

E-mail: enveralper@hotmail.com, dashar199949@gmail.com

Тимар, девширме и миллет: османская модель централизованного господства в сравнительной перспективе

Аннотация

Историография колониализма традиционно формировалась в контексте заморской экспансии западноевропейских держав. Настоящая статья предлагает иную исходную позицию: эксплуатация есть нормальное условие существования любой централизованной власти, и поэтому вопрос состоит не в том, была ли она, а в том, какую конкретную форму она принимала. На материале Османской империи XV–XIX вв. исследование подвергает сравнительному анализу три ключевых административных института — тимар, девширме и миллет — с целью реконструировать внутреннюю логику некапиталистической, государственно-центрированной модели господства, структурно отличной от западных колониальных аналогов. Тимарная система рассматривается как механизм централизованного контроля над землей и трудом, эволюционировавший в режим рентной эксплуатации по мере ослабления фискальной дисциплины центра. Девширме анализируется как целенаправленный проект социальной инженерии: систематическое изъятие и трансформация человеческого капитала балканских обществ в интересах имперской бюрократии. Миллетная система интерпретируется как стратегия административной «читаемости» населения, при кото-

рой риторика религиозной терпимости служила инструментом управляемости, а не самоцелью. В совокупности эти институты образовывали единую логику доминирования через избирательное включение, а не вытеснение: в отличие от ряда имперских моделей нового времени, прибегавших к подавлению языков, замещению культурных структур и принудительной ассимиляции, Османская империя сохраняла идентичности завоеванных обществ, превращая само это сохранение в инструмент контроля. Структурный предел данной модели состоял в том, что институционализация различий со временем порождала корпоративные идентичности, питавшие националистическую мобилизацию. Статья опирается на сравнительную социологию империй и теорию внутреннего колониализма и вносит вклад в преодоление евроцентричных рамок колониальных исследований.

Ключевые слова:

Османская империя; колониализм; тимарная система; девширме; система миллета; центральная власть.

Для цитирования:

Демирджи Э.А., Демирджи Д.А. Тимар, девширме и миллет: османская модель централизованного господства в сравнительной перспективе // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 214–249. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.008](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.008)

Enver Alper Demirci, Daria A. Demirci

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

E-mail: enveralper@hotmail.com,

dashar199949@gmail.com

Timar, Devshirme, and Millet: The Ottoman Model of Centralized Domination in Comparative Perspective

Abstract

The historiography of colonialism has traditionally been framed within the context of the overseas expansion of Western European powers. This article proposes a different starting point: exploitation is a normal condition of any centralized power, and therefore the question is not whether it existed, but what specific form it took. Using the data related to the Ottoman Empire from the 15th to the 19th centuries, this study comparatively analyzes three key administrative institutions — the timar, the devshirme, and the millet — in order to reconstruct the internal logic of a non-capitalist, state-centered model of domination structurally distinct from its Western colonial counterparts. The timar system is viewed as a mechanism for centralized control over land and labor, evolving into a regime of rent-based exploitation as fiscal discipline weakened at the center. The devshirme is analyzed as a targeted project of social engineering: the systematic extraction and transformation of human capital from Balkan societies for the benefit of the imperial bureaucracy. The millet system is interpreted as a strategy for administrative «legibility» of the population, in which the rhetoric of religious tolerance served as a tool of governance rather than an end in itself. Taken together, these institutions formed a unified logic of domination through selective inclusion rather than exclusion: unlike some modern imperial models that resorted to the suppression of languages, the displacement of cultural structures, and forced assimilation, the Ottoman Empire preserved the identities of conquered societies, turning this preservation into an instrument of control. The structural limit of this model was that the institutionalization of differences over time gave rise to corporate identities that fueled nationalist mobilization. This article draws on the comparative sociology of empires and the theory of internal colonialism and contributes to overcoming the Eurocentric framework of colonial studies.

Keywords:

Ottoman Empire; Colonialism; Timar system; Devshirme; Millet system; Central government.

For citation:

Enver Alper Demirci, Daria A. Demirci. Timar, Devshirme, and Millet: The Ottoman Model of Centralized Domination in Comparative Perspective // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 214–249. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.008](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.008)

Введение

Историография колониализма длительное время развивалась в рамках изучения заморской экспансии Западной Европы и становления атлантического капитализма. Однако военные, административные и социальные механизмы доминирования одного политического центра над иными сообществами не являются исключительной прерогативой заморских империй. На обширных пространствах от Балкан до Ближнего Востока Османская империя также выстраивала централизованные механизмы подчинения через институты тимара, девширме и миллета, интегрируя местные общества в систему власти султана. Исходя из тезиса о том, что данные институты, функционируя иными методами, порождали по сути схожие отношения зависимости и эксплуатации, настоящая статья ставит целью переосмыслить османские административные практики в рамках теории колониализма.

В османской историографии эти структуры зачастую описываются как прагматические инструменты управления, тогда как в национальных историографиях Балкан они трактуются как символы «турецкого ига» и «эксплуатации». Данное исследование предлагает выйти за рамки данной дихотомии, предложив тройную аналитическую рамку для интерпретации упомянутых институтов одновременно в качестве прагматических и колониальных. В настоящем контексте «колониализм» понимается как установление центральной властью абсолютного контроля над производственными ресурсами и человеческим капиталом, целенаправленная реорганизация социальных структур в своих интере-

сах, а также устранение местного сопротивления с параллельным созданием зависимой от центра элиты.

Настоящая статья не отождествляет Османскую империю с европейским колониализмом и не утверждает, что любая централизованная власть автоматически является колониальной. Она исследует, в какой мере сравнительные колониальные концепции позволяют описать конкретные механизмы управления, применявшиеся Портой в отношении балканских обществ, — и прежде всего то, чем эти механизмы структурно отличались от западных аналогов. Аналитическая ценность понятия «колониализм» определяется здесь не его универсальным охватом, а его способностью выявить то, что остается невидимым в рамках как османской апологетики, так и балканской националистической критики.

В статье сначала исследуется, как система тимара устанавливала централизованный контроль над землей и трудом, эволюционируя со временем в механизм извлечения ренты. Во-вторых, анализируется функция системы девширме как проекта социальной инженерии, намеренно трансформирующего демографическую и культурную ткань балканских обществ. В-третьих, раскрывается стратегия «читаемости» (legibility) и контроля, скрывающаяся за риторикой религиозной терпимости в системе миллета. Данный сравнительный анализ призван поддержать тезис о разработке Османской империей некапиталистической, государственно-центрированной и меритократической модели колониализма, а также внести вклад в понимание структурных уязвимостей, предопределивших конечный распад империи.

Настоящее исследование опирается на несколько аналитических традиций, позволяющих выйти за рамки как османской апологетики, так и балканской националистической критики. Господство над периферийными обществами не обязательно требует заморской экспансии — оно воспроизводится через дифференцированное распределение ресурсов и административную категоризацию населения; именно этот механизм лежит в основе всех трех рассматриваемых институтов. Там, где европейский империализм строился на исключении завоеванных из метропольных культурных категорий, османская система действовала через избирательное включение: тимар превращал местные элиты в функционеров центра, девширме производил из балканских крестьян имперских чиновников, миллет превращал конфессиональные общины в управляемые административные единицы. Это не слу-

чайное совпадение трех практик, а единая логика доминирования, при которой лояльность обеспечивается личной зависимостью, а не правовыми механизмами¹.

1. Земельная система Османской империи: тимар на Балканах

Для понимания османского колониального устройства необходимо обратиться к политике завоеваний и переселений, проводимой империей на Балканах. Благодаря этим процессам со временем Балканы стали неотъемлемой частью Османского государства. Следовательно, Османская империя, дабы возродить Балканы, переживавшие крайнюю бедность и нужду, где царила политическая нестабильность, отсутствовал социальный и политический порядок из-за происходивших конфликтов и где ощущалась нехватка в обработке земель, использовала тимарную систему. С целью увеличить сократившееся в результате войн население, обеспечить стабильность и создать достаточное количество населения для обработки земель османы поощряли, а иногда и принуждали турок, переселявшихся из Анатолии, мигрировать на завоеванные территории². Османская администрация на Балканах избегала прямого вмешательства в местный уклад жизни и религиозные структуры. Доминировала тенденция сохранять производительное население; местная налоговая система в основном сохранялась. Этот подход облегчил принятие османского правления населением, измотанным политической нестабильностью и межконфессиональными конфликтами³.

¹ Weber M. *Economy and Society: A New Translation*, ed. and trans. Keith Tribe (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019), 361–362, 397; Hechter M. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1975), 30–41; Doyle M. *Empires* (Ithaca: Cornell University Press, 1986), 30–31, 108–109; Mann M. *The Sources of Social Power, Volume I: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986), 2–3, 14.

² Данную практику можно рассматривать как форму демографической инженерии, характерную для классического колониализма: этническая и социальная структура завоеванных территорий была преобразована в интересах метрополии и переселение тюркского населения на завоеванные территории, аналогично классическому колониализму, представляло собой реорганизацию социальной структуры в интересах центра.

³ Emecen Feridun M. *Osmanlı İmparatorluğu'nun Kuruluş ve Yükseliş Tarihi (1300–1600)* (Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2016), 61–62.

Тимарская система, также называемая *дирлик* — «средство к существованию», была населению Балкан не чуждой, так как напоминала византийскую проноию⁴. Она позволяла заселять заброшенные земли переселенцами, включать их в хозяйственный оборот и обеспечивала сбор налогов без дополнительных затрат центра. Став основой административной и военной организации, тимар укреплял власть султана: непокорные сеньоры устранялись, а признававшие власть включались в систему⁵. Данный случай демонстрирует, что османский колониальный стиль управления подразумевал стратегию, основанную скорее на ассимиляции и интеграции, нежели на прямом конфликте; иными словами, в отличие от разрушительной политики перемещения населения, характерной для западного колониализма, это была система, функционировавшая по принципу «вознаграждение в обмен на лояльность»⁶.

Одним из таких методов вознаграждения была система, при которой Османская империя передавала земли под названием «оджаклык» или «юртлук» влиятельным местным лицам на наследственной основе в отдаленных регионах, таких как Босния и Герцеговина или Юго-Восточная Анатолия, с целью укрепления своей власти. Хотя эта практика была направлена на сохранение местной лояльности, со временем она заложила основы примитивного феодализма⁷.

В Османской империи существовали два основных класса: райя (подданные) и военный класс. Военный класс включал не только армию, но также государственных чиновников и их семьи. Этот класс освобождался от налогов и находился в прямом подчинении султану. По словам Халиля Иналджика, османы стремились ассимилировать местную аристократию и военный класс завоеванных регионов, включая их в систему тимаров⁸. Особенно на Балканах христианские сипахи и местные

⁴ Турецкое слово «Timar» полностью совпадает с его греческим значением: *Halil Inalcik*. «Timar» (DIA, 2012), No 41, 169.

⁵ *Inalcik Halil*. «Turkler ve Balkanlar» (BAL-TAM Turkluk Bilgisi, 2005) 27–29; *Emecen*. 2016, 61–63.

⁶ Дойл характеризует этот тип имперской экспансии как «племенную империю», трансформирующуюся в централизованный бюрократический контроль, при котором политическая интеграция периферии достигается через включение местных элит, а не через их уничтожение (*Doyle*. 1986, 108–109).

⁷ *Inalcik*. 2012, 168; *Orhan Kilic*. «Ocaklik» (DIA, 2007), No 33, 317; *Kilic Orhan*. «Yurtluk» (DIA, 2013), No 43, 614.

⁸ В веберовской типологии это соответствует стратегии, при которой патримониальный правитель включает потенциально конкурирующие элиты в собственный административный аппарат, тем самым нейтрализуя угрозу независимой власти на местах (*Weber*. 2019, 361–362, 364).

дворяне интегрировались в османскую систему тимаров. Это демонстрирует прагматичный подход османов к вовлечению местного населения в управление. Например, в XV в. многие христианские сипахи служили в османской армии и становились владельцами тимаров. Этот факт свидетельствует об успехе османов в интеграции местного населения в систему^{9,10}.

После завоеваний на Балканах Османская империя установила централизованный контроль над землей и трудовыми ресурсами. При этом обеспечивалась преемственность путем сохранения унаследованных от Византии моделей сельскохозяйственного производства, особенно системы «Чифт-Хане»¹¹, защищавшей мелкие хозяйства и крестьянский труд. Этот подход был направлен на обеспечение непрерывности производства и сохранение социального равновесия¹². Здесь не имело значения, была ли семья, получившая тимар, христианской или нет. Османы акцентировали внимание на том, будет ли им подчиняться население. Кроме того, особенность тимарной системы по сравнению с другими земельными системами заключалась в том, что крестьянин, обрабатывающий землю, был лишь пользователем земли, а сама земля являлась «мири»¹³ — государственной собственностью. Единственным владельцем земли был султан, представлявший государство. Земли не могли передаваться по наследству от отца к сыну. Поэтому в Османской империи не могла возникнуть феодальная система, подобная западной. Однако в Османской империи помимо земель, контролируемых армией и государством, существовали частные земли, называемые «мюльк», а также земли, доходы от которых напрямую поддерживали религиоз-

⁹ *Inalcik Halil*. The Ottoman Empire: Conquest, Organization and Economy (Variorum Reprints, 1978), 114–116.

¹⁰ Интеграция балканской знати в тимарную систему одновременно отражала прагматичную стратегию ассимиляции Османской империи.

¹¹ *Inalcik Halil*. An Economic and Social History of the Ottoman Empire. (ed.) D. Quataert (Cambridge University Press, 1994). Vol. 1. 1300–1600, 145–146.

¹² Хотя данное регулирование, казалось, было нацелено на защиту крестьянских хозяйств, в действительности оно отражало колониальную логику эксплуатации: крестьяне прикреплялись к земле, их производственный потенциал систематически контролировался и направлялся на военно-административные нужды империи. Прикрепление крестьян к земле через систему «Чифт-Хане» было не столько механизмом защиты, сколько колониальным инструментом, обеспечивавшим передачу прибавочного продукта центру через закрепление рабочей силы.

¹³ В Османской империи существовала преемственность в обработке земли, и все пахотные земли были землями мири, другими словами, *dominium eminens* (*Adanir Fikret*. «The Ottoman Peasantries, c.1360–c.1860» (ed.) T. Scott. The Peasantries of Europe: From the Fourteenth to the Eighteenth Centuries (Longman, 1998), 278).

ные или благотворительные цели. Такие земли назывались «вакф» и находились вне государственного контроля. Частные земли могли передаваться в качестве своеобразного подарка родственникам, друзьям или рабам правителей. Такие земли часто позже превращались в религиозные вакфы, оставаясь вне тимарной системы¹⁴.

Что же касается положения, при котором единственным собственником земли является государство, то данная ситуация представляет собой форму колониального доминирования, выходящую за рамки классического феодализма, при которой центральная власть монополизировала землю и напрямую контролировала крестьянский труд. Таким образом, производство превращалось в механизм не только экономической, но и политической зависимости¹⁵.

Историки критикуют османский контроль над трудом земледельцев, отмечая его эволюцию в систему эксплуатации. По словам Димитрие Джорджевича и Стивена Фишера-Галати, после «*Rax Ottomanica*» империя столкнулась с кризисом, подрывавшим ее социально-политическую структуру к концу XVI в. Этот кризис проявился в ослаблении центральной власти на местах и нарушении баланса взаимных обязательств, лежавших в основе тимарной системы¹⁶. Ослабление османской власти в XVII в. привело к усилению местных чиновников и землевладельцев, что вызвало рост налогового бремени и распространение частных владений (чифтликков) в ущерб тимарам. Эта трансформация подорвала принцип взаимности в треугольнике «сипахи — крестьянин — центр», превратив тимар в инструмент господства, ориентированный на ренту. Несмотря на ограниченное политическое сознание, данные изменения негативно сказались на повседневной безопасности и экономической рациональности сельских общин¹⁷.

Уже во второй половине XVI в., в связи с изменением эпохи, тимарная система начала трансформироваться, и эти изменения были невыгодны для Османского государства. Собственно, с этого периода и на-

¹⁴ *Inalcik*. 1978, 113–115; *Adanir*. 1998, 279; *Inalcik*. 2005, 28–29; *Inalcik*. 2012, 170.

¹⁵ Манн описывает аналогичную логику в ранних империях господства, отмечая, что имперское государство не просто изымало прибавочный продукт из уже существующей экономики, но активно конституировало ее через принудительное сотрудничество. Выгоды этой системы «были абстрактными» и обеспечивались «единообразными и репрессивными услугами военного государства», а не производительными обментами самого населения (*Mann*. 1986, 147–148, 153).

¹⁶ *Djordjevic Dimitrije, Fischer-Galati Stephen*. *The Balkan Revolutionary Tradition* (Columbia University Press, 1981), 227.

¹⁷ *Djordjevic–Fischer-Galati*. 1981, 30.

чинаются основные критические оценки данного института со стороны историков. Ибо ее распад свидетельствует об отдалении от первоначальных прагматических функций и превращении в режим ренты, все более напоминающий колониальную эксплуатацию¹⁸. Ослабела связь между безопасностью крестьян и производством, а прибавочный продукт стал более непосредственно изыматься местными и центральными элитами.

Одной из ключевых причин разложения системы стала растущая потребность Османской империи в денежных средствах с конца XVI в. Часть тимарных земель была передана мультазимам (откупщикам) через систему илтизама в обмен на единовременные платежи. Первоначально эта практика поощряла производство и безопасность, но со временем превратилась в механизм извлечения ренты в руках бюрократической элиты. Увеличение налогового бремени подпитывало недовольство крестьян и ускорило ослабление центральной власти в провинциях¹⁹. Илтизам углубил отношения колониального господства путем перераспределения экономических ресурсов от производителей к рентоориентированной элите в османской провинции. Эта трансформация увеличила бремя эксплуатации крестьян, а не их лояльность центру, и изменила характер отношений местного населения с османской администрацией. По сути, илтизам ознаменовал сдвиг от рациональной налоговой системы к механизму колониальной эксплуатации, опосредованной рентоориентированными посредниками²⁰.

Это наблюдение подкреплено сравнительным анализом. Иналджик фиксировал, что сипахи постепенно начинали воспринимать налоговые поступления как личный доход, а не государственные средства. Примечательно, что именно эту траекторию — от рационального управления к произвольному извлечению ренты — сравнительная социология рас-

¹⁸ Вебер характеризует именно эту траекторию как структурно неизбежную при султанизме: патримониальное правление, финансируемое в денежной форме, порождает «полную свободу и произвол при установлении сборов, пошлин и монополий», что подрывает предсказуемость экономической деятельности и ускоряет концентрацию извлечения ресурсов в руках посредников (Weber. 2019, 370).

¹⁹ *Genç Mehmet*. «İltizam» (DIA, 2000) No 22, 154–157; *İnalcık Halil*. The Ottoman Empire Classical Age: 1300–1600 (Phoenix, 2000), 47–49.

²⁰ Тилли прослеживает ту же динамику непосредственно на османском материале: когда под давлением военных расходов султаны обратились к откупщикам налогов, те «использовали свое положение, чтобы превратить земли, с которых они собирали налоги, в собственность», и тем самым «непреднамеренно установили классическую систему косвенного управления», которая обратилась как против подданных, так и против самих правителей (Tilly. 1990, 105–106).

считывает как структурную неизбежность патримониальных систем: фискальное давление войн порождает потребность в откупщиках, откупщики превращают арендуемые земли в собственность, а система косвенного управления, возникшая как вынужденная мера, в итоге обращается против тех, кто ее создал — и против подданных, и против самого центра²¹.

Разрушения, вызванные войнами, вместе с ужесточенными финансовыми практиками во многих регионах вынудили крестьян уходить в горы и примыкать к традиции разбоя и арматолства; в периоды, когда Османская власть не могла платить арматолам, сами стражи порядка обращались к грабежам, что свидетельствовало о крахе равновесия между безопасностью и экономикой в провинции²². Эта ситуация ослабила способность тимарной системы обеспечивать военно-фискальную отдачу и сделала крестьянский труд более уязвимым для эксплуатации. После разорений войны 1768–1774 гг. центр хотя и искал новые реформы, но эрозия власти продолжалась от янычарских корпусов до провинциальных администраторов; прочного компромисса с реацией, выдвигавшей все более настойчивые требования, достигнуть не удалось^{23,24}.

Тем временем тимариотные сипахи, стремясь сохранить и увеличить доходы, расширяли чифтлики и требовали от крестьян большего числа повинностей. Так крестьяне оказались прочно прикреплены к земле, социальная мобильность и торговое развитие были ограничены. Это задержало формирование капиталистических отношений и обусловило отставание Балкан в процессе модернизации. В этот процесс включились не только сипахи, но и новый слой мусульманской знати — аяны, также приобретающие чифтлики и использовавшие крестьянский труд.

²¹ Weber. 2019, 370; Tilly. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990 (Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1990), 105–106.

²² Djordjevic–Fischer–Galati. 1981, 31–32.

²³ Там же. 63–64.

²⁴ Здесь следует подчеркнуть, что целью восстаний в Османской империи было не уничтожение государства, а возвращение в его рамки. Власть и статус каждого человека исходили от государства, и оно умело использовало это, сталкивая элиты между собой и реализуя стратегию «разделяй и властвуй». В таких условиях никто не мог объединиться и бросить вызов центру (Barkey Karen. Bandits and Bureaucrats: The Ottoman Route to State Centralization (Cornell University Press, 1997) 56–59). Динамика османских восстаний принципиально отличалась от логики западного колониализма: если в колониях Запада восстания направлялись против навязанной извне чужой силы и ее эксплуатации ради независимости и автономии, то в Османской империи они представляли собой борьбу за переопределение связи с центром и за доступ к привилегиям внутри системы.

Рост международного спроса на зерно, табак и хлопок усилил эксплуатацию этих земель и увеличил бремя повинностей для крестьян. Майкл Палэйрет прямо определяет тимарную систему как «самоэксплуатирующуюся». Она основывалась не на повышении производительности, а на усилении давления на крестьянский труд и перераспределении имеющегося прибавочного продукта²⁵. По его мнению, это в долгосрочной перспективе подорвало экономическую модернизацию Балкан и исключило регион из глобального капиталистического развития²⁶.

Более серьезным последствием для центральной власти стало то, что сипахи²⁷ постепенно начали воспринимать государственный «ушр» как собственный доход. Это сокращало поступления из периферийных областей и ослабляло власть государства в провинции. Аяны, защищая свои интересы, создавали частные вооруженные отряды, что способствовало утверждению в Балканах полудеревянного строя и распространению разбоя. Крестьяне, обремененные тяжелыми налогами и постоянной угрозой грабежей, уходили в менее безопасные горные районы, оставляя широкие равнинные земли необработанными²⁸.

На этом этапе тимарная система Османской империи подвергалась критике и в западной историографии, особенно у балканских марксистских исследователей. По их мнению, как отмечал Халиль Иналджик, османские крестьяне страдали под «турецким игом», а сам тимар представлял собой архаичный феодальный порядок. Эти авторы рассматривали его как эксплуатационный механизм и утверждали, что экономическое отставание Балкан в новое время стало прямым следствием созданной османами системы эксплуатации. В османской же историографии тимар традиционно описывается как «золотой век независимых крестьян»²⁹.

Прямые анализы Османской империи у Карла Маркса ограничены, однако его концепция Азиатского способа производства дает продук-

²⁵ Этот вывод согласуется с веберовским анализом экономических последствий патримониального правления: султанистские системы структурно подавляют рыночноориентированный капитализм, поскольку делают невозможной калькулируемую экономическую деятельность (Weber. 2019, 370–373).

²⁶ Palairot Michael. The Balkan Economies c. 1800–1914: Evolution without Development (Cambridge University Press, 1997), 36–39.

²⁷ Сипахи были не только служилыми военными, но и посредническим слоем, направлявшим крестьянский труд в центр; именно это делает османский тимар сопоставимым с колониальными режимами труда на Западе.

²⁸ Palairot. 1997, 38–44.

²⁹ Adanir. 1998, 269–270; Inalcik. 2005, 29.

тивную рамку для понимания системы мири-земель и тимара. Земля юридически принадлежала государству, крестьяне обладали лишь правом пользования и облагались налогами, что препятствовало развитию частной собственности и капиталистических отношений. Таким образом, османский порядок воспроизводил ключевые черты Азиатского способа производства — общинная собственность, центральная роль государства и докапиталистические формы эксплуатации — и до отмены тимарной системы сохранял архаичную структуру^{30, 31}.

Такие историки, как Халиль Иналджик и Феридун Эмеджен, считают эту интерпретацию ограниченной, поскольку не следует игнорировать прагматический контекст. Ведь османская власть действовала преимущественно прагматично, вырабатывая практические решения, соответствующие условиям времени. Империя создала отличную от Европы форму власти с сильным централизованным началом, поэтому неверно утверждать, что основная цель земельного порядка состояла в лишении общества собственности. Феодалные отношения и представления о собственности в Европе были иного характера; предоставление индивидуальных прав на землю в тех условиях было невозможно. Хотя с ослаблением центральной власти в Османской империи проявились некоторые феодалные элементы, благодаря сильному центру этот процесс не принял формы, аналогичной западноевропейской³².

2. Девширме: османская система набора

Османская империя использовала систему девширме как один из важнейших механизмов набора войск. Эта практика особенно сильно повлияла на Балканы и вызвала среди историков оживленные дискуссии в административном, социальном и колониальном контексте. Девширме представляла собой сложный процесс, формировавший

³⁰ *Marx Karl*. A Contribution to the Critique of Political Economy (Progress Publishers, 1859) <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1859/critique-pol-economy/index.htm>.

³¹ Например, система «Чифт-Хане» сохраняла автономию крестьянских хозяйств, ориентированных на натуральное производство, однако их ресурсы включались в военные и фискальные нужды государства посредством тимара. Это показывает, что вплоть до ликвидации тимарной системы Османская империя сохраняла примитивный способ эксплуатации и не смогла развить его в более сложную форму.

³² *İnalçık H.* 2005, 26–27; *Emecen F.M.* 2016, 56–57.

военную, управленческую и социальную структуру Османской державы. В историографии Балкан система по-прежнему рассматривается как ключевой элемент в спорах о колониальном характере Османской империи. Балканские исследователи интерпретируют ее как крайне жестокий метод, направленный на разрушение городов, ослабление местного населения и насильственное обращение детей в рабов, которых затем использовали в войнах против собственных народов. Более того, современные социально-экономические проблемы региона нередко связываются с эксплуатацией человека в Османской империи, а девширме трактуется как одна из форм такого давления³³.

В период бейликов Османское государство применяло известный в исламском мире «пенджик» — систему, по которой пятая часть военнопленных (или ее денежный эквивалент) передавалась в турецко-мусульманские семьи Анатолии. Там пленники усваивали язык и культуру. При султане Мураде I (1362 г.) эта практика была узаконена, и таким образом возникли особые подразделения, подчиненные непосредственно падишаху — капыкулу. Наиболее известными из них стали янычары, представлявшие собой профессиональное военное соединение. Важнейшей причиной учреждения капыкулу была необходимость устранить угрозу со стороны сильных тюркских аристократических родов и тем самым уравновесить их влияние. Одновременно султан получил возможность поддерживать функционирование меритократической элиты^{34,35}.

Посредством девширме формировался особый слой капыкулу, состоявший из юношей, вырванных из балканских сообществ и превращенных в абсолютно преданных султану. Эта система исключала местную аристократию и создавала прямую колониальную элиту, связанную только с центром. Девширме стала инструментом концентрации власти и устранения потенциальной автономии провинции.

³³ *Yilmaz Gulay*. «The Devshirme System and the Levied Children of Bursa in 1603–4» (Belleten, 2015) 286: No 79, 902–903.

³⁴ *Ozcan Abdulkadir*. «Kapikulu» (DIA, 2001) No 24, 348; *Ozcan Abdulkadir*. «Pencik» (DIA, 2007) No 34, 226–228; *Genc Mehmet*. Osmanli Imparatorlugu'nda Devlet ve Ekonomi (Otuken Yayinlari, 2014), 80.

³⁵ В типологии Вебера это соответствует логике «патримониальной бюрократии»: правитель формирует административный аппарат из зависимых людей, а не из свободно назначаемых чиновников, именно для того, чтобы предотвратить накопление независимой власти и обеспечить безусловную личную лояльность (Weber. 2019, 349, 361–362).

Султан Мурад I.
Из открытых источников

После поражения при Анкаре (1402) система пенджика оказалась недостаточной, и для удовлетворения военных нужд была внедрена девширме. Впервые она применялась на Балканах, а при Мураде II (1421–1451) получила законодательное оформление. Согласно правилам для капыкулу отбирались христианские юноши в возрасте от восьми до двадцати лет. Сначала их распределяли по турецким семьям («отдать туркам»), где они усваивали язык и мусульманские обычаи, затем переводили в Стамбул для военной или административной службы. Первоначально набор осуществляли местные беи и кадии, но из-за злоупотреблений с периода Мехмеда II контроль был передан чиновникам из центра. Система просуществовала около 150 лет, к концу XVI в. начала разрушаться, и потребности капыкулу восполнялись за счет кюлоглу и учеников ага³⁶.

Ключевой особенностью девширме было систематическое изъятие у балканских обществ их молодых и трудоспособных мужчин. Эта практика напоминает обязательную трудовую повинность в колониальных режимах: производительные силы отрывались от семей, а демографический потенциал местных сообществ сознательно ослаблялся. Таким образом, девширме служила не только военным ресурсом для империи, но и инструментом долгосрочной трансформации социальных структур на периферии.

³⁶ Özcan Abdulkadir. «Devshirme» (DIA, 1994) No 9, 254–257.

Султан Мурад II.
Из открытых источников

Система девширме осуществлялась исключительно среди детей христианских семей и подчинялась строгим критериям отбора. Обрезанные или владевшие турецким языком дети не принимались, так как предполагалось, что они могли быть мусульманами или евреями. Единственный сын в семье не изымался, однако в многодетных семьях выбирали самого здорового. Евреи также оставались вне системы, поскольку Османская империя использовала их в качестве носителей торговых функций. Такая избирательность обеспечивала формирование янычарского корпуса из наиболее физически подходящих и абсолютно преданных султану людей^{37,38}.

Эти детализированные критерии показывают, что девширме не была случайным процессом, а представляла собой определенный про-

³⁷ *Uzuncarsili Ismail Hakki*. Osmanli Devleti'nde Kapikulu Ocaklari 1 (Türk Tarih Kurumu, 1988) 17–18; *Akgunduz Ahmet*. Osmanli Kanunnameleri — I. Ahmed, I. Mustafa ve II. Osman Devirleri Kanunnameleri (Osmanli Araştırmaları Vakfı, 1996), 138–139.

³⁸ В системе девширме существовали различные правила отбора. Так, если у ребенка не было родителей, считалось, что он будет плохо воспитан и склонен к жадности, поэтому его не брали. Сын местного старосты также не подлежал набору, так как предполагалось, что он окажется худшим из общины. Чабаны, дети с физическими недостатками, люди с определенными ремеслами или уже бывавшие в Стамбуле также исключались: полагали, что такие дети будут «слишком хитрыми» для службы (*Uzuncarsili*. 1988, 17–18).

Янычар с мушкетом. Гравюра из альбома Чезаре Вечеллио
«Костюмы всех времен и народов». 1590 г.
Из открытых источников

ект социальной инженерии³⁹. Османская власть систематически изымала самых здоровых и продуктивных сыновей балканских крестьян, но не затрагивала такие группы, как евреи, обладавшие значительным налоговым потенциалом в городах, или русские и грузины, жившие на пограничных территориях вне прямого контроля империи. Таким образом, государство сохраняло источники налоговых поступлений на местах, одновременно нейтрализуя возможные конкурирующие аристократии.

Включение или исключение определенных групп, как и в западных колониальных империях, определялось экономическими интересами и политическими целями господствующей власти. Подобно западным державам, Османская империя стремилась категоризировать общество и сделать его «читаемым» (legibility)⁴⁰. Это свидетельствует о рациональной основе системы.

³⁹ Фуко описывает аналогичную логику в своем анализе дисциплинарной власти: дисциплина воздействует на тело не «оптом», а «в розницу, индивидуально», добиваясь захвата «на уровне самого механизма — движений, жестов, поз, скорости» и производя «послушные тела», полезность которых возрастает по мере роста покорности (Foucault. 1995, 137–139).

⁴⁰ Scott James. Seeing Like a State (Yale University, 1998), 2–6.

Янычарский офицер. Рисунок Джентиле Беллини.
Из открытых источников

С конца XVI в. в функционировании девширме произошли серьезные изменения. Такие авторы, как составитель Каванин-и Йеничериан и Кочибей, связывали упадок корпуса с отходом от «Канун-и кадим»⁴¹ и, в частности, с приемом в корпус представителей различных этнических групп извне. По их мнению, это разрушало однородность и дисциплину. Эти жалобы отражают не только кризис военной организации, но и ослабление способности центра контролировать провинции⁴². Османские архивные документы подтверждают данный процесс. Так, при наборе в Бурсе в 1603–1604 гг. было собрано более 2600 детей, причем возрастной диапазон сместился с 8–15 до 15–20 лет. Это свидетельствует о предпочтении более зрелых и физически развитых юношей, что было связано с изменениями в военной технологии, в частности с распространением огнестрельного оружия, требовавшего более короткого периода подготовки⁴³.

⁴¹ Османские мыслители, размышляя о причинах упадка государства, утверждали, что Османская империя утратила величие времен султана Сулеймана, потому что уклонилась от старых правил и установлений.

⁴² *Danusman Zuburi*. Kocibey Risalesi (Milli Egitim Basimevi, 1972), 43; *Fodor Pal*. «Bir Nasihatname Olarak Kavanin-i Yeniceriyan», *Besinci Milletlerarasi Turkoloji Kongresi* (Edebiyat Fakultesi Basimevi, 1985), 217–219; *Akgunduz*. 1996, 263; *Beydilli Kemal*. «Yeniceri» (DIA, 2013), No 43, 458.

⁴³ *Yilmaz*. 2015, 918–925.

Одним из самых дискуссионных вопросов османской историографии остается проблема: считать ли девширме формой рабства. На первый взгляд эта практика, не основанная на согласии семей, действительно напоминает насильственное порабощение. Однако статус «раба султана» (*kul*) был гораздо более сложным, чем современное понимание рабства: девширме могли владеть землей и даже занимать высшие посты вплоть до визиря^{44,45}. Именно поэтому среди историков существуют разные интерпретации.

Поль Виттек признавал, что девширме формально противоречила шариату, но считал, что османы оправдывали практику ссылками на отдельные положения шафиитского права⁴⁶. Виттек также возражал против обвинений в «варварстве»: по его мнению, система предоставляла христианскому населению возможность карьерного роста, при этом семейные связи не всегда полностью разрывались, а некоторым предоставлялись особые привилегии. Однако он отмечал и отрицательные последствия: изъятие молодого мужского населения ослабляло аграрный потенциал христианских общин, а включение этих юношей в армию снижало вероятность сопротивления на местах. Критики Виттека указывали, что его объяснения не согласуются с фактами на-

⁴⁴ Özcan. 1994, 256; Yılmaz. 2015, 904.

⁴⁵ Более того, многие из «султанских рабов» занимали высшие должности: достаточно вспомнить таких великих визирей, как Гедик Ахмед-паша, Макбул Ибрагим-паша, Соколу Мехмед-паша, Ферхад-паша, Лала Мехмед-паша, Кара Мурат-паша, Кеманкеш Мустафа-паша и представители династии Кепрюлю. Несмотря на такую выдающуюся роль, особенно Соколу Мехмеда в истории Османской империи, в сербской историографии девширме изображается крайне негативно. При этом фигура Соколу представляется как пример «насиленно оторванного, но сохранившего сербскую идентичность» деятеля (*Hacisalihoglu Neriman Ersoy*. «Bulgaristan Tarih Algisinda ve Tarih Ders Kitaplarinda Devsirme Sistemi ve Yeniceriler» (Tarih Dergisi, 2017). Vol. 2. No 66, 133–134). Схожие противоречия заметны и в восприятии западных наблюдателей. Так, такие путешественники и дипломаты, как Герхлах и Бусбек, с одной стороны, осуждали жестокость практики, но с другой — восхищались османской системой меритократии, где крестьянский сын-христианин мог стать пашой, бейлербеем или даже великим визирем. В отличие от жестко аристократической структуры Габсбургов, в Османской империи во главу угла ставился не род, а личные качества. Таким образом, девширме в христианских источниках выступала символом угнетения и насильственной ассимиляции, а в глазах западных путешественников и дипломатов — инструментом османского военного и политического успеха, основанного на принципах меритократии (*Евстафьев Н.В.* «Взгляд христианских авторов на практику девширме в Османской империи XVI века». Институт славяноведения Российской академии наук, 2024. № 4, 22).

⁴⁶ Wittek Paul. «Devshirme and Shari'a» (Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1955). Vol. 17. No 2, 275–277.

Девширме для султана Сулеймана I. Миниатюра XVI в.
Из открытых источников

бора среди армян и греков⁴⁷. Халиль Иналджик⁴⁸, напротив, предлагал рассматривать девширме не как форму рабства, а как разновидность чрезвычайной повинности (*avârız-ı divaniye*⁴⁹), и не видел в этом прямого конфликта с исламским правом. Согласно договору (*зимми-акд*), заключенному с немусульманами, их жизнь и имущество находились под защитой государства, а взамен они выплачивали «джизью» — налог, который представлял собой плату за освобождение от военной службы. По мнению Абдулкадира Озджана, в случаях крайней необходимости

⁴⁷ Wittek Paul. «Ankara Bozgunundan Istanbul'un Zaptına (1402–1455)» (trans.) Halil Inalcık (Belleten, 1943). Vol. 7. No 27, 588–590.

⁴⁸ Inalcık Halil. Osmanlılar–Futuhât, İmparatorluk, Avrupa ile İlişkiler (Timaş Yayınları 2010), 186.

⁴⁹ Это было своего рода чрезвычайное налоговое обязательство, применявшееся в Османской империи в исключительных случаях — во время войны, стихийных бедствий или голода. Кроме того, налог *аварыз* рассматривался в османском обществе как своеобразная форма солидарного взноса.

государство могло отказаться от взимания этого налога и вместо этого потребовать от зимми несения военной службы⁵⁰. Такая практика рассматривалась как вполне легитимное требование, которое империя могла предъявить к населению завоеванных территорий. Эти разные интерпретации показывают, что девширме служила не только источником военной силы, но и выражением юридического и политического прагматизма османов.

Исследование Нериман Эрсой Хаджысалихоглу анализирует отражение системы девширме в современной болгарской историографии и школьных учебниках. Согласно ее выводам, в Болгарии начиная с 1980-х гг. в учебных материалах девширме обычно определяется как «кровавый налог» и представляется одной из наиболее негативных практик османского управления. После смены режима в 1990 г. терминология стала менее жесткой, однако девширме по-прежнему описывается как «изъятие у семей самых сильных и здоровых болгарских детей» и трактуется как проявление репрессивного характера османской власти. Хотя акцент в школьных программах постепенно ослаб, во вспомогательной литературе и популярной истории эта тема продолжает излагаться подробно и с иллюстрациями, что укрепляет восприятие Османской империи как колониальной силы⁵¹.

Ранние христианские *vitae* также называли девширме «кровавым налогом» и описывали ее как «самое страшное угнетение». Отрыв детей от семей и обращение их в ислам представлялись в этих источниках одной из тяжелейших форм давления на христианские общины. Данный дискурс содержит ранние зачатки негативной интерпретации девширме, характерной для современной балканской национальной историографии⁵².

В то же время восприятие этой практики со стороны семей оставалось противоречивым. Одни старались скрыть детей или выдавали их за женатых, чтобы избежать набора, другие же добровольно отдавали их в надежде на карьерный рост в государственных структурах⁵³. Однако, как подчеркивал Мустафа Нури-паша, представление о том, что все христианские семьи соглашались с системой, не соответствует действи-

⁵⁰ Özcan. 1994, 256.

⁵¹ Hacısalıhoğlu. 2017, 135–142.

⁵² Евстафьев. 2024, 19.

⁵³ Yilmaz. 2015, 910–915.

Ротный командир (сотник) янычар. 1568 г.
Из открытых источников

тельности: потеря ребенка означала серьезный экономический и эмоциональный урон. Так, некоторые регионы — например Янина, Галата, Морея и Хиос — добились особых привилегий, позволявших им избежать девширме⁵⁴.

В этом контексте часть балканских историков рассматривает девширме как насильственную исламизацию населения Балкан и проявление религиозной эксплуатации Османской империи. Подобная точка зрения подчеркивает, что девширме функционировала не только как военный, но и как колониальный механизм господства. Эта культурная трансформация свидетельствует о том, что девширме выполняла не только военную, но и идеологическую функцию. Воспитание детей в турецких семьях и обращение их в ислам являлись типичным примером ассимиляционной политики, характерной для колониальных режимов. Уничтожение местных идентичностей и формирование новой элиты, преданной центру, представляли собой наиболее наглядное проявление османского колониализма.

⁵⁴ *Mustafa Nuri Pasha. Netayic ul Vukuat, (ed.) Neset Cagatay. Turk Tarih Kurumu, 1979, 18–19.*

Хотя некоторые семьи и надеялись, что их дети в будущем достигнут высоких должностей, в своей основе девширме оставалась механизмом колониального подчинения. Индивидуальное согласие не могло перевесить структурное принуждение: перед лицом государственной власти у семей фактически не существовало подлинного выбора. Поэтому девширме можно интерпретировать как «колониальную практику, легитимированную участием эксплуатируемых».

Меритократическое обещание девширме, возможность для сына балканского крестьянина стать великим визирем были не уступкой управляемым, а условием устойчивости системы: лояльность выпускника была ценной именно потому, что была конституирована через подчинение, а не через свободный выбор. Дисциплинарная логика проявлялась уже на этапе отбора — строгие физические и социальные критерии, распределение по турецким семьям, многолетняя военная и административная подготовка — все это было целенаправленным производством определенного человеческого типа, чья полезность возрастала по мере роста покорности. Система, опиравшаяся исключительно на принуждение, была бы структурно хрупкой: именно встроенное меритократическое обещание превращало принуждение в нечто легитимное — не только в глазах центра, но и в глазах тех, кто в эту систему был включен⁵⁵.

В конечном счете эта трансформация показывает, что девширме была не только источником военной силы, но и инструментом социального инжиниринга.

Подводя итог, можно отметить, что изменения в корпусе можно рассматривать как «упадок», однако на деле Османская империя пыталась прагматично адаптироваться к вызовам времени. Вместе с тем трансформация девширме выявила внутренние противоречия османского колониального порядка. Если изначально девширме выступала инструментом демографического и культурного преобразования балканских обществ, то к XVII в. она стала неустойчивым даже для самого центра. Это показывает, что колониальные практики могли быть не только механизмом господства, но и фактором, ускорившим дезинтеграцию империи⁵⁶.

⁵⁵ Weber. 2019, 349, 361–362; Foucault. Discipline and Punish: The Birth of the Prison, trans. Alan Sheridan (New York: Vintage Books, 1995), 137, 149; Gramsci. Selections from the Prison Notebooks, ed. and trans. Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith (New York: International Publishers, 1971), 57–58, 263.

⁵⁶ Хечтер описывает схожую логику применительно к националистической мобилизации: культурное разделение труда, поддерживающее господство центра, со вре-

3. Миллетская система в Османской империи

В историографии Балкан XIX в. деятельность Османской империи обычно рассматривалась в контексте национальной борьбы и эксплуатации, тогда как в турецкой историографии акцент делался на завоевания и борьбу с немусульманами. В результате обе стороны не смогли объективно отразить действительность региона⁵⁷. До прихода османов каждая мелкая держава устанавливала собственные таможенные пошлины, что затрудняло торговлю, однако при османском правлении была создана централизованная власть и введены низкие тарифы. Кроме того, Османская империя, исходя из прагматических соображений, стремилась обеспечить внутреннюю стабильность посредством религиозной терпимости. Этот подход проявился в политике истималета, которая заключалась в защите христианского населения на завоеванных территориях, предоставлении налоговых льгот и гарантиях свободы вероисповедания. С 1453 г. действовала система миллетов, позволявшая религиозно организованным общинам пользоваться автономией и сохранять институциональную преемственность. Под покровительством османов православная церковь получила особый статус, что до XVII в. помогало предотвращать крестьянские восстания. Более того, политическая стабильность и низкие тарифы способствовали развитию торговли и урбанизации на Балканах⁵⁸.

Хотя политику истималета часто трактуют как проявление терпимости, в колониальном контексте она предстает как стратегия централизованной власти по интеграции местного населения. Налоговые льготы и религиозные свободы были инструментами завоевания лояльности. Таким образом, истималет можно интерпретировать не только как проявление «терпимости», но и как колониальный механизм производства согласия, укрепляющий власть центра на Балканах⁵⁹.

После завоевания Константинополя султан Мехмед II Фатих видел себя наследником римских императоров и стремился со-

менем само порождает корпоративные идентичности, на которых строятся движения сопротивления (Hechter. 1975, 40–43).

⁵⁷ Inalcik. 2005, 27, 35.

⁵⁸ Ilgurel Mucteba. «Istimalet» (DIA, 2001) No 23, 362.

⁵⁹ Грамши определяет государство именно как «гегемонию, защищенную броней принуждения»: налоговые льготы и религиозные свободы в рамках истималета являлись инструментами организации согласия, а не самоценными проявлениями толерантности (Gramsci. 1971, 263).

здать порядок, приемлемый для разных монотеистических религий⁶⁰. В 1454 г. он подчинил православных христиан власти патриарха Константинопольского, поставив церковь под покровительство Османской империи. Православные общины сохранили этническое разнообразие, а языками богослужения оставались греческий и церковнославянский. В рамках системы миллета общины управлялись своими религиозными лидерами, сохраняли образование и культовую практику⁶¹.

Аналогичным образом османы признали армянские общины как отдельные миллеты: григорианский, католический и позднее протестантский⁶². Уже при Фатихе армянский патриарх был провозглашен главой всех армян империи. Армяне пользовались не только религиозной автономией, но и занимали значимые позиции в экономике и бюрократии; особенно в XIX в. они получили репутацию «верного миллета» и заслужили доверие государства. Их работа переводчиками в Министерстве иностранных дел и вклад в искусство закрепили эту позицию. Таким образом, и православные, и армянские общины в сравнении с византийским периодом получили более институционализированный статус⁶³.

Историк Махиэль Киел, исследовавший османские Балканы, подчеркивает, что в Болгарии христианство при османском правлении сохраняло институциональное существование, а строительство новых церквей на местном уровне во многом терпелось. В противоположность этому болгарские авторы связывали османское господство с упадком общества и деградацией искусства. Киел же утверждает, что слабость болгарского искусства объяснялась прежде всего политической раздробленностью и внутренними конфликтами в предосманский период⁶⁴, тогда как османская власть через

⁶⁰ *Karpat Kemal*. *Balkanlarda Osmanlı Mirası ve Ulusculuk*, (trans.) Recep Boztemur (İmge Kitabevi, 2004) 21; Ortaylı, 2020, 66.

⁶¹ *Karpat*. 2004, 22–23.

⁶² Ortaylı İ. Millet, in: *Diyanet İslam Ansiklopedisi* (DİA). No. 30. 2020. S. 66–70.

⁶³ *Dadyan Saro*. *Osmanlı'da Ermeni Aristokrasisi*, Everest Yayınları. 2011, 45; *Halacoglu Yusuf*. *Ermeni Tehciri* (Babiali Kultur Yayıncılığı 2014) 17; *Celik Recep*. «Osmanlı Bürokrasisinde Ermeniler», *Tarihte Türkler ve Ermeniler Merkez ve Taşrada Ermeniler* 6. (eds.) Mehmet Metin Hulagu, Musa Sasmaz, İbrahim Ethem Atnur and others (Türk Tarih Kurumu, 2014), 187–188.

⁶⁴ *Landau Jacob M*. «Machiel Kiel, Art and Society of Bulgaria in the Turkish Period: A Sketch of the Economic, Juridical and Artistic Preconditions of Bulgarian Post-Byzantine Art and Its Place in the Development of the Art of the Christian Balkans, 1370–1700. A New Interpretation» (Van Gorcum, 1985), 281–285.

Константинопольские греки. Рисунок Луиджи Майера.
Из открытых источников

систему миллета позволила сохранить религиозные и культурные традиции⁶⁵.

Система миллетов, формально признавая религиозную автономию различных общин, на деле была механизмом, заново определявшим их в рамках османского контроля. В колониальном измерении это означало, что империя управляла подданными, «называя» их собственными категориями. Автономия общин существовала лишь под надзором государства, что позволяет рассматривать миллетскую систему как форму колониального «административного регулирования»⁶⁶.

После обретения независимости Грецией в 1829 г. миллетская система подверглась сомнению, а вмешательства западных держав вынудили Османскую империю к новым реформам. В XIX в., в русле модернизационных усилий, были провозглашены Танзиматский указ 1839 г. и Ислахатский указ 1856 г. Эти акты провозглашали гарантии безопасности жизни и имущества для всех подданных и равенство мусульман и немусульман, однако на практике традиционная система миллета продолжала действовать⁶⁷.

⁶⁵ Karpat. 2004, 23–24.

⁶⁶ Это соответствует тому, что Хечтер описывает как «культурное разделение труда»: система, при которой различным общинам предоставляется дифференцированный доступ к статусным институтам, воспроизводит неравенство, делая его структурно организованным и потому устойчивым (Hechter. 1975, 38–39).

⁶⁷ Akyildiz Ali. «Tanzimat» (DIA, 2011) No 40, 1–5.

Ислахатский указ особенно расширил права христиан в области свободы вероисповедания, управления учебными заведениями и доступа к государственной службе. Тем не менее введение денежного выкупа за воинскую повинность вызвало недовольство среди мусульман и усилило социальное напряжение. Этот процесс укрепил позиции армянской и греческой общин в государственном аппарате, но одновременно способствовал росту ощущения статуса потери у мусульман и стал почвой для усиления националистических движений⁶⁸.

Айлин Кочуньян⁶⁹ рассматривает трансформацию османской системы миллета в XIX в. в контексте межимперской конкуренции. По ее мнению, институционализация армянской и еврейской общин в Османской империи была не только результатом внутренних динамик, но и напрямую связана с французской моделью *régime des cultes* и контролем России над Армянской церковью. Таким образом, модернизация миллета была не столько проявлением прагматической «терпимости», сколько инструментом международной легитимации и борьбы за влияние. Танзимат и Ислахат, следовательно, одновременно сохраняли стратегию контроля над общинами и представлялись внешнему миру как «признак цивилизации», гарантировавший религиозные свободы. Кроме того, армянский регламент 1863 г. предусматривал создание светского совета при патриархе, ограничившего религиозную власть, а еврейский регламент 1865 г. свел полномочия хахам-баши исключительно к духовной сфере. Таким образом, миллетская система внешне сохраняла «автономию» общин, но фактически подчиняла их современному бюрократическому надзору⁷⁰.

Реформы XIX в. не охватывали все религиозные группы, а в основном касались греков, армян и евреев. Более того, хотя Танзимат и Ислахат декларировались как акты равенства и модернизации, в колониальной перспективе они представляли собой результат давления западных держав и попытку Османской империи дисциплинировать общины под видом «современного гражданства»⁷¹. В этом смысле ре-

⁶⁸ *Gulsoy Ufuk*. «Islahat Fermani» (DIA, 1999) No 19, 185–190.

⁶⁹ *Kocunyan Aylin*. «The Millet System and the Challenge of Other Confessional Models, 1856–1865» (*Ab Imperio*, 2017) No 1, 1–6.

⁷⁰ *Kocunyan*. 2017, 15–23.

⁷¹ В терминологии Фуко это описывает как переход от власти суверенитета, извлекающей ренту и дань, к дисциплинарной власти, стремящейся конституировать население как управляемых субъектов через административную классификацию и нормализацию (*Foucault*. 2013, 35–38).

Маронитский монах и паломники. Изображение конца XIX в.
Из открытых источников

формы можно рассматривать как находящиеся одновременно в тени западного колониализма и в логике внутреннего османского колониального управления.

Салим Чевик⁷² рассматривает управление религиозным плюрализмом в Османской империи как стратегию, колеблющуюся между плюралистической моделью Габсбургов и ассимиляционистской моделью Романовых. Централизационные усилия XIX в. были направлены, с одной стороны, на преодоление границ миллетской системы и создание более равноправной османской идентичности, а с другой — на ограничение автономии немусульманских общин. По мнению Чевика, окончательный поворот Османской империи к романовской, гомогенизирующей модели является проявлением исключаящей колониальной логики. Это наследие было унаследовано и секулярной Республикой, что парадоксальным образом привело к возникновению менее толерантного национального государства по сравнению с империей.

⁷² Cevik Salim. "From Empire to Nation: Management of Religious Pluralism in the Ottoman Empire and Turkey" (Philosophy and Social Criticism, 2024) 50, No. 4, 6–9.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ систем тимара, девширме и миллета в Османской империи демонстрирует, что эти институты составляли основу уникальной модели колониализма, структурно отличавшейся от западных аналогов. Данная модель функционировала не как заморская экспансия, а как практика доминирования, утверждавшаяся «внутри», будучи государственно-центричной, прагматичной и меритократичной. Система тимара устанавливала контроль над производственными отношениями через концентрацию земельной собственности в центре и мобилизацию крестьянского труда в интересах государства; девширме систематически изымала и трансформировала человеческий капитал балканских обществ, создавая военно-бюрократическую элиту, абсолютно лояльную центру; миллетная система, за фасадом ограниченной религиозной автономии, легитимировала османское господство, делая сообщества «читаемыми» (*legible*) и, следовательно, управляемыми.

Общей чертой этой триады было обеспечение эффективного сбора ресурсов (налоги, солдаты, повиновение) центром при одновременном предотвращении формирования традиционных феодальных или буржуазных классов. Хотя это и обеспечило империи значительную стабильность в ранний современный период, в конечном итоге оно привело к структурному застою, который препятствовал капиталистической трансформации и усугублял зависимость от абсолютного контроля центра. Превращение тимара в илтизам, разложение девширме и распад миллетной системы перед лицом националистических требований являются показателями того, что данная централизованная колониальная модель стала несостоятельной в условиях меняющихся реалий.

Таким образом, обозначение Османской империи как «колониальной» не означает приравнивания ее к европейским имперским державам. Напротив, оно позволяет более тонко понять *sui generis* методы — централизованные, инструментальные и ориентированные на проникновение, разработанные для управления ее многоэтничными и многоконфессиональными территориями. Османский колониализм был скорее прототипом «экономики управления», нежели «экономики грабежа».

Сравнительный анализ позволяет объяснить устойчивость и последующий распад империи в единой логике. Принципиальное отличие османской модели состоит в следующем: там, где атлантический империализм строился на исключении завоеванных из метропольных культурных кате-

горий, османская система действовала через избирательное включение, требуя лояльности, а не этнической идентичности. Именно в этом, однако, обнаруживается ее структурный предел: культурное разделение труда, поддерживавшее османский контроль, одновременно формировало те самые корпоративные конфессиональные идентичности, на которых впоследствии строилась националистическая мобилизация. Когда правящая группа оказывается способна лишь принуждать, утратив способность производить согласие, распад становится не случайностью, а структурной неизбежностью. Применительно к Османской империи это означает, что не военные поражения и не финансовое истощение, а именно эта утрата — превращение тимара в инструмент ренты, девширме в закрытую корпорацию, миллета в источник сепаратизма — обусловила структурную несостоятельность централизованной колониальной модели.

Ключевой вклад настоящего исследования состоит не в том, чтобы поставить знак равенства между Османской империей и европейскими колониальными державами, а ровно в обратном — чтобы показать принципиальное различие между ними. Эксплуатация есть нормальное условие существования любой централизованной власти: она присутствует там, где есть государство, армия и налог. Вопрос не в том, была ли она — она была всегда и везде. Вопрос в том, какую форму она принимала. Ряд имперских моделей — в частности, европейский колониализм нового времени — прибегал к последовательному вытеснению завоеванных обществ: подавлению языков, замещению административных структур, принудительной трансформации культурной идентичности. Османская империя поступала иначе: она не уничтожала языки — она их сохраняла; не истребляла религии — она их институционализировала; не стирала идентичности — она их фиксировала и использовала в целях управления. Это была эксплуатация без уничтожения, господство через включение, а не через вытеснение. Именно поэтому понятие «колониализм» применительно к Османской империи требует существенной оговорки: речь идет о *sui generis* модели, в которой сохранение различий было не терпимостью из человеколюбия, а условием эффективного управления. Признать это — значит не оправдать империю, а понять ее.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declares no relevant conflict of interests.

Авторский вклад

Демирджи Э. А. — концептуализация, формальный анализ, поиск данных, исследование, методология, написание/оригинальный текст, написание/редактура, общее руководство.

Демирджи Д. А. — формальный анализ, поиск данных, исследование, ресурсное обеспечение, написание/оригинальный текст, написание/редактура.

Authors contribution

Enver Alper Demirci — conceptualization, formal analysis, data curation, investigation, methodology, writing — original draft, writing — review & editing, supervision.

Daria A. Demirci — formal analysis, data curation, investigation, resources, writing — original draft, writing — review & editing.

Список литературы / References

1. Евстафьев Н.В. Взгляд христианских авторов на практику девширме в Османской империи XVI века. *Славяноведение*. 2024;(4):16–25.
Evstafiev N.V. The view of Christian authors on the devshirme practice in the Ottoman Empire of the 16th century. *Slavic Studies*. 2024;(4):16–25 (in Russ.).
2. Adanir F. The Ottoman peasantries, c. 1360–c. 1860, in: *The peasantries of Europe: From the 14th to the 18th centuries* / Ed. by T. Scott. London; New York: Longman, 1998. P. 269–310.
3. Akgündüz A. *Osmanlı kanunnâmeleri ve hukukî tablilleri* – 9. Cilt: I. Ahmed, I. Mustafa ve II. Osman devirleri kanunnâmeleri (1012–1031 / 1603–1622). İstanbul: Osmanlı Araştırmaları Vakfı, 1996. 736 s.
Akgündüz A. *Ottoman law codes and legal analyses* – Vol. 9: *Law codes of the reigns of Ahmed I, Mustafa I and Osman II* (1012–1031 / 1603–1622). İstanbul: Ottoman Research Foundation, 1996. 736 p. (in Turk.).
4. Akyıldız A. Tanzimât, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi* (DIA). No. 40. 2011. S. 1–10.
Akyıldız A. Tanzimat, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 40. 2011. P. 1–10 (in Turk.).

5. Barkey K. *Bandits and bureaucrats: The Ottoman route to state centralization*. New York: Cornell University Press, 1994. 282 p.
6. Beydilli K. Yeniçeri, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 43. 2013. S. 450–462.
Beydilli K. Janissary, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 43. 2013. P. 450–462 (in Turk.).
7. Çelik R. Osmanlı bürokrasisi'nde Ermeniler, in: *Tarihte Türkler ve Ermeniler: Merkez ve taşrada Ermeniler*. Cilt 6 / Ed. M.M. Hülügü, M. Şaşmaz, İ.E. Atnur, et al. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2014. S. 187–282.
Çelik R. Armenians in the Ottoman bureaucracy, in: *Turks and Armenians in history: Armenians in the center and provinces*. Vol. 6 / Ed. by M.M. Hülügü, M. Şaşmaz, İ.E. Atnur, et al. Ankara: Turkish Historical Society, 2014. P. 187–282 (in Turk.).
8. Çevik S. From empire to nation: Management of religious pluralism in the Ottoman Empire and Turkey. *Philosophy and Social Criticism*. 2024;50(4):597–607.
9. Dadyan S. *Osmanlı'da Ermeni aristokrasisi*. İstanbul: Everest Yayınları, 2011. 458 s.
Dadyan S. *Armenian aristocracy in the Ottoman Empire*. İstanbul: Everest Publishing, 2011. 458 p. (in Turk.)
10. Danışman Z. *Koçi Bey risalesi*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1972. 168 s.
Danışman Z. *Koci Bey's treatise*. İstanbul: National Education Printing house, 1972. 168 p. (in Turk.)
11. Djordjevic D., Fischer-Galati S. *The Balkan revolutionary tradition*. New York: Columbia University Press, 1981. 271 p.
12. Doyle M.W. *Empires*. Ithaca: Cornell University Press, 1986.
13. Emecen F.M. *Osmanlı İmparatorluğu'nun kuruluş ve yükseliş tarihi (1300–1600)*. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2016. 488 s.
Emecen F.M. *The history of the establishment and rise of the Ottoman Empire (1300–1600)*. İstanbul: Turkish İşbank Cultural Publications, 2016. 488 p. (in Turk.)
14. Fodor P. Bir nasihatnâme olarak Kavanîn-i Yeniçeriyân, in: *Tebliğler (Beşinci Milletlerarası Türkoloji Kongresi)*. Cilt III. Kısım 1. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Basımevi, 1986. S. 217–224.
Fodor P. Kavanin-i Yeniceriyan as a piece of advice, in: *Proceedings of the 5th International Congress of Turkology*. Vol. III. Pt. 1. İstanbul:

- Publishing house of the Faculty of Letters, Istanbul University, 1986. P. 217–224 (in Turk.).
15. Foucault M. «Society Must Be Defended»: Lectures at the Collège de France, 1975–76. Ed. Mauro Bertani and Alessandro Fontana. Trans. David Macey. New York: Picador, 2003.
 16. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. Trans. Alan Sheridan. New York: Vintage Books, 1995.
 17. Genç M. İltizām, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 22. 2000. S. 154–158.
Genç M. İltizam, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 22. 2000. P. 154–158 (in Turk.).
 18. Genç M. *Osmanlı İmparatorluğu'nda devlet ve ekonomi*. İstanbul: Ötüken Yayınları, 2014. 385 s.
Genç M. *State and economy in the Ottoman Empire*. İstanbul: Ötüken Publishing, 2014. 385 p. (in Turk.)
 19. Gramsci A. Selections from the Prison Notebooks. Ed. and trans. Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith. New York: International Publishers, 1971.
 20. Gülsoy U. Islahat Fermanı, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 19. 1999. S. 185–190.
Gülsoy U. The Imperial Reform Edict, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 19. 1999. P. 185–190 (in Turk.).
 21. Hacısalıhoğlu N.E. Bulgaristan tarih algısında ve tarih ders kitaplarında devşirme sistemi ve yeniçeriler. *Tarih Dergisi*. 2017;2(66):129–154.
Hacısalıhoğlu N.E. The devshirme system and the Janissaries in Bulgarian historical perception and history textbooks. *Journal of History*. 2017;2(66):129–154 (in Turk.).
 22. Halaçoğlu Y. *Ermeni tehciri*. İstanbul: Babıali Kültür Yayıncılığı, 2014. 189 s.
Halaçoğlu Y. *Armenian deportation*. İstanbul: Babıali Cultural Publishing, 2014. 189 p. (in Turk.).
 23. Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1975.
 24. İlgürel M. İstimâlet, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 23. 2001. S. 362–363.
İlgürel M. Expropriation, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 23. 2001. P. 362–363 (in Turk.).

25. İnalçık H. *Osmanlılar: Fütübat, İmparatorluk, Avrupa ile İlişkiler*. İstanbul: Timaş Yayınları, 2010. 320 s.
İnalçık H. *The Ottomans: Future, empire, relations with Europe*. İstanbul: Timaş Publishing, 2010. 320 p. (in Turk.)
26. İnalçık H. *The Ottoman Empire: Conquest, organization and economy*. London: Variorum Reprints, 1978. 362 p.
27. İnalçık H. *The Ottoman Empire: The classical age, 1300–1600*. London: Phoenix Press, 2000. 272 p.
28. İnalçık H. Тимар, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 41. 2012. S. 168–173.
İnalçık H. Timar, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 41. 2012. P. 168–173 (in Turk.).
29. İnalçık H. Türkler ve Balkanlar. *BAL-TAM Türklük Bilgisi*. 2005(1):20–44.
İnalçık H. *Turks and Balkans*. *BAL-TAM Journal of Turcology*. 2005;(1):20–44 (in Turk.).
30. İnalçık H., Quataert D. (Eds.). *An economic and social history of the Ottoman Empire*. Vol. 1: 1300–1600. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994. 480 p.
31. Karpат K.H. *Balkanlar'da Osmanlı mirası ve ulusçuluk* / Çev. R. Boztemur. Ankara: İmge Kitabevi Yayınları, 2004. 411 s.
Karpат K.H. *Ottoman heritage and nationalism in the Balkans* / Transl. by R. Boztemur. Ankara: İmge Bookstore Publishing, 2004. 411 p. (in Turk.)
32. Kiliç O. Ocaklık, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 33. 2007. S. 317–318.
Kiliç O. Ocaklık, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 33. 2007. P. 317–318 (in Turk.).
33. Kiliç O. Yurtluk, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 43. 2013. S. 614–615.
Kiliç O. Fief, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 43. 2013. P. 614–615 (in Turk.).
34. Koçunyan A. The millet system and the challenge of other confessional models, 1856–1865. *Ab Imperio*. 2017;(1):59–85.
35. Landau J.M. *Machiel Kiel, Art and society of Bulgaria in the Turkish period: A sketch of the economic, juridical and artistic preconditions of Bulgarian post-Byzantine art and its place in the development of the art of the Christian Balkans, 1370–1700. A new interpretation (Review)*. Assen (Netherlands): van Gorcum, 1985. P. 281–285.

36. Mann M. *The Sources of Social Power, Volume I: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
37. Marx K. *A Contribution to the critique of political economy* / Transl. by S.W. Ryazanskaya; ed. by M. Dobb. Moscow: Progress Publishers, 1977. 262 p. URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1859/critique-pol-economy/index.htm> (Accessed on: May 1, 2026).
38. Nuri Paşa M. *Netâyic ül-Vukûât* / Ed. N. Cagatay. Ankara: Turk Tarih Kurumu, 1979. 382 s.
Nuri Paşa M. *Consequences of events* / Ed. by N. Cagatay. Ankara: Turkish Historical Society, 1979. 382 p. (in Turk.).
39. Ortaylı İ. Millet, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 30. 2020. S. 66–70.
Ortaylı İ. Nation/religious community, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 30. 2020. P. 66–70 (in Turk.).
40. Özcan A. Devşirme, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 9. 1994. S. 254–257.
Özcan A. Devshirme, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 9. 1994. P. 254–257 (in Turk.).
41. Özcan A. Kapıkulu, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 24. 2001. S. 347–349.
Özcan A. Kapıkulu, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 24. 2001. P. 347–349 (in Turk.).
42. Özcan A. Pençik, in: *Diyanet İslâm Ansiklopedisi (DIA)*. No. 34. 2007. S. 226–228.
Özcan A. Pençik, in: *Encyclopedia of Religious Islam*. No. 34. 2007. P. 226–228 (in Turk.).
43. Palairot M. *The Balkan economies c. 1800–1914: Evolution without development*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 432 p.
44. Scott J. *Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed*. New Haven; London: Yale University Press, 1998. 464 p.
45. Tilly C. *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990*. Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1990.
46. Uzunçarşılı İ.H. *Osmanlı devleti teşkilâtından kapukulu ocakları: 1. Acemi Ocağı ve Yeniçeri Ocağı*. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1988. 755 s.
Uzunçarşılı İ.H. *From the organization of the Ottoman State: The kapıkulu corps. Vol. 1: The Acemi Ocağı and the Janissary corps*. Ankara: Turkish History Institution, 1988. 755 p. (in Turk.)

47. Weber M. *Economy and Society: A New Translation*. Ed. and trans. Keith Tribe. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019.
48. Wittek P. Ankara bozgunundan İstanbul'un zaptına (1402–1455) / Çev. H. Inalcık. *Belleten*. 1943;7(27):557–590.
Wittek P. From the defeat at Ankara to the conquest of Istanbul (1402–1455) / Transl. by H. Inalcık. *Belleten*. 1943;7(27):557–590 (in Turk.).
49. Wittek P. Devshirme and Shari'a. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1955;17(2):271–278.
50. Yılmaz G. The devshirme system and the levied children of Bursa in 1603–4. *Belleten*. 2015;286(79):901–931.

Энвер Альпер Демирджи
Enver Alper Demirci

аспирант Института истории
и социологии, Удмуртский
государственный университет,
ORCID: 0000-0001-6033-7762

Doctoral program in Institute
of History and Sociology,
Udmurt State University,
ORCID: 0000-0001-6033-7762

Дарья Алексеевна Демирджи
Daria A. Demirci

бакалавр Института языка и литературы,
Удмуртский государственный
университет,
ORCID: 0009-0009-2391-0879

Bachelor's degree from the Institute
of Language and Literature,
Udmurt State University,
ORCID: 0009-0009-2391-0879

Поступила в редакцию /
Received
14.04.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
14.05.2025

Принята к публикации /
Accepted
16.04.2026

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.009](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.009)

Оригинальная статья / Original paper

А.И. Крылов

*Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: aleksandr1812@internet.ru*

«Zouaves sont les premiers soldats du monde»: роль элитной французской пехоты в битве на р. Альме 1854 г.

Аннотация

Данная статья представляет собой глубокий критический пересмотр устоявшихся в историографии причин победы союзников в ключевом сражении на реке Альме во время Крымской войны. Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра устоявшихся взглядов в историографии Крымской войны, которые сводят причины поражения русской армии в сражении на реке Альме преимущественно к ее технической отсталости, в частности к отсутствию массового нарезного оружия. Такой технологический детерминизм оставляет без внимания другие ключевые аспекты военного противостояния, такие как тактическое мастерство, выучка и моральный дух войск. Целью статьи являются критический анализ и переоценка ключевых факторов победы союзников, смещение акцента с превосходства в вооружении на комплексное тактическое превосходство элитных частей французской пехоты — зуавов и пеших егерей. Методология исследования базируется на комплексном анализе широкого круга источников, включая французские, русские и британские документы (в том числе воинские уставы), мемуары непосредственных участников сражения с обеих сторон, а также материалы отечественной и зарубежной историографии.

Основные результаты проведенного исследования опровергают господствующую точку зрения. Автор убедительно доказывает, что решающую роль в успехе дивизии Боске и исходе битвы в целом сыграли не штуцеры, а высочайшая боевая выучка, тактическая гибкость, поощряемая индивидуальная инициатива низших чинов и отработанное мастерство в штыковом бою, привитые зуавам в колониальных кампаниях в Северной Африке. На конкретных примерах демонстрируется, что зуавы зачастую намеренно отказывались от использования своего огневого преимущества в пользу стремительной рукопашной атаки, которая оказывалась неожиданной и эффективной. Параллельно деконструируется устоявшийся стереотип о безоговорочном доминировании русского штыка. Исследование приходит к выводу, что именно тактическое новаторство и профессиональное мастерство «африканских» войск предопределили победу при Альме.

Ключевые слова:

Крымская война; сражение на Альме; зуавы; тактика; штыковой бой; историография

Для цитирования:

Крылов А.И. «Zouaves sont les premiers soldats du monde»: роль элитной французской пехоты в битве на р. Альме 1854 г. // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 250–279. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.009](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.009)

Alexander I. Krylov

Faculty of History, Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: aleksandr1812@internet.ru

«Zouaves sont les premiers soldats du monde»: The Role of the Elite French Infantry in the Battle of the Alma River in 1854

Abstract

This article offers a critical reassessment of the established historiography on the Allied victory at the Battle of the Alma during the Crimean War. The study's relevance lies in challenging the dominant narrative that attributes the Russian defeat primarily to technical backwardness, notably the lack of rifled firearms. This technological determinism overlooks other crucial factors like tactical skill, training, and morale. The article aims to re-evaluate the victory's key factors, shifting the focus from weapon superiority to the comprehensive tactical prowess of elite French infantry units — the Zouaves and light infantry. The methodology is based on a multifaceted analysis of a wide range of sources, including French, Russian, and British documents, military regulations, participant memoirs, and historiographical materials. The core findings refute the prevailing view. The author compellingly argues that the decisive factor was not the Allies' rifles, but the Zouaves' superior combat proficiency, tactical flexibility, individual initiative, and mastered skill in bayonet combat, all honed in North African colonial campaigns. Specific battle episodes demonstrate that the Zouaves often deliberately forsook their firepower advantage to launch swift, unexpected, and effective melee assaults. Concurrently, the study deconstructs the entrenched stereotype of the Russian bayonet's unconditional dominance. The research concludes that the tactical innovation and professional skill of the "African" troops were the true determinants of the victory at the Alma.

Keywords:

Crimean War; Battle of the Alma; Zouaves; Tactics; Bayonet combat; Historiography

For citation:

Alexander I. Krylov. «Zouaves sont les premiers soldats du monde»: The Role of the Elite French Infantry in the Battle of the Alma River in 1854 // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 250–279. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.009](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.009)

отечественной и зарубежной историографии поражение Российской империи в Крымской войне 1853–1856 гг. традиционно объясняется технической и организационной отсталостью русской армии. Устоявшейся аксиомой стало утверждение о том, что ключевым фактором победы союзников было массовое применение ими нарезного стрелкового оружия, против которого русские гладкоствольные ружья и сомкнутые колонны оказались бессильны, а главной силой русских, их «козырем», был штык, который часто нивелировался штуцерами противника. Этот тезис, имеющий корни еще в свидетельствах современников¹, мемуарной литературе² и дореволюционной историографии³, был канонизирован в работах видного советского историка Е.В. Тарле⁴, а также — в несколько упрощенном прочтении — М.Н. Покровского⁵ и, сохранив свою актуальность после

¹ 24 сентября были получены донесения от флигель-адъютанта Шеншина, который сообщал, что весь успех союзников на Альме от штуцеров (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 206. Л. 228). Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. СПб., 1872. Т. 1. С. 351; Меньков П.К. Записки. СПб., 1898. С. 241, 255; Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб., 1858. С. 241.

² Adye J. A review of the Crimean War to the winter of 1854–5. London, 1860. P. 128; Ершов А.И. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1858. С. 84–85; Алабин П.В. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 гг. (Ч. 3: Защита Севастополя. (1854–1856)). Самара, 1892. С. 14; Милошевич Н.С. Из записок севастопольца. СПб., 1904. С. 14.

³ Тотлебен Э.И. Описание обороны г. Севастополя. Часть I. СПб., 1863. С. 434–437; Там же. Часть II. Отдел II. СПб., 1872. С. 128; Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1900. Т. 2. С. 479; Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1900. Т. 3. С. 126.

⁴ Тарле Е.В. Крымская война. М., 1943. Т. 2. С. 109, 111, 178, 186–187.

⁵ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 128, 153–154.

распада СССР, доминирует вплоть до самых современных школьных учебников⁶.

В рамках марксистской парадигмы оба историка видели в военной технике прямое следствие и ярчайшее проявление общей «гнилости» и отсталости крепостнического строя. Именно сформулированные ими выводы о технологическом разрыве, акцентированные у Тарле вплоть до фатализма, заложили основу того, что можно назвать «технологическим детерминизмом» в изучении Крымской войны. Е.В. Тарле, констатируя, что «почти вся союзная армия, вступившая в бой под Альмой, была вооружена штуцерами, а у нас... оказалось лишь 1660 человек штуцерников»⁷, заключал, что для русских солдат «каждая [вражеская] пуля долетала по назначению»⁸. Примечательно, что сам Покровский, при всей его марксистской догматичности, указывал на системные проблемы глубже чистой технологии, иронизируя над верой командования в «штык-молодец» и указывая, что «сила была не в [штуцерах], а в тех, кто из них стрелял», но при этом он не писал, что русский солдат плохо дрался штыком или что француз или англичанин делал это лучше⁹. Однако в историографический канон вошла именно упрощенная трактовка, сводящая сложную картину к технологическому превосходству.

Подобная трактовка, сводящая сложную многогранную проблему к технологическому детерминизму, нуждается в пересмотре. Она отодвинула на периферию научного дискурса иные аспекты военного противостояния, в частности тактическое мастерство противника, боевую выучку и роль элитных частей. Становится второстепенным, если вообще отмечаемым, вклад французских зуавов, чье участие не ограничивалось лишь превосходством в вооружении.

Более того, в историографии закрепился противоречивый стереотип о безусловном превосходстве русской армии в штыковом бою, что также требует критической проверки на основе источников. Как будет показано в данной статье, этот стереотип, берущий начало в дореволюционной историографии и закреплённый в советский и постсоветский периоды, не находит однозначного подтверждения в свидетельствах современников и данных о реальной боевой практике. Как отмечал князь В.И. Василь-

⁶ Мединский В.Р., Торкунов А.В. История. История России. 1825–1914 гг. 9 класс. Учебник. М., 2025. С. 63.

⁷ Тарле Е.В. Крымская война. М., 1943. Т. 2. С. 106–107.

⁸ Там же. С. 108.

⁹ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 130.

Зуав в бою. Худ. Александр Рачинский. Около 1858 г.

Из открытых источников

чиков, командующий А.С. Меншиков «совершенно справедливо опасался первого столкновения с превосходными Алжирскими войсками, привыкшими к боевой жизни»¹⁰. Эти опасения перед «африканскими» ветеранами в среде руководства русской армии свидетельствуют, что профессиональные военные видели в элитной французской пехоте качественно иного противника еще до того, как прозвучал первый выстрел.

Примечательно, что даже беглого взгляда со стороны было достаточно, чтобы оценить особые качества этих подразделений. Британские офицеры, наблюдавшие за французскими войсками, сразу отметили их исключительную выправку и физическую подготовку¹¹. Особое впечатление на союзников произвели зуавы, о которых те отзывались как о «коренных французах в алжирской форме, самых грубоватых на вид ребятах, каких только можно себе представить»¹². Английский капрал, отмечая прекрасные отношения с французами, особо выделил зуавов, которые, по его словам, «оказались очень веселой компанией, хотя впоследствии они доказали, что являются головной болью для врага»¹³. Эти характеристики,

¹⁰ Записки князя В.И. Васильчикова // Рус. архив. 1891. № 6. С. 177.

¹¹ Walker C.P.B. Days of a soldier's life. London, 1894. P. 60.

¹² Ibid.

¹³ Gowing T. A soldier's experience: or, A voice from the ranks... A personal narrative of the Crimean Campaign. Nottingham, 1892. P. 16.

данные союзниками, красноречиво свидетельствуют о том, что внешний облик и поведение «африканских» войск сразу выдавали их колониальный опыт и особую систему подготовки, заметные даже в преддверии боя.

Таким образом, целью данной статьи является переоценка ключевых факторов успеха союзников в Крымской войне на примере сражения на реке Альме. В фокусе исследования — роль элитной французской пехоты (зуавов и пеших егерей), чья эффективность рассматривается не через призму нарезного оружия, а как комплексный феномен, включающий тактическое новаторство, индивидуальную инициативу и высокое мастерство в ближнем бою. Исследование основано на сравнительно-историческом и источниковедческом анализе архивных, мемуарных и опубликованных источников французского, британского и русского происхождения.

После высадки союзников в Крыму русская армия под командованием А.С. Меншикова заняла выгодную позицию на реке Альме, намереваясь дать сражение. Несмотря на преимущество в численности у англо-французского корпуса, русские рассчитывали на силу своей обороны.

Союзный план сражения предусматривал, что правый фланг русской армии будет атакован англичанами, а центр — силами 1-й и 3-й дивизий под командованием Канробера и принца Наполеона. Однако главная роль отводилась левому флангу, где действовала 2-я дивизия генерала Пьера Боске, состоявшая из ветеранов «Африканской армии», включая 2200 зуавов 3-го полка¹⁴. Этот участок считался неприступным из-за крутизны склона¹⁵.

8 (20) сентября 1854 г. с началом боя зуавы Боске, к удивлению противника, вброд форсировали Альму и начали стремительно взбираться по крутому склону, «как козы»¹⁶, вызвав восхищение даже у союзников-англичан¹⁷. Вслед за ними на плато была поднята французская артиллерия, открывшая огонь по русским позициям.

Этот смелый маневр оказался полной неожиданностью для А.С. Меншикова. Русскому командованию пришлось срочно перебрасывать войска на угрожаемый левый фланг, что нарушило первоначальную диспозицию и ослабило центр. Последовавший затем мощный удар французов по центру, в котором также активнейшее участие приняла французская элитная пехота, оказался для русской армии роковым и привел к ее отступлению.

¹⁴ Lettres du maréchal Bosquet à sa mère, 1829–1858. Pau., 1879. V. IV. P. 141.

¹⁵ Lecat Bazancourt C. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol. Paris, 1856. V. I. P. 208–209.

¹⁶ Canrobert F.C. Le Maréchal Canrobert, souvenirs d'un siècle. Paris, 1904. V. II. P. 250.

¹⁷ Peard G.S. Narrative of a campaign in the Crimea: including an account of the battles of Alma, Balaklava, and Inkermann. London, 1855. P. 56.

Пьер Жозеф Франсуа Боске, маршал Франции. Худ. Орас Верне. 1857 г.

Из открытых источников

Успех этого комбинированного удара — обходного маневра Боске и фронтальной атаки — был очевиден для современников. Как отмечал один из британских офицеров, подводя итог действиям французов: «На этом направлении битва была выиграна; французы совершили очень трудную и доблестную атаку, для которой как нельзя лучше подходили их подвижность и лихой натиск»¹⁸. Эта оценка, данная со стороны союзника-конкурента, точно схватывает суть тактического превосходства французов: именно скорость, гибкость и решительность, а не просто превосходство в вооружении, предопределили исход сражения на их участке.

На тактическое мастерство и инициативу зуавов в центре сражения обратил внимание и знаменитый британский военный корреспондент Уильям Рассел. Он детально описал, как «зуавы под командованием полковника Бурбаки немедленно устремились вперед, оттесняя перед собой цепь русских стрелков и застрельщиков... и пользуясь ветвями... деревьев, чтобы перебраться через узкий поток»¹⁹. Еще более показателен описанный Расселом эпизод штыковой атаки: «Полковник Клер, в этот критиче-

¹⁸ Adye J. A review of the Crimean War to the winter of 1854–5. London, 1860. P. 50.

¹⁹ Russell W.H. The British expedition to the Crimea. London, 1877. P. 102.

ский момент... призвав своих людей к атаке, бросился на башню, которую после короткого, но кровопролитного боя они взяли на штыках, выбив оттуда русских в замешательстве...»²⁰ Эти наблюдения со стороны представляют особую ценность, поскольку независимо от французских отчетов фиксируют тактическую модель, которая стала лейтмотивом всего сражения: зуавы не полагались пассивно на превосходство своего оружия, а активно искали возможности для решительной рукопашной схватки.

Эти оценки, данные со стороны британских союзников, внимательно и не без ревности наблюдавших за действиями французов, представляются крайне важными, поскольку они напрямую опровергают господствующую историографическую традицию. Несмотря на приведенные свидетельства, в историографии корень победы дивизии Боске и союзников в целом принято видеть не в тактическом мастерстве, а в превосходстве нарезного оружия (штуцеров) и выдающейся стрелковой выучке англо-французских войск. Согласно этой точке зрения русские войска с их гладкоствольными ружьями и тактикой сомкнутых колонн не могли ничего противопоставить вражескому огню, что служит классическим подтверждением тезиса о технической отсталости русской армии²¹.

Не отрицая определенного влияния фактора вооружения, мы полагаем, что подобная трактовка заслоняет другой как минимум не менее важный элемент — штыковой бой. Русские источники изобилуют утверждениями о превосходстве русского штыка в битве на Альме, которое разбивалось о нежелание англо-французов сходиться в рукопашную, любые попытки русских перейти в штыковую атаку были тщетны, поскольку они метались штуцерным огнем, зачастую русские даже не успевали сблизиться с противником²². Яркой иллюстрацией этого взгляда служат слова А.А. Панаева: «Англо-французы и не думали о нашем штыке, да и свои штыки отомкнули, возлагая — и весьма справедливо — всю надежду на

²⁰ Ibid. P. 103.

²¹ *Figes O. Crimea: The Last Crusade.* London, 2011. P. 209–210, 214–215; *Royle T. Crimea: the great Crimean War, 1854–1856.* Boston, 1999. P. 224, 227.

²² Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / Под ред. Н.Ф. Дубровина. Вып. II. СПб., 1871. С. 495; Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. СПб., 1872. Т. 1. С. 58; *Колчак В.И.* Война и плен. 1853–1855 гг. Из воспоминаний о давно пережитом // *Колчак В.И., Колчак А.В.* Избранные труды. СПб., 2001. С. 37; Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. СПб., 1873. Т. 3. С. 315, 327–328.

огонь»²³. Такая позиция источников подтверждается и описаниями других событий Крымской войны²⁴. Этот взгляд, сформированный источниками, стал общепринятой точкой зрения в историографии. Стереотип о русском штыке как «kozyре» и традиционно сильной стороне русской армии нашел отражение в дореволюционной историографии²⁵, а затем «перекочевал» и укрепился в советской и постсоветской литературе²⁶. Именно этот устоявшийся нарратив, восходящий к свидетельствам одной из сторон конфликта, и требует критического переосмысления.

Чтобы проверить эту устоявшуюся точку зрения, обратимся к тому, как сами французские участники событий — от военачальников до рядовых зуавов — описывали причины своего успеха. И здесь мы обнаруживаем, что в центре их внимания оказывается отнюдь не превосходство в вооружении. Французские источники, описывающие сражение на Альме, редко акцентируют внимание на стрелковом оружии, ограничиваясь, как правило, нейтральным «fusil» («ружье») вместо специальных терминов вроде «fusil rayé» («нарезное ружье») или «fusil de précision» («точное ружье»). Приведем несколько примеров. Показательно, что генерал Боске, командовавший 2-й дивизией, в своей личной переписке ни разу не упоминает нарезное оружие как решающее преимущество и даже не использует для обозначения стрелкового оружия нейтральные термины, например «fusil», он вообще умалчивает о стрелковом оружии²⁷. Куда чаще в центре внимания оказывается штыковой бой. Так, зуавы в своих воспоминаниях прямо подчеркивают свое превосходство в рукопашной схватке: «Тотчас

²³ Панаев А.А. Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта А.А. Панаева. СПб., 1877. С. 27.

²⁴ Андрианов А. Инкерманский бой и оборона Севастополя. СПб., 1903. С. 59–60; Урусов С.С. Очерки Восточной войны 1854–1855 гг. М., 1866. С. 78; Жандр А.П. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, собранные и объясненные капитан-лейтенантом А. Жандром, бывшим его флаг-офицером. СПб., 1859. С. 229; Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / Под ред. Н.Ф. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872. С. 180.

²⁵ Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1900. Т. 1. С. 240; Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов. СПб., 1876. Т. 3. С. 19, 36–37; Тотлебен Э.И. Описание обороны г. Севастополя. Часть I. СПб., 1863. С. 193–195; Богданович М.И. Описание экспедиции англо-французов в Крым, 1854–1855 гг. СПб., 1856. С. 44.

²⁶ Тарле Е.В. Крымская война. М., 1943. Т. 2. С. 109; Ченнык С.В. Крымская кампания (1854–1856). Кн. 2. Альма. Севастополь, 2011. С. 96–97, 193–194; Айрапетов О.Р. Крымская война. Популярный очерк. М., 2017. С. 101–102.

²⁷ Lettres du maréchal Bosquet à sa mère, 1829–1858. Pau., 1879. V. IV. P. 189–192; Lettres du maréchal Bosquet à ses amis. 1837–1860. Pau., 1879. V. II. P. 157–159.

же зуавы бросились вперед, испуская свои ужасные крики; они обрушились на врага, как гром, рассеяли его в мгновение ока и, не останавливаясь, захватили деревню»²⁸. Другой пример описывает их действия еще более образно: «Зуавы набросились на эти ошеломленные, глупые толпы! Они рубили, кололи, рассеивали»²⁹. Экспрессивно характеризую этот хаос, генерал Боске говорил: «Когда зуавы среди русских, — эти бедные русские похожи на стадо, в середину которого пастух спустил своих собак»³⁰.

Эта уверенность в неотразимости штыковой атаки и готовность идти врукопашную была выкована в бесчисленных стычках в Северной Африке. Описания войны в Алжире пестрят описаниями штыка как главного инструмента победы. Речь шла не только о простом фронтальном натиске, но и о сложных тактических комбинациях. Например, Сент-Арно детально описывал операции, в которых кавалерия намеренно загоняла отряды кабиллов под удар зуавов, ожидавших в оврагах со штыками наперевес³¹. Штык применялся массово и безжалостно: в одном из боев Сент-Арно, «бросив [противника] в овраги», преследовал его именно штыком, что, по его словам, вызывало панику и бегство³². Штурмы укрепленных селений, подобные взятию Лагуата, также решались стремительной, «лавинообразной» штыковой атакой, когда зуавы, «прикончив всех, кто пытался сопротивляться», неудержимо неслись вперед, внушая врагу ужас одной своей яростью³³. Таким образом, их действия на Альме были не следствием внезапной храбрости, а естественным продолжением и практическим воплощением основного способа ведения боя, перенесенного с африканского театра военных действий в Крым.

Яркой иллюстрацией тактического предпочтения французов служит эпизод, когда командующий 2-м полком зуавов в составе 3-й дивизии полковник Клер, видя, что атака захлебывается под шквальным огнем русских батарей, решительно повел своих солдат в штыки: «Ко мне, мои зуавы», — сказал он своим старым шакалам, пуская лошадь в галоп; к башне! — и все устремляются бегом». Данный маневр привел к успеху и захвату вражеской позиции³⁴. Этот наступательный порыв был систем-

²⁸ *Noir L. Souvenirs d'un simple zouave: campagnes de Crimée et d'Italie; mœurs militaires.* Paris, 1872. P. 229.

²⁹ *Ibid.* P. 237.

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Lettres du maréchal de Saint-Arnaud.* Paris, 1855. V. II. P. 332.

³² *Ibid.* P. 26.

³³ *Cler J.J.G. Souvenirs d'un officier du 2e de Zouaves.* Paris, 1859. P. 41–42.

³⁴ *Ibid.* P. 154–155.

Арман Жак Леруа де Сент-Арно, маршал Франции.

*Худ. Шарль-Филипп Ларивьер. 1854 г.**Из открытых источников*

ным качеством «африканских» войск, тогда как русский устав, напротив, сдерживал подобную инициативу. Норма, предписывавшая отправлять штуцерные части в атаку «только в самых важных или неизбежных случаях», демонстрирует, что доктринально русская армия рассматривала использование элитных стрелков как ударной силы не как правило, а как исключительную меру³⁵.

Еще более показателен случай в битве за деревню Бурлюк в центре сражения. Принц Наполеон, видя отсутствие прогресса, отдал парадоксальный, с точки зрения теории технологического превосходства, приказ: «Нам нужно сбить с толку русских, и для этого немедленно удвоить наших стрелков... которые должны, не сделав ни одного выстрела, доползти ползком до самых ног русских; оказавшись там, они не будут стрелять, но пустят в ход свои штыки». Эта тактика, нарочито игнорировавшая потенциальные преимущества нарезного оружия, увенчалась полным успехом: русские «остолбенели, увидев наших (французов. — А.К.) среди себя,

³⁵ ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 96. Л. 46.

и которые воспользовались этим, чтобы атаковать их штыками»³⁶. В итоге деревня Бурлюк была захвачена.

Успех этой атаки, основанной на осознанном отказе от огневого преимущества, стал наиболее убедительным доказательством против технологического детерминизма. Данный тактический прием не был импровизацией, рожденной в пылу Альминского сражения, а являлся прямым следствием и кульминацией боевого опыта, накопленного в колониальных кампаниях в Северной Африке. Это была демонстративная ставка на фактор внезапности и морального воздействия, на ближний бой — ту стихию, где зуавы чувствовали себя полными хозяевами. Психологический ступор русских солдат, «остолбеневших» от их появления, наглядно показывает, что победу принесла не сама по себе технология, а тактическая культура, позволявшая ею распорядиться — или вовсе отказаться от нее в пользу проверенной колониальной доктрины.

Еще в Алжире французские командиры целенаправленно отработывали тактику сближения с противником без единого выстрела для последующего сокрушительного удара. Так, Сент-Арно с гордостью описывал операцию, в которой его бригада приблизилась к противнику на тридцать шагов, не открывая огня, и атаковала — маневр, который он считал «совершенно обычной» практикой для своего подразделения³⁷. В том же ключе действовал и батальон под командованием Морана, получивший от подполковника Клера категорический приказ — не отвечать на огонь противника и атаковать в полной тишине. Эта тактика, основанная на абсолютном отказе от использования огневого преимущества в пользу штыкового боя, увенчалась взятием укрепленной позиции с минимальными потерями — один убитый и трое раненых³⁸. Тем самым парадоксальный приказ при Бурлюке стал не единичным эпизодом, а закономерным применением отработанной и неоднократно проверенной в Северной Африке боевой доктрины, где отказ от стрельбы в пользу внезапной атаки был стандартным приемом. В ее основе лежал расчет на психологический шок и моральное подавление противника, достигаемые за счет внезапности и неистовства рукопашной схватки — той стихии, где французские «африканские» части не знали себе равных.

Примечательно, что в вопросе о стрелковом оружии источники союзников нередко отдают должное меткости русских стрелков. Показатель-

³⁶ Chartier A. La 3e Division de l'armée d'Orient et le prince Napoléon. Paris, 1898. P. 186.

³⁷ Lettres du maréchal de Saint-Arnaud. Paris, 1855. V. II. P. 53–54.

³⁸ Cler J.J.G. Souvenirs d'un officier du 2e de Zouaves. Paris, 1859. P. 35–36.

Военная сцена. Сражение при Альме.

Маршал де Сент Арно верхом на коне, и два драгуна. Худ. Ипполит Беланже. XIX в.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

но, что упомянутый выше полковник Клер в своем описании Альминского сражения лишь дважды употребляет термин, обозначающий штуцер («*carabine de précision*» и «*grosse carabine*»), и делает это применительно к русским стрелкам, тогда как для французского оружия он использует нейтральное «*fusil*»³⁹. Еще более показательны донесения маршала Сент-Арно, в которых он, отмечая массированный и докучливый огонь («*un feu très-vif et très-incommode*») русских стрелков в центре, вооруженных нарезными карабинами, в качестве ключевой причины успеха называет отнюдь не ответное превосходство в стрелковой дуэли, а эффективность французской штыковой атаки, проведенной под этим самым шквальным огнем⁴⁰. Таким образом, французские документы настойчиво подчеркивают решающую роль штыкового боя, который позволил им одержать верх, несмотря на противодействие русских стрелков, оснащенных штуцерами.

Более того, тактическое мастерство, а не техническое превосходство, было ключевым и в действиях французских застрельщиков (*tirailleurs*). Как отмечал участник событий: «все наши (французские стрелки. — А.К.) ле-

³⁹ Ibid. P. 147–157.

⁴⁰ Lettres du maréchal de Saint-Arnaud. Paris, 1855. V. II. P. 577, 581.

жали на земле и укрывались таким образом, что мы сами их едва видели», в то время как русские «напротив, стояли все в полный рост и выстроенные в линию почти плечом к плечу»⁴¹. Это наблюдение находит прямое объяснение в русском уставе. Хотя он и разрешал штуцерным на пересеченной местности укрываться, основным правилом для ровной местности было сохранение строевого порядка — равных интервалов «как стояли за фронтом», что на практике приводило к формированию линейной цепи⁴². Французская тактика стрелков была возведена в ранг доктрины: «Краткие инструкции господина маршала Франции генералам дивизий, бригад и командирам корпусов», написанные Сент-Арно для Восточной армии, прямо запрещали «вырождаться» в бесполезной стрельбе с вражескими стрелками, предписывая атаковать вражеских стрелков малыми группами⁴³. Этому агрессивному наставлению противостояла оборонительная и пассивная логика русских уставных норм. Параграф 797 устава предписывал: «По приближении же противника на обыкновенный ружейный выстрел... [стрелки] тотчас же из цепи отзываются»⁴⁴. Таким образом, в момент сближения, когда меткость штуцера могла бы быть полезна для поддержки своей пехоты, русских стрелков законодательно отстраняли от участия в критической фазе боя, лишая войска их элитного огневого ядра. Данный комплекс свидетельств приводит нас к выводу, который еще в XIX в. лаконично сформулировал князь В.И. Васильчиков: «Дурное качество нашего ручного оружия не есть настоящая причина нашего поражения»⁴⁵.

Возникает, однако, закономерный вопрос: насколько можно доверять приведенным свидетельствам, рисуящим элитных пехотинцев как мастеров штыкового боя? Для его прояснения обратимся к анализу системы боевой подготовки французской элитной пехоты. Серьезное внимание штыковому бою уделяется в уставе, регламентирующем обучение французских пеших егерей⁴⁶. Примечательно, что данные ордонансы

⁴¹ Masquelez M. Journal d'un officier de zouaves; suivi de Considérations sur l'organisation des armées anglaise et russe; et accompagné de l'Itinéraire de Gallipoli à Constantinople. Paris, 1858. P. 107.

⁴² ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 96. Л. 39.

⁴³ Masquelez M. Journal d'un officier de zouaves; suivi de Considérations sur l'organisation des armées anglaise et russe; et accompagné de l'Itinéraire de Gallipoli à Constantinople. Paris, 1858. P. 180.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 96. Л. 39.

⁴⁵ Записки князя В.И. Васильчикова // Рус. архив. 1891. № 6. С. 181.

⁴⁶ Ordonnance du 22 juillet 1845 sur l'exercice et les manoeuvres des bataillons de chasseurs à pied. 1re partie. Ecoles de soldat, avec les modifications prescrites par décision ministérielle du 7 avril 1852. Paris, 1862. P. 64–71.

были изданы в 1845 г., т.е. уже с учетом опыта колониальной войны в Алжире. Это становится особенно очевидно при их сравнении с общими пехотными уставами 1831 г., где штыковой бой вообще не рассматривается как предмет обучения⁴⁷. Таким образом, боевой опыт Алжира нашел отражение в уставах, подчеркивая важную роль штыкового боя в общей системе ведения боя, сочетавшей его с метким огнем и маневром.

На этом фоне состояние штыкового боя в русской армии вызывает вопросы. Еще в 1838 г. Ренгау подверг критике существовавшую в русских войсках систему обучения штыковому бою, предлагая улучшения⁴⁸. Учитывая известную инертность николаевской военной системы, есть все основания полагать, что эти указания не были должным образом реализованы. Как верно заметил С.П. Андоленко, при Николае I суворовские традиции обучения войск, уделявшие значительное внимание рукопашной схватке, оказались во многом забыты⁴⁹. В связи с качеством русского штыкового боя интересно наблюдение английского офицера, который отмечал низкое качество русских штыков, характеризуя их как мягкие, тонкие и хрупкие⁵⁰.

Сравнительный анализ систем подготовки и вооружения позволяет сделать вывод, что превосходство французской элитной пехоты в штыковом бою — фактор как минимум заслуживающий самого пристального внимания и ставящий под сомнение устоявшийся тезис о безоговорочном доминировании русского штыка.

Другим важным, но остающимся в тени историографии элементом тактики зуавов была их исключительная скорость и тактическая гибкость. Их манера боя, которую противник в изумлении сравнивал с прыжками обезьян⁵¹, кардинально отличалась от тактики русских войск. Зуавы ма-

⁴⁷ Анализ содержания устава (*Ordonnance sur l'exercice et les manoeuvres de l'infanterie. Du 4 mars 1831. Première partie. Ecole du soldat et école du peloton. Paris, 1839*) показывает, что вопросы штыкового боя в нем отсутствуют. Основное внимание уделено строевой подготовке, перестроениям и стрельбе, в то время как приемы рукопашного боя не регламентированы.

⁴⁸ Ренгау. Правила для обучения пехоты драться штыком для употребления застрельщикам при одиночном бое во время войны, составленные учителем фехтования на всех холодных оружиях капитаном Ренгау и изданные с разрешения высшего начальства. СПб., 1838. С. 2–3, 5–6, 10–11, 113–116.

⁴⁹ Андоленко С.П. История русской армии. Славные военные традиции российских и советских полководцев. М., 2022. С. 242.

⁵⁰ Peard G.S. Narrative of a campaign in the Crimea: including an account of the battles of Alma, Balaklava, and Inkermann. London, 1855. P. 68.

⁵¹ Figes O. Crimea: The Last Crusade. London, 2011. P. 209.

Французские зуавы штурмуют и захватывают
Телеграфный холм в битве на Альме. 1854 г.
Из открытых источников

стерски использовали разнообразные перемещения⁵², в отличие от тактически устаревшей на полвека русской армии⁵³. Эта разница в подходах приводила к тому, что русские подразделения зачастую просто не успевали адекватно реагировать на стремительные и неожиданные действия французской элитной пехоты. Ярким примером может служить эпизод, описанный В.И. Колчаком: «Притаившийся в лощине второй батальон Минского полка вдруг с тыла и фланга был окружен зуавами», что вынудило русских отступить⁵⁴. Ту же разницу в тактическом мастерстве наглядно иллюстрирует и вышеописанный маневр принца Наполеона.

Этот «африканский» стиль боя был осознанной тактикой, выработанной в колониальных кампаниях. Как писал участник событий битвы на Альме, ветераны Африки действовали «по-шакальи» («*opèrent à la chascal*»): «ползая, они тащились на четвереньках, извивались, перекатывались и так добивались до русских. Способ найден, он работает превосходно. Враг удивлен, терроризирован, он не решается сделать и шага, не глядя себе под ноги; пока он отвлечен, мы бросаемся на него, чтобы захватить в плен или расстрелять»⁵⁵.

⁵² Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / Под ред. Н.Ф. Дубровина. Вып. II. СПб., 1871. С. 337.

⁵³ Roussel C. Histoire de la guerre de Crimée. Paris, 1894. V. I. P. 193–194.

⁵⁴ Колчак В.И. Война и плен. 1853–1855 гг. Из воспоминаний о давно пережитом // Колчак В.И., Колчак А.В. Избранные труды. СПб., 2001. С. 37.

⁵⁵ Chartier A. La 3e Division de l'armée d'Orient et le prince Napoléon. Paris, 1898. P. 185.

Это яркое описание раскрывает не просто физические действия, а целую тактическую доктрину, основанную на психологическом подавлении. Тактика «шакала» — это прямая антитеза линейному строю и пассивному огневому противостоянию. Ее цель — не перестрелять противника, а деморализовать его непредсказуемостью, скрытностью и неизбежностью внезапного ближнего боя. Упоминание о «терроризированном» противнике, боящемся «сделать шаг», красноречиво свидетельствует, что зуавы выигрывали сражение еще до первой штыковой атаки, парализуя волю русских войск, воспитанных в иных, более жестких и формализованных тактических традициях.

Ключевым условием, позволившим выработать и эффективно применять такой гибкий «африканский» стиль боя, была уникальная для того времени система управления, основанная на высочайшей степени доверия к младшим командирам и поощрении разумной инициативы. В Алжире командиру батальона с семьями человек могла быть доверена самостоятельная задача по контролю над огромной территорией, и он эффективно с ней справлялся, будучи, по сути, «хозяином в радиусе четырех лье»⁵⁶. В критической ситуации, например при внезапном нападении на арьергард, офицеры зуавов, не дожидаясь приказа свыше, самостоятельно принимали решение о контратаке, что нередко спасало положение⁵⁷. Эта система воспитывалась не только приказами, но и личным примером старших («я хватал охапки и показывал им, действуя сам»⁵⁸) и создавала уникальную среду «абсолютной общности усталости и опасностей», где строгая субординация не мешала взаимовыручке и проявлению личной инициативы⁵⁹. Именно эта привитая в Алжире культура тактической самостоятельности и была тем фундаментом, на котором строилось превосходство зуавов в маневре и ближнем бою.

Эта тактика инициативы и маневра кардинально отличалась от официальной доктрины, предписанной элитным стрелкам русской армии. Строевой устав требовал, чтобы штыцерные в рассыпном строю действовали «совершенно независимо от прочих застрельщиков, так что могут быть посланы в цепь, или отозваны из оной, по усмотрению начальника»⁶⁰. Ключевые тактические решения — занять позицию или отступить — принимались не на месте, а «по усмотрению начальника», что в условиях быстротечного боя

⁵⁶ Lettres du maréchal de Saint-Arnaud. Paris, 1855. V. II. P. 201.

⁵⁷ Ibid. P. 342.

⁵⁸ Derudder G. Un soldat d'Afrique: vie du commandant Clemmer. Calais, 1899. P. 70.

⁵⁹ Ibid. P. 100.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 96. Л. 38.

парализовало любую частную инициативу русских стрелков. Другим примером тактической выучки зуавов был отработанный до автоматизма прием «*ventre à terre*» (дословно: «животом к земле») — мгновенное залегание перед картечным залпом. Его эффективность подтверждает следующий эпизод: «Русские, видя нас лежащими, решили, что мы все мертвы, и испустили громкий ликующий крик. Но тут же колонна, поднявшись, одним стремительным броском захватила пушки и телеграф»⁶¹.

Примечательно, что предпочтение зуавов рукопашной схватке нашло отражение даже в их солдатском сленге. Существовавшее выражение «*travailler à la fourchette*» («работать вилкой»), являвшееся прямой отсылкой к штыковому бою, красноречиво свидетельствует о том, что штык воспринимался ими не как крайняя мера, а как излюбленный и эффективный инструмент ближнего боя⁶².

Даже те авторы, которые, признавая тактическое превосходство французов, не смогли полностью отказаться от устоявшейся парадигмы, видящей корень успеха в огневой мощи. Так, Н.Б. Герсеванов, при всей проницательности его наблюдений, продолжал настаивать на решающей роли штыцеров⁶³. Этот взгляд, сводящий тактическое мастерство лишь к качеству вооружения, находит отголоски и в современной историографии: Гутман, например, указывает, что зуавы при подъеме «держали русских на расстоянии благодаря точной стрельбе из своих нарезных ружей»⁶⁴. Однако такая интерпретация, как и позиция Герсеванова, упускает из виду ключевой факт: эта стрельба была тактическим средством для занятия выгодной позиции, в то время как саму победу принесли последующие штыковые атаки, на которые русские войска, вопреки мифу, не смогли дать адекватный ответ. Таким образом, даже признавая меткость зуавов, следует считать ее не самостоятельным фактором победы, а элементом более широкого тактического превосходства «африканских» войск.

В этой связи необходимо рассмотреть тезис о негативном влиянии колониальной войны в Алжире на боевые качества французских войск, присутствующий в ряде английских источников и некоторых современ-

⁶¹ *Noir L.* Souvenirs d'un simple zouave: campagnes de Crimée et d'Italie; mœurs militaires. Paris, 1872. P. 235.

⁶² *Pick E.* Les fastes de la grande armée d'Orient: histoire politique, militaire et maritime des campagnes de Crimée et de la Baltique. Paris, 1858. P. 152.

⁶³ *Герсеванов Н.Б.* Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 гг. Париж, 1867. С. 86–87.

⁶⁴ *Gouttman A.* La guerre de Crimée: 1853–1856: la première guerre moderne. Paris, 2006. P. 217.

ных российских исследованиях⁶⁵. Проведенный анализ, однако, свидетельствует об обратном. Опыт, тактическая гибкость и навыки ближнего боя, приобретенные зуавами и пешими егерями в Северной Африке, стали не отрицательным, а, напротив, ключевым положительным фактором, предопределившим их успех в сражении на Альме.

Еще одним косвенным, но крайне показательным аргументом в пользу высокой боевой эффективности французских зуавов, оказывавшей значительное психологическое воздействие на противника, служит сюжет о попытке создания в России аналогов этих подразделений — так называемых «русских зуавов» («zouaves russes»). Данный эпизод, до сих пор остававшийся вне поля зрения исследователей, был инициирован великим князем Константином Николаевичем. Посетив Алжир в апреле 1846 г., великий князь был глубоко впечатлен зуавами, о чем незамедлительно сообщил в письме императору Николаю I⁶⁶. Сложившееся у него представление позволяет выдвинуть гипотезу не только о личном интересе великого князя, но и о его последующей инициативе по созданию в русской армии аналогов зуавов.

На возможность реализации этого замысла напрямую указывают сообщения французских мемуаристов, которые с удивлением отмечали, что русские войска пытались применять против них их же собственную, «африканскую» тактику. Более того, в них же встречается любопытное упоминание о французском инструкторе, который якобы пропал как раз в 1846 г., вскоре после визита Константина Николаевича, и участвовал в Альминском сражении на стороне русских⁶⁷. Ряд участников с обеих сторон, включая английского офицера, фиксировали нехарактерные для русской армии приемы ведения боя в центре позиции — в частности, действия стрелков, укрывавшихся на деревьях⁶⁸. Французский офицер и вслед за ним отечественный историк И.В. Бестужев пишут о русских стрелках, эффективно использовавших для маскировки виноградники⁶⁹. Подобное умелое использование местности и укрытий, являвшееся отличительной

⁶⁵ The Panmure papers. London, 1908. V. I. P. 188–189; Кривоногов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М., 2019. С. 216–217.

⁶⁶ Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич на православном востоке и арабском западе в середине 1840-х гг. // Российская история. 2019. № 2. С. 96.

⁶⁷ Noir L. Souvenirs d'un simple zouave: campagnes de Crimée et d'Italie; mœurs militaires. Paris, 1872. P. 229.

⁶⁸ Lysons D. The Crimean War From First to Last. London, 1895. P. 102–103.

⁶⁹ Herbé J.F.J. Français et Russes en Crimée, lettres d'un officier français à sa famille endant la campagne d'Orient. Paris, 1892. P. 85; Бестужев И.В. Крымская война 1853–1856 гг. М., 1956. С. 91.

чертой «африканской» тактики зуавов, наблюдалось именно на центральном участке, где, согласно гипотезе, действовали экспериментальные подразделения. Данная гипотеза, безусловно, требует дальнейших архивных изысканий для своего окончательного подтверждения. Однако уже сам факт ее возникновения, основанный на конкретных наблюдениях противника, является весомым аргументом в пользу основного тезиса данного исследования: именно тактическое превосходство зуавов, а не их штуцеры, произвело на русскую армию столь сильное впечатление, что позволяет говорить о возникновении попыток прямого заимствования их уникального «африканского» стиля боя.

Образ зуавов как исключительно опасного и умелого противника, сформированный на Альме, лишь укрепился в ходе последующих боев за Севастополь. Русские мемуаристы единодушно отмечали их ярость и мастерство. А.П. Хрущов прямо называл их «отборными французскими войсками», чьи атаки были «чрезвычайно быстрыми» и «отважными»⁷⁰. Показательно, что командующий, столкнувшийся с зуавами в бою, выделяет не их штуцеры, а скорость и отвагу — те самые качества, что были выработаны в Алжире и решили исход боя при Альме.

В описании штурма батареи Жерве (6 июня 1855 г.) зуавы предстают как неустрашимые бойцы ближнего боя: «...как змеи извивались зуавы со своими ножами — резали, кололи, сами падали и не уступали ни шагу...»⁷¹.

Эта оценка нашла отклик и у их британских союзников. После Инкермана о зуавах писали как о бойцах, которые «сражаются необычайно хорошо и действуют, как искусный фехтовальщик»⁷² и «сражались прекрасно, они были восхищением для всех»⁷³. Даже внешний вид «африканских» войск, их «зверские черные лица» и «свирепые физиономии», по словам В.И. Колчака, производили сильнейшее психологическое воздействие⁷⁴, которое породило странные на первый взгляд практики — так, известны случаи, когда русские солдаты носили трофейную форму зуавов,

⁷⁰ Хрущов А.П. История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютанта Хрущова. СПб., 1889. С. 68–69.

⁷¹ Погосский А.Ф. Старики: Рассказ из Крымской войны / [Соч.] А. Погосского. СПб., 1871. С. 72.

⁷² Windham C.A. The Crimean diary and letters of Lieut.-General Sir Charles Ash Windham. London, 1897. P. 56.

⁷³ Stephenson F.C.A. At home and on the battlefield; letters from the Crimea, China and Egypt, 1854–1888. London, 1915. P. 109.

⁷⁴ Колчак В.И. Война и плен. 1853–1855 гг. Из воспоминаний о давно пережитом // Колчак В.И., Колчак А.В. Избранные труды. СПб., 2001. С. 74.

Зуавы на Малахове. Худ. Орас Верне. 1856 г.

Из открытых источников

веря в ее способность даровать неуязвимость⁷⁵. Эти оценки, данные уже в ходе затяжной осады, красноречиво свидетельствуют, что тактическое превосходство и боевой дух французской элитной пехоты были постоянным фактором, а не разовым явлением на Альме.

Проведенное исследование позволяет пересмотреть устоявшиеся в историографии взгляды на причины успеха союзников в сражении на реке Альме и в целом в Крымской войне. Анализ широкого круга источников, включая французские, английские и русские документы и мемуары, убедительно доказывает, что ключевым фактором победы стала не столько техническая отсталость русской армии или превосходство нарезного оружия, сколько комплексное тактическое превосходство элитных частей французской пехоты, в первую очередь зуавов.

Это превосходство проявлялось в нескольких аспектах. Во-первых, вопреки сложившемуся стереотипу о доминировании русского штыка, именно французская элитная пехота продемонстрировала высокое мастерство и инициативу в ближнем бою, сознательно делая на него ставку, что подтверждается как примерами штыковых атак под Альмой, так и оценками современников. При этом русская доктрина, как видно из устава, не только не готовила штучерных к активным действиям в ближнем бою, но и прямо предписывала отзывать их с линии огня при сближении с противником, демонстрируя принципиально иной, пассивный

⁷⁵ Chartier A. La 3e Division de l'armée d'Orient et le prince Napoléon. Paris, 1898. P. 450.

подход к использованию элитной пехоты⁷⁶. Французский моряк, посетивший поле битвы, не случайно назвал штык «поистине французским оружием»⁷⁷. Во-вторых, решающее значение имели тактическая гибкость, скорость маневра и индивидуальная выучка «африканских» войск, выработанные в колониальных кампаниях. Их умение использовать местность, действовать рассыпным строем и наносить неожиданные удары кардинально отличалось от тактики русских частей и парализовало их способность к эффективному противодействию.

Положительное влияние алжирского опыта на боевые качества французской армии подтверждается и оценками русских военных. Как справедливо отмечал А.П. Хрущов, французские войска «приобрели большой навык в военном деле в Африке» и находились под командованием «генералов опытных и знающих военное искусство»⁷⁸. Впоследствии, при обороне Севастополя, он же дал зуавам наиболее яркую характеристику, прямо называя их «отборными французскими войсками», чьи атаки были «чрезвычайно быстрыми» и «отважными»⁷⁹. Это мнение, высказанное участником событий, красноречиво свидетельствует, что тактическое превосходство французов было не разовым явлением, а постоянным фактором, оказывавшим на противника значительное психологическое воздействие.

Таким образом, амбициозная фраза маршала Сент-Арно, вынесенная в название статьи — «Зуавы — первые солдаты мира», хотя и звучит предельно пафосно, не лишена оснований. Применительно к Альминскому сражению и Крымской кампании в целом именно зуавы и другие части «Африканской армии» стали носителями новой, более эффективной военной доктрины, сочетавшей меткий огонь, нестандартный маневр и решительную штыковую атаку. Их преимущество заключалось не просто в качественном вооружении, а в тактическом новаторстве, которое и предопределило один из ключевых успехов союзников в Крымской войне.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 96. Л. 39.

⁷⁷ *Leusse P. de. Souvenirs d'un aspirant de marine. Paris, 1867. P. 70.*

⁷⁸ *Хрущов А.П. История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютанта Хрущова. СПб., 1889. С. 18.*

⁷⁹ Там же. С. 68–69.

Список литературы / References

1. Айрапетов О.Р. *Крымская война. Популярный очерк*. М.: Regnum, 2017. 208 с.
Airapetov O.R. *The Crimean War: A popular essay*. Moscow: Regnum, 2017. 208 p. (in Russ.).
2. Алабин П.В. *Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 гг. (Ч. 3: Защита Севастополя (1854–1856))*. Самара: Тип. И.П. Новикова, 1892. 789 с.
Alabin P.V. *Four wars: Campaign notes of 1849, 1853, 1854–56, 1877–78. Part 3: The defense of Sevastopol (1854–1856)*. Samara: Printing house of I.P. Novikov, 1892. 789 p. (in Russ.).
3. Андоленко С.П. *История русской армии. Славные военные традиции российских и советских полководцев*. М.: Центрполиграф, 2022. 479 с.
Andolenko S.P. *History of the Russian Army: The glorious military traditions of Russian and Soviet military leaders*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2022. 479 p. (in Russ.).
4. Андрианов А. *Инкерманский бой и оборона Севастополя*. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1903.
Andrianov A. *The Inkerman Battle and the defense of Sevastopol*. St. Petersburg: Printing house of the Main Department of Appanages, 1903 (in Russ.).
5. Бестужев И.В. *Крымская война 1853–1856 гг.* М.: Изд-во АН СССР, 1956. 174 с. (Научно-популярная серия).
Bestuzhev I.V. *The Crimean War, 1853–1856*. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1956. 174 p. (Scientific-Popular Series) (in Russ.).
6. Богданович М.И. *Восточная война 1853–1856 годов. Т. 3*. СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1876. 471 с.
Bogdanovich M.I. *The Eastern War of 1853–1856. Vol. 3*. St. Petersburg: Printing house of F.S. Sushchinskiy, 1876. 471 p. (in Russ.).
7. Богданович М.И. *Описание экспедиции англо-французов в Крым, 1854–1855 гг.* СПб.: Тип. Штаба Отд. корп. внутр. стражи, 1856. 286 с.
Bogdanovich M.I. *Description of the Anglo-French expedition to the Crimea, 1854–1855*. St. Petersburg: Printing house of the Headquarters of a Separate Internal Guard Corps, 1856. 286 p. (in Russ.).

8. Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич на православном востоке и арабском западе в середине 1840-х гг. *Российская история*. 2019;(2):78–97.
Voronin V.E. Grand Duke Konstantin Nikolaevich in the Orthodox East and the Arab West in the mid-1840s. *Russian History*. 2019;(2):78–97 (in Russ.).
9. Герсеванов Н.Б. *Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 гг.* Париж: Librairie militaire J. Dumaine, 1867. 106 с.
Gersevanov N.B. *A few words on the actions of Russian troops in the Crimea in 1854 and 1855*. Paris: Librairie militaire J. Dumaine, 1867. 106 p. (in Russ.).
10. Дубровин Н.Ф. *История Крымской войны и обороны Севастополя*. В 3-х т. СПб.: Тип. тов.-ва «Общественная польза», 1900. 438 с.
Dubrovin N.F. *History of the Crimean War and the defense of Sevastopol*. Vol. 1. St. Petersburg: Printing house of the «Public Benefit» Partnership, 1900. 438 p. (in Russ.).
11. Ершов А.И. *Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера*. СПб.: Тип. Штаба Отд. корп. внутр. стражи, 1858. 290 с.
Ershov A.I. *Sevastopol memoirs of an artillery officer*. St. Petersburg: Printing house of the Headquarters of a Separate Internal Guard Corps, 1858. 290 p. (in Russ.).
12. Жандр А.П. *Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, собранные и объясненные капитан-лейтенантом А. Жандром, бывшим его флаг-офицером*. СПб., 1859. 396 с.
Zhandr A.P. *Materials for the history of the defense of Sevastopol and for the biography of Vladimir Alekseevich Kornilov, collected and explained by captain-lieutenant A. Zhandr, his former flag officer*. St. Petersburg, 1859. 396 p. (in Russ.).
13. Записки князя В.И. Васильчикова. *Русский архив*. 1891;(6).
Notes of prince V.I. Vasil'chikov. *Russian Archive*. 1891;(6) (in Russ.).
14. Колчак В.И. Война и плен. 1853–1855 гг. из воспоминаний о давно пережитом, в: Колчак В.И., Колчак А.В. *Избранные труды*. СПб.: Судостроение, 2001. С. 271–320.
Kolchak V.I. War and captivity, 1853–1855: From memories of long ago, in: Kolchak V.I., Kolchak A.V. *Selected works*. St. Petersburg: Sudostroenie, 2001. P. 271–320 (in Russ.).
15. Кривопалов А.А. *Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг.* М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. 288 с.

- Krivopalov A.A. *Field Marshal I.F. Paskevich and Russian strategy in 1848–1856*. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2019. 288 p. (in Russ.).
16. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / Ред.: Н.Ф. Дубровин. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. Вып. II. 498+116 с.; Вып. IV. 508 с.
Materials for the History of the Crimean War and the defense of Sevastopol / Ed. by N.F. Dubrovin. St. Petersburg: Printing house of the Department of Appanages, 1871. Iss. II. 498+116 p.; Iss. IV. 508 p. (in Russ.).
 17. Мединский В.Р., Торкунов А.В. *История. История России, 1825–1914 гг.: 9-й класс: учебник*. М.: Просвещение, 2025. 399 с.
Medinsky V.R., Torkunov A.V. *History. The history of Russia, 1825–1914: 9th grade: Textbook*. Moscow: Prosveshchenie, 2025. 399 p. (in Russ.).
 18. Меньков П.К. *Записки*. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1898. 1219 с.
Men'kov P.K. *Notes*. St. Petersburg: Printing house of Trenke and Fyusno, 1898. 1219 p. (in Russ.).
 19. Милошевич Н.С. *Из записок севастопольца*. СПб.: Сенатская типография, 1904. 146 с.
Miloshevich N.S. *From the notes of a Sevastopol resident*. St. Petersburg: The Senate Printing house, 1904. 146 p. (in Russ.).
 20. Панаев А.А. *Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта А.А. Панаева*. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. 207 с.
Panaev A.A. *Prince Alexander Sergeevich Menshikov in the accounts of his former adjutant A.A. Panaev*. St. Petersburg: Printing house of V.S. Balashev, 1877. 207 p. (in Russ.).
 21. Погосский А.Ф. *Старики: Рассказ из Крымской войны*. СПб., 1871. 74 с.
Pogossky A.F. *The old men: A story from the Crimean War*. St. Petersburg, 1871. 74 p. (in Russ.).
 22. Покровский М.Н. *Дипломатия и войны царской России в XIX столетии*. М.: Красная новь, 1923. 392 с.
Pokrovsky M.N. *Diplomacy and wars of Tsarist Russia in the 19th century*. Moscow: Krasnaya nov', 1923. 392 p. (in Russ.).
 23. Ренгау. *Правила для обучения пехоты драться штыком для употребления застрельщикам при одиночном бое во время войны, составленные учителем фехтования на всех холодных оружиях капитаном Ренгау и изданные с разрешения высшего начальства*. СПб., 1838. 148 с.

- Rengau. *Rules for training infantry to fight with the bayonet for use by skirmishers in single combat during wartime, compiled by the fencing master of all cold weapons, captain Rengau, and published with the permission of higher authorities.* St. Petersburg, 1838. 148 p. (in Russ.).
24. Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872. Т. 1. 476 с.; Т. 3. 446 с. *Collection of manuscripts presented to His Imperial Highness the Heir Tsesarevich on the Sevastopol defense by the Sevastopol residents.* St. Petersburg: Printing house of A. Transhel', 1872. Vol. 1. 476 p.; Vol. 3. 446 p. (in Russ.).
25. Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумагах и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб.: Воен. тип., 1858. 550 с. *Collection of reports on military operations and diplomatic papers and acts relating to the war of 1853, 1854, 1855, and 1856.* St. Petersburg: Military Printing house, 1858. 550 p. (in Russ.).
26. Тарле Е.В. Крымская война. Т. 2. М.: Военно-морское изд-во НКВМФ СССР, 1943. 646 с. *Tarle E.V. The Crimean War. Vol. 2.* Moscow: Naval Publishing house of the People's Commissariat of the Navy of the USSR, 1943. 646 p. (in Russ.).
27. Тотлебен Э.И. Описание обороны г. Севастополя. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1863–1872. Часть I. 1863. 845 с.; Часть II. Отдел II. 1872. 494 с. *Totleben E.I. Description of the defense of Sevastopol.* St. Petersburg: Printing house of N. Tiblen i K°, 1863–1872. Part I. 1863. 845 p.; Part II, Sect. II. 1872. 494 p. (in Russ.).
28. Урусов С.С. Очерки Восточной войны 1854–1855 гг. М.: Тип. Грачёва и К°, 1866. 217 с. *Urusov S.S. Essays on the Eastern War of 1854–1855.* Moscow: Printing house of Grachev i K°, 1866. 217 p. (in Russ.).
29. Хрущов А.П. История обороны Севастополя. Записки ген.-адъютанта Хрущова. СПб.: Тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. 170 с. *Khrushchov A.P. History of the defense of Sevastopol. Notes of adjutant General Khrushchov.* St. Petersburg: Printing house and lithography of V.V. Komarov, 1889. 170 p. (in Russ.).
30. Ченнык С.В. Крымская кампания (1854–1856). Кн. 2: Альма. Севастополь, 2011. 320 с.

- Chennyk S.V. *The Crimean Campaign (1854–1856). Book 2: Alma*. Sevastopol, 2011. 320 p. (in Russ.).
31. Adye J. *A review of the Crimean War to the winter of 1854–5*. London: Hurst and Blackett, 1860. 203 p.
 32. Canrobert F.C. *Le Maréchal Canrobert, souvenirs d'un siècle*. Vol. II. Paris: Plon, 1904. 464 p.
Canrobert F.C. *Marshal Canrobert: Memoirs of a century*. Vol. II. Paris: Plon, 1904. 464 p. (in French).
 33. Chartier A. *La 3e Division de l'armée d'Orient et le prince Napoléon*. Paris: Guérin Nicole & Cie, 1898. 652 p.
Chartier A. *The 3rd Division of the army of the East and Prince Napoléon*. Paris: Guérin Nicole & Cie, 1898. 652 p. (in French).
 34. Cler J.J.G. *Souvenirs d'un officier du 2e de Zouaves*. Paris: Michel Lévy frères, 1859. 284 p.
Cler J.J.G. *Memoirs of an officer of the 2nd Zouaves*. Paris: Michel Lévy frères, 1859. 284 p. (in French).
 35. Derudder G. *Un soldat d'Afrique: vie du commandant Clemmer*. Calais: Impr. Des orphelins, 1899. 340 p.
Derudder G. *A soldier of Africa: Life of commandant Clemmer*. Calais: Printing house of the Orphans, 1899. 340 p. (in French).
 36. Figes O. *Crimea: The last crusade*. London: Allen Lane; Penguin, 2011. 575 p.
 37. Gouttman A. *La guerre de Crimée: 1853–1856: La première guerre moderne*. Paris: Perrin; Le Grand Livre Du Mois, 2006. 438 p.
Gouttman A. *The Crimean War, 1853–1856: The first modern war*. Paris: Perrin; Le Grand Livre Du Mois, 2006. 438 p. (in French).
 38. Gowing T. *A soldier's experience; or, A voice from the ranks ... A personal narrative of the Crimean Campaign*. Nottingham: T. Forman, 1892. 585 p.
 39. Herbé J.F.J. *Français et Russes en Crimée, lettres d'un officier français à sa famille pendant la campagne d'Orient*. Paris: Calmann Lévy, 1892. 429 p.
Herbé J.F.J. *French and Russians in the Crimea: Letters of a French officer to his family during the Eastern Campaign*. Paris: Calmann Lévy, 1892. 429 p. (in French).
 40. Lecat Bazancourt C. *L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol*. Vol. I. Paris: Amyot, 1856. 444 p.
Lecat Bazancourt C. *The Crimean expedition to the capture of Sebastopol*. Vol. I. Paris: Amyot, 1856. 444 p. (in French).
 41. *Lettres du maréchal Bosquet à sa mère, 1829–1858*. Vol. IV. Pau: L. Ribaut, 1879. 342 p.

- Letters of Marshal Bosquet to his mother, 1829–1858. Vol. IV. Pau: L. Ribaut, 1879. 342 p. (in French).*
42. *Lettres du maréchal Bosquet à ses amis. 1837–1860. Vol. II. Pau: Société des bibliophiles du Béarn; L. Ribaut, 1879. 184 p.*
Letters of Marshal Bosquet to his friends. 1837–1860. Vol. II. Pau: Société des bibliophiles du Béarn; L. Ribaut, 1879. 184 p. (in French).
43. *Lettres du maréchal de Saint-Arnaud. Vol. II. Paris: Michel Lévy frères, 1855. 606 p.*
Letters of Marshal de Saint-Arnaud. Vol. II. Paris: Michel Lévy frères, 1855. 606 p. (in French).
44. de Leusse P. *Souvenirs d'un aspirant de marine. Paris: E. Dentu, 1867.*
 de Leusse P. *Memoirs of a Naval Aspirant. Paris: E. Dentu, 1867 (in French).*
45. Lysons D. *The Crimean War from first to last. London: J. Murray, 1895. 298 p.*
46. Masquelez M. *Journal d'un officier de zouaves; suivi de Considérations sur l'organisation des armées anglaise et russe; et accompagné de l'Itinéraire de Gallipoli à Constantinople. Paris: J. Corréard, 1858. 276 p.*
 Masquelez M. *Diary of a Zouave officer; followed by considerations on the organisation of the English and Russian armies; and accompanied by the itinerary from Gallipoli to Constantinople. Paris: J. Corréard, 1858. 276 p. (in French).*
47. Noir L. *Souvenirs d'un simple zouave: Campagnes de Crimée et d'Italie; mœurs militaires. Paris, 1872.*
 Noir L. *Memoirs of a simple Zouave: Campaigns in the Crimea and Italy; military customs. Paris, 1872 (in French).*
48. *Ordonnance du 22 juillet 1845 sur l'exercice et les manoeuvres des bataillons de chasseurs à pied. 1re partie. Ecoles de soldat, avec les modifications prescrites par décision ministérielle du 7 avril 1852. Paris: Librairie militaire de J. Dumaine, 1862. 221 p.*
Ordinance of 22 July 1845 on the drill and manoeuvres of foot chasseur battalions. Part 1. Soldier's schools, with the modifications prescribed by ministerial decision of 7 April 1852. Paris: J. Dumaine's Military Bookstore, 1862. 221 p. (in French).
49. *Ordonnance sur l'exercice et les manoeuvres de l'infanterie. Du 4 mars 1831. Première partie. Ecole du soldat et école du peloton. Paris., 1839.*
Ordinance on the Exercise and Maneuvers of the Infantry. Dated March 4, 1831. Part One. The Soldier's Training and the Platoon's Training. Paris, 1839. (in French).

50. Peard G.S. *Narrative of a campaign in the Crimea: Including an account of the battles of Alma, Balaklava, and Inkermann.* London: Richard Bentley, 1855. 384 p.
51. Pick E. *Les fastes de la grande armée d'Orient: Histoire politique, militaire et maritime des campagnes de Crimée et de la Baltique.* Paris: Hachette BnF, 1858. 532 p.
Pick E. *The annals of the great army of the East: A political, military and naval history of the Crimean and Baltic campaigns.* Paris: Hachette BnF, 1858. 532 p. (in French).
52. Rousset C. *Histoire de la guerre de Crimée.* Vol. 1. Paris: Hachette, 1894. 388 p.
Rousset C. *History of the Crimean War.* Vol. 1. Paris: Hachette, 1894. 388 p. (in French).
53. Royle T. *Crimea: The Great Crimean War, 1854–1856.* London: Little, Brown, 1999. 564 p.
54. Russell W.H. *The British expedition to the Crimea.* London: G. Routledge, 1877. 556 p.
55. Stephenson F.C.A. *At home and on the battlefield; Letters from the Crimea, China and Egypt, 1854–1888.* London: John Murray, 1915. 320 p.
56. *The Panmure Papers.* Vol. I. London: Hodder and Stoughton, 1908. 515 p.
57. Walker C.P.B. *Days of a soldier's life.* London: Chapman and Hall, 1894. 411 p.
58. Windham C.A. *The Crimean diary and letters of Lieut.-General Sir Charles Ash Windham.* London: K. Paul, Trench, Trübner & Co., Ltd., 1897. 272 p.

Крылов Александр Игоревич

Alexander I. Krylov

студент бакалавриата исторического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Bachelor's degree student at the Faculty
of History, Lomonosov Moscow State
University

Поступила в редакцию /
Received
05.11.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
17.12.2025

Принята к публикации /
Accepted
18.02.2026

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.010](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.010)

Оригинальная статья / Original paper

К.Г. Ахсанов¹, Д.Ш. Муфтахутдинова²

*¹Институт татарской энциклопедии и регионоведения
(Академия наук Республики Татарстан),*

г. Казань, Российская Федерация,

²Российский исламский институт,

г. Казань, Российская Федерация

E-mail: ¹kgaxanov@list.ru, ²dilaratatar@mail.ru

Общество «Тарракион исламия»: правда или вымысел?

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена интересом к модернизационным процессам в татарском мусульманском сообществе начала XX в., которые всколыхнули татарскую интеллектуальную элиту. Татарские интеллектуалы активно изучали как зарубежный опыт, так и опыт стран с догоняющей модернизацией. Особое внимание уделялось Османской империи, которая, по их мнению, слепо копировала европейские модели, и Японии, сумевшей сохранить свою самобытность при активной технологической модернизации. Интеллектуальный дискурс татарских модернистов находил отражение в либеральной газете «Вақыт», пристально изучаемой чиновниками жандармского управления. В их представлениях формировались конструкции о «панисламизме», «пантюркизме» и агентах, вербующих членов татарских благотворительных и просветительских обществ в отделения турецкой организации «Тарракион исламия» (Прогресс ислама).

Цель статьи — выяснить на основе материалов татарских журналистов, работавших в Стамбуле в 1912–1913 гг., имели ли под собой реальные основания утверждения жандармских чиновников о существовании разветвленной сети с центром в Стамбуле — организации «Тарракион исламия» и имели ли лица, упомянутые в служебной записке жандармского управления, отношение к данной организации.

Исследование показало, что чиновники жандармского управления внимательно наблюдали за деятельностью либеральных младотурецких организаций. Иногда осведомители, стараясь выслужиться, предоставляли преувеличенную угрозу связей татарской интеллигенции с младотурками. Стремясь продемонстрировать активную работу по их «разоблачению», они конструировали в своем воображении сети и агентов, выдавая эти конструкции за реальную агентурную деятельность. Это приводило к усилению слежки за «неблагонадежными» татарскими интеллигентами в местах компактного проживания мусульман по всей России.

Ключевые слова:

«Тарракион исламия» (Прогресс ислама); «Мөселман тәрәккыйпәрвәрлеге» (Мусульманский прогресс); «Тюрк учагы» (Тюркский очаг); османизм; тюркизм.

Для цитирования:

Ахсанов К.Г., Муфтахутдинова Д.Ш. Общество «Тарракион исламия»: правда или вымысел? // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 280–299.
[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.010](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.010)

Kamil G. Akhsanov¹, Dilara Sh. Muftakhutdinova²

*¹Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies
(Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

²Russian Islamic University, Kazan, Russian Federation

E-mail: ¹kgaxanov@list.ru, ²dilaratatar@mail.ru

Tarrakion Islamiy(y)a Society truth or fiction?

Abstract

The relevance of this study stems from interest in modernization processes in the Tatar Muslim community at the beginning of the 20th century, which stirred the Tatar intellectual elite. Tatar intellectuals actively studied both international experience and the experience of countries undergoing catch-up modernization. Particular attention was paid to the Ottoman Empire, which, in their view, blindly copied European models, and Japan, which managed to preserve its distinctiveness while actively modernizing technologically. The intellectual discourse of Tatar modernists was reflected in the liberal newspaper “Vakyt”, closely studied by officials of the Gendarmerie Directorate. Their ideas developed concepts of “pan-Islamism”, “pan-Turkism”, and agents recruiting members of Tatar charitable and educational societies to branches of the Turkish organization “Tarrakion Islamiy(y)a” (Progress of Islam).

The purpose of this article is to determine, based on materials from Tatar journalists working in Istanbul in 1912–1913, whether gendarmerie officials’ claims about the existence of an extensive network centered in Istanbul — the “Tarrakion Islamiy(y)a” organization — were based on factual evidence, and whether the individuals mentioned in the gendarmerie department’s memo were connected to this organization.

The study revealed that gendarmerie department officials closely monitored the activities of liberal Young Turk organizations. Sometimes, in an attempt to curry favor, informants exaggerated the threat of Tatar intellectuals’ connections to the Young Turks. Seeking to demonstrate active efforts to “expose” them, they imagined networks and agents, passing these constructs off as actual intelligence activities. This led to increased surveillance of “unreliable” Tatar intellectuals in areas with dense Muslim populations throughout Russia.

Keywords:

Tarrakion Islamiy(y)a (Progress of Islam); Möselman Tärkiyüpärvärlege (Muslim Progress); Türk Uchagy (Turkic Hearth); Ottomanism; Turkism

For citation:

Kamil G. Akhsanov, Dilara Sh. Muftakhutdinova. Tarrakion Islamiy(y)a Society truth or fiction? // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 280–299. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.010](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.010)

Введение

В ноябре 1913 г. в недрах Оренбургского губернского жандармского управления появляется документ, из которого явствует, что на территории Российской империи активно действует некая организация под названием «Тарракион исламия», центр которой находится в Стамбуле, столице Османской империи.

В качестве руководителя этой организации называется некто «шейх-уль-ислам Махмут Асхада», совершивший поездку в Россию якобы с целью устройства отделений вышеназванного общества¹. Однако в биографических справках об этом государственном деятеле (Mahmud Esad Efendi 1856–1918) не упоминается, что он возглавлял организацию под названием «Тарракион исламия», также нет сведений, что он когда-либо занимал должность шейх-уль-ислама. Летом 1913 г., будучи директором департамента кадастров, Махмуд Эсад действительно совершил путешествие в Россию, посетив ряд городов. При этом следует отметить, что, встречаясь с представителями российской мусульманской интеллигенции, он находился под пристальным вниманием властей, и в том числе высоких полицейских чиновников². Таким образом он вряд ли мог совершать противоправные действия, направленные против основ Российского государства.

Однако следует отметить, что в ряде публикаций сведения из жандармских документов как Оренбургского, так и Казанского управлений

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). Ф. 21. Оп. 2. Д. 618. Л. 341–342.

² Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М., 2010. 257 с.

Один из первых выпусков газеты «Вақыт», 1906 г.
Из открытых источников

о деятельности организации «Тарракион исламия» принимаются как неоспоримый факт³. Действительно ли существовала на территории России разветвленная сеть с центром в Стамбуле? Или же масштабы деятельности ее были преувеличены? Также следует заметить, что в жандармском документе от 14 ноября 1913 г. ничего не сказано о конкретной преступной деятельности этой организации по отношению к Российской империи.

В данной статье мы решили сопоставить данные документа из жандармского управления с материалами татарских журналистов, работавших в Османской империи накануне появления вышеуказанного доку-

³ Сеньюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.): Монография / Под общ. ред. акад. О.А. Колобова. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, Изд. дом «Медина», 2007. 520 с.; Ахтямов К.Ш. О некоторых проблемах становления ислама в Поволжье // Вестник ОГУ. 2012. № 5 (141). С. 135–141.

Фатих Карими. Фото 1880-х гг.
 Из открытых источников

мента об организации «Тарракион исламия». Одним из активных татарских общественных деятелей, тесно контактировавших с турецкими либеральными политиками, был редактор одного из самых влиятельных изданий российских мусульман — газеты «Вақыт» («Время») Фатих Карими. Газета издавалась в Оренбурге с февраля 1906 г. по январь 1918 г. В это время турецко-османская тема занимала одно из ведущих мест на страницах татарских периодических изданий. Выходившие на татарском языке газеты и журналы живо освящали события, происходившие в Османской империи. В 1908–1909 гг. татарские интеллектуалы с воодушевлением встретили младотурецкую революцию. С сочувствием к турецкой стороне писали татарские издания во время Триполитанской войны 1911–1912 гг., когда Италия начала военную кампанию с целью захвата последних османских владений в Африке — Триполитании и Киренаики (нынешняя Ливия). Но наибольший резонанс в татарской прессе вызвали события, связанные с Балканскими войнами 1912–1913 гг. Первая Балканская война началась серией тяжелых поражений османских войск. Татарская общественность с большой тревогой следила за положением на фронтах, когда союзники (Греция, Сербия, Болгария и Черногория) наносили Турции один удар за другим.

Некоторые наиболее читаемые издания решили, не ограничиваясь перепечатками и ссылками из русских и зарубежных газет, направить

Галиасгар Камал.
Из открытых источников

в район боевых действий своих корреспондентов. Прибывшие в Турцию татарские журналисты стали описывать не только военные действия. Они оказались в круговороте бурной общественной и политической жизни Османской империи. К примеру, свое видение ситуации излагал редактор одной из ведущих мусульманских газет России «Йолдыз» и основоположник татарской драматургии Галиаскар Камал. Он был в Стамбуле, так же как и Фатих Карими, с ноября 1912 г. по январь 1913 г. Таким образом, редакторы ведущих татарских либеральных газет стали свидетелями как противостояния турецких элит, так и развития общественно-политической мысли в последние годы существования Османской империи.

Материалы и методы

Основной методологический подход, примененный в данной работе — **принцип историзма**, позволивший рассмотреть события и процессы в их историческом контексте. Это дало возможность ввести в научный оборот архивные материалы и объективно оценить их репрезентативность. **Биографический метод** применялся для анализа фактов, отраженных в нарративных источниках, таких как «Стамбульские письма» Фатиха Карими. Этот метод дал возможность сопоставить данные из

жандармских документов с независимыми источниками, чтобы выявить возможные фальсификации или ошибочные интерпретации фактов. **Анализ архивных документов** включал изучение материалов жандармского управления, имеющих отношение к татарской интеллигенции и предполагаемым связям с османскими и японскими модернизационными проектами. **Критический анализ источников** позволил оценить достоверность жандармских отчетов и выявить возможные искажения, связанные с конструированием образов «панисламизма» и «пантюркизма».

Эти методы в совокупности позволили авторам провести комплексное исследование и сделать выводы о характере и достоверности обвинений, выдвигавшихся против татарских интеллектуалов.

Тема деятельности татарских журналистов в Османской империи в период Балканских войн неоднократно поднималась в трудах татарских исследователей. Во вступительной статье к научно-биографическому сборнику, посвященному Фатиху Карими, давая оценку его «Стамбульским письмам», академик М.А. Усманов сделал акцент на том, что татарский журналист еще в 1913 г. увидел банкротство имперской идеологии «османизма»⁴. В наши дни тему татарских газетчиков в Стамбуле затрагивает в своем исследовании Альфина Сибгатуллина: «Люди, подобные Фатиху Карими, были “своими” для Турции, но в то же время имели особый “взгляд со стороны” на события, которые происходили в Османской империи. Это были люди, знающие Турцию изнутри, но при этом способные взглянуть на нее со стороны, т. е. более объективно и шире, с учетом международного положения страны в эпоху войн и восстаний. Этим и объясняется оригинальность “писем” Ф. Карими»⁵.

Обсуждение

В начале первой Балканской войны в ноябре 1912 г. по поручению издателя газеты крупного промышленника Мухаммадзакира Рамеева Фатих Карими отправляется в Стамбул для освещения военных действий. В Стамбуле он пробыл по март 1913 г. и в том же году по материалам,

⁴ Фатих Карими: Научно-биографический сборник. Казань, 2000. С. 12.

⁵ Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Исток, 2010. С. 146.

отправленным им в газету, издал книгу под названием «Стамбульские письма»⁶.

Когда Фатих Карими находился в Стамбуле, Османская Турция переживала один из самых драматичных эпизодов своей истории. Тяжелые поражения первых дней Балканской войны усугублялись крайне напряженной внутриполитической ситуацией в стране. Несколькими месяцами ранее, воспользовавшись поражением Османской империи в войне с Италией, политические противники младотурок (партия «Иттихад ве таракки») совершили в июле 1912 г. переворот. Его возглавила созданная в ноябре 1911 г. партия «Хюрриет ве итиляф» («Свобода и согласие»), в которую вошли многие оппозиционные партии и группы. Партия «Хюрриет ве итиляф» представляла собой достаточно сложное явление и включала в свои ряды представителей самых разных политических взглядов: националистов, либералов, западников, секуляристов и т. д., кроме того, в ее состав входили как турки-мусульмане, так представители немусульманских народов Османской империи⁷.

В августе 1912 г. сторонники партии «Хюрриет ве итиляф» добились и роспуска парламента, в котором большинство принадлежало младотуркам. Последние, потерпев поражение, начали готовиться к борьбе в новых условиях. Противники младотурок воспользовались военной ситуацией, обрушили репрессии против своих политических противников. Были арестованы многие активные деятели иттихадистов (младотурок)⁸. Однако младотурки не смирились с политическим поражением и продолжили борьбу за политическое выживание. Воспользовавшись неудачами нового правительства в Балканской войне, они смогли вернуть власть уже в начале 1913 г.

Итак, уже упомянутый нами редактор выходившей в Оренбурге на татарском языке газеты «Вақыт», Фатих Карими, находясь в столице Османской империи с осени 1912 г. до начала весны 1913 г., провел встречи и интервью со многими политиками, государственными деятелями и писателями. Касательно темы существования организации «Тарракион исламия» следует обратить внимание на встречу Ф. Карими с редактором стамбульской газеты «Хюкюмет» («Правительство») и одновре-

⁶ Ахсанов К.Г. Балканская война 1912–1913 гг. и татарская общественно-политическая мысль / Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 149. Серия: Гуманитарные науки. Кн. 4. Казань, 2007. С. 181.

⁷ Genel Türk tarihi. Cilt 7. Osmanlı. 2002. Ankara. S. 352s.

⁸ Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М.: Эксмо, 2003. С. 375.

менно преподавателем Дар-уль-Фюнун (Стамбульского университета) Хадил-беем.

В «Стамбульских письмах» Ф. Карими сообщает, что редактор газеты «Хюкюмет» Хильми-бей собирался основать новую партию под названием «Мусульманский прогресс» «Мөселман тәраккыйпәрвәрлеге». Программу партии в виде статей по частям он уже начал издавать. Корреспондент дает подробную характеристику политику. Он пишет, что Хильми-бей — человек, получивший прекрасное европейское воспитание и то же время знакомый с мусульманской научной традицией. Хорошо разбирается в вопросах веры, философии и суфизма, преподает философию в Дар-уль-Фюнун. «Выглядит как древнегреческие философы. Сзади волосы пострижены. Спереди блестит плешь. Усы срослись с бородой»⁹.

Фатих Карими открыто пишет, что он явился к нему, чтобы спросить о партии «Мусульманский прогресс», которую он собирается основать, и был принят в редакции газеты «Хюкюмет» на улице Чагал юлы.

По мнению Хильми-бея, достижение мусульманами прогресса и цивилизованности возможно только лишь при единстве веры и образования. «Европейские образование и культура очень прекрасны, но их нужно заимствовать, присоединив к нашей вере исламу, иначе искомого результата не будет, только лишь от подражания Европе никакого толка не будет, вина иттихадистов (младотурок. — К.А.) заключалась в том, что они действовали, не поняв моральное состояние народа, тот, кто хочет сеять среди нынешнего мусульманского народа просвещение и культуру и действует в этом направлении, должен быть обязательно очень хорошо осведомлен о религии ислама и при необходимости должен уметь произносить проповеди, как имамы и мударисы в мечетях. Иначе очень трудно вести к культуре мусульманский народ и объяснять ему важность обновления образования», — считал политик¹⁰.

Таким образом, Хильми-бей верил, что соединение высокой нравственности, которую дает ислам, с европейской образованностью сделает мусульманские народы цивилизованными и вытащит из того тупика, в котором они оказались. Как он сам разъяснил Ф. Карими, он больше любит заниматься наукой и образованием, чем политикой, но в стране, где нет места научным и правовым мыслям, невозможно, забросив поли-

⁹ Карими Ф. Истамбул мәктүпләре. Оренбург, 1913. С. 119.

¹⁰ Там же. С. 120.

Энвер-бей (он же Энвер-паша).
Из открытых источников

тику, заниматься только лишь научной жизнью, и поэтому он собрался основать политическую партию: «Турция, турки и исламский мир в целом оказались в опасном, гибельном положении, все наши надежды о прогрессе и возвышении стали рушиться, поэтому, отложив немного занятия наукой и образованием, пришлось заняться политикой»¹¹.

Хочется заметить, что название партии в тексте Ф. Карими «Мөселман тәраккыйпәрвәрлеге» — полного созвучия с названием партии «Тарракион исламия» из документа жандармского управления нет, но сама идея приобщения мусульман к прогрессу, а прогресс виделся именно как заимствование достижений европейской цивилизации, налицо.

Важным событием, привлечшим внимание мусульманской общественности и прессы, стало возвращение из Триполитании, захваченной итальянцами, одного из лидеров младотурок Энвер-бея, который буквально через месяц возглавит военный переворот и вернет своей партии власть, а позже станет одним из фактических правителей Османской империи — могущественным военным министром Энвер-пашой. И Ф. Карими, и Г. Камал пытались встретиться с ним и взять интервью. Ф. Карими встретился с Энвером 14 декабря 1912 г. Г. Камалу этого сделать не удалось, он смог лишь побывать в доме Энвера в его отсутствие и пообщаться с его отцом. Г. Камал описал интерьер квар-

¹¹ Там же.

Абдурашид Ибрагимов.
 Из открытых источников

тиры и обратил внимание на обилие изображений Наполеона Бонапарта. Видимо, как пишет Г. Камал, Энвер-бей являлся поклонником этой личности¹².

В документе из Оренбургского жандармского управления в качестве активных сторонников «Тарракион исламия» упоминается крупный религиозный и общественно-политический деятель из российских мусульман Габдерашид Ибрагимов (Абдурашид Ибрагимов), находившийся в Стамбуле в дни пребывания там Ф. Карими¹³.

Мы остановимся на двух эпизодах, где пересеклись пути Ф. Карими и Г. Ибрагимова. В Стамбуле Ф. Карими встретился с видным лидером младотурок — Саидом Халим-пашой. Халим-паша, внук правителя Египта Мухаммеда Али (албанца по происхождению), был известен как богатый и влиятельный человек, владевший множеством дворцов на Босфоре. Позже, после возвращения младотурок к власти, Саид Халим-паша даже станет великим визирем. Ф. Карими описывает его как «египетского принца», хотя сам Мухаммед Али не был египтянином, тем более наследником престола. В сопровождении Габдерашида Ибрагимова, который был знаком с Халим-пашой, Фатих Карими посетил его роскошный особняк в Ени Кей.

¹² Йолдыз. 1912 (газета на старотатарском языке, арабская графика).

¹³ ГАОРО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 618. Л. 342.

Саид Халим-паша.
Из открытых источников

Во время встречи Халим-паша проявил интерес к жизни российских мусульман, задавая вопросы о их образовании и положении. Он также высказал свои взгляды на политическую ситуацию в Турции, считая партию «Иттихад ве таракки» единственной силой, способной спасти страну. По его мнению, партия изначально действовала ради блага Турции, но столкнулась с противодействием как внутренних, так и внешних врагов, которые использовали материальные и идеологические методы для ее ослабления. Халим-паша подчеркивал, что отсутствие образования и национального самосознания у турецкого народа делает его уязвимым для манипуляций. Если бы турки обладали достаточным образованием и патриотизмом, они смогли бы противостоять враждебным силам, но, к сожалению, этого не произошло. Далее на встрече Фатих Карими и Халим-паша обсуждали причины поражения Османской империи в Балканской войне и последствия свержения партии «Иттихад ве таракки». Халим-паша подчеркивает, что внешние силы сыграли значительную роль в этом процессе, а также указывает на внутренние проблемы, такие как отсутствие квалифицированных руководителей и некомпетентность новых властей. Он утверждал, что свержение партии подорвало доверие народа к правительству и снизило моральный дух как армии, так и гражданского населения. В отличие от

Юсуф Акчура.
Из открытых источников

Триполитанской войны, когда народ был вдохновлен лидерами «Итти-хад ве таракки», в Балканской войне ощущалась апатия и безнадежность, что, по мнению Халим-паши, и стало одной из причин неудач. Он выделяет важность политической стабильности и общественного доверия для успешного ведения войны, а также указывает на негативное влияние внутренних интриг и внешнего вмешательства на судьбу государства.

Таким образом, Саид Халим-паша, один из лидеров младотурок, критиковал правительство Османской империи за неспособность вдохновить народ и армию во время войны, что, по его мнению, стало одной из причин поражения. Он видел будущее Турции только в возвращении к власти младотурок, которые, по его убеждению, могли бы исправить ошибки и спасти страну от распада. Фатих Карими высоко оценивал Саид Халим-пашу как патриота и преданного сторонника младотурецкого движения.

Что касается роли российских мусульман, таких как Габдерашид Ибрагимов и Юсуф Акчура, в событиях Османской империи, то вопрос о их участии в политической борьбе остается открытым. Из текста «Стамбульских писем» следует, что они были хорошо знакомы с лидерами младотурок и, возможно, пользовались их доверием. Однако неясно, были ли они лишь наблюдателями или активными участниками событий. Вопрос о степени вовлеченности российских мусульман в по-

литическую борьбу в Османской империи требует дополнительного исследования. Возможно, их присутствие в Стамбуле в 1912–1913 гг. было связано не только с наблюдением, но и с попытками установить связи между мусульманскими сообществами России и Османской империи. Однако для точного ответа на этот вопрос необходимо изучить дополнительные источники, включая архивные материалы и переписку участников событий.

В «Стамбульских письмах» Ф. Карими сообщает о том, что турецкая молодежь организовала официальную общественную организацию под названием «Тюрк оджагы». Цель общества состояла в способствовании национальному воспитанию турок: их прогрессу в науке, образовании, развитии экономики и культуры, развитию турецкого языка. Одной из целей общества было сделать турок богатыми и экономически независимыми. Для этого члены общества будут встречаться и знакомиться с представителями ремесел и промышленности, поощрять и побуждать народ к торговле и земледелию, будут содействовать созданию среди турок новых товариществ (компаний), открытию новых торговых домов. «Тюрк оджагы» в своей программе декларировала, что, будучи чисто общественной организацией, никогда не будет вмешиваться в политические дела и не будет служить политическим партиям. По уставу членами этой организации могли быть только турки. К этому обществу, как пишет Ф. Карими, многие представители молодежи и интеллигенции отнеслись очень хорошо. За год членами (общества) стали до семисот человек. Среди них было много докторов, адвокатов, редакторов, писателей — людей разных взглядов и убеждений, относящихся к разным классам.

По причине Триполитанской и Балканской войн в работе общества был долгий перерыв. В декабре 1912 г. оно возобновило свою деятельность, организовывая научные и литературные собрания и конференции. Ф. Карими сообщает, что для содействия службе «Хияляль Ахмар» (Красный полумесяц) было организовано чайное угощение. Были приглашены представители крымских мусульман, которые привезли пожертвование для «Хияляль Ахмар». Из почтенных представителей северных турок, проживающих здесь, был Габдерашид-эфенди (Г. Ибрагимов), присутствовал на собрании также Ахмед-бей Агаев, из числа корреспондентов татарских газет были приглашены Галиасгар Камал и сам Фатих Карими¹⁴. Всего на этом собрании было около тридцати человек.

¹⁴ Карими Ф. Истамбул мәктүпләре. Оренбург, 1913. С. 175.

Ведущими были председатель «Очага» (управляющий газетой «Эфхам») Ферид-бей и его помощник Юсуф Акчура.

На собрании речь зашла о физическом воспитании детей. Было заявлено, что в первую очередь необходимо физическое оздоровление нации, а потом уже воспитание здорового духа. Усилия государства и общества по физическому воспитанию приносят много пользы в Европе и особенно в Англии.

В ответ на это Габдерашид-эфенди выступил со своими доводами: хоть для детей физическое воспитание необходимо, такие общества и организации должны создаваться не только для подражания Европе и Англии, а для национального сознания самих турок в соответствии основам их жизни. Необходимо, чтобы такие вещи вырабатывались самими турецкими мыслителями. До сего дня, продолжил Г. Ибрагимов, по причине того, что у турок каждая вещь делается с позиции соответствия Европе, ничего хорошего не выходит. Далее он рассказал о том, что японцы, сами все рассчитав, сами во всем разобравшись (без оглядки на Европу), достигли гораздо большего прогресса для улучшения своего положения¹⁵.

Дальше на собрании дискуссия зашла о животрепещущей на тот момент и, возможно, актуальной и сегодня теме противопоставления «османизма» и «тюркизма». Ахмед Агаев заявил, что в Триполитанской и Балканской войнах проиграли не турки, а османизм.

Он считал, что то, что называлось Даулет-и Османия и Миллет-и Османия, состояло из относящихся к таким разным народам и исповеданиям, как: турки, арабы, армяне, арнауты, курды, ромеи, лазы, мусульмане, христиане, язычники, или же из смешанных и собранных «жизненных сборников»: отец арнаут, мать черкешенка, или же отец англичанин, мать арабка. Проигравший в этой войне — тот, кто не умел управлять страной, навлек на отечество беды, это — османское правительство. Не правительство турок. Турки — здоровый народ. Они не прогнали. Если бы они самостоятельно управляли государством, конечно, эти несчастья не свалились бы на голову государства. Как только к концу войны из Анатолии стали прибывать чистые (настоящие) турецкие войска, они продемонстрировали успехи под Чатаджой против болгар. Главной ошибкой турок стало то, что они дали имя одного государства и одной нации «жизненному сборнику» (конгломерату?), такому большому количеству народов, которые друг друга не любят, не понимают

¹⁵ Там же. С. 177.

и не хотят понимать, и то, что, поверив им, начали войну. Но опыт показывает, интересы Турции могут блюсти только турки¹⁶.

Далее он продолжил: «Тюрок ждет блестящее будущее! Насколько у тюрок велики способности для жизни, известно по прогрессу у северных тюрок (т. е. тюрок России, или по-другому волго-уральских татар) на пути торговли и просвещения. В результате сегодняшней ситуации политическая жизнь Турции испытает много недостатков (пороков). Но из-за этого тюрам вреда не будет, получив горький опыт проснуться, несомненно, жизнь войдет в более достойное, чем прежде, русло. Поэтому турки не должны терять надежду (не должны отчаиваться), а с большим, чем прежде, усердием должны взяться за дело»¹⁷. После того как Ахмед-бей Агаев закончил свою речь, присутствовавшие высказались о том, что необходимо, чтобы у тюрок была национальная любовь (любовь к своей нации) и дух тюркизма, из-за того, что у них нет патриотизма, они проигрывают войну. Далее Ф. Карими отмечает, что в прошлые годы в управлении Турцией были попытки внедрить принципы исламизма (исламият), османизма и тюркизма. Но ни один из них не смог укорениться в качестве основы государственного управления.

Заключение

Таким образом, исследование выявило, что некоторые современные исследователи принимают сведения из жандармских документов как неоспоримый факт, хотя в самих документах отсутствуют конкретные доказательства преступной деятельности «Тарракион исламия».

Скорее всего, жандармские чиновники, стремясь оправдать свою деятельность и усилить контроль над мусульманской интеллигенцией, могли преувеличивать или даже конструировать угрозу со стороны «Тарракион исламия». Отсутствие конкретных доказательств преступной деятельности и несоответствие биографических данных Махмуда Эсада указанию в документах свидетельствуют о возможной фальсификации или ошибочной интерпретации фактов.

Что касается самой идеи прогрессивного ислама, заключенной в название предполагаемой организации, то здесь налицо развитие данной темы в начале XX в., как в Османской империи, так и среди мусульман

¹⁶ Там же. С. 180–181.

¹⁷ Там же. С. 181.

России. Идеи Хильми-бея, описанные Фатихом Карими, важны для понимания контекста модернизационных процессов в мусульманском мире начала XX в. Они также демонстрируют, как татарские интеллектуалы, такие как Фатих Карими, активно изучали и адаптировали османский опыт для решения проблем российских мусульман.

Что касается организации «Тарракион исламия», то упоминание о планах Хильми-бея создать партию «Мусульманский прогресс» может быть связано с этой темой. Однако, как показывает исследование, жандармские чиновники в России часто конструировали образы «пан-исламизма» и «пантюркизма», преувеличивая угрозы и создавая воображаемые сети. Таким образом, реальное существование «Тарракион исламия» в России остается под вопросом, а обвинения в адрес татарских интеллигентов могли быть частью политической риторики того времени.

Кроме того, по материалам «Стамбульских писем» видно, что представители интеллигенции российских мусульман находились в гуще интеллектуальной и общественно-политической жизни Османской империи. Когда татарские журналисты брали интервью у тогда еще оппозиционных политиков — лидеров младотурок, их собеседники сами начинали задавать вопросы о жизни российских мусульман. Это говорит о глубоком интересе лидеров младотурок к общественным процессам в мусульманских регионах Российской империи.

Таким образом, реальность существования «Тарракион исламия» как активной и разветвленной организации на территории России остается под вопросом, и ее деятельность, вероятно, была преувеличена или вымышлена. Для более глубокого прояснения ситуации необходимо исследовать как османские источники, так и материалы татарских изданий, относящихся уже к периоду 1913 г. и в последующие годы.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Авторский вклад

К.Г. Ахсанов — разработка методологии, разработка концепции, написание рукописи, рецензирование и редактирование.

Д.Ш. Муфтахутдинова — формальный анализ, написание черновика рукописи, проведение исследования, предоставление ресурсов.

Список литературы / References

1. Ахсанов К.Г. Балканская война 1912–1913 гг. и татарская общественно-политическая мысль. *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия гуманитарные науки.* 2007;149(Кн. 4):177–185.
Akhsanov K.G. Balkan War of 1912–1913 and Tatar socio-political thought. *Kazan Journal of Historical, Linguistic and Legal Research.* 2007;149(Book 4):177–185 (in Russ.).
2. Ахтямов К.Ш. О некоторых проблемах становления ислама в Поволжье. *Вестник ОГУ.* 2012;141(5):135–141.
Akhtyamov K.Sh. On some problems of the formation of Islam in the Volga Region. *OSU Bulletin.* 2012;141(5):135–141 (in Russ.).
3. Кәрим Ф. *Истамбул мәктүпләре.* Оренбург: Вакыт, 1913. 454 б.
Karimi F. *Istanbul letters.* Orenburg: Vakyt, 1913. 454 p. (in Tatar).
4. Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. *Исторические очерки.* М.: Эксмо, 2003. 416 с.
Petrosyan Yu.A. *The Ottoman Empire: Power and decline. Historical essays.* Moscow: Eksmo, 2003. 416 p. (in Russ.).
5. Сеньюткина О.Н. *Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.): Монография /* Общ. ред.: акад. О.А. Колобов. Н. Новгород: Издво НГЛУ; ИД «Медина», 2007. 520 с.
Senyutkina O.N. *Turkism as a historical phenomenon (based on the history of the Russian Empire in 1905–1916): Monograph /* Ed. by academician O.A. Kolobov. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University Press; Publishing house «Medina», 2007. 520 p. (in Russ.).
6. Сибгатуллина А.Т. *Контакты тюрков-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв.* М.: Исток, 2010. 257 с.
Sibgatullina A.T. *Contacts of Muslim Turks of the Russian and Ottoman Empires at the turn of the 19th and 20th centuries.* Moscow: Istok, 2010. 257 p. (in Russ.).
7. *Фатих Карими: научно-биографический сборник.* Казань: Рухият, 2000. 320 с.

- Fatih Karimi: Scientific and biographical collection.* Kazan: Rukhiyat, 2000. 320 p. (in Russ.).
8. *Genel Türk tarihi. Cilt 7. Osmanlı.* Ankara, 2002. 714 p.
General Turkish history. Vol. 7. Ottoman. Ankara, 2002. 714 p. (in Turk.).

Камиль Гусманович Ахсанов
Kamil G. Akhsanov

кандидат исторических наук, доцент
Института татарской энциклопедии
и регионоведения (Академия наук
Республики Татарстан),
SPIN-код: 8738-3281,
AuthorID: 265015

C.Sc. (History), Associate Professor
of Institute of Tatar Encyclopedia
and Regional Studies (Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan),
SPIN-код: 8738-3281, AuthorID: 265015

Диляра Шамилевна Муфтахутдинова
Dilara Sh. Muftakhutdinova

кандидат исторических наук, доцент
Российского исламского института,
ORCID: 0000-0002-0522-4260

C.Sc. (History), Associate Professor of
Russian Islamic University,
ORCID: 0000-0002-0522-4260

Поступила в редакцию /
Received
20.07.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
30.08.2025

Принята к публикации /
Accepted
22.12.2025

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.011](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.011)

Оригинальная статья / Original paper

Д.Е. Мишин

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: d.mishin@ivran.ru

Йемен под властью Сасанидов. Статья вторая. Правление иранских наместников

Аннотация

Эта статья — завершающая часть исследования о владычестве Сасанидов над Йеменом (571/2–30-е гг. VII в.). Рассматриваемый период начинается с первых месяцев 576 г., когда погиб южноаравийский правитель из рода Йаз'анов, приведенный к власти Сасанидами и впоследствии подчинявшийся им. После этого сасанидский царь Хосров I Ануширван (531–579), не веря в способность Йаз'анов управлять Йеменом, впервые передал власть иранскому наместнику. По источникам можно приблизительно восстановить последовательность и хронологию правления этих наместников, хотя прочтение имен некоторых из них затруднительно. В целом эта последовательность такова: Вехриз (ум. в конце правления Хосрова I) — Зарир / ???-Бурзин / Заррин (смещен царем Хормузом IV (579–591)) — Марзбан / Мард-озан / Аношаган (назначен Хормузом IV, умер в царствование Хосрова II Парвиза (591–628)) — Винаган (?) — Хварра-Хосров — Бадан (назначен Хосровом II до начала VII в.); все они принадлежали к знатному роду Михранов. Наместники контролировали ключевые военные и экономические пункты, оставляя власть на местах южноаравийской знати, но одновременно пресекая ее попытки выйти из подчинения. С арабскими племенами отношения наместников строились на основании договоров. Эта система позволяла Сасанидам сохранять власть над Йеменом; она

пала, вероятно, в 631 г., когда Бадан, стремясь избежать направленных против Михранов репрессий царицы Буран (630–631), принял ислам и перешел на сторону мусульманского государства.

Ключевые слова:

Арабы; доисламская Аравия; Сасаниды; Йемен

Для цитирования:

Мишин Д.Е. Йемен под властью Сасанидов. Статья вторая. Правление иранских наместников // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 300–331.
[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.011](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.011)

Dmitry E. Mishin

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
E-mail: d.mishin@ivran.ru*

Yemen under the Sasanids. Article Two. The Rule of Iranian Governors

Abstract

This article is the final part of the study dealing with the Sasanid rule over Yemen (571/2–630-es). The period in question begins in the early 576 when the South-Arabian ruler of Yemen, from the Yaz'an clan, a vassal to the Sasanids, perished. After that, Sasanid king Khusrō I Anushirwan (531–579), distrusting the Yaz'ans' ability to hold Yemen under control, first appointed an Iranian governor. The extant sources allow to approximately trace the sequence and chronology of those governors' rule over Yemen, although the names of some of them are hard to re-construct. Their sequence seems to be as follows: Wēhrēz (died at the end of Khusrō I's reign) — Zarēr / ???-Burzēn — Zarrēn

(dismissed by King Hormuzd IV (579–591)) — Marzbān / Mard-ōzan / Anōshagān (appointed by Hormuzd IV, died in the reign of Khusrō II Abarwēz (591–628)) — Wēnāgān (?) — Khwarrah-Khusrō — Bādān (appointed by Khusrō II at some stage before the beginning of the 7th century), all of them belonging to the Mihran aristocratic family. The governors kept a firm grasp on the key military and economic places and allowed South-Arabian aristocracy to rule locally, yet precluded it from emancipating. Their relationship with Arabic tribes appears to have been based on pacts. That system enabling the Sasanids to hold their power over Yemen probably fell in 631 when Bādān, in an attempt to avoid Queen Bōrān (630–631)'s persecutions of the Mihrāns, embraced Islam and defected to the Muslims.

Keywords:

Arabs; Pre-Islamic Arabia; Sasanids; Yemen

For citation:

Dmitry E. Mishin. Yemen under the Sasanids. Article Two. The Rule of Iranian Governors // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 300–331. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.011](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.011)

Настоящее исследование завершает рассмотрение истории владычества Сасанидов в Йемене в конце VI — начале VII в., начатое автором этих строк в ранее опубликованных работах «Сасанидское завоевание Йемена» и «Йемен под властью Сасанидов. Статья первая. Правление Йаз'ана». Представленная в них реконструкция событий в целом выглядит так. В ответ на попытку византийского императора Юстина II (565–578) организовать наступление на сасанидские владения с северо-востока, с помощью тюрков, и с юго-запада, усилиями эфиопского наместника южной Аравии, увенчавшимися известным неудачным «походом слона», царь Хосров I Ануширван (531–579) зимой 571/72 г. предпринял морской поход на Йемен и завоевал его. Первоначально в Йемене была реализована модель косвенного управления, применявшаяся Сасанидами и в других регионах, в том числе и в Аравии. Правителем Йемена был сделан представитель местного знатного рода Йаз'анов, фигурирующий в мусульманских источниках под именем Сайф или Ма'дикариб. Убедившись в том, что южноаравийская знать примет установление Йаз'ана,

Хосров I пожаловал ему титул царя Йемена, и он стал одним из подчиненных Сасанидам местных правителей. Правление Йаз'ана заняло 4 года, с начала 572 г. до первых месяцев 576 г., после чего он был убит своими телохранителями-эфиопами. После этого началось восстание эфиопов, для подавления которого потребовалось вновь послать в Йемен сасанидские войска. Разуверившись в способности рода Йаз'анов удерживать Йемен в подчинении Сасанидам и не имея иных кандидатов в вассальные правители, Хосров передал власть иранским наместникам, первым из которых стал Вехриз — полководец, совершивший походы 571/2 и 576/7 гг.

С этого момента начинается период, истории которого посвящена настоящая работа. Иранские наместники носили обычное для таких случаев звание *марзбан*-ов, т.е. «стражей границы»¹. Мусульманские авторы, по данным которых мы, за неимением более ранних данных, восстанавливаем историю рассматриваемого периода, сохранили несколько перечней сасанидских наместников Йемена:

Ибн Исхак (*Ibn Ishāq*, ум. в 60-е гг. VIII в.): Вехриз (*Wabriz*) — его сын ал-Марзубан (*al-Marzubān*) — его сын ал-Б.и.н.джан (*al-B.i.n.djān*²) — его сын Хуррахусрав (*Khurrahusrav*) — Базан (*Bādhān*)³.

Ибн Хишам (*Ibn Hishām*, ум. в 828/29 или 833 г.): Вехриз — его сын ал-Марзубан — его сын ат-Т.и.н.джан (*al-T.i.n.djān*) — его сын (имя не называется) — Базан⁴.

¹ Этот вывод можно сделать на основании одного стиха арабского поэта из Хиры Ади ибн Зайда (*ʿAdī Ibn Zayd*, конец VI в.), в котором есть такая строка: «После потомков *тубба* 'а, великих людей, утвердились среди них (жителей Йемена. — Д.М.) *марзбан*-ы (*marāzib*)» (*Dīwān ʿAdī bin Zayd al-ʿIbādī*. Ed. M.Dj. al-Muʿayyid. Baghdad: Sharikat Dār al-Djūmhūriyya li-l-nashr wa-i-ṭabʿ, 1965. P. 47). Показательно также высказывание Абу-л-Бака' ал-Хилли (*Abū-l-Baḳā' al-Ḥillī*, писал в конце XI — первой половине XII в.) о том, что Бадана (о нем см. ниже) называли царем, «но на деле он был одним из их (персов. — Д.М.) *марзбан*-ов» (*Kitāb al-manāqib al-mazyadiyya fī akhbār al-mulūk al-asadiyya. Taʿlīf ... al-Ḥillī*. Ed. S.M. Darādika, M.ʿA. Kharīsāt. Amman: Maktabat al-risāla al-ḥadītha, 1984. P. 46). Слова ал-Хилли о том, что Бадана называли царем, следует, кажется, понимать в том смысле, что арабы перенесли на сасанидских наместников обозначение, которое прежде употребляли по отношению к Йаз'ану.

² Здесь и далее точка в середине имени в каждом случае означает, что мы точно не знаем, какую огласовку следует поставить над предыдущим знаком. Например, *н*. может читаться как *н*, *на*, *ни* или *ну*.

³ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari*. Ed. M.J. De Goeje. Prima series. II. Rec. J. Barth, Th. Nöldeke. Lugduni Batavorum, 1881–1882. P. 957. Имя, которое в арабоязычных источниках пишется как *Bādhān* (с межзубным *з* (*dh*), передающим персидское *ḍ*), должно быть среднеперсидским *Бадан*.

⁴ *Sīrat al-Nabī li ... Ibn Hishām*. Ed. M.F. al-Sayyid. Tanta: Dār al-ṣaḥāba li-l-turāth bi Ṭanṭā. 1995. T. 1. P. 112.

Хишам ал-Калби (*Hisbām al-Kalbī*, род. ок. 738 г., ум. в 819/20 или 821/22 г.): Вехриз — Зин (*Zīn*) — ал-Марвазан — Хуррахусрав — Базан⁵.

ал-Мас‘уди (*al-Mas‘ūdī*, ум. в 956/957 г.): Вехриз — его сын ан-Нушаджан (*al-Nūshadjān*) — С.б.хан (*S.b.ḥān*) — Хурразад (*Khurrazād*)⁶ — сын С.б.хана — ал-Марвазан (*al-Marwazān*) — Хуррахусрав⁷.

Хамза ал-Исфахани (*Hamza al-Isfahānī*, ум. после 960/1 г.): Вехриз — В.л.и.с.джан (*Wl.i.s.djān*) — Х.р.задан-шахр (*H.r.zādān-shahr*) — ан-Нушаджан — Марвазан (*Marwazān*) — его сын Хуррахусрав — Базан⁸.

Сходство некоторых форм на письме позволяет сближать их между собой. Вероятно, ал-Б.и.н.джан (البينجان) Ибн Исхака тождествен ат-Т.и.н.джану (التينجان) Ибн Хишама, С.б.хану (سبحان) ал-Мас‘уди и В.л.и.с.джану (وليسجان) Хамзы ал-Исфахани; последняя из указанных форм подверглась, очевидно, наибольшим искажениям⁹. Сходным образом кажется весьма вероятным, что к одному и тому же человеку относятся формы имени ал-Марвазан (المروزان), ал-Марзубан (المرزبان) и ан-Нушаджан (النوشجان); в пользу сближения третьей из названных форм с двумя первыми говорит то, что как ал-Марзубан, так и ан-Нушаджан называется в источниках сыном Вехриза. Проще всего считать, что сын Вехриза, управляя Йеменом, носил титул *марзбан-а*, который арабы

⁵ Annales ... 1881–1882. P. 1039–1040. Данный перечень схож с сообщением, приводимым у ат-Табари (*al-Tabarī*, 838/39–923), по труду которого мы знаем рассказы Ибн Исхака и Хишама ал-Калби о сасанидском правлении в Йемене несколько выше, но без ссылки на Хишама (Annales ... 1881–1882. P. 988). Это сходство, а также тот факт, что в повествовании о сасанидском правлении в Йемене ат-Табари основывается на сведениях Ибн Исхака (его перечень приведен выше) и Хишама ал-Калби, подсказывает, что фрагмент на с. 988 восходит к последнему.

⁶ В среднеперсидском произношении вернее *Хварразад*.

⁷ *al-Mas‘ūdī*. Murūdī al-dhahab wa ma‘ādin al-djawhar. Ed. Ch. Pellat. Beirut: al-Djāmi‘a al-lubnāniyya. Pts. 1, 2, 1966. Pt. 2. P. 210.

⁸ Kitāb tārīkh sunī mulūk al-arḍ wa al-anbiyā’. Ta’līf *Hamza ... al-Aṣfahānī*. Berlin: Kavianī GmbH, 1921/22. P. 91.

⁹ Наиболее вероятной кажется форма ал-Б.и.н.джан, которая, как отмечено в литературе, аналогична Βιγγάνης, имени упомянутого у Менандра Протектора (писал в конце VI в.) сасанидского военачальника, который в 578 г. был начальником гарнизона крепости Хломарон (совр. Килимар в Турции) и защищал ее от византийских войск (*Justi F. Iranisches Namenbuch*. Marburg, 1895. S. 68; *The History of Menander the Guardsman*. [Ed.] R.C. Blockley. Liverpool: Francis Cairns (Publications) Ltd., 1985. P. 202–203). Напрашивается аналогия между приведенными формами и среднеперсидским *wēnāg* в значении «[ясно] видящий» (*Farrehwashī* B. Farhang-i-rahlawī. [Tehran:] Mu‘assasa-i-intishārāt wa chāp-i-Dānishgāh-i-Tehrān, 1973. С. 463); если принять ее, имя наместника следует восстанавливать как *Винаган* (*Wēnāgān*), однако восстановление исходной формы имени представляет собой вопрос, который относится скорее к области иранского языкознания и выходит за пределы настоящего исследования.

Монета Хормизда IV.
Из открытых источников

по какой-то причине считали его именем. В этом случае мы должны предполагать, что в каких-то вариантах произношения форма *ал-Марзубан* (*марзбан*) превратилась в *ал-Марзуван*; впоследствии она, уже в результате незначительного, сводящегося к переставлению одной точки, искажения превратилась в *ал-Марвазан*. Однако нельзя исключать и иные варианты, например *tard-ōzan* (букв. — «убивающий доблестных мужей», арабской графикой — مردزان) или *apōšagān* (букв. — «сын вечно живущего»).

Предложенные отождествления позволяют заключить, что списки *ал-Мас'уди* и *Хамзы ал-Исфахани*, где одни и те же люди упоминаются дважды (*ан-Нушаджан* и *Марвазан*, *Хурразад* / *Х.р.задан-шахр*¹⁰ — *Хуррахусрав*), нельзя считать достоверными; они, очевидно, получены посредством соединения двух или нескольких перечней при работе историка-компилятора.

В первых трех перечнях, очевидно, более достоверных, главное различие состоит в том, что у *Хишама ал-Калби* преемником *Вехриза* назван *Зин*¹¹. Дать однозначное объяснение этого на основании имеющихся ис-

¹⁰ Обе эти формы отсутствуют в более ранних перечнях наместников у *Ибн Исхака*, *Ибн Хишама* и *Хишама ал-Калби*, вследствие чего остается считать их графическими искажениями исходного *Хуррахусрав*.

¹¹ *Зин* (زین) — конъектура издателей текста *ат-Табари*, которые — поскольку данное имя дошло до нас в сильно искаженном виде — сопроводили ее примечанием «крайне неясно» (*incertissimum*, *Annales ...* 1882–1881. P. 988). До этого *К. Торнберг*, издавший текст *Ибн ал-Асира* с сообщением об этих событиях, заимствованным у *ат-Табари*, предлагал читать زرين (очевидно — *zarrēn*, «золотой») (*Ibn-el-Athiri*

точников невозможно. В качестве гипотезы можно предположить следующее. В списке Ибн Исхака и Ибн Хишама представлена своего рода «династия» наместников-потомков Вехриза. Единственное исключение составляет Базан, т.е. Бадан, однако он не мог не войти в список, ибо был хорошо известен мусульманским авторам (как последний сасанидский наместник Йемена) по рассказам о принятии им ислама. Возможно, список Ибн Исхака и Ибн Хишама восходит к рассказчикам, которые повествовали именно о правлении «династии» Вехриза и потому не включили в него не принадлежавшего к ней Зина.

Основываясь на сведениях Хишама ал-Калби, ат-Табари сообщает, что Вехриз умер в конце царствования Хосрова I, который после этого направил в Йемен Зина. Последний чинил произвол, и преемник Хосрова Хормузд IV (579–591) сместил его, назначив наместником ал-Марвазана¹². В целом это соответствует тому, что мы знаем о Хормузде IV. По источникам известно немало сообщений, в которых Хормузд предстает как царь, сурово пресекавший произвол знати¹³; известно также, что он

Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Ed. C.J. Tornberg. Vol. I. Lugduni Batavorum, 1867. P. 327; ср. Justi F., 1895. S. 386). То, что написание имени сильно искажено, не дает возможности выбрать из всех конъектур одну, наиболее предпочтительную. Как представляется, наиболее вероятными конъектурами являются زريز (*Зарир*, имя легендарного иранского богатыря) и بززين (*Бурзин*, часть названия одного из трех наиболее почитавшихся в Сасанидской державе священных огней. Она могла входить и в состав личных имен; известен, например, *снахбад* восточных областей Сасанидской державы Чихр-Бурзин (*Gyselen R. The Four Generals of the Sasanian Empire: Some Sigillographic Evidence. Roma: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, 2001. P. 35*). Поскольку должность *снахбад*-а была введена только при Хосрове I Ануширване, этот Чихр-Бурзин мог быть современником преемника Вехриза, хотя, разумеется, отождествлять этих людей только на основании сказанного неправомерно.

¹² Annales ... 1881–1882. P. 988, 1039.

¹³ al-Akhhbār al-ṭiwāl. Taʾlīf ... *al-Dīnawarī*. Ed. ʿA. ʿĀmir. Cairo: Wizārat al-thaqāfa wa al-irshād al-ḳawmī (al-Iklīm al-djanūbī), al-Idāra al-ʿamma li-l-thaqāfa, 1960. P. 75–78; Annales ... 1881–1882. P. 988–990; Histoire des rois des Perses par ... *al-Thaʿālibī*. Pub. et tr. H. Zotenberg. Paris, 1900. P. 637–638; *al-Masʿūdī*. Murūd al-dhahab wa maʿādin al-djawhar. Ed. Ch. Pellat. Beirut: al-Djāmiʿa al-lubnāniyya. Pts. 1, 1966. P. 312; Muğmal at-tawārīḥ wa-l-qīṣaṣ: eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert. Hrsg. S. Najmabadi, S. Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux mondes, 2000. S. 62; C. 75–78; Nihāyat al-arab fi akhhbār al-furs wa al-ʿ. Ed. M.T. Dānishpezhūh. Tehran: Andjoman-i-āthār wa mafākhir-i-farhangī, 1996/97. P. 349–350. По словам одного автора, Хормузд, защищая подданных от произвола знати, превзошел в этом своего отца Хосрова I, известного своей справедливостью (Sadīd al-dīn Muḥammad ʿAwfī. Djawāmiʿ al-ḥikāyāt. Tārīkh Īrān wa Islām. Ed. Dj. Shiʿār. Tehran: Mahārat, 1995/6. P. 151).

Монета Хормузда IV.

Из открытых источников

казнил некоторых высокопоставленных сановников Хосрова I¹⁴. Далее об отношениях наместников с сасанидскими царями известно очень мало. Ал-Марвазан своими действиями по распространению власти Сасанидов в Йемене (о них см. ниже) снискал благосклонность Хосрова II Парвиза, сына Хормузда IV (591–628; *Кисра бин Хурмуз* текста Хишама ал-Калби), который призвал его к себе. Ал-Марвазан отправился к царю, но умер в пути, согласно источникам — в земле арабов¹⁵.

О правлении ал-Б.и.н.джана не известно ничего, а у Хишама ал-Калби он даже не упомянут среди наместников; все это дает основания полагать, что его правление едва ли было долгим.

О Хуррахусраве (его имя правильнее передавать среднеперсидской формой Хварра-Хусро или Хварра-Хосров) сообщается, что сасанидский царь разгневался на него и хотел казнить, однако заступничество одного влиятельного вельможи помогло наместнику избежать гибели; он сохранил жизнь, но был смещен. Вместо него наместником Йемена был назначен Бадан¹⁶.

¹⁴ Данный вопрос разобран автором этих строк в более ранней работе (Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М.: ИВ РАН, 2014. С. 376–377).

¹⁵ Annales ... 1881–1882. P. 1039–1040; Kitāb ‘uyūn al-akhbār. Ta’līf ... Ibn Qutayba al-Dīnawarī. Cairo: Dār al-kutub wa al-wathā’iq al-ḳawmiyya, 1996. Vol. 1. P. 179. О том, что царь относился к ал-Марвазану благосклонно, свидетельствует явно легендарное, но, возможно, содержащее какую-то часть исторической правды продолжение рассказа, приводимого в указанных источниках. Согласно ему сасанидский царь велел поместить саркофаг с останками ал-Марвазана в сокровищницу, а затем (только по словам Ибн Кутайбы) каждый год демонстрировал саркофаг вельможам, рассказывая им о свершениях наместника.

¹⁶ По рассказу Ибн Исхака (как его передает ат-Табари), когда йеменские вельможи принесли Хварра-Хосрова во дворец, один из людей, именуемых ‘uḡamā’, бросил

Бадан нигде в источниках не именуется сыном своего предшественника, хотя есть основания предполагать, что он принадлежал к тому же роду, что и Вехриз и его потомки, т.е. к Михранам¹⁷. Стало быть, Хосров II прекратил правление фактически сложившейся династии наместников — потомков Вехриза и отдал власть над Йеменом другому ответвлению того же рода. С другой стороны, по словам ал-Мас'уди,

на него меч, прежде принадлежавший отцу сасанидского царя. После этого царь решил не казнить Хварра-Хосрова и ограничиться его смещением (Annales ... 1881–1882. P. 958). Словом *'uḏamā'* в арабских текстах обозначаются вельможи, принадлежавшие к высшей сасанидской аристократии (*wuzurgān*). Бал'ами, составивший во второй половине X в. персидский перевод истории ат-Табари, представляет данный эпизод по-другому: царь Хормузд (а не Хосров II) послал в Йемен человека, велел ему заковать Хварра-Хосрова в кандалы. Затем (видимо, уже при дворе) царь велел посланцу казнить Хварра-Хосрова. Тогда посланец взял одеяние, прежде пожалованное ему Хосровом I Ануширваном, и набросил его на голову наместника. Из-за неприкосновенной природы (*hurmat*) этого одеяния царь отменил решение о казни (*Tārīkh-nāmeḥ-i-Ṭabarī. Gardānideh-i-mansūb be Bal'amī. Ed. M. Rowshan. Tehran: Soroush, 1995. P. 732*). Тем самым вельможа, спасший Хварра-Хосрова, совершил символический жест, представив дело так, что на наместника распространяется некая привилегия, пожалованная Хосровом I. Естественно считать, что этот вельможа принадлежал к тому же роду, что и Хварра-Хосров, т.е. к Михранам, которые в Сасанидской державе того времени составляли высшую военную аристократию.

¹⁷ Как показано ниже, в рассказе о союзе с хамданитами Бадан назван сыном Сасана (но не Хварра-Хосрова). С другой стороны, в некоторых других источниках Бадан именуется Абу Михран (*A'lām al-nubuwwa li ... al-Māwardī. Beirut: Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 1986. P. 89; Manāḳib al Abī Ṭālib. Ta'lif ... Ibn Shahr-ashūb al-Sarawī al-Māzandarānī. Ed. Y. al-Baḳāʿī. Beirut: Dār al-aḏwāʿ, 1991. Pt. 1. P. 113*). Строго говоря, Абу Михран (буквально — «отец Михрана») — не указание на принадлежность к тому или иному роду, а прибавление к имени (*кунья*), которое в основном давалось по имени старшего сына человека. Между тем обычай давать *кунью* был в ходу только у арабов и отсутствовал у персов. Поэтому имя Абу Михран было, очевидно, дано Бадану арабами. Это можно объяснить тем, что, согласно одному рассказу (приводимому у ат-Табари со ссылкой на Ибн Исхака), у Бадана был сын Михран, который в 634 г. участвовал (в составе сасанидского войска) в битве с мусульманами при ал-Бувайбе и погиб (*Annales ... 1890. P. 2200–2201*). Вместе с тем нельзя исключать, что сын Бадана, как и многие другие сасанидские вельможи, был известен под родовым именем, которое мусульманские рассказчики приняли за имя собственное. В пользу сближения Бадана с Михранами говорит в основном исторический контекст: в среде высшей сасанидской знати Михранам были вверены военные дела. При Хосрове I Сасанидская держава была разделена на 4 больших военных округа, которые объединяли в себе по несколько областей. Известны несколько печатей командующих такими округами — *снахбад*-ов. Из них три печати принадлежат Михранам (*Gyselen R. The Four Generals ... 2001. P. 41, 44, 45*), а на остальных род, к которому принадлежал обладатель печати, не указан. Таким образом, если говорить в общем, один из Михранов был бы назначен наместником Йемена скорее, нежели представитель какого-либо иного рода.

Монета Хормузда IV.
Из открытых источников

правление Хварразада, который как преемник С.б.хана (выше идентифицированного с ал-Б.и.н.джаном) хорошо отождествляется с Хварра-Хосровом, продолжалось 6 месяцев¹⁸. Если принимать на веру это утверждение (не противоречащее, заметим, хронологическим построениям, изложенным в следующем абзаце), получается, что царь отстранил наместника вскоре после его назначения. Следовательно, должно было произойти (или выясниться) что-то важное, заставившее Хосрова II резко перемениться по отношению к Хварра-Хосрову. Согласно источникам, причиной смещения Хварра-Хосрова стало его чрезмерно (по мнению царя) хорошее отношение к местной знати¹⁹. Других указаний в источниках не имеется, что делает любые альтернативные гипотезы умозрительными.

Возвращаясь к Бадану, мы видим, что согласно ряду средневековых рассказов, в том числе — и дошедших до нас через посредство известного средневекового знатока и собирателя древностей Абу Убайды Ма‘мара ибн ал-Мусанны (*Abū ‘Ubayda Ma‘mar Ibn al-Muthannā*, род. в 728/9 г., ум. в 824/5 или 828/9 г.), именно он отправил к Хосрову II из Йемена караван, который при прохождении через земли северо-восточной Аравии

¹⁸ *al-Mas‘ūdī*. *Murūdj* ... Pt. 2, 1966. P. 210.

¹⁹ По словам Хишама ал-Калби, известным в передаче ат-Табари, Хварра-Хосров любил арабский язык, декламировал арабские стихи и «арабизировался»; в тексте источника эта «арабизация» обозначена арабским словом *ta‘arrub* (*Annales* ... 1881–1882. P. 1040). Это объяснение — явно легендарной природы, однако его следует рассматривать в сравнении с параллельной версией Ибн Исхака, согласно которой сасанидский царь поклялся, что йеменцы принесут к нему Хварра-Хосрова на своих шеях, и они так и сделали (*Annales* ... 1881–1882. P. 958). Эти рассказы правильнее всего истолковывать в том смысле, что наместник относился к местной знати излишне (по мнению царя) мягко, завоевав тем самым ее симпатии.

был разграблен арабами бану Тамим²⁰. Определение даты нападения на этот караван выходит за пределы предмета настоящей работы. Поэтому автор считает для себя возможным лишь повторить ранее высказанную им точку зрения, согласно которой нападение на караван и последующая расправа над бану Тамим произошли в самом конце VI или начале VII в.²¹ Таким образом, смерть ал-Марзубана (ал-Марвазана), правление ал-Б.и.н.джана и Хварра-Хосрова, а также назначение Бадана имели место в течение относительно короткого периода с 592 г., когда Хосров II, одержав победу над мятежным полководцем Варахраном Чобином, утвердился у власти, приблизительно до конца VI в. Это соответствует высказанным выше соображениям о том, что ал-Б.и.н.джан и Хварра-Хосров правили недолго.

По источникам можно представить себе наиболее существенные аспекты деятельности сасанидских военачальников и наместников. На первых порах они, судя по всему, прилагали основные усилия к тому, чтобы закрепиться в Йемене в военном отношении. Согласно одному источнику, Вехриз при первоначальном завоевании Йемена после победы над войском эфиопского правителя направился в район Адена и там, между двумя горами, около реки построил город, давший начало Адену более

²⁰ Dīwān 'Āmir bin al-Ṭufayl. Riwāyat Abī Bakr Muḥammad ... al-Anbārī 'an ... Tha'lab. Beirut: Dār Ṣādir, 1979. P. 62–63; al-Kāmil fī-l-tārīkh li ... Ibn al-Athīr. Vol. 1. Ed. A.ṣA. al-Ḳaḏī. Beirut: Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 1987. P. 492; Kitāb al-ʿafw wa al-ʾitidhār li Abī-l-Ḥasan ... al-ʿAbdī al-maʿrūf bi al-Raḡḡām al-Baṣrī. Ed. ʿA. Abū Ṣāliḥ. Riyadh: Djāmiʿat al-Imām Muḥammad bin Saʿūd al-islāmiyya, 1981. P. 430 (со ссылкой на Абу Убайду); Kitāb al-aghānī li-l-imām Abī-l-Faraj al-Aṣḡabānī. Ed. A. al-Shinkīṭī. Cairo, 1905. Pt. 16. P. 75 (со ссылками на Абу Убайду и Мухаммада ибн Хабиба (*Muḥammad Ibn Ḥabīb*, ум. в 860 г.); Kitāb djumal min Ansāb al-ashraf ṣannafa-hu ... al-Balādhurī. Ed. S. Zakkār, R. Zarkalī. Beirut: Dār al-fuikr, 1996. Pt. 11. P. 374; Muʿdjam al-buldān li ... Yāḳūt. Beirut: Dār Ṣādir, 1977. T. V. P. 291; The Mufaḍḍaliyāt. Ed. Ch. J. Lyall. Oxford: Clarendon Press, 1921. P. 708; Thimār al-ḳulūb fī al-muḍāf wa al-mansūb li ... al-Thaʿalibī. Ed. M.ṣA. Ibrāhīm. Cairo: Dār al-maʿārif, 1985. P. 140). В противоположность этому Хишам ал-Калби полагал, что караван из Йемена отправил Вехриз (Annales ... 1881–1882. P. 984). Однако исторический контекст свидетельствует против этой версии. В событиях, связанных с караваном, заметную роль сыграл один из вождей арабского племени бану Ханифа по имени Хауза ибн Али. Он скончался в 629 или 630 г. (Мишин Д.Е. Хауза Ибн 'Али ал-Ханафи // Вестник Московского ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2022. № 2. С. 113), тогда как Вехриз, как отмечено выше, умер в конце правления Хосрова I и мог бы, следовательно, отправить караван только в период с 576/7 г. примерно до конца 578 г. Поскольку активная деятельность Хаузы, если судить по дате его смерти, пришлась на более позднее время, вернее считать, что караван отправил Бадан к Хосрову II, а не Вехриз к Хосрову I.

²¹ Мишин Д.Е. Хауза ... 2022. С. 110.

Монета Хосрова II.

Из открытых источников

поздних времен²². Эти действия Вехриза следует, по-видимому, объяснять тем, что он стремился создать укрепленный пункт на побережье, куда можно было бы доставлять войска морским путем.

Известен рассказ о том, что ко времени сасанидского завоевания Йемена море поблизости от Саны сильно обмелело, причем с восточной стороны (со стороны Сиры (ар. *Şīra*)) было высохшее дно, а с другой стороны — пропитанная водой почва. Этот рассказ продолжается так: «Цари персов, овладев Аденом, увидели высохшее дно и испугались, что сила, превосходящая [их собственные силы], возьмет город (*al-balad*) в осаду. Тогда они, обосновавшись, открыли проход [для воды] со стороны Джабал Имран (*Djabal 'Imrān*) и пустили к нему (городу. — Д.М.) морскую воду. Она разлилась и встала, так что залила все высохшее дно вокруг Адена, и Аден стал островом»²³. Проверить, насколько это сообщение соответствует действительности, сейчас едва ли возможно, однако вполне вероятно, что сасанидские наместники стремились как можно лучше укрепить свою важнейшую морскую базу, Аден, в том числе и создавая ей естественную защиту в виде водных преград.

Другое важное указание содержится в трактате ат-Табари, но не в пересказе известий Ибн Исхака и Хишама ал-Калби, а в кратком перечислении свершений Хосрова I. По словам ат-Табари, Хосров «отправился в сторону Адена, отгородил часть моря, расположенную между двумя горами, со стороны земли эфиопов, большими кораблями, ска-

²² The *Fārsnāma* of *Ibnu'l-Balkhī*. Ed. G. Le Strange, R.A. Nicholson. London: Luzac & Co., 1921. P. 96.

²³ *Ibn al-Muğawir*. *Descriptio Arabiae Meridionalis*. Ed. O. Löfgren. Pars prior. Leiden: E.J. Brill, 1951. P. 115–116.

лами, опорами из железа и цепями»²⁴. Поскольку в источниках нигде не сообщается, что Хосров когда-либо был в Йемене, слова о личном участии царя в проведении работ следует, очевидно, понимать как неверно понятое арабскими передатчиками известие о том, что упомянутые постройки были его свершением. Работы, о которых повествует ат-Табари, представляли собой, по всей вероятности, восстановление так называемой «Мандебской цепи» (*s¹s¹lt Mdbn* южноаравийских надписей)²⁵. Следует обратить внимание на то, что автором (или, по крайней мере, соавтором) всех надписей, на которые сделана ссылка, был князь (*кайл*) Шарах'ил Йакбул (*S²rh¹l Yqbl* надписей) из рода Йаз'анов. Вероятно, работы по восстановлению цепи, о которых фактически повествует ат-Табари, были предприняты по совету кого-то из Йаз'анов, может быть, Сайфа / Ма'дикариба, который обратил внимание сасанидских военачальников на опыт их предшественников.

О присутствии персов в Сане и Адене говорится и еще в одном источнике — описании ярмарок (*aswāk*) доисламской Аравии, входящем к Хишаму ал-Калби. Согласно дошедшим до нас передачам этого текста такие ярмарки проводились в определенное время года и в Йемене, в Адене и Сане, и потомки сасанидских завоевателей (арабы называли их *abnā'*, т.е. «потомки») вносили с купцов десятину за право торговать²⁶. Мусульманский географ X в. ал-Хамдани (*al-Hamdānī*) упоминает о руднике серебра в ар-Радрате (*al-Radrād*)²⁷

²⁴ Annales ... 1881–1882. P. 898.

²⁵ Подробное описание Мандебской цепи содержится в «Мученичестве св. Арефы, Румы и их сподвижников, мучеников Наджрана в Счастливой Аравии». Согласно этому источнику царь Иосиф Ас'ар Йас'ар, чтобы предотвратить вторжение войск негуса Эфиопии, протянул через пролив, разделявший земли эфиопов и химьяритов, цепь, сделанную из железных звеньев; вставленные между ними деревянные блоки позволяли ей держаться на поверхности воды (Acta SS. Arethae et Rumae et sociorum martyrum Negranae in Arabia felice. Ed. E. Carpentier. Bruxelles, 1861. P. 88 (греческая версия); Historia dos martyres de Nagran. Versão ethiopica. Pub. F.M. Esteves Pereira. Lisboa, 1899. P. 69 (эфиопская версия)). Упоминания о том, что Иосиф Ас'ар Йас'ар укрепил цепь, есть в южноаравийских надписях времени его правления (*Ja* 1028, *Ry* 507, *Ry* 508). Когда в 525 г. флот негуса двинулся в поход на Йемен, цепь оказалась для него серьезным препятствием, однако первые корабли перенесло через нее течением. Затем началась буря, и цепь порвалась (Acta ... 1861. P. 88; Historia ... 1899. P. 69).

²⁶ Ibn-Wādhīh qui dicitur *al-Ja'qubī* Historiae. Ed. M.Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883. Pars prior. P. 314; Kitāb al-amkina wa al-azmina. Ta'lif ... *al-Marzūqī*. Ed. Kh. Al-Manṣūr. Beirut: Dār al-kutub al-'ilmiyya, 1996. P. 384 (со ссылкой на Хишам ал-Калби); Kitāb al-muḥabbar li ... *Muḥammad bin Ḥabīb*. Ed. E. Lichtenstädter. Hyderabad: Dā'irat al-ma'ārif al-'uthmāniyya, 1942. P. 266.

²⁷ Примерно в 50 км к северо-востоку от Саны.

Монета Хосрова II.

Из открытых источников

и сообщает, что среди тех, кто работал на нем, были потомки персов, переселившихся в те места в доисламские времена²⁸. Можно заключить, что разработка залежей серебра происходила уже при сасанидских наместниках, которые, несомненно, обеспечивали военную охрану рудника. Эти сведения позволяют судить, что наместники держали под контролем места, ключевые не только в военном, но и в хозяйственном отношении.

Еще одной важной задачей каждого сасанидского наместника было обеспечение сбора податей (включая как налоги, так и сборы за право торговать на ярмарке, о которых говорилось в предыдущем абзаце). Как показано в работе «Йемен под властью Сасанидов. Статья первая. Правление Йаз'ана», прежде этим занимался Йаз'ан (как правитель Йемена, одновременно подчиненный сасанидскому царю). После гибели Йаз'ана задача перешла к новому правителю, т.е. сасанидскому наместнику. По сообщению Ибн Исхака, Вехриз, получив после второго похода в Йемен назначение наместником, собирал подати для сасанидского царя²⁹. Бал'ами повествует, что Марзбан (отождествленный выше с ал-Марвазаном Хишама ал-Калби) каждый год посылал царю подати, обозначае-

²⁸ *al-Hamdānī*. Kitāb al-ğauharatain al-'atīqatain al-mā'ī'atain aṣ-ṣafrā' wa'l-baiḍā'. Die beiden Edelmetalle Gold und Silber. Hrsg. und übers. Chr. Toll. Uppsala: Almqvist & Wiksells boktryckeri aktiebolag, 1968. S. 144–145. Как в этих фрагментах, так и в другом своем произведении, «Описании Аравийского полуострова» (Ṣifat Djazīrat al-'arab. Ta'lif ... *al-Hamdānī*. Ed. M. al-Akwa' al-Ḥiwālī. Sana: Maktabat al-irshād, 1990. P. 321), ал-Хамдани называет ар-радрадский рудник первым среди серебряных рудников и утверждает, что подобного ему нет.

²⁹ Annales ... 1881–1882. P. 958.

мые в тексте источника понятием *харадж*³⁰. Упомянутый выше караван, посланный Баданом к Хосрову, перевозил, по-видимому, в основном то, что наместник собрал с купцов³¹. Как именно происходил сбор податей, сказать трудно в силу почти полного отсутствия сведений. Из сообщений о ярмарках видно, что на них иранцы занимались сбором податей самостоятельно; этому несомненно способствовало то, что именно в Адене и Сане их присутствие было весьма значительным. Эпизод с ал-Марвазаном, рассматриваемый ниже, показывает, что подчинявшиеся сасанидскому наместнику химьяритские и сабейские знатные роды платили дань, собирая ее как налоги со своих подданных.

Наместники опирались главным образом на стоявшие в Йемене сасанидские войска. Важной их опорой были и упомянутые выше «потомки» (*abnāʾ*). В описании ярмарок доисламской Аравии Хишам ал-Калбӣ говорит о «потомках», что они вжимали пошлыны за право торговать на ярмарке в Адене, но при этом «не покупали на своих рынках и не продавали»³². Такие сведения лучше всего применимы к воинам или чиновникам. При необходимости можно было мобилизовать и работников — например, тех, кто трудился на упомянутом выше руднике в ар-Радраде.

После гибели Йаз'ана, когда, как показано выше, роды высшей йеменской знати сделали по меньшей мере фактически независимыми, сасанидские наместники были поставлены перед необходимостью бороться с ними. В этом отношении показателен рассказ об ал-Марвазане, заключительная часть которого (о том, как Хосров II призвал его к себе) рассмотрена выше. Согласно этому рассказу против ал-Марвазана восстали жители ал-Масани' (*al-Maṣānī'*), которые перестали платить подати и заперлись в какой-то крепости в горах. Наместник отважно подъехал на коне к крепости, защитники которой, видя это, сочли его за беса.

³⁰ Tārikh-nāmeḥ ... 1995. P. 735. Во времена Бал'ами понятие *харадж* (*kharāj*) означало поземельную подать.

³¹ Согласно источникам добычу тамимитов, разграбивших караван, составили: мечи, сосуды, золотые пояса, драгоценные камни, благовония (Dīwān ... 1979. P. 63; The Mufaḍḍalīyat, 1921. P. 708), йеменские одежды, мускус, амбра и отделанные пояса (Kitāb al-aghānī ... 1905. Pt. 16. P. 75), ценные диковины, драгоценные камни и амбра (Kitāb d̲j̲umal ... 1996. Pt. 11. P. 374), мускус, амбра и драгоценности [Kitāb al-ʿiḳd al-farīd. Taʾlīf ... Ibn ʿAbd Rabbih al-Andalusī. Ed. A. Amīn, A. al-Zayn, I. Al-Abyārī. Pt. 5. Cairo: Maṭbaʿat Ladjnat al-taʾlīf wa al-tardjama wa al-nashr, 1965. P. 224; Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār li Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī. Part 25. Ed. M. al-Nadīm. Beirut: Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 2010. P. 117], благовония и диковины (Kitāb al-ʿafw ... 1981. P. 430; Nihāyat al-arab fī funūn al-adab. Taʾlīf ... al-Nuwayrī. Vol. 15. Cairo: Dār al-kutub al-miṣriyya, 1949. P. 407).

³² Kitāb al-amkina ... 1996. P. 384; Kitāb al-muḥabbar ... 1942. P. 266.

Монета Хосрова II.

Из открытых источников

Ал-Марвазан стал кричать им по-персидски, веля связать друг друга, что они и сделали. Ал-Марвазан вывел их из крепости, одних предал смерти, а других взял в плен. Именно в этом, согласно рассказу, состояла заслуга ал-Марвазана, вызвавшая восхищение Хосрова³³. Если отбросить явно легендарные элементы, можно представить себе, что слова, сказанные наместником (вероятно — гарантия сохранения жизни для тех, кто сдастся), вызвали распри среди защитников крепости, и сторонники капитуляции победили и открыли ворота; продолжавших сопротивление ал-Марвазан предал смерти.

Недостаток исторических деталей не дает возможности определить, с кем и где боролся таким образом ал-Марвазан; можно лишь сказать, что против него выступил один из родов высшей йеменской знати, который, судя по словам об отказе от уплаты податей, попытался избавиться от верховенства Сасанидов и их наместника и править в своих владениях независимо от них³⁴.

³³ Annales ... 1881–1882. P. 1039–1040; Kitāb ḥuṣūn ... 1996. Vol. 1. P. 178–179.

³⁴ Название *ал-Масани*‘, являющееся, по сути, единственной исторической подробностью, от которой можно отталкиваться в дальнейших разысканиях, применялось к различным реалиям. Показательно высказывание М. ал-Аква‘а ал-Хивали (М. *al-Akwa‘ al-Ḥiwālī*), признанного знатока истории средневекового Йемена и издателя ряда источников: «[ал-Масани‘ означало] замки (*ḥuṣūn*), крепости (*kilā‘*), жерла источников воды (*birak*) и вершины гор; то, что в Йемене именуется *ал-Масани*‘, не поддается подсчету из-за многочисленности» (Kitāb al-iklīl li ... *al-Hamdānī*. Pt. 2. Ed. M. al-Akwa‘ al-Ḥiwālī. Cairo: Maṭba‘at al-sunna al-muḥammadiyya, 1966. P. 4, note 2). Авторитетный средневековый ученый ал-Асма‘и (*al-Aṣma‘ī*, жил в VIII — начале IX в.) утверждал, что словом *maṣānī‘* арабы обозначают селения (*kurā*) вообще (Sharḥ dīwān Imrī‘-il-Ḳays bin Hudjr al-Kindī li ... al-A‘lam *al-Shantamarī*. Ed. Ibn Abī Shanab. Algiers: al-Sharika al-waṭaniyya li-l-nashr wa al-tawzi‘, 1974. P. 499). Географ-

Другой эпизод известен по трактату «Разделение верного и пустого из предметов гордости кахтанитов и йеменцев». Согласно этому источнику,

энциклопедист Йакут (*Yākūt*, род. в 1178–1180 гг., ум. в 1229 г.) знает в Йемене область (*mikhlāf*) ал-Масани' и крепость аль-Масани' в области Саны (*Mu'djam ... 1977. T. V. P. 136*). Если ставить перед собой задачу найти ал-Масани', в котором происходили рассматриваемые события, следует обратить первостепенное внимание на те места, которые в источниках связываются с событиями доисламского времени. Действуя таким образом, мы находим два возможных отождествления. Географ середины — второй половины IX в. Ибн Хордадбех (*Ibn Khurdādhbih, Ibn Khurradādhbih*) называет в числе мест, расположенных в Йемене, Шибам (*Shibām*), Байт Акйан (*Bayt Akyān*) и ал-Масани', и отмечает, что в них живут люди из рода зу Хавал (*dhū Hawāl*; огласовка *ḥamḥa* над начальным *hā'* принадлежит издателю текста источника, однако более вероятно чтение *Ḥiwāl*; на это указывает то, что Мухаммад ал-Аква' именовал себя *ал-Хивали*), потомки зу Макара (*dhū Maḳār*), к которым принадлежал Йа'фур ибн 'Абд ар-Рахман ибн Курайб ал-Хивали (*Ya'fur Ibn 'Abd al-Raḥmān Ibn Kurayb al-Hawālī*) (*Kitāb al-masālik wa'l-mamālik (Liber viarum et regionum) auctore ... Ibn Khordādhbeh et excerpta e Kitāb al-kharāj auctore Kodāma ibn Dja'far. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni-Batavorum, 1889. P. 142; ср. Mu'djam ... 1977. T. V. P. 136*). Род зу Макара часто встречается в перечнях восьми родов высшей йеменской знати (*mathāmina*) у мусульманских авторов. В свою очередь ал-Хамдани, повествуя о месте под названием Шибам байт Акйан (*Shibām bayt Akyān*), пишет: «Шибам — царство рода Йа'фур (*Ya'fur*), хивалитов (*al-ḥiwāliyyīn*)»; далее сообщается, что его стены были построены Йа'фуром ибн 'Абд ар-Рахманом ал-Хивали (*Ya'fur Ibn 'Abd al-Raḥmān al-Hiwālī*) (*al-Iklīl. Al-Djuz' al-thāmin. Ta'hif ... Ibn al-Ḥā'ik al-Hamdānī. Ed. N.A. Fāris. Beirut: Dār al-ʿawda, Sana: Dār al-kalima, s.a. P. 85*). Можно заключить, что место ал-Масани' Ибн Хордадбега находилось в области Шибам байт Акйан-а, т.е. Шибам Кавкабан-а (*Shibām Kawkabān*). Если считать, что Шибам байт Акйан находился в районе нынешних Шибама и Кавкабана, крепость, которой овладел ал-Марвазан, следует искать в горах к северо-западу от Саны; эти горы назывались *Масани' хим-йар* (*Maṣāni' ḥimyar*). С другой стороны, в недавно изданном трактате неизвестного автора «Разделение верного и пустого из предметов гордости кахтанитов и йеменцев» упоминается «царь ал-Масани'» зу-р-Румхайн (*dhū-l-Rumḥayn*), который характеризуется как потомок рода зу Ру'айн (*dhū Ru'ayn*) — одного из родов высшей йеменской знати. В перечне знатных родов потомков Ру'айна в этом фрагменте непосредственно перед зу-р-Румхайном упоминается зу Тархам (*dhū Tarkham*), царь Хав-а (*Khāw*) (*al-Fāṣil bayna al-ḥaḳḳ wa al-bāṭil min mafākhīr abnā' Ḳaḥṭān wa al-yaman li mu'allif madjhūl. Ed. M.ʿA. Djāzim, M. ʿArbash. Sana: al-Maʿhad a-faransī li-l-āthār wa-l-ʿulūm al-idjtimāʿiyya bi Ṣanʿāʾ, al-Maʿhad al-almānī li-l-āthār bi Ṣanʿāʾ, 2009. P. 51–52*). Данный фрагмент следует, кажется, сблизать со словами ал-Хамдани о Йариме (*Yarīm*) зу-р-Румхайне, отце зу Тархама. В примечании к ним М. ал-Аква' ал-Хивали отмечает, что по имени этого зу-р-Румхайна названы крепость и гора в районе Ка' ал-хака (*Ḳāʿ al-ḥaḳl*) (*Kitāb al-iklīl li ... al-Hamdānī. Pt. 2. Ed. M. al-Akwaʿ al-Ḥiwālī. Cairo: Maṭbaʿat al-sunna al-muḥammadiyya, 1966. P. 324*). В качестве географической локализации этим сведениям лучше всего отвечает Йарим (*Yarīm*), расположенный в 4,5 км от Хав-а (*Khāw*), в горах между Иббом (*Ibb*) и Замаром (*Dhamār*) на дороге из Та'изза (*Taʿizz*) в Сану, к югу от последней. Отдать предпочтение какому-либо из этих отождествлений нелегко, так как в рассмотренных в настоящем примечании фрагментах не упоминаются ни ал-Марвазан, ни его поход. Можно лишь заключить, что против ал-Марвазана выступил один из родов высшей йеменской знати (в представленных выше предположениях — зу Макара или одно из ответвлений зу Ру'айн).

Монета Хосрова II.

Из открытых источников

на определенном этапе произошел конфликт между частью химьяритов (*ḳawm min ḥimyār*) и персами. Последние решили оставить Сану и укрылись в ал-Бауне (*al-Bawn*)³⁵, где их хорошо приняли арабы из племенного объединения бану Хамдан (*Banū Hamdān*), которые осуждали действия Сайфа ибн зи Йазана и химьяритов и были враждебны к последним. По словам автора источника, бану Хамдан и персы договорились о взаимной помощи и соблюдали это соглашение и во время написания книги³⁶.

Известие, рассмотренное в предыдущем абзаце, показывает, что сасанидские наместники не всегда одерживали верх в противостоянии

³⁵ Название *ал-Баун* применялось к области (см., напр.: *Descriptio imperii moslemici auctore ... al-Moqaddasi*. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1906. P. 88, 103; *Kitāb al-masālik ...* 1889. P. 137), расположенной на пути из Саны на север, в Тихаму (*Ṣifat ...* 1990. P. 303). Однако сасанидский гарнизон вряд ли ушел бы из Саны для того, чтобы рассредоточиться по сельской местности к северу от нее. Скорее этот отряд укрепился в каком-то поселении. В этом отношении вероятно, что под ал-Бауном понимается Райда (*Rayda*). О том, что это возможно, свидетельствует следующий пример. Ибн Хордадбех повествует, что в Райде, которую он относит к области ал-Баун, находились колодезь опустевший и замок воздвигнутый, упомянутые в аяте 44(45) суры 22 «Хадж» Корана (*Kitāb al-masālik ...* 1889. P. 137). Йакут со ссылкой на утверждения не названных по именам людей пишет то же самое об ал-Бауне, называя его «городом в Йемене» (*Muʿdjam ...* 1977. T. I. P. 511). О присутствии в ал-Бауне / Райде бану Хамдан свидетельствует Хишам ал-Калби, который называет ал-Баун городом бану Хамдан (*Nasab Maʿadd wa al-Yaman al-kabīr li Abī-l-Mundhir Hishām ... al-Kalbī*. Ed. N. Ḥasan. Beirut: ʿĀlam al-kutub, 1988. P. 545). Известна также легенда, согласно которой однажды (в доисламское время) хамданиты, решив напасть на Сану, выступили из ал-Бауна (*Tārīkh madīnat Ṣanʿāʾ li al-Rāzī*. Ed. Ḥ. al-ʿUmarī. Damascus: Dār al-fikr, Beirut: Dār al-fikr al-muʿaṣir, 1989. P. 92).

³⁶ *al-Fāṣil ...* 2009. P. 191–192.

с теми представителями йеменской знати, кто стремился к независимости. Можно предположить, что такие неудачи приводили к смене наместников, о чем говорилось выше. К сожалению, вследствие недостатка фактического материала не удастся проследить ход этих событий; неизвестно даже, чем закончился эпизод с уходом сасанидского войска в ал-Баун. Поэтому о развитии событий можно судить только по их общей картине. Правление сасанидских наместников продолжалось, и у нас нет сведений об изгнании персов из Йемена или о восстановлении в том или ином виде государства Химьяр, Саба и т.д. По-видимому, йеменская знать никогда не объединялась против Сасанидов; эпизоды, которые мы видим, представляли собой скорее выступления отдельных родов. В целом существовал, кажется, консенсус, в рамках которого сасанидские наместники держали под своей властью наиболее важные пункты (об этом см. ниже) и контролировали сбор податей и отправку их царю, не вмешиваясь (или в ограниченной степени вмешиваясь) в дела местной знати. Последняя должна была собирать подати с населения (это видно на примере обитателей ал-Масани'), обеспечивать порядок и решать иные вопросы повседневной жизни. Описание положения дел в Йемене при сасанидских наместниках мы находим у позднего автора Баха' ад-дина ал-Джунди (*Bahā' al-dīn al-Djundī*, ум. в 1331/2 г.), который сообщает:

«Власть над Саной была в руках персов и химьяритов, потомков Сайфа ибн зи Йазана, ибо он к тому времени погиб; итак, персы властвовали, а химьяриты управляли областями, доставляли подати (*харадж*) и отвращали зло»³⁷.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об отношениях сасанидских наместников с арабскими племенами. Большая часть сохранившихся сведений по данному вопросу касается племенного объединения бану Хамдан. Как показано выше, хамданиты по крайней мере однажды выступили на стороне сасанидского наместника, против химьяритской знати. О союзе между хамданитами и Баданом подробно рассказывает Ахмад ар-Рази (*Aḥmad al-Rāzī*, ум. ок. 1068 г.):

«Повествование о союзе между хамданитами и персами во время Бадана, сына Сасана, при Хосрове, сыне Хормузда.

Было так, что собралось несколько вождей, и они, посоветовавшись, решили воевать с Баданом, сыном Сасана; [это было] при Хосрове, сыне

³⁷ al-Sulūk fi ṭabaqāt al-ʿulamāʾ wa al-mulūk. Taʿlīf ... *al-Djundī* al-Saksakī al-Kindī. Pt. 1. Ed. M. al-Akwaʿ al-Ḥiwālī. Sana: Maktabat al-irshād, 1993. P. 161–162.

Монета Хосрова II.
Из открытых источников

Хормузда. Собрались они в Музабе (*Mudhāb*), в [области] ал-Джауф (*al-Djawf*)³⁸. Среди них были ‘Амр ибн Ма’ дикариб аз-Зубайди (*‘Amr Ibn Ma’dīkarib al-Zubaydī*), ‘Анбаса ибн Зайд ал-Хаулани (*‘Anbasa Ibn Zayd al-Khawlanī*), ал-Хусайн ибн Кинан ибн Йазид ал-Хариси (*al-Ḥusayn Ibn Ḳinān Ibn Yazīd al-Ḥārithī*), Йазид ибн ‘Абд ал-Мадан (*Yazīd Ibn ‘Abd al-Madān*) и Шихаб ибн ал-Хусайн (*Shihāb Ibn al-Ḥusayn*) с некоторым количеством всадников и вельмож. Они расположились как огромное войско и собрали густой сонм [бойцов]. Они встали в земле³⁹, стремясь к тому, чтобы он был с ними, но он не дал им свое согласие на это. И вот, это дошло до Бадана, и он выступил на них с конницей всадников из Саны. Тогда хамданиты выступили навстречу ему примерно с десятью тысячами бойцов, конных и пеших, в полном вооружении. В то время они были самыми мощными из жителей Йемена, имели больше снаряжения и оружия, были доблестнее и сильнее, чем все остальные. Предводителями их были ‘Амр ибн ал-Харис ибн ал-Хусайн аш-Шакири (*‘Amr Ibn al-Ḥārith Ibn al-Ḥusayn al-Shākiri*) и ‘Амр ибн Йазид ибн ал-Раби’ ал-Хашиди (*‘Amr Ibn Yazīd Ibn al-Rabī’ al-Ḥāshidī*). Итак, они предложили Бадану помощь и союз. Это обрадовало его, он поспешил

³⁸ Музаб упоминается в источниках, однако определить точно его местонахождение затруднительно. Примечательно, что географ-энциклопедист Абу ‘Убайд ал-Бакри (*Abū ‘Ubayd al-Bakrī*, род. ок. 1010 г., ум. в 1094 г.) знает Музаб только как место (*mawḍi‘*) (*Mu’djam mā ista’djam min asmā’ al-bilād wa al-mawāḍi‘. Ta’līf ... al-Bakrī. Ed. M. al-Saqqā. Beirut: ‘Ālam al-kutub, 1983. P. 1202*). Судя по всему, Музаб следует связывать с Вади Музаб (*wādī Mudhāb*) в провинции ал-Джауф (*al-Djawf*) в современном Йемене.

³⁹ Имя человека, о котором идет речь, в тексте опущено.

к ним⁴⁰ и заключил с ними союз. В тот день собрались все предводители хамданитов, знатные люди и всадники из них. То был день большого значения, с далеко идущими последствиями, достойный на вид, с большим числом присутствовавших. Когда они собрались для [заключения] договора, встали их ораторы, и каждый оратор из обоих войск сказал речь посетившими его прекрасными, великолепными словами, призывая к союзу и согласию и порицая разрозненность и раздоры. Все стремились к этому, радовались ему и соглашались на это всей душой, чувствуя облегчение от того, что дело их объединено. Так было потому, что хамданиты непрестанно были на стороне персидских всадников и помогали им. А арабы, если писали, начинали письмо с “Во имя Твое, Боже!”. Персы же, когда писали письмо, начинали с “Во имя Милостивого, Ведущего [верным путем]!”. И вот, они (хамданиты и персы. — Д.М.), собравшись писать, объединили оба начала вместе и написали одну грамоту по-арабски и одну — по-персидски. Они написали так: “Во имя Бога, Милостивого, Ведущего [верным путем]!” Это — грамота с изложением того, что решили хамданиты и персы в Йемене в присутствии *марзбан*-а Бадана, сына Сасана, на виду у предводителей ‘Амра ибн ал-Хариса и ‘Амра ибн Йазида из [племен] *бакил* (*Bakīl*) и *хашид* (*Hāshid*), с согласия присутствовавших и с тем, что они (хамданиты и персы. — Д.М.) дали друг другу заверения относительно всех отсутствовавших из обоих народов, о том, что поклялись мы друг другу, дав обещания перед Аллахом Всевышним, объединить устремления [наши] и сделать их соответствующими друг другу, сражаться с противником и отстраниться от него, а также о том, что если любой из нас, из обоих народов, нарушит то, о чем заключил соглашение и поклялся другому, или отойдет от того, в чем сильно и крепко связал себя обязательством, то ему — то, что обещано от Аллаха Всевышнего, повторенное, обещанное, подтвержденное, вечно сильное, пока есть отец и ребенок, навечно, как заповеданное и подтвержденное, пока покрывается небо дающими тень [тучами], вздымается пыль, течет вода, падает дождь, зеленеют деревья, употребляются в пищу плоды, и существуют люди, пока есть в морях бурная вода, на деревьях листья, во времени не прекращается жизнь, пока пребывают высокие горы на месте своем, появляются звезды в местах восхода своего, свободно пасется скот на пастбищах, изобилующих зеленой травой, [и это —] обещание, подтверждаемое [всеми] обещаниями, договор, усиливаемый [всеми] соглашениями, соглашение

⁴⁰ В тексте источника, очевидно, ошибочно — «поспешил к нему» (*saraʿa ilay-hi*).

Монета Хосрова II.

Из открытых источников

прочное, незыблемое, крепкое, которое не исчезнет, и весть о котором не пропадет»⁴¹.

Данный рассказ целесообразно сопоставить с дошедшими до нас сведениями об отношениях хамданитов с правителями Йемена в предыдущие времена. Из южноаравийских надписей *Ja 1028*, *Ry 507* и *Ry 508* видно, что хамданиты составляли значительную часть войска йаз'анита Шарах'ила Йакбула (о нем см. выше), отправленного Иосифом Ас'ар Йас'аром (*Yusuf 's¹'r Yt'r* надписей) против жителей Наджрана. После установления власти Абрахи хамданиты, вероятно, видя в нем враждебную им силу, ушли в горы, объявив, что не станут подчиняться никому кроме химьяритов⁴². Однако в южноаравийской надписи *СН 541* (548 г.) упоминается зу Хамдан (*d-Hmdn*), по-видимому племенной вождь, который был в числе сподвижников Абрахи. Еще более показательна надпись *Ja 547+Ja 546+Ja 544+Ja 545*, в которой вожди бану Хамдан (*d-Hmdn* надписи) и, в частности, племен *бакил* (*Bklm*) и *хашид* (*Ḥs²dm*), упомянутых в приведенном выше рассказе, именуют Абраху своим господином. Из сказанного видно, что вожди хамданитов действовали прагматично и так или иначе договаривались с правителями Йемена, получая от них приемлемое положение в обмен на признание их власти или службу. Отмеченное выше недовольство хамданитов действиями Сайфа ибн Йазана (Йаз'ана) не обязательно должно расцениваться как факт, опровергаю-

⁴¹ Tārīkh ... 1989. P. 92–94.

⁴² al-Ansāb li ... *al-ʿAwtābī al-Ṣuḥārī*. Ed. M.I. al-Naṣṣ. Muscat: Wizārat al-turāth al-ḳawmī wa al-thaqāfa, 2006. P. 240.

щий этот вывод: Йаз'ан и его сторонники могли не простить хамданитам признание власти Абрахи, а возможно — и выступление на стороне преемников последнего. Таким образом, союз с сасанидскими наместниками как с правителями Йемена стал шагом, которого вполне можно было ожидать от племенной верхушки хамданитов.

Недостаток сведений не дает возможности сказать, как вели себя по отношению к сасанидским наместникам представители иных племен. В приведенном выше рассказе Ахмада ар-Рази против Бадана выступает коалиция из вождей, принадлежащих к различным племенам, главным образом из племенного объединения *мазхидж* (*Madhḥidj*), но также из племенного объединения *хаулан* (*Khawlān*). В рассказе не сообщается, из-за чего эти вожди решили начать войну с наместником (строго говоря, мы даже не знаем, состоялся ли поход, который они намеревались совершить), но можно констатировать, что конфликтные ситуации так или иначе имели место. Между тем представляется, что по общему правилу сасанидские наместники и вожди арабских племен договаривались, а не воевали. Как показано выше, ал-Марвазан, отправившись к царю, умер в земле арабов. Из этого следует, что наместник двинулся в путь не по морю, а по суше, что едва ли было бы возможно, если бы существовала серьезная угроза нападения со стороны арабских племен. Примерно так же поступил впоследствии и Бадан, который послал Хосрову II ценности не по морю, а с караваном, по суше. Караван подвергся нападению и был разграблен, но произошло это на большом расстоянии от Йемена. Можно предполагать, следовательно, что сасанидские наместники смогли договориться с арабскими племенами, и те обеспечивали безопасный проход караванов. Следует обратить внимание и на то, что, несмотря на наличие большого количества источников о средневековом Йемене, ни в одном из них нет известий о кровавых расправах, подобных рассказам о лахмидском царе Амре III (554–569), который из мести сжег заживо сто человек, или об устроенной сасанидским наместником в ответ на захват каравана (о нем см. выше) резне в крепости ал-Мушаккар. С другой стороны, и арабские племена должны были так или иначе договариваться с сасанидскими наместниками, чтобы иметь возможность торговать на ярмарках, находившихся под их контролем.

Условия этих договоров неясны. В рассказе Ахмада ар-Рази хамданиты и персы становятся равноправными союзниками, что, вероятно, отражает понимание таких договоров хамданитами и более поздними рассказчиками. Такие договоры, скорее всего, заключались прежде всего для решения каких-то отдельных насущных задач, таких как отражение на-

Монета Хосрова II.

Из открытых источников

падений тех или иных племен, проход караванов и т.п. Можно допустить, что заключались и соглашения об общих принципах взаимоотношений (наподобие тех, ради которых к Йаз'ану ездили арабские посольства), и в их рамках те или иные племена признавали над собой верховенство сасанидского царя и обязывались платить подати, однако на настоящем этапе это остается гипотезой, еще требующей подтверждения фактами.

Окончание правления сасанидских наместников в Йемене закономерно связывается с принятием Баданом ислама. Это событие представлено в источниках неоднозначно. С одной стороны, в источниках распространен бывший уже у Ибн Исхака рассказ о том, что Мухаммад послал Хосрову II Парвизу письмо, призывая его принять ислам. Хосров изорвал это послание, но велел Бадану отправить к Мухаммаду посланцев, чтобы те доставили его к сасанидскому двору. Когда посланцы явились к Мухаммаду в Медину, он сначала отослал их. Получив, согласно мусульманским авторам, в ночи откровение, Мухаммад на следующий день объявил посланцам Бадана, что Хосрова сверг и предал смерти его сын Широ (Кавад II), уточнив, когда это произошло, с точностью до часа. Вернувшись к Бадану, посланцы рассказали ему об этом. Получив затем письмо Широ с известием о его воцарении и смерти Хосрова II, Бадан признал Мухаммада пророком и, приняв ислам, написал ему об этом⁴³. Сообщения источников о том, как Мухаммад обратился с пись-

⁴³ A'lām ... 1986. P. 89; Annales ... 1882–1885. P. 1571–1575; Dalā'il al-nubuwwa li ... Abī Nu'aym al-Aṣḥabānī. Ed. M.R. Ḳal'atdji, 'A. 'Abbās. Beirut: Dār al-nafā'is, 1986. P. 349–351; al-Iktifā' bi-mā taḍammana-hu min maghāzī Rasūl Allāh wa al-thalātha al-khulafā'. Ta'rif ... al-Kalā'ī al-Andalusī. Ed. M.K.'I. 'Alī. Beirut: 'Ālam al-kutub, 1997. Vol. 1. Pt. 2. P. 388; Kitāb al-ṭabaqāt al-kabīr li Muḥammad bin Sa'd. Ed. 'A.M. 'Umar. Cairo: Maktabat

Монета Хосрова II.
Из открытых источников

мом к Хосрову — тема отдельного исследования; для настоящей работы важно то, что, если принимать данную версию, принятие Баданом ислама следует относить на несколько месяцев, последовавших за заговором против Хосрова и его убийством, последовавшим в ночь с 28 на 29 февраля 628 г.

Согласно другим утверждениям, встречающимся в том числе у Ибн Са‘да (род. ок. 784/5 г., ум. в 845 г.) и ат-Табари, Бадан принял ислам позднее, в 10 году хиджры⁴⁴. Отдать предпочтение одной из этих датировок можно только на основании исторического контекста. В этом отношении наш главный источник — исторический свод ат-Табари, где мы читаем:

«Согласно тому, что дошло до нас, Посланник Аллаха — да благословит его Аллах и приветствует! — объединил под властью Базама (Бадана. — Д.М.), когда тот принял ислам, и йеменцы приняли ислам, весь Йемен, поставил его правителем над всеми областями (*makhālīf*) его (Йемена. — Д.М.), и он (Бадан. — Д.М.) оставался наместником Посланника Аллаха в течение всей своей жизни, а тот не смеялся его [с наместничества] ни над ним (Йемен-

al-Khāndjī, 2001. Pt. 1. P. 223–224; Nihāyat ... 1996/97. P. 426–427; Sīrat al-Nabī li ... *Ibn Hishām*. Ed. M.F. al-Sayyid. Tanta: Dār al-ṣaḥāba li-l-turāth bi Ṭanṭā, 1995. Vol. 1. P. 113; Tārīkh-nāmeḥ ... 1995. P. 227–229; al-Wafā’ bi aḥwāl al-Muṣṭafā li ... *Ibn al-Djawzī*. Ed. M.Z. al-Nadjdār. Riyadh: al-Mu’assasa al-sa’diyya, 1976. Pt. 2. P. 460–463.

⁴⁴ Annales ... 1890. P. 1763; Kitāb al-ṭabaqāt ... 2001. Pt. 8. P. 92; al-Miṣbāḥ al-muḍīf fi kuttāb al-Nabī al-ummī wa rusuli-hi ilā mulūk al-arḍ min ‘arabī wa a’djamī li ... *Ibn Ḥudayda*. Ed. M. ‘Azīm al-dīn. Beirut: ‘Ālam al-kutub, 1985. Pt. 2. P. 156; al-Rawḍ al-unuf fi sharḥ al-sīra al-nabawīyya li Ibn Hishām li ... *al-Subaylī*. Ed. ‘A. al-Wakīl. Part 1. Cairo: Dār al-kutub al-islāmīyya, 1967. P. 315; Tārīkh al-khamīs fi aḥwāl anfas al-nafīs. Ta’līf ... *al-Diyārbakrī*. Cairo, 1884/5. Pt. 2. P. 170.

Монета Хосрова II.

Из открытых источников

ном. — Д.М.), ни над какой-либо из частей его, и не приставлял к нему сопровителя над ним (Йеменом. — Д.М.), [и так было] пока Бадан не умер»⁴⁵.

Данный фрагмент указывает на то, что между Мухаммадом и Баданом существовала договоренность, по которой последний сохранил свою власть над Йеменом, но при этом принял ислам и признал над собой верховную власть первого. Для Бадана это был очень серьезный шаг, потому что и оставление зороастрийской религии, и измена царю считались преступлениями, каравшимися смертью. Логично считать, что эти действия Бадан предпринял бы в критической ситуации, когда обстоятельства исключали бы другой выход. Если поставить это критерием и на соответствие ему сравнивать условия, сложившиеся в 628 г. и 10 г.х., т.е. промежутку времени от 20 апреля 631 г. по 8 апреля 632 г., это сравнение будет в пользу второго из названных периодов. Поскольку Бадан, как показано выше, принадлежал к Михранам, наибольшая опасность для него сложилась в период единоличного правления царицы Буран (630–631), т.е. на время с начала или середины июня 631 г. по октябрь того же года, когда вельможи из этого рода подверглись преследованиям⁴⁶. Можно предполагать, что Бадан получил известия, которые привели его к выводу о том, что эти преследования скоро и неизбежно затронут и его, и, посчитав положение безнадежным, увидел спасение в переходе в лагерь сторонников Мухаммада. Если же основываться на рассказе, в котором Бадан принимает ислам, получив послание от Кавада II Широа (628)

⁴⁵ Annales ... 1890. P. 1851.

⁴⁶ Мишин Д.Е. Последние Сасаниды: борьба за власть (628–635) // Восток (Oriens). 2025. №3. С. 23.

с известием о его воцарении, объяснить действия наместника сложнее, так как Кавад II не проводил репрессий против знати и тем более Михранов, пользовавшихся большим влиянием во время его царствования.

После того, как Бадан таким образом отложился от Сасанидов, история правления сасанидских наместников в Йемене фактически закончилась. Она окончательно прервалась со смертью Бадана, которая последовала, вероятнее всего, в начале 632 г.⁴⁷ После этого у нас нет более сведений о том, чтобы Сасаниды назначали своих наместников в Йемен.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Мишин Д.Е. Последние Сасаниды: борьба за власть (628–635). *Восток (Oriens)*. 2025;(3):18–28.
Mishin D.E. The last Sasanids: A Struggle for Power (628–635). *Vostok (Oriens)*. 2025;(3):18–28 (in Russ.).
2. Мишин Д.Е. Хауза Ибн ‘Али ал-Ханафи. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2022;(2):102–117.
Mishin D.E. Hawdha Ibn ‘Alī al-Ḥanafī. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 13. Vostokovedenie*. 2022;(2):102–117 (in Russ.).
3. Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М.: ИВ РАН, 2014. 696 с.
Mishin D.E. *Khusraw I Anushirwan (531–579), his epoch, and his biography and admonition in Miskawayh’s history*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014. 696 p. (in Russ.).

⁴⁷ Дата смерти Бадана приблизительно восстанавливается на основании того, что, согласно одному известию ат-Табари, Мухаммад назначил наместников Йемена, совершив последнее паломничество (*ḥad̲j̲d̲j̲at al-tamām*), что произошло в марте 632 г.; к тому времени, по словам ат-Табари, Бадана уже не было в живых (*Annales ...* 1890. P. 1852).

4. *Acta SS. Arethae et Rumae et sociorum martyrum Negranae in Arabia felice*. Ed. E. Carpentier. Bruxelles, 1861.
5. *al-Akhhbār al-ṭiwāl. Taʿlīf ... al-Dīnawarī* [Long Stories by al-Dīnawarī]. Ed. ʿA. ʿĀmir. Cairo: Wizārat al-thaḳāfa wa al-irshād al-ḳawmī (al-Iḳlīm al-djanūbī), al-Idāra al-ʿamma li-l-thaḳāfa, 1960.
6. *Aʿlām al-nubuwwa li ... al-Māwardī* [Signs of [Muḥammad] Being a Prophet, by al-Māwardī]. Beirut: Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 1986.
7. *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari*. Ed. M.J. De Goeje. Prima series. II. Rec. J. Barth, Th. Nöldeke. Lugduni Batavorum, 1881–1882. IV. Rec. P. De Jong, E. Prym. Lugduni Batavorum, 1890.
8. *al-Ansāb li ... al-ʿAwtabī al-Ṣuḥārī* [Genealogies by ... al-ʿAwtabī al-Ṣuḥārī]. Ed. M.I. al-Naṣṣ. Muscat: Wizārat al-turāth al-ḳawmī wa al-thaḳāfa, 2006.
9. *Dalāʾil al-nubuwwa li ... Abī Nuʿaym al-Aṣḥabānī* [Evidence of [Muḥammad] Being a Prophet, by Abū Nuʿaym al-Iṣḥāhānī]. Ed. M.R. Ḳalʿatdjī, ʿA. ʿAbbās. Beirut: Dār al-nafāʾis, 1986.
10. *Descriptio imperii moslemici auctore ... al-Moqaddasi*. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1906.
11. *Dīwān ʿAdī bin Zayd al-ʿIbādī* [Collection of Poetry by ʿAdī Ibn Zayd al-ʿIbādī]. Ed. M.Dj. al-Muʿaybid. Baghdad: Sharikat Dār al-Djumhūriyya li-l-nashr wa-i-ṭabʿ, 1965.
12. *Dīwān ʿĀmir bin al-Ṭufayl. Riwāyat Abī Bakr Muḥammad ... al-Anbārī ʿan ... Thaʿlab* [Collection of Poetry by ʿĀmir Ibn al-Ṭufayl as Told by Abū Bakr Muḥammad ... al-Anbārī on the Authority of ... Thaʿlab]. Beirut: Dār Ṣādir, 1979.
13. Farrehwashī B. *Farhang-i-pahlawī* [Dictionary of Pahlavi]. [Tehran:] Muʾassasa-i-intishārāt wa chāp-i-Dānishgāh-i-Tehrān, 1973.
14. *al-Fāṣil bayna al-ḥaḳḳ wa al-bāṭil min mafākhir abnāʾ ʾḲaḥṭān wa al-yaman li muʾallif madjhūl* [Division Between the Truth and the Futile among Objects of Pride of ʾḲaḥṭān's Sons and of the Yemenites, by an Unknown Author]. Ed. M.ʿA. Djāzim, M. ʿArbash. Sana: al-Maʿhad a-faransī li-l-āthār wa-l-ʿulūm al-idjtimāʿiyya bi Ṣanʿāʾ, al-Maʿhad al-almānī li-l-āthār bi Ṣanʿāʾ, 2009.
15. Gyselen R. *The Four Generals of the Sasanian Empire: Some Sigillographic Evidence*. Roma: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, 2001.
16. *al-Hamdānī. Kitāb al-ḡauharatain al-ʾatīqatain al-māʾi ʾatain aṣ-ṣafrāʾ wa ʾl-baiḍāʾ*. *Die beiden Edelmetalle Gold und Silber*. Hrsg. und übers. Chr. Toll. Uppsala: Almqvist & Wiksells boktryckeri aktiebolag, 1968.

17. *Histoire des rois des Perses par ... al-Tha'ālibī*. Pub. et tr. H. Zotenberg. Paris, 1900.
18. *Historia dos martyres de Nagran. Versão ethiopica*. Pub. F.M. Esteves Pereira. Lisboa, 1899.
19. Ibn al-Muğawir. *Descriptio Arabiae Meridionalis*. Ed. O. Löfgren. Pars prior. Leiden: E.J. Brill, 1951.
20. Ibn-el-Athiri. *Chronicon quod perfectissimum inscribitur*. Ed. C.J. Tornberg. Vol. I. Lugduni Batavorum, 1867.
21. *Ibn-Wādhīh qui dicitur al-Ja'qubī Historiae*. Ed. M.Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883.
22. *al-Iklīl. Al-Djuz' al-thāmin. Ta'rif ... Ibn al-Hā'ik al-Hamdānī* [The Crown, Part Eight, by Ibn al-Hā'ik al-Hamdānī]. Ed. N.A. Fāris. Beirut: Dār al-ʿawda, Sana: Dār al-kalima, s.a.
23. *al-Iktifā' bi-mā taḍammana-hu min maghāzī Rasūl Allāh wa al-thalātha al-khulafā'*. *Ta'rif ... al-Kalā'ī al-Andalusī* [A Sufficient Content on the Campaigns of the Prophet of Allāh and of the Three Caliphs, by al-Kalā'ī al-Andalusī]. Ed. M.K.ʿI. ʿAlī. Beirut: ʿĀlam al-kutub, 1997.
24. Justi F. *Iranisches Namenbuch*. Marburg, 1895.
25. *al-Kāmil fī-l-tārīkh li ... Ibn al-Athīr* [Perfect History, by Ibn al-Athīr]. Vol. 1. Ed. A.ʿA. al-Ḳaḍī. Beirut: Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 1987.
26. *Kitāb al-ʿafw wa al-iʿtidhār li Abī-l-Ḥasan ... al-ʿAbdī al-maʿrūf bi al-Raḡḡām al-Baṣrī* [Book on How Pardon Was Given and Begged For, By Abū al-Ḥasan ... al-ʿAbdī Known as the Basri Writer]. Ed. ʿA. Abū Ṣāliḥ. Riyadh: Djamīʿat al-Imām Muḥammad bin Saʿūd al-islāmiyya, 1981.
27. *Kitāb al-aghānī li-l-imām Abī-l-Faradj al-Aṣḡabānī* [Book of Songs by Imam Abū-l-Faradj al-Iṣḡabānī]. Ed. A. al-Shinḡīṭī. Cairo, 1905.
28. *Kitāb al-amkina wa al-azmina. Ta'rif ... al-Marzūḳī* [Book on [Names] of Places and Periods of Time]. Ed. Kh. Al-Manṣūr. Beirut: Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 1996.
29. *Kitāb djumal min Ansāb al-ashrāf ṣannaḡa-hu ... al-Balādhurī* [The Complete [Edition of] the Genealogies of Noblemen, by al-Balādhurī]. Ed. S. Zakkār, R. Zarkalī. Beirut: Dār al-fikr, 1996.
30. *Kitāb al-ʿiḡd al-farīd. Ta'rif ... Ibn ʿAbd Rabbih al-Andalusī* [Book [Like] a Unique Necklace, by Ibn ʿAbd Rabbih al-Andalusī]. Ed. A. Amīn, A. al-Zayn, I. Al-Abyārī. Pt. 5. Cairo: Maṡbaʿat Ladjnat al-taʿrif wa al-tardjama wa al-nashr, 1965.
31. *Kitāb al-iklīl li ... al-Hamdānī* [Book of Crown, by al-Hamdānī]. Pt. 2. Ed. M. al-Akwaʿ al-Ḥiwālī. Cairo: Maṡbaʿat al-sunna al-muḥammadiyya, 1966.

32. *Kitāb al-manāḳib al-mazyadiyya fī akhbār al-mulūk al-asadiyya. Taʿlīf ... al-Ḥillī* [Book of the Banū Mazyad's Virtues, on the History of the Asadite Kings, by al-Ḥillī]. Ed. S.M. Darādika, M.ʿA. Kharīsāt. Amman: Maktabat al-risāla al-ḥadītha, 1984.
33. *Kitāb al-masālik waʾl-mamālik (Liber viarum et regionum) auctore ... Ibn Khordādhbeh et excerpta e Kitāb al-kharādj auctore Kodāma ibn Djaʿfar*. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni-Batavorum, 1889.
34. *Kitāb al-muḥabbar li ... Muḥammad bin Ḥabīb* [Book of Embellished Presentation, by Muḥammad Ibn Ḥabīb]. Ed. E. Lichtenstädter. Hyderabad: Dāʿirat al-maʿārif al-ʿuthmāniyya, 1942.
35. *Kitāb al-ṭabaḳāt al-kabīr li Muḥammad bin Saʿd* [Big Book of Classes, by Muḥammad Ibn Saʿd]. Ed. ʿA.M. ʿUmar. Cairo: Maktabat al-Khāndjī, 2001.
36. *Kitāb tārīkh sunī mulūk al-arḍ wa al-anbiyāʾ. Taʿlīf Ḥamza ... al-Aṣḥabānī* [Book on History of the Years of the Kings of the Earth and of the Prophets by Ḥamza ... al-Iṣḥabānī]. Berlin: Kavianī GmbH, 1921/22.
37. *Kitāb ʿuyūn al-akhbār. Taʿlīf ... Ibn Ẹutayba al-Dīnawarī* [Book of the Best Accounts, by Ibn Ẹutayba al-Dīnawarī]. Cairo: Dār al-kutub wa al-wathāʾiq al-ḳawmiyya, 1996.
38. *Manāḳib āl Abī Ṭālib. Taʿlīf ... Ibn Shahr-ashūb al-Sarawī al-Māzandarānī* [Virtues of Abū Ṭālib's Relatives, by Ibn Shahr-ashūb al-Sarawī al-Māzandarānī]. Ed. Y. al-Baḳāʾī. Beirut: Dār al-aḍwāʾ, 1991.
39. *Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār li Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī* [Directions of Looks Towards Kingdoms of Countries, by Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī]. Part 25. Ed. M. al-Nadīm. Beirut: Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 2010.
40. *al-Masʿūdī. Murūdj al-dhabab wa maʿādin al-djawhar* [Meadows of Gold and Mines of Pearls]. Ed. Ch. Pellat. Beirut: al-Djāmiʿa al-lubnāniyya. Pts. 1, 2, 1966.
41. *al-Miṣbāḥ al-muḍīʿ fī kuttāb al-Nabī al-ummī wa rusulī-hi ilā mulūk al-arḍ min ʿarabī wa aʿdjamī li ... Ibn Ḥudayda* [[Book Like a] Luminous Lamp on the Prophet's Scribes and His Envoys to the Kings of the Earth, Both Arab and Non-Arab, by Ibn Ḥudayda]. Ed. M. ʿAzīm al-dīn. Beirut: ʿĀlam al-kutub, 1985.
42. *Muʿdjam al-bulḍān li ... Yāḳūt* [Reference-Book on Countries and Settlements, by Yāḳūt]. Beirut: Dār Ṣādir, 1977.
43. *Muʿdjam mā istaʿdjam min asmāʾ al-bilād wa al-mawāḍiʿ. Taʿlīf ... al-Bakrī* [Reference-Book on Unclear Names of Regions, Settlements, and Places by ... al-Bakrī]. Ed. M. al-Saḳḳā. Beirut: ʿĀlam al-kutub, 1983.

44. *Muğmal at-tawārīḥ wa-l-qīṣaṣ : eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert.* Hrsg. S. Najmabadi, S. Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux mondes, 2000.
45. *Nasab Maʿadd wa al-Yaman al-kabīr li Abī-l-Mundhir Hishām ... al-Kalbī* [Big [Book on] Genealogies of Maʿadd and Yemenites, by Abū-l-Mundhir Hishām ... al-Kalbī]. Ed. N. Ḥasan. Beirut: ʿĀlam al-kutub, 1988.
46. *Nihāyat al-arab fī akhbār al-furs wa al-ʿarab* [The Utmost of What May Be Sought in the History of Persians and Arabs]. Ed. M.T. Dānishpezhūh. Tehran: Andjoman-i-āthār wa mafākhir-i-farhangī, 1996/97.
47. *Nihāyat al-arab fī funūn al-adab. Taʿlīf ... al-Nuwayrī* [The Utmost of What May Be Sought in Various Arts of Literature, by al-Nuwayrī]. Vol. 15. Cairo: Dār al-kutub al-miṣriyya, 1949.
48. *al-Rawḍ al-unuf fī sharḥ al-sīra al-nabawiyya li Ibn Hishām li ... al-Suhaylī* [[Book Like a] Garden with an Intact Green Grass, with Explanation of Ibn Hishām's Biography of the Prophet, by al-Suhaylī]. Ed. ʿA. al-Wakīl. Part 1. Cairo: Dār al-kutub al-islāmiyya, 1967.
49. *Sadīd al-dīn Muḥammad ʿAwfī. Djawāmiʿ al-ḥikāyāt. Tārīkh Īrān wa Islām* [Collections of Stories. History of Iran and Islam]. Ed. Dj. Shīʿār. Tehran: Mahārat, 1995/6.
50. *Sharḥ dīwān Imrīʿ-īl-Ḳays bin Hudjr al-Kindī li ... al-Aʿlam al-Shantamarī* [Explanation of the Collection of Poetry by Imruʿ-ul-Ḳays bin Hudjr al-Kindī, by al-Aʿlam al-Shantamarī]. Ed. Ibn Abī Shanab. Algiers: al-Sharika al-waṭaniyya li-l-nashr wa al-tawzīʿ, 1974.
51. *Ṣīfat Djazīrat al-ʿarab. Taʿlīf ... al-Hamdānī* [Description of the Arabian Peninsula by ... al-Hamdānī]. Ed. M. al-Akwaʿ al-Ḥiwālī. Sana: Maktabat al-irshād, 1990.
52. *Sīrat al-Nabī li ... Ibn Hishām* [Biography of the Prophet by ... Ibn Hishām]. Ed. M.F. al-Sayyid. Tanta: Dār al-ṣaḥāba li-l-turāth bi Ṭanṭā, 1995.
53. *al-Sulūk fī ṭabaqāt al-ʿulamāʾ wa al-mulūk. Taʿlīf ... al-Djundī al-Saksakī al-Kindī* [A March Through the Classes of Learned Men and Kings, by al-Djundī al-Saksakī al-Kindī]. Pt. 1. Ed. M. al-Akwaʿ al-Ḥiwālī. Sana: Maktabat al-irshād, 1993.
54. *Tārīkh al-khamīs fī aḥwāl anfas al-naḥīs. Taʿlīf ... al-Diyārbakrī* [Five-Section History of the Most Precious One, by al-Diyārbakrī]. Cairo, 1884/5.
55. *Tārīkh madīnat Ṣanʿāʾ li al-Rāzī* [History of the City of Sana, by al-Rāzī]. Ed. Ḥ. al-ʿUmarī. Damascus: Dār al-fikr, Beirut: Dār al-fikr al-muʿāṣir, 1989.

56. *Tārīkh-nāmeḥ-i-Ṭabarī. Gardānīdeh-i-mansūb be Balʿamī* [[al]-Ṭabarī's History. A Translation Ascribed to Balʿamī]. Ed. M. Rowshan. Tehran: Soroush, 1995.
57. *The History of Menander the Guardsman*. [Ed.] R.C. Blockley. Liverpool: Francis Cairns (Publications) Ltd., 1985.
58. *The Fārsnāma of Ibnu'l-Balkhī*. Ed. G. Le Strange, R.A. Nicholson. London: Luzac & Co., 1921.
59. *The Mufaḍḍalīyāt*. Ed. Ch. J. Lyall. Oxford: Clarendon Press, 1921.
60. *Thimār al-kulūb fī al-muḍāf wa al-mansūb li ... al-Thaʿālibī* [[Book Like] Fruits for the Hearts, on the Epithets, by al-Thaʿālibī]. Ed. M.ʿA. Ibrāhīm. Cairo: Dār al-maʿārif, 1985.
61. *al-Wafāʾ bi aḥwāl al-Muṣṭafā li ... Ibn al-Djawzī* [The Trustworthy Account of the Life of the Elected One, by Ibn al-Djawzī]. Ed. M.Z. al-Nadjdjār. Riyadh: al-Muʿassasa al-saʿīdiyya, 1976.

Мишин Дмитрий Евгеньевич

Dmitry E. Mishin

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института востоковедения Российской
академии наук,
SPIN-код: 1783-3113,
AuthorID: 111810

C.Sc. (History), Senior Research Fellow at
the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences,
SPIN-code: 1783-3113,
AuthorID: 111810

Поступила в редакцию /
Received
02.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
02.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
04.05.2026

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.012](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.012)

Оригинальная статья / Original paper

А.В. Батиев

*«Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук» (ЮНЦ РАН)
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: batiev@ssc-ras.ru*

Традиционное самоуправление vs модернизация городского управления (Нахичевань-на-Дону, сер. XIX в.)¹

Аннотация

Подготовка реформы городского управления в России осуществлялась с учетом локальных особенностей и мнения местных властей. Городская элита Нахичевани-на-Дону, ссылаясь на грамоту Екатерины II и городской устав, созданный в 1795 г. архиепископом И. Аргутинским, стремилась сохранить этническую организацию городской власти. Вместо ее реформирования предлагалось в качестве аналога общей городской думы восстановить «угасший» к середине XIX в. Совет 24 опекунов. Модернизационные процессы в местном управлении накладывались один на другой (реформа полиции, введение института судебных следователей, упразднение магистратов и ратуш и др.), а переписка по поводу их реализации шла достаточно долго. В конечном счете обращения нахичеванцев к властям — от таганрогского градоначальника до императора, — несколько отодвинув изменения, все же оказались тщетными. Несмотря на обещание центральной власти учесть привилегии 1779 г., Нахичевань была

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ЮНЦ РАН «Юг России в условиях общественно-политических трансформаций (XVIII–XXI вв.)» госрегистрация № 125011200150-2.

вовлечена в общее русло преобразований эпохи Великих реформ. А воссозданный Совет 24 опекунов оказался лишь промежуточной структурой на пути к общероссийской модели городского самоуправления.

Ключевые слова:

армянское самоуправление; нахичеванский магистрат; Совет 24 попечителей; подготовка реформы в России; проекты городской комиссии; общая и распорядительная думы; депутатское собрание; городской голова

Для цитирования:

Батиев Л.В. Традиционное самоуправление vs модернизация городского управления (Нахичевань-на-Дону, сер. XIX в.) // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 332–357. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.012](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.012)

Levon V. Batiev

*Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russian Federation
E-mail: batiev@ssc-ras.ru*

Traditional self-government vs. modernization of city governance (Nakhichevan-on-Don, mid-19th century)

Abstract

The preparation of the reform of urban governance in Russia was conducted with consideration of local characteristics and the opinions of local authorities. The metropolitan elite of Nakhichevan-on-Don, referring to the charter of Catherine II and the city charter created in 1795

by Archbishop I. Argutinsky, sought to preserve the ethnic organization of the city government. Instead of reforming it, it was proposed to restore the Council of 24 Guardians, which gradually «died out» by the middle of the 19th century, as an analog of the general City Council. Despite the promise of the central government to take into account the privileges granted in 1779, Nakhichevan was drawn into the general wave of the transformations of the «era of great reforms». The Council of 24 Guardians served merely as an interim structure facilitating the transition to the all-Russian model of city self-government. The modernization processes in local government overlapped with one another (police reform, the introduction of the institute of judicial investigators, abolition of magistrates and town halls, etc.), and correspondence regarding their implementation lasted quite a long time. Ultimately, the appeals of Nakhichevan residents to the authorities — from the Taganrog mayor to the emperor, having somewhat postponed the changes, still turned out to be futile.

Keywords:

Armenian self-government; Nakhichevan Magistrate; Board of 24 Trustees; Preparation of reforms in Russia; City commission projects; General and Executive Dumas; Deputy Assembly; City Mayor.

For citation:

Levon V. Batiev. Traditional self-government vs. modernization of city governance (Nakhichevan-on-Don, mid-19th century) // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 332–357. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.012](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.012)

реформа городского самоуправления стала важной частью комплекса либеральных преобразований 1860–1870-х гг. в России. Ее подготовка и результаты реализации всегда привлекали к себе внимание историков и юристов как в дореволюционный²,

² *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. Т. 1: Города России в XVIII столетии. СПб.: Тип. П.П. Меркулева, 1875. 508, III с. Т. 2. Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль: В тип. Г.В. Фальк, 1877. IV, 565 с.; *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Т. III. Органы местного управления. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. VII, 384 с.; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 2. Часть особенная. 4-е изд., без перемен. СПб.: Тип.

так и советский³ и постсоветский периоды⁴. Тем не менее авторы традиционно отмечали, что история городского самоуправления в России относится к числу недостаточно изученных тем российской истории⁵. Так, известный специалист по истории городского самоуправления В.А. Нардова указывала на практическое отсутствие исследований по частным, узким вопросам и весьма малое число работ по материалам отдельных городов⁶. Современный исследователь А.И. Куприянов назвал самым большим «белым пятном» истории самоуправления в Российской империи период между Жалованной грамотой городам 1785 г. Екатерины II и Городовым положением 1870 г.⁷

В последние годы появляется множество работ (учебные издания, научные статьи и монографии, а также диссертационные исследования), посвященных организации и деятельности городского самоуправления в отдельных российских городах, одно перечисление которых заняло бы слишком много места в статье. Однако Нахичевани-на-Дону в этом отношении повезло меньше. Даже в фундаментальной монографии В.Б. Бархударяна этой теме было уделено незначительное внимание⁸.

М.М. Стасюлевича, 1903. VI, 596 с.; Семенов Д.Д. Городское самоуправление. Очерки и опыты. СПб.: Электро-типография Н.Я. Стойковой, 1901. 387 с.; Джанишиев Г.А. Городовое положение 1870 года (справка к 25-ти летию) / Джанишиев Г.А. Эпоха великих реформ. Исторические справки. 9-е изд. СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа. 1905. LXXXIX, [3], 859, IX с.

³ Рындзюнский П.Г. Городское гражданство в России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 559 с.; Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX века. Правительственная политика. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. 260 с.; Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1984. 197 с.

⁴ Великие реформы в России. 1856–1874: Сб. / Под ред. А.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. 336 с.; Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычаи, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 3. С. 25–39; Куприянов А.И. Культура городского самоуправления русской провинции. М.: Институт российской истории РАН, 2009. 325 с. URL: https://statehistory.ru/books/Aleksandr-Kupriyanov_Kultura-gorodskogo-samoupravleniya-russkoy-provintsii--1780-1860-e-gody/1 (дата обращения: 24.04.2025)

⁵ Нардова В.А. Указ. соч. С. 3–4; Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 25, 39; Куприянов А.И. Указ. соч.

⁶ Нардова В.А. Указ. соч. С. 4.

⁷ Куприянов А.И. Указ. соч.

⁸ Бархударян В.Б. История Армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван: Айастан, 1996. С. 333–337.

Некоторые аспекты проблемы были рассмотрены автором настоящей статьи⁹.

Нахичевань-на-Дону — город, основанный в 1779 г. армянами, организовано переселенными из Крымского ханства на Нижний Дон, в качестве центра армянской колонии, — пользовался дарованной Екатериной II внутренней автономией. Управление городом и пятью армянскими селами осуществлялось, согласно их «правам и обыкновениям», армянским магистратом, в котором были сосредоточены хозяйственные, полицейские и судебные полномочия¹⁰. Цель данной статьи — на основе неизвестных ранее архивных материалов реконструировать процессы, которые предшествовали модернизации архаической, основанной на этническом принципе организации управления в Нахичевани-на-Дону, и ее полной интеграции в общероссийское правовое пространство в эпоху Великих реформ.

Начало работе над городской реформой в России, как известно, было положено 20 марта 1862 г., когда Министерством внутренних дел было «получено высочайшее его императорского величества соизволение... согласно с мнением Государственного совета» безотлагательно приступить к улучшению общественного управления во всех городах империи¹¹. Первая стадия работы заключалась «в собирании исторического статистического и бытового материала о состоянии русских городов»¹². Для этого циркуляром министра внутренних дел П.А. Валуева от 26 апреля 1862 г. губернаторам предписывалось учредить в губернском и других городах особые комиссии «из наиболее опытных и сведущих лиц» для представления необходимых сведений и соображений по поводу предполагаемых преобразований во внутреннем устройстве городских обществ¹³. В качестве руководства комиссиям в МВД была подготовлена и разослана по россий-

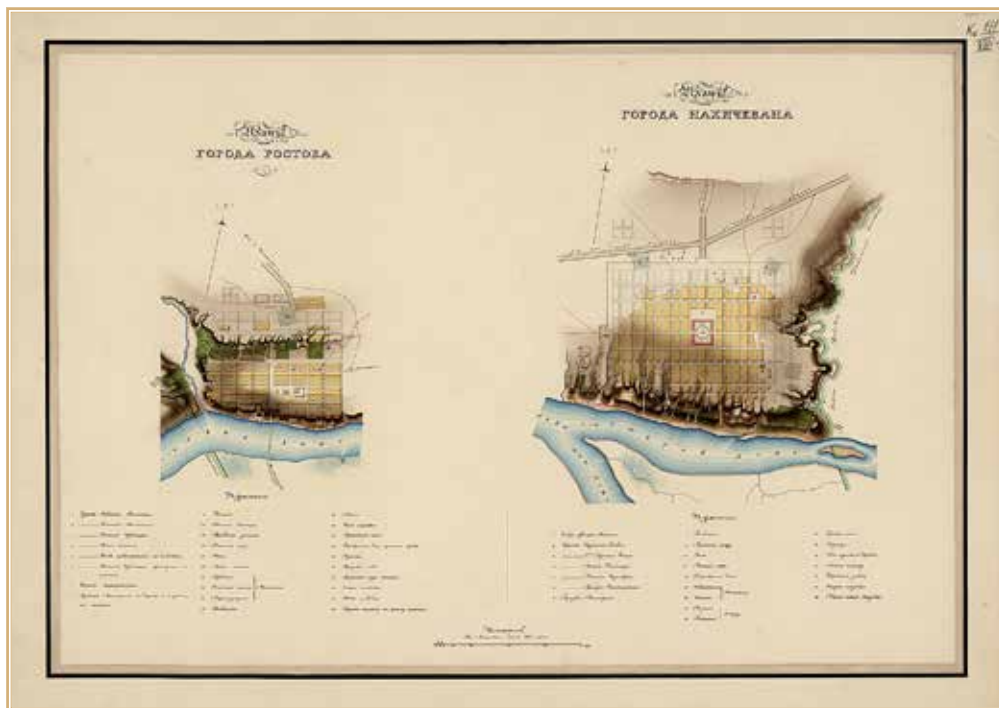
⁹ Батиев А.В. Трансформация органов самоуправления Нахичевани-на-Дону в 1860-е годы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 155–173. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-155-173> ; Батиев А.В. От центра армянской колонии до заштатного города (из истории самоуправления Нахичевани-на-Дону). Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2022. 312 с.

¹⁰ Жалованная грамота вышедшим из Крыма христианам армянского закона 14 ноября 1779 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830 (ПСЗ-1). Т. 20. № 14942.

¹¹ Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи. (Городовое положение 16 июня 1870 г.). Т. I. СПб., 1877. С. VIII; Шрейдер Г.И. Город и Городовое положение 1870 г. / История России в XIX веке. Т. 4. Эпоха реформ (1840–1866). Ч. 2. Изд. 13. СПб.: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1908. С. 1.

¹² Джанишиев Г.А. Указ. соч. С. 540.

¹³ Материалы... Т. 1. С. 2.

План города Ростова. План города Нахичевана.
Из открытых источников

ским губерниям «Программа для составления соображений относительно улучшения общественного управления в городах»¹⁴. Будучи опубликована в центральной и губернской прессе¹⁵, «Программа» вызвала отклик в русской публицистике, в частности, у известного писателя и публициста Н.С. Лескова¹⁶. Сведения и мнения, полученные из 509 местных комиссий, были обработаны, дополнены из дел и печатных материалов МВД, приведены в систему и изданы в виде особых исследований¹⁷.

Для Нахичевани-на-Дону история с реформированием общественного управления началась не в 1862 г., а на восемь лет ранее. В январе

¹⁴ Там же. С. 3–30.

¹⁵ Северная почта. 1862. № 99. 8 мая; Северная почта. 1862. № 100. 9 мая; Северная почта. 1862. № 101. 11 мая; Плотникова М.М. Городское общественное управление в 60-х гг. XIX в.: коммуникация правительства с регионами (на примере Иркутска) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2018. Т. 23. С. 43–54; Асанов Р.Ф. Политико-правовая характеристика реформ Городского самоуправления второй половины XIX века // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2 (5). 2008. С. 21–27.

¹⁶ Лесков Н.С. Городское общественное управление в России / Лесков Н.С. Статьи. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 12–16.

¹⁷ Материалы... Т. 1. С. IX.

1854 г. таганрогский градоначальник Н.В. Адлерберг сообщал нахичеванскому городскому голове и магистрату о том, что в МВД «производится дело о преобразовании городского управления в некоторых городах Новороссийского края и Бессарабской области». Начальство Киевской и Волынской губерний предложило образовать городские думы, «с подразделением штатов оных на три разряда: а) для губернских городов; в) для уездных казенных городов и с) для уездных владельческих городов»¹⁸. Поэтому нахичеванским властям предложено было немедленно доставить свои соображения по этому поводу¹⁹. Но нахичеванцы, не склонные к переменам, 17 мая 1854 г. заявили об отсутствии у них мнения по поводу проектов реформирования управления, отметив заодно недостаточность городских доходов для финансирования предполагаемой городской думы²⁰.

Через три года, 7 мая 1857 г. таганрогский градоначальник, согласно требованию министра внутренних дел, вновь предписал нахичеванским властям, «в видах правильного заведывания городским хозяйством», немедленно собрать городское общество для ответа на вопрос — не следует ли образовать в Нахичевани на общих правах городскую думу и если это будет признано возможным и необходимым, то представить проект штата²¹. Городское общество в приговоре от 28 июня 1857 г. выразило желание пользоваться и далее дарованной Екатериной II грамотой 14 ноября 1779 г. и ходатайствовало об оставлении навсегда прежнего порядка. А в помощь городскому голове собрание полагало необходимым восстановить Совет 24 попечителей (опекунов) и придать голове четырех помощников для разных поручений²². Решение нахичеванского общества, отосланное градоначальнику, никаких последствий не имело, и предложение нахичеванцев не было исполнено²³.

«Программу для составления соображений относительно улучшения общественного управления в городах» с предписанием начальника Екатеринославской губернии немедленно представить соображения об улучшении городского управления магистрат Нахичевани получил 6 сентября 1862 г.²⁴ Городской голова, по указанию магистрата, уже 15 сентября 1862 г. представил приговор нахичеванского общества. Суть

¹⁸ Национальный архив Армении (НАА). Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 4.

¹⁹ Там же. Л. 4–4 об.

²⁰ Там же. Л. 18–18 об.

²¹ Там же. Л. 23–23 об.; Там же. Д. 112.

²² Там же. Д. 87. Л. 33–37, 45–45 об.

²³ Там же. Л. 48 об.

²⁴ Там же. Л. 48 об.–50; Там же. Д. 153. Л. 3–4;

Екатеринославская губерния 1860 г.
Из открытых источников

его заключалась в том, что обозначенные в «Программе...» недостатки к городскому управлению Нахичевани не относятся, «а потому общество... и не усматривает существенной надобности и пользы в переменах сего существующего ныне учреждения»²⁵. На общественный приговор, направленный екатеринославскому губернатору 15 сентября 1862 г., как и ранее — на приговор от 28 июня 1857 г., ответа вышестоящих властей не последовало²⁶. А поскольку нахичеванские власти не сочли нужным представить затребованные статистические сведения о городе, в официальном издании, подготовленном в МВД к реформе городского управления, как указали его авторы, информация о Нахичевани-на-Дону была собрана из отчетов губернского статистического комитета за 1861 г. и других источников²⁷.

Одновременно с общей реформой городского управления обсуждался проект преобразования полиции «городов Мариуполя и На-

²⁵ Там же. Д. 87. Л. 50 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. Ч. 1. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. С. 37.

хичевана с их округами согласно с общими началами в государстве»²⁸. Судебную власть предусматривалось отделить от власти полицейской, а городскую полицию устроить на общем основании, «с определением в города особых полицеймейстеров или городничих от короны»²⁹.

Нахичеванское общество по этому поводу в начале 1860 г. обратилось с всеподданнейшей просьбой к монарху с изложением доводов в пользу сохранения прежнего порядка. Благодаря обращению, как считали нахичеванские власти, приведение в исполнение решения о преобразовании полиции было приостановлено³⁰.

Однако на деле работа по их реализации продолжалась. Новая коллизия возникла в связи с учреждением института судебных следователей при уездных судах³¹ и упорным нежеланием нахичеванского армянского магистрата делиться полномочиями. Обвиненные начальником Екатеринославской губернии графом А.К. Сиверсом «в сопротивлении назначению судебного следователя, в подделке и распространении фальшивых кредитных билетов, в совершении страшного убийства женщины и, вообще, в укрывательстве преступлений своих соплеменников» нахичеванцы 6 сентября 1863 г. обратились за справедливым судом к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору. Власти Нахичевани указали, что 1) фабрикация фальшивых кредитных билетов более десяти лет осуществлялась вне Нахичевани, но как только преступники переселились в Нахичевань, «они были открыты, на четвертый день водворения их, членами Армянского магистрата»; 2) дело «о страшном смертоубийстве» было возбуждено судебным следователем, но произведенное «им самим следствие ничего в действительности не открыло»; 3) «по уголовным делам, возникающим в Нахичеване, редкий пример, если только будут прикосновенны одни армяне». А дела с участием не армян решаются не армянским магистратом, а Ростовским уездным судом. И следовательно, магистрат не может делать никаких послаблений преступникам; 4) по поводу судебного следователя — «если общество наше не желало иметь его, оно

²⁸ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 131; Келле-Шагинов И.М. Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания. Ростов н/Д.: Старые русские, 2015. С. 297.

²⁹ НАА. Ф.139. Оп.1. Д. 131. Л. 2. Об этом же см.: Келле-Шагинов И.М. Указ. соч. С. 297.

³⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 21. Д. 1085. Л. 30 об.

³¹ Высочайше утвержденное «Учреждение судебных следователей» от 8 июня 1860 г. Именной указ, данный Правительствующему сенату 8 июня 1860 года, опубликованный 16 июня / Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1862. (ПСЗ-II). Т. 35. Отд. 1. № 35890.

Генеральная карта Таганрогского Градоначальства и Ростовского уезда 1816 г.
Из открытых источников

руководствовалось дарованным правом иметь суд и расправу по своим обыкновениям выбираемыми из среды себя начальниками...»³².

Поэтому нахичеванцы просили сохранить их «при таком управлении, как оно есть» и назначить строгое следствие, чтобы исключить сомнения в своей законопослушности и в эффективности городского управления³³. Следствие не было проведено, но командированный из Одессы в Нахичевань чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе статский советник М.К. Катакази объявил горожанам, что означенные обвинения не послужили основанием к предполагаемому преобразованию и что правительство не помышляет нарушить высочайше дарованные нам права³⁴. «По собрании всех сведений о состоянии города и его жителей, о существующих... обычаях и учреждениях по всем частям городского управления» М.К. Катакази покинул город. Нахичеванское армянское общество, ободренное чиновником, 27 марта 1864 г., через командированных в Одессу депутатов, вновь обратилось

³² РГИА. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 1085. Л. 28 об.–29.

³³ Там же. Л. 28 об.–30.

³⁴ Там же. Л. 30.

с прошением к генерал-губернатору. Общественное управление в Нахичевани было образовано архиепископом И. Аргутинским по уставу, сходному с вводимым в столицах и других городах новым учреждением общей городской думы, указывали просители. Но оно «от времени утратило свою силу». Поэтому, «чувствуя с каждым днем недостаток нынешнего городского общественного управления», они видят необходимость его упрочить³⁵. Для этого нахичеванцы просили генерал-губернатора, во-первых, поскольку на поданное ранее прошение о полиции решения не последовало, позволить сохранить их права в неприкосновенности; во-вторых, разрешить учредить особую комиссию из местных «практичных» граждан, под редакцией опытного и пользующегося доверием генерал-губернатора чиновника для составления проекта городского общественного управления³⁶.

Но нахичеванские депутаты в Одессе «превысили данное им право, подав кроме прошения, прямо от себя и особую докладную записку, ...что будто бы общество наше само вполне сознает пользу учреждения полиции на общих началах и просит о приведении этого в действие, будучи утомлено почти не существующим в Нахичеване управлением и самопроизвольным неограниченным действием начальствующих в городе лиц»³⁷. Эту записку, по мнению городских властей, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор «принял... за истину и не без удивления о такой быстрой перемене наших мнений и желаний поспешил сделать по оному свое заключение»³⁸. В итоге необоснованные обвинения, поддержанные начальником Екатеринославской губернии перед новороссийским и бессарабским генерал-губернатором, и самовольство нахичеванских депутатов привели к тому, что генерал-губернатор «признал окончательным и неизменным назначение к нам не только судебных следователей, но и учреждение полиции на общих началах и основаниях, хотя бы мера эта и нарушала даже высочайше дарованные нам права»³⁹.

В дополнение к вышеприведенному прошению 11 апреля 1864 г. генерал-губернатору была подана докладная записка депутатов нахичеванского армянского общества, в которой достаточно подробно описывались организация, порядок деятельности и функции нахичеванского

³⁵ Там же. Л. 31; НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 173. Л. 41.

³⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 1085. Л. 31; НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 173. Л. 41–41 об.

³⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 1085. Л. 31 об.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 28.

аналога городской думы — Совета 24 попечителей⁴⁰. В записке отмечалось, что первой заботой после переселения и прочного водворения на новом месте было образование общественного управления, основанного на обычаях народных. Поэтому общество Нахичевани под руководством архиепископа И. Аргутинского в 1795 г. образовало городское управление по уставу, который «в главных основаниях сходствует с вводимым ныне в столицах и других значительных городах империи новым учреждением общей городской думы»⁴¹.

По уставу этому «для рассуждения о каких-либо предметах общественных... приглашаются избранные 24 человека граждан почтеннейших и заслуживших доверие и уважение народа», именуемых городскими попечителями. Они, «собираясь раз в неделю под председательством городского головы вместе с пятью членами магистрата, в общественном доме, рассуждают о благоустройстве города и улучшении быта обывателей, об улучшении учебных и иных общественных заведений, о доходах и расходах города, устройстве дорог и мостов и прочих потребностях города, не исключая даже дел духовных»⁴². При необходимости, для обсуждения сложных вопросов, Совет принимает решение о созыве особого собрания, куда от лица городского головы приглашаются также сословные и ремесленные старосты с помощниками, а в более важных случаях и другие уполномоченные от сословий лица, «равно и некоторые известные по службе или другим заслугам граждане»⁴³. Если предмет обсуждения не влек за собой коренных изменений, то приговор Совета приводится в исполнение под наблюдением тех же попечителей или нескольких уполномоченных. В более важных случаях решение расширенного совета городским головой передавалось на утверждение высшего начальства⁴⁴.

Совет попечителей осуществлял и ревизионные функции в сфере финансов — в нем «поверяются отчеты как городских голов, по исполнению трехгодичной их службы, так и других лиц, имевших на отчетности своей расходование общественных сумм». В части судебной, в соответствии с Армянским судебником⁴⁵, девять членов Совета опекунов

⁴⁰ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 173. Л. 42–50.

⁴¹ Там же. Л. 41.

⁴² Там же. Л. 42 об.

⁴³ Там же. Л. 42 об.–43.

⁴⁴ Там же. Л. 43.

⁴⁵ Государственный архив Саратовской области. Ф. 660. Оп. 1. Д. 477. Л. 223–226; Батиев Л.В. Армянский (Астраханский) судебник в Нахичевани. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 206–208.

составляли специальную коллегия «для поверки и ревизии решений магистрата»⁴⁶.

Любопытно, что сами члены комиссии не только признавали «совершенное забвение», в которое пришел Совет 24 по прошествии сорока лет, но и пытались объяснить причины этого. «С одной стороны, как учреждение частное, не утвержденное правительством, оно не воспринималось начальством как в полной мере законное», с другой стороны, «само общество..., перестав пополнять убывавших от времени членов этого совета, не могло образовать другого управления и осталось почти под влиянием произвола при управлении делами общества одним лицом городского головы по приговорам общества»⁴⁷. Поэтому нахичеванцы вновь ходатайствовали о дозволении создать комиссию для составления проекта положения общественного управления города на началах существовавшего у них устава, соотнеся его с современными требованиями правительства⁴⁸.

В Нахичевани вновь вернулись к министерской «Программе...» 1862 г. в 1864 г. Вследствие разрешения от новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, полученного на просьбу нахичеванцев, екатеринославский губернатор контр-адмирал Г.А. Кригер 21 апреля 1864 г. предписал нахичеванскому городскому голове (получено в Нахичевани 2 мая) учредить особую комиссию из местных граждан для составления проекта положения об общественном управлении в г. Нахичевани, согласно циркуляру МВД от 21 апреля 1862 г.⁴⁹ Во исполнение предписания 7 мая было создано «городское всех сословий общество не менее двух третей наличных домохозяев, и сельское пяти армянских селений общество... под председательством исправляющего должность городского головы купца первой гильдии Савелия Каялова»⁵⁰. Всего в собрании участвовали 111 горожан и избранные сельскими обществами 8 поселян из Чалтыря, 7 — из Крыма, 5 — из Больших Салов, 3 — из Султан Салов, 3 — из Несветая⁵¹.

Собрание вынесло общественный приговор, которым были утверждены 24 депутата от всех сословий в новообразованную комиссию — три от дворян (Никита Морозов, Даниил Каракаш и Артем Аваков),

⁴⁶ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 173. Л. 43 об.

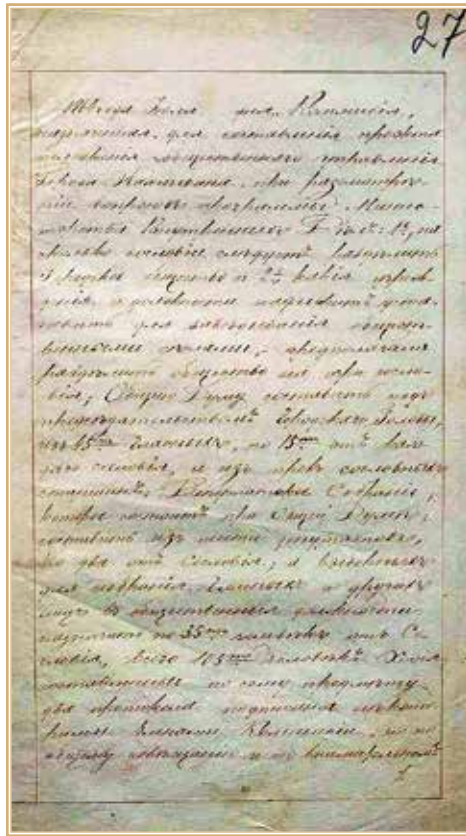
⁴⁷ Там же. Л. 43 об.—44.

⁴⁸ Там же. Л. 44; РГИА. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 1085. Л. 31.

⁴⁹ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 153. Л. 11–11 об.

⁵⁰ Там же. Л. 19.

⁵¹ Там же. Л. 20–22, 26–28.

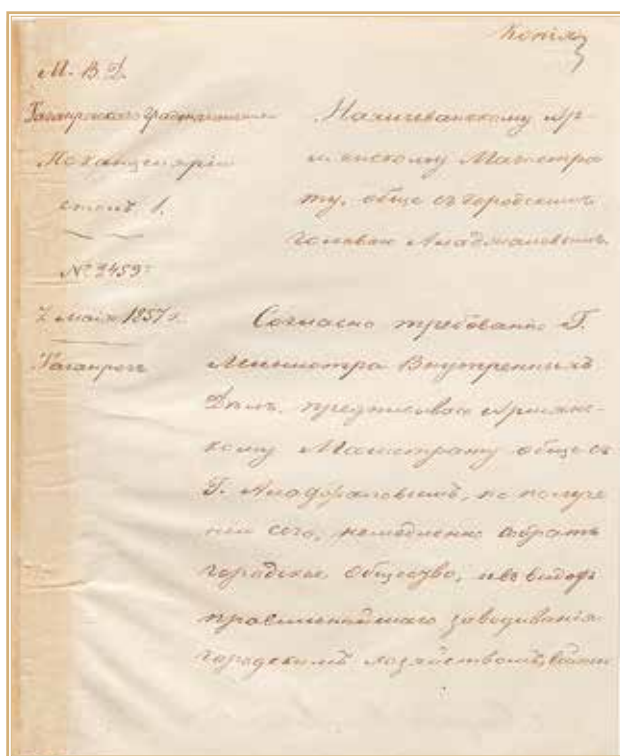

НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 173. Л. 27.

Из открытых источников

восемь — от купечества (Семен Аладжалов, Егор Хатранов, Яков Хлытчиев, Григорий Салтыков, Сергей Чорчопов, Илья Шагинов, Матвей Эрицпохов и Егор Салтыков), шесть от мещан (Мерьян Попов, Крикор Налбандов, Минас Шапошников, Лусеген Попов, Хачерес Хазызов и Каспар Подошев) и шесть от поселян: от городских поселян Хачерес Торосов и по одному от пяти армянских сел: Чалтыря — Лусеген Пегливанов, Крыма — Мелкон Срабионов, Салов — Исай Магдаси, Султан Салов — Бабук Опкаров и Несветая — Лукьян Кахартов. Потомственный почетный гражданин Карп Гайрабетов (городской голова) получил четырехмесячный отпуск, поэтому отказался от возложенной на него обязанности члена комиссии, уменьшив число членов комиссии до 23. «Для редакции проекта положения» из Екатеринослава был командирован старший секретарь губернского правления титулярный советник К.А. Дриженко⁵².

⁵² Там же. Л. 11.

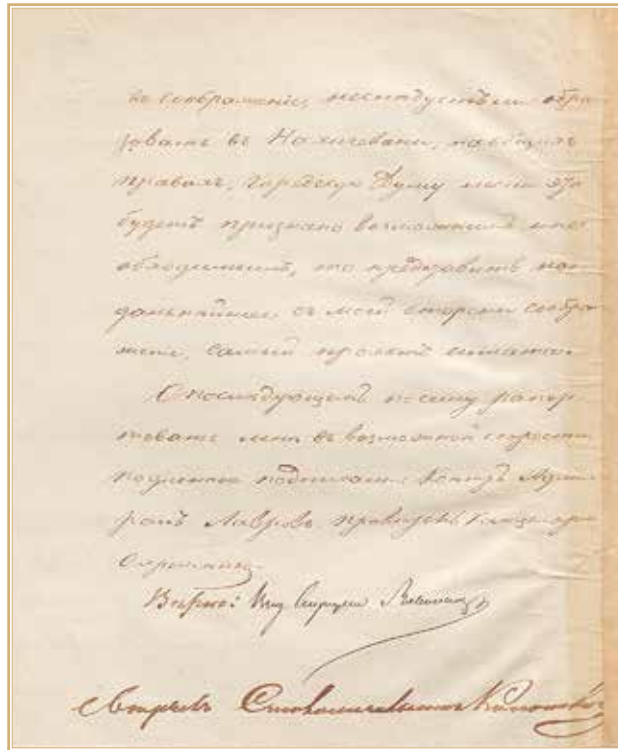
Ф. 139. Оп. 1. Д. 112. Л. 3.
Из открытых источников

Открытие и первое заседание комиссии состоялось 12 мая 1864 г. под председательством исправляющего должность городского головы С. Каялова. Выслушав три пункта «Программы»⁵³, комиссия решила сделать запрос о требуемых сведениях, а заседания проводить трижды в неделю — по понедельникам, средам и пятницам от 10 утра до 2 часов пополудни, на которых и выслушать остальные пункты⁵⁴. Уже 13 мая был заслушан самый важный 4-й пункт «Программы» о том, «какие учреждения и должности надлежит установить для заведывания общественными делами»⁵⁵. Комиссия в соответствии с установками «Программы» полагала необходимым дела совещательные отделить от дел исполнительных и учредить для первых общую думу, а для последних — распорядительную думу. Совещательную думу комиссия предлагала составить из 45 гласных, избираемых по 15 от каждого сословия, под председательством городского головы, избираемого всеми сословиями общества,

⁵³ Там же. Д. 173. Л. 2, 13.

⁵⁴ Там же. Л. 13, 29.

⁵⁵ Там же. Л. 1, 12.

Ф. 139. Оп. 1. Д. 112. Л. 3 об.

Из открытых источников

и сословных старшин — по одному от каждого сословия. Кроме этого, для решения вопросов, относящихся к сословиям, предполагалось «при общей думе назначить городское депутатское собрание из депутатов, избираемых по 2 от каждого сословия выборных»⁵⁶.

Для проведения выборов на все общественные должности и обсуждения общественных дел каждое сословие должно было назначить выборных по 35 человек от сословия, всего 105 человек. (По статистическим сведениям, на 1863–1864 гг. в Нахичевани насчитывалось от 9387⁵⁷ до 10 481 чел.⁵⁸ армяно-григориан обоего пола.) Распорядительная дума, формируемая из части членов Общей думы — по два от каждого сословия, также должна была состоять под председательством городского головы. Для приготовления дел к докладу и составления протоколов общей думой избирался городской секретарь, а для наблюдения за правильно-

⁵⁶ Там же. Л. 4–4 об.

⁵⁷ Памятная книжка для Екатеринославской губернии на 1864 год. Екатеринослав: Тип. Я. Чаусского, 1864. С. 73.

⁵⁸ Новороссийский календарь на 1865 год. Одесса: Тип. А. Нитче, 1864. С. 120.

стью торговли учреждалась торговая полиция из двух торговых депутатов, в помощь которым назначались два базарных смотрителя «преимущественно из лиц, ведущих торг на базаре»⁵⁹. Предложение «учредить особую управу для разбора дел наемных служителей и вообще зашедших из разных мест на заработки», видимо, не было утверждено, и поэтому запись об этом в делах комиссии оказалась зачеркнутой⁶⁰. Таким образом, «иногородние» оставались вне юрисдикции армянского магистрата.

В июне 1864 г. комиссия уже собиралась представить проект нового Положения начальнику Екатеринославской губернии⁶¹. Однако 5 июня ею было получено подробно обоснованное «мнение» члена комиссии Никиты Морозова с критикой собранных сведений и подготовленных предложений, по итогам которого в июле 1864 г. все члены комиссии пришли к убеждению о необходимости: 1) не только объединить в один разряд нахичеванских дворян, чиновников, почетных граждан и купцов — в силу их малочисленности и 2) но также объединить и цеховых и мещан во второй разряд — «хотя цеховых и значится по ревизским сказкам 1350 душ, но из них занимающихся мастерствами только 132 человека, остальные-же занимаются промыслами однородными с мещанами»⁶². Соответственно и Общая дума должна будет состоять «из гласных по 20 от сословия, всего 40 человек, и из сословных старшин по одному от сословия»⁶³. Изменялось и электоральное собрание — дворяне, почетные граждане и купцы выставляли 40, а мещане, цеховые и ремесленники, в силу их большей численности, 60 выборщиков, всего 100 человек.

Предполагались и другие изменения и дополнения: городское депутатское собрание из шести депутатов создавалось избранием по три депутата от каждого разряда; Распорядительная дума под руководством городского головы составлялась из четырех членов — по два от сословия; в дополнение к торговой полиции планировалось учредить хозяйственную полицию из двух комиссаров (приставов) «для сбора городских сумм и вообще для исполнительных дел по городской казне»; для надзора за городскими имуществами планировалось назначать двух смотрителей, для оценки имуществ — двух присяжных оценщиков, а для попечения о бедных — двух попечителей⁶⁴.

⁵⁹ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 173. Л. 4 об.–5.

⁶⁰ Там же. Л. 5.

⁶¹ Там же. Л. 20.

⁶² Там же. Л. 27 об.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 27–28.

Одновременно с рассмотрением «Программы» и подготовкой проекта нового порядка общественного управления в Нахичевани городская элита, не оставлявшая надежд на сохранение старого порядка (с восстановлением Совета 24 попечителей), 30 сентября 1864 г. обратилась с прошением к министру внутренних дел (получено в Санкт-Петербурге 15 октября)⁶⁵. В обращении к министру было изложено содержание приведенной выше переписки с генерал-губернатором и дана оценка действиям нахичеванских депутатов, следствием которых и стало, по мнению городских властей, нарушение высочайше дарованных прав⁶⁶. Поэтому нахичеванские власти просили министра о передаче дела на рассмотрение в Государственный совет, видя в этом единственный путь к сохранению нахичеванской полиции в прежнем ее виде⁶⁷.

Но, как видно из справки, подготовленной в МВД, «по просьбам этим нахичеванского армянского общества не сделано никакого распоряжения со стороны министерства вн. д., а повторено только Новор. и Бесс. генерал-губернатору о скорейшем доставлении затребованных от него сведений о предполагавшихся преобразованиях вообще в Нахичевани» (12 ноября 1864 г.)⁶⁸. Нахичеванские армяне с подобными просьбами о неподчинении их города действию судебных следователей обращались и к министру юстиции, который, однако, не признал возможным удовлетворить их ходатайство; о чем и сообщил генерал-губернатору для объявления просителям⁶⁹.

Результат работы нахичеванской комиссии по обсуждению «Программы» 1862 г. был представлен в Петербург в декабре 1864 г. Позиция нахичеванцев была воспринята в МВД однозначно: «видно, что армянское общество желает сохранить за собою исключительное право на участие в общественных делах с устранением всех других жителей Нахичевани не армянского происхождения; нахичеванские армяне даже отказались от всяких преобразований в их общественном управлении, признавая сие за нарушение их привилегий»⁷⁰. В приведенном выше заключении Хозяйственного департамента МВД выделен принципиаль-

⁶⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 1085. Л. 28–35 об.

⁶⁶ Там же. Л. 36–38 об.

⁶⁷ Там же. Л. 32–32 об.

⁶⁸ Там же. Л. 39.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи (Городовое положение 16 июня 1870 г.) / Хозяйственный департамент Мин-ва внутр. дел. Т. 2. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1877. С. 48–49.

ный для нахичеванских армян (как и для мариупольских греков) момент — этнический принцип организации управления, основанный на п. 5 Жалованной грамоты Екатерины II от 14 ноября 1779 г.⁷¹ Но в министерстве отметили и позицию начальника Екатеринославской губернии, который полагал возможным, и без нарушения привилегий греческого и армянского населения городов Мариуполя и Нахичевани, «преобразовать общественное их управление, с допущением некоторого участия в сем управлении и со стороны местных жителей — русских и иностранных гостей»⁷². В МВД посчитали неосновательными претензии армянского и греческого населения городов Нахичевани и Мариуполя на исключительное право участия в общественных делах. А решение Правительствующего сената в пользу армян и греков по вопросу о их исключительном праве пользования городскими землями в МВД признали никак не влияющим на право участия в общественном управлении других обывателей упомянутых городов, которые участвуют во всех городских повинностях по владению недвижимыми имуществами и по производству промыслов⁷³.

Проведение реформ явно «пробуксовывало», но не заглохло полностью. 14 февраля 1864 г. М.К. Катакази заинтересовался исполнением общественного приговора о воссоздании в Нахичевани Совета 24 опекунов и придании в помощь городскому голове четырех помощников. Выяснив, что никаких действий не было, он обратился с соответствующим предложением к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору и получил его согласие до введения в Нахичевани общественного управления на новых началах назначить «к городскому голове до 24 опекунов, с правом совещательного голоса в делах городского хозяйства и до 4 граждан в помощь ему по заведыванию городскими оброчными статьями, по сбору окладных доходов и т.п.»⁷⁴. Совет 24 опекунов (попечителей) был избран 26 февраля 1866 г.⁷⁵ и действовал в Нахичевани до 1872 г.⁷⁶

⁷¹ ПСЗ-I. Т. 20. № 14942.

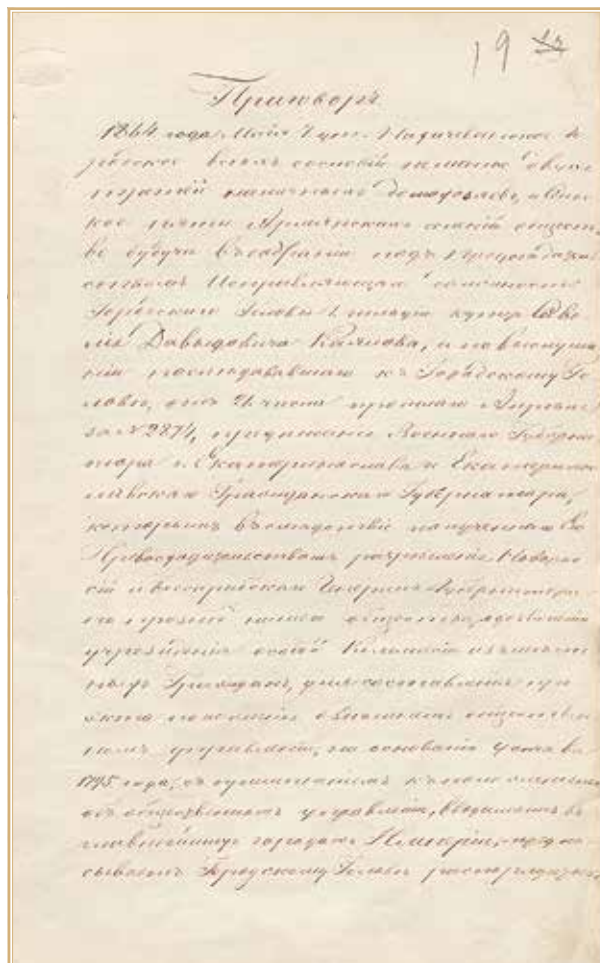
⁷² Материалы... Т. 2. С. 49.

⁷³ Там же. С. 51.

⁷⁴ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 2.

⁷⁵ Там же. Д. 191. Л. 82–84.

⁷⁶ Там же. Д. 207. Л. 17–21; Д. 223. Л. 29–29; Д. 249. Л. 16; Батиев Л.В. Двадцать четыре попечителя Нахичевани-на-Дону (из истории одного полузабытого органа) // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. 2020. Т. 47. № 2. С. 318–326.

Ф. 139. Оп. 1. Д. 153. Л. 19.

Из открытых источников

13 апреля 1866 г. Александр II утвердил «Правила об упразднении магистратов и судебных ратуш» в России и потребовал реализовать их в течение 1866 г.⁷⁷ Все попытки нахичеванской городской элиты сохранить армянское самоуправление были обречены. «Правила» были присланы в Нахичевань-на-Дону 20 мая и с этого дня согласно положениям «Свода основных законов» (ст. 58, 59, 63, 65) и ст. 716 «Общего губернского учреждения») закон «получил уже здесь полную обязательную силу и должен быть исполняем по точному и буквальному смыслу оного, без всякого изменения или распространения»⁷⁸.

⁷⁷ Высочайше утвержденные Правила об упразднении магистратов и судебных ратуш. Именной указ 13 апреля 1866 г. / ПСЗ-II. Т. 41. СПб., 1868. № 43183.

⁷⁸ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 207. Л. 2.

1 июля 1866 г. по распоряжению Екатеринославского губернского правления (№ 4600 от 20 июня) в Нахичевани успели еще организовать выборы и избрать шестигласную думу (шесть членов и четыре кандидата к ним)⁷⁹. Но этот орган так и не стал действующим, поскольку министр внутренних дел в ответ на запрос новороссийского и бессарабского генерал-губернатора разрешил сохранить «временное общественное управление по заведыванию городским хозяйством⁸⁰, тем более что в непродолжительном времени ожидается введение в этом городе общественного управления на новых началах»⁸¹.

Окончательная ликвидация «обломков» нахичеванского магистрата произошла 1 июля 1871 г.⁸² А переход на общероссийскую модель городского управления состоялся после утверждения нового Городового положения 16 июня 1870 г. и его имплементации в Нахичевани в 1872 г.⁸³

Модернизация городского общественного самоуправления Нахичевани-на-Дону была неизбежна в силу ряда обстоятельств. Как вынуждены были признать сами нахичеванцы, городское управление, наличная организация управления в городе фактически отошла от модели, предписанной в 1795 г. Иосифом Аргутинским. «Совершенное забвение» Совета 24 попечителей и фактическое снижение роли магистрата превратило городского голову едва ли не в единовластного правителя. Видимо, недовольство таким положением и вырвалось у нахичеванских депутатов в Одессе, когда они заявили о несуществующем в Нахичевани управлении и неограниченном произволе «начальствующих в городе лиц». Этнический принцип организации управления, резонный при создании в 1779 г. колонии с однородным армянским населением, пришел во второй половине XIX в. в противоречие с быстрым ростом русского населения города, не имеющего права участия в управлении. На это обстоятельство особо обращали внимание в правительственных кругах, подчеркивая, что армяне Нахичевани в представленных соображениях по поводу реформы настаивают на исключительном праве участия в об-

⁷⁹ Там же. Д. 197. Л. 4–25; Шестигласная дума впервые была создана в 1788 г. и просуществовала до 1795 г., когда был реализован проект самоуправления архиепископа И. Аргутинского. См.: Патканян Г. История Новой Нахичевани. Нахичевань-на-Дону, 1917 (на арм. яз.). С. 53.

⁸⁰ Упрощенное (без городской думы) управление, как временная мера, допускалось указом об упразднении магистратов. В Нахичевани-на-Дону оно состояло из городского головы с четырьмя помощниками и Совета 24 попечителей.

⁸¹ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 26–26 об.

⁸² Там же. Д. 249. Л. 50–51.

⁸³ Там же. Оп. 1. Д. 255.

публичных делах, с устранением прочих национальностей. Автаркия Нахичевани не могла сохраниться без изменений в условиях бурного развития региона и массового притока иногороднего населения.

Вовлечение центра армянской колонии с элементами внутренней автономии в процесс общероссийских преобразований и превращение Нахичевани в заштатный южнороссийский город являлось неизбежным логическим следствием государственной политики либеральных реформ и формирования единой системы местного управления. А преобразования 1860-х гг. в Нахичевани (учреждение судебных следователей, отделение полиции от армянского магистрата, создание Совета 24) стали промежуточными звеньями, которые облегчили переход от архаичной, основанной на привилегиях армянам-переселенцам из Крыма формы городского самоуправления к общероссийской модели городского самоуправления.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Асанов Р.Ф. Политико-правовая характеристика реформ Городского самоуправления второй половины XIX века. *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2008;5(2):21–27.
Asanov R.F. Politico-legal characterization of reforms of the City self-government of the second half of the 19th century. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2008;5(2):21–27 (in Russ.).
2. Бархударян В.Б. *История Армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917)*. Ереван: Айастан, 1996. 528 с.
Barkhudaryan V.B. *History of the Armenian colony of New Nakhichevan (1779–1917)*. Yerevan: Hayastan, 1996. 528 p. (in Russ.).
3. Батиев Л.В. *Армянский (Астраханский) судебник в Нахичевани*. М.: Юрлитинформ, 2025. 280 с.

Batiev L.V. *The Armenian (Astrakhan) code of law in Nakhichevan*. Moscow: Yurlitinform, 2025. 280 p. (in Russ.).

4. Батиев Л.В. Двадцать четыре попечителя Нахичевани-на-Дону (из истории одного полузабытого органа). *Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология*. 2020;47(2):318–326.

Batiev L.V. Twenty-four trustees of Nakhichevan-onDon (from the history of one halfforgotten body). *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Politology*. 2020;47(2):318–326 (in Russ.).

5. Батиев Л.В. *От центра армянской колонии до заштатного города (из истории самоуправления НахичеванинаДону)*. РостовнаДону; Таганрог: Издво ЮФУ, 2022. 312 с.

Batiev L.V. *From the center of the Armenian colony to the country town (from the history of self-government of NakhichevanonDon)*. Rostv-onDon; Taganrog: Southern Federal University Press, 2022. 312 p. (in Russ.).

6. Батиев Л.В. Трансформация органов самоуправления Нахичевани-наДону в 1860е годы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2020;19(1):155–173.

Batiev L.V. Transformation of self-government bodies of Nakhichevan-onDon in the 1860s. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*. 2020;19(1):155–173 (in Russ.).

7. *Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник* / Ред.: Л.Г. Захарова, Б. Эклоф, Дж. Бушнелл. М.: Издво Моск. ун-та, 1992. 336 с.

Great reforms in Russia. 1856–1874: Collection of articles / Ed. by L.G. Zakharova, V. Ekloff, J. Bushnell. Moscow: Moscow University Press, 1992. 336 p. (in Russ.).

8. Градовский А.Д. *Начала русского государственного права. Т. III. Органы местного управления*. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. 384 с.
Gradovskiy A.D. *Beginnings of Russian state law. Vol. III. Local government bodies*. St. Petersburg: Printing house of M.M. Stasyulevich, 1883. 384 p. (in Russ.).

9. Джаншиев Г.А. Городовое положение 1870 года (справка к 25-летию), в: Джаншиев Г.А. *Эпоха великих реформ. Исторические справки*. 9е изд. СПб.: Типолит. Б.М. Вольфа, 1905. 859 с.

Dzhanshiev G.A. City regulation of 1870 (reference to the 25th anniversary), in: Dzhanshiev G.A. *The era of great reforms. Historical references*. 9th ed. St. Petersburg: Typolitography of B.M. Wolf, 1905. 859 p. (in Russ.).

10. Дитятин И.И. *Устройство и управление городов России*. Т. 1. *Города России в XVIII столетии*. СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875. 508 с.; Т. 2. *Городское самоуправление в настоящем столетии*. Ярославль: Тип. Г.В. Фальк, 1877. 565 с.
Dityatin I.I. *Arrangement and management of Russian cities*. Vol. 1: *Cities of Russia in the 17th century*. St. Petersburg: Printing house of P.P. Merkul'ev, 1875. 508 p.; Vol. 2. *City selfgovernment in the present century*. Yaroslavl: Printing house of G.V. Falk, 1877. 565 p. (in Russ.).
11. Келле-Шагинов И.М. *Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания*. РостовнаДону: Старые русские, 2015. 320 с.
Kelle-Shaginov I.M. *My only life. Diaries and memoirs*. RostovonDon: Starye Russkie, 2015. 320 p. (in Russ.).
12. Коркунов Н.М. *Русское государственное право*. Т. 2. *Часть особенная*. Изд. 4е. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 596 с.
Korkunov N.M. *Russian state law*. Vol. 2. *Special part*. 4th ed. St. Petersburg: Printing house of M.M. Stasyulevich, 1903. 596 p. (in Russ.).
13. Куприянов А.И. *Культура городского самоуправления русской провинции*. М.: ИРИ РАН, 2009. 325 с. URL: https://statehistory.ru/books/Aleksandr-Kupriyanov_Kultura-gorodskogo-samoupravleniya-russkoy-provintsii--1780-1860-e-gody/1 (Дата обращения: 24.04.2025).
Kupriyanov A.I. *Culture of urban self-government of the Russian province*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2009. 325 p. URL: https://statehistory.ru/books/Aleksandr-Kupriyanov_Kultura-gorodskogo-samoupravleniya-russkoy-provintsii--1780-1860-e-gody/1 (Accessed on: April 24, 2025) (in Russ.).
14. Лесков Н.С. *Городское общественное управление в России*, в: Лесков Н.С. *Статьи*. М.: Директ-Медиа, 2014. 1127 с.
Leskov N.S. *Urban public administration in Russia*, in: Leskov N.S. *Articles*. Moscow: Direkt-Media, 2014. 1127 p. (in Russ.).
15. *Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи. (Городовое положение 16 июня 1870 г.)* (в 6 т.). СПб.: Хоз. деп. Минва внутр. дел, 1877. Т. 1. 564 с.; Т. 2. 557 с.
Materials relating to the new social organization in the cities of the Empire (City regulations of June 16, 1870) (in 6 vols.). St. Petersburg: Economic Department of the Ministry of Internal Affairs, 1877. Vol. 1. 564 p.; Vol. 2. 557 p. (in Russ.).

16. Нардова В.А. *Городское самоуправление в России в 60х – начале 90х годов XIX века. Правительственная политика.* Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984. 260 с.
Nardova V.A. *Urban self-government in Russia in the 60s – early 90s years. 19th century: Government policy.* Leningrad: Nauka. Leningrad branch, 1984. 260 p. (in Russ.).
17. *Новороссийский календарь на 1865 год.* Одесса: Тип. Л. Нитче, 1864. 320, 158 с.
Novorossiysk calendar for 1865. Odessa: Printing house of L. Nitche, 1864. 320, 158 p. (in Russ.).
18. *Памятная книжка для Екатеринославской губернии на 1864 год.* Екатеринослав: Тип. Я. Чаусского, 1864. 388 с.
Memorable book for Yekaterinoslav province for 1864. Yekaterinoslav: Printing house of Ya. Chaussky, 1864. 388 p. (in Russ.).
19. Патканян Г. *История Новой Нахичевани.* Нахичевань-наДону, 1917. 120 с. (на армян. яз.).
Patkanjan G. *History of New Nakhichevan.* Nakhichevan-onDon, 1917. 120 p. (in Arm.).
20. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право. *Отечественная история.* 2001;(3):25–39.
Pisar'kova L.F. Development of local self-government in Russia before the Great Reforms: Custom, duty, law. *Otechestvennaya istoriya.* 2001;(3):25–39 (in Russ.).
21. Плотникова М.М. Городское общественное управление в 60х гг. XIX в.: коммуникация правительства с регионами (на примере Иркутска). *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История.* 2018;23:43–54.
Plotnikova M.M. Urban public administration in the 60s of the 19th century: Communication of the government with the regions (on the example of Irkutsk). *News of Irkutsk State University. Series: History.* 2018;23:43–54 (in Russ.).
22. Рабцевич В.В. *Сибирский город в дореформенной системе управления.* Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1984. 197 с.
Rabtsevich V.V. *Siberian city in the pre-reform system of management.* Novosibirsk: Nauka. Siberian branch, 1984. 197 p. (in Russ.).
23. Рындзюнский П.Г. *Городское гражданство в России.* М.: Издво Акад. наук СССР, 1958. 559 с.

- Ryndzyunskiy P.G. *Urban citizenship in Russia*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. 559 p. (in Russ.).
24. Семенов Д.Д. *Городское самоуправление. Очерки и опыты*. СПб.: Электро-типография Н.Я. Стойковой, 1901. 387 с.
Semenov D.D. *Urban self-government. Essays and experiments*. St. Petersburg: Electro-typography of N.Ya. Stoykova, 1901. 387 p. (in Russ.).
25. Шрейдер Г.И. Город и Городовое положение 1870 г., в: *История России в XIX веке. Т. 4. Эпоха реформ (1840–1866). Ч. 2. Изд. 13*. СПб.: Тво «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1908. С. 1–29.
Shreyder G.I. City and City regulations 1870, in: *History of Russia in the 19th century. Vol. 4. The era of reforms (1840–1866). Part II. Iss. 13*. St. Petersburg: Publishing house of the partnership of brothers A. and I. Granat and K°, 1908. P. 1–29 (in Russ.).
26. *Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 гг. Ч. 1*. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. 922 с.
Economic condition of urban settlements in European Russia in 1861–62. Part 1. St. Petersburg: Printing house of K. Wolf, 1863. 922 p. (in Russ.).

Батиев Левон Владимирович
Levon V. Batiev

кандидат юридических наук,
доцент, заведующий лабораторией
политологии и права «Федерального
исследовательского центра Южного
научного центра Российской академии
наук» (ИОНЦ РАН),
г. Ростов-на-Дону.
SPIN-код: 5033-0099,
Author ID: 508681

C.Sc. (Law), Associate Professor, Head of
the Laboratory of Political Science and Law,
Federal Research Centre The Southern
Scientific Centre of the Russian Academy
of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don.
SPIN-code: 5033-0099,
Author ID: 508681

Поступила в редакцию /
Received
14.05.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
16.06.2025

Принята к публикации /
Accepted
16.01.2026

Правила для авторов

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

Редакция принимает к рассмотрению соответствующие тематике и направленности журнала рукописи статей в электронном виде.

Редакция журнала не принимает:

1. ранее опубликованные работы или работы, отправленные сразу в несколько изданий,
2. материалы, содержащие плагиат,
3. материалы, не отвечающие приведенным ниже требованиям к содержанию и оформлению.

Требования к содержанию

В редакцию журнала предоставляются два документа в отдельных файлах (принимаются документы только в виде файлов с расширением «.doc/.docx»):

1. Текст рукописи.
2. Сведения об авторе(ах).

В имени файлов обязательно указывается фамилия автора(ов).

Объем рукописи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14 (Times New Roman без автоматических переносов), первая строка с отступом (абзацный отступ — 1,25 см), межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются материалы большего объема.

Обязательными компонентами статьи являются:

- ФИО автора и заголовок статьи (на русском и английском языках).
- Аннотация (на русском и английском языках). Объем аннотации — 200–250 слов (это самостоятельный текст, описывающий основные результаты проведенного исследования, содержит: актуальность, цель, методы исследования, а также краткие результаты).

- Ключевые слова: 4–6 словосочетаний, отделяются друг от друга точкой с запятой (на русском и английском языках).
- Текст статьи.
- Благодарности.
- Авторский вклад.
- Информация о конфликте интересов.
- Список литературы (References).

Благодарности

Этот раздел включает все источники внешнего финансирования, повлиявшие на результаты исследования, а также лиц, которые приняли участие в написании статьи, но не являются ее авторами.

Авторский вклад

В случае, если у рукописи несколько соавторов, необходимо привести описание вклада каждого из соавторов в соответствии с [CRediT](#).

Информация о конфликте интересов

Статья должна содержать информацию о любом фактическом или потенциальном конфликте интересов. Если конфликт интересов отсутствует, необходимо указать: «автор(ы) заявляет(ют) об отсутствии конфликта интересов».

Список литературы

При составлении списка литературы автор(ы) должен(ны) ссылаться на работы, доступные рецензентам и читателям. Список литературы должен содержать не менее 15 источников. Самоцитирование (включение работ автора(ов) в список литературы) допускается (не более 10% от списка литературы).

Список литературы должен включать только те источники, которые упоминаются в тексте статьи. В список литературы следует включать статьи и монографии, опубликованные за последние 50 лет. Все остальные источники следует выносить в постраничные сноски.

Требования к оформлению

Иллюстрации. Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами; размер не менее 1000 px по короткой стороне. К иллюстрации необходима подпись на русском и английском языках с описанием события, объекта и датировкой. Название иллюстраций должно быть представлено на русском и английском языках. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Цитирование. Ссылки в статье следует проставлять постранично (внизу страницы), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); кегль — 12.

Ссылки на интернет-ресурсы (новости, репортажи, форумы, видео), юридические документы (законы, постановления, акты и т.д.), статистические сборники, публикации в СМИ, учебные пособия следует выносить в сноски в тексте статьи. В тексте статьи допустимо ссылаться на диссертации/авторефераты, если они доступны для читателей. Ссылки на принятые к публикации, но еще не опубликованные статьи, должны быть помечены словами «в печати»; авторы должны получить письменное разрешение для ссылки на такие документы и подтверждение того, что они приняты к печати. Информация из неопубликованных источников должна быть отмечена словами «неопубликованные данные/документы», авторы также должны получить письменное подтверждение на использование таких материалов.

Для всех интернет-источников, в том числе в сносках, указывается дата доступа.

References/Список литературы. Правильное описание используемых источников (References) не только демонстрирует качественный уровень исследования, но и является гарантией того, что цитируемая публикация будет учтена при оценке научной деятельности ее авторов. Международные индексирующие базы данных преобразуют все представленные ссылки по единой структуре.

В журнале принят адаптированный вариант Ванкуверского стиля (Vancouver Style) оформления References, который является одним из стандартов, признанных международными базами данных.

Редакция предлагает авторам познакомиться с особенностями Vancouver Style и примерами оформления в брошюре на официальном сайте British Columbia Institute of Technology: <https://www.bcit.ca/files/library/pdf/bcit-vancouverstyle.pdf>

Правила оформления в References источников на русском языке подготовлены в соответствии с рекомендациями Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), с которыми вы можете познакомиться также в журнале «Научный редактор и издатель»:

<https://www.scieditor.ru/jour/article/view/66/55>

Редакция просит авторов обратить особое внимание на размещение идентификатора DOI (при его наличии), а также на его актуальность и корректное представление.

Ссылки на статьи из иностранных источников:

Фамилия И.О., Фамилия И.О. Название статьи. *Название журнала*. Год;Том(Номер):00–00. <https://doi.org/10.13655/1.6.1234567>

Пример:

Clarke A., Gattineau M., Grimaud O., et al. A bibliometric overview of public health research in Europe. *The European Journal of Public Health*. 2007;17(Suppl. 1):43–49. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckm063>

Ссылки на монографии на иностранном языке:

С 1–4 авторами:

Фамилия И.О., Фамилия И.О. *Название книги*. Номер переиздания (если есть). Город: Издательство; Год издания. 000 с.

Указание на редактора или составителя:

Фамилия И.О., Фамилия И.О., Фамилия И.О., редакторы. *Название*. Номер переиздания (если есть). Город: Издательство; Год издания. 000 с.

Пример:

Young A. *Teaching writing across the curriculum*. Upper Saddle River (New Jersey): Pearson Prentice Hall; 1999. 70 p.

Bean J.C. *Engaging ideas: The Professor's guide to integrating writing, critical thinking, and active learning in the classroom*. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass; 2021. 400 p.

Глава из монографии или статья из сборника:

Фамилия И.О. Название. В: Фамилия И.О., Ред. Название главы или статьи. *Название монографии или сборника*. Город: Издательство; Год издания. 000 с.

Название книг, журналов, а также монографий и сборников выделяется курсивом. После инициалов авторов ставятся точки, между фамилией автора и инициалами запятая не ставится. Если авторов больше пяти, указываются Ф.И.О. первых трёх, после чего ставится «и др.» (для источников на иностранном языке — «et al.»).

Ссылки на статьи на русском языке:

Фамилия И.О., Фамилия И.О. Название статьи. *Название журнала*. Год;Том(Номер):00–00.

Familia I.O., Familia I.O. Перевод названия статьи. *Транслит названия журнала/Официальное название на английском языке*. Год;Том(Номер):00–00 (In Russ.).

Пример:

Ганиева Г.Р., Васильева А.А. К вопросу подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации в техническом вузе. *Вестник Казанского технологического университета*. 2013;12:365–367. Ganieva G.R, Vasil'eva A.A. The translator in the sphere of professional communication project. *Herald of Kazan National Research Technological University*. 2013;12:365–367 (In Russ.).

Ссылки на монографии на русском языке:

Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: Издательство; год. 000 с. Familia I.O. Перевод названия монографии. Gorod: Izdatel'stvo; god (In Russ.).

Пример:

Морозов В.Э. *Культура письменной научной речи*. М.: Икар; 2008. 268 с. Morozov V.E. *Culture of written scholarly speech*. Moscow: Ikar; 2008. 268 p. (In Russ.).

Сведения об авторе(ах)

В отдельном файле должны содержаться:

- Фамилия, имя, отчество автора(ов) (полностью).
- Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, город, страна).
- [ORCID](#), [SPIN-код](#) или [AuthorID](#).
- Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в данном журнале, соглашаются со следующим:

1. Авторы сохраняют за собой авторские права на работу и предоставляют журналу право первой публикации работы.
2. Авторы сохраняют право заключать отдельные контрактные договоренности, касающиеся неэксклюзивного распространения версии работы в опубликованном здесь виде (например, размещения ее в институтском хранилище, публикации в книге), со ссылкой на ее оригинальную публикацию в этом журнале.
3. Авторы имеют право размещать их работу в сети Интернет (например, в институтском хранилище или на персональном сайте) до и во время процесса рассмотрения ее данным журналом, так как это может привести к продуктивному обсуждению и большому количеству ссылок на данную работу (см. The Effect of Open Access).

Приватность

Имена и адреса электронной почты, введенные на сайте этого журнала, будут использованы исключительно для целей, обозначенных этим журналом, и не будут использованы для каких-либо других целей или предоставлены третьим лицам и организациям.

Author Guidelines

The Editorial Board accepts manuscripts that align with the journal's scope and focus.

The Editorial Board accepts for review:

- scientific articles;
- book reviews;
- documents;
- historiographical materials;
- articles/notes dedicated to eminent representatives of historical science.

The Editorial Board does not accept:

1. previously published works or simultaneous submissions to multiple publications;
2. plagiarized content;
3. materials that fail to meet the content and formatting requirements outlined below.

Content Requirements

The manuscript must be submitted to the Editorial Board as two separate files (.doc/.docx format only):

1. The manuscript text.
2. Author(s)' information.

The file name must contain the last name of the author(s).

The manuscript length should range from 1 to 2 print units (40 000–80 000 characters including spaces); font size 14 (Times New Roman without automatic hyphenation), first line indented 1.25 cm, line spacing 1.5. Longer submissions may be accepted with Editorial Board approval.

The following article elements are mandatory:

- Author(s)' full name and article title (in Russian and English).
- Abstract (in Russian and English). The abstract length should range from 200 to 250 words. The abstract is a standalone text describing

the main research results, including relevance, purpose, research methods, and brief findings.

- Keywords: 4–6 phrases separated by semicolons (in Russian and English).
- Article text.
- Acknowledgements.
- Author(s)' contribution.
- Conflict of interest.
- References.

The manuscript proper must be followed by:

Acknowledgements

This section lists all external funding sources that influenced the research findings, as well as all non-author individuals that contributed to the study.

Author(s)' Contribution

For multiple authors, describe each co-author's contribution according to [CRediT](#).

Conflict of Interest

The manuscript must declare any current or potential conflicts of interest. If none exist, state «The author declares (/authors declare) no conflict of interest.»

References

Author(s) should cite works accessible to reviewers and readers. The reference list must contain at least 15 sources. Self-citation, i.e. including the author(s)' work(s) on the reference list, is permitted but must account for no more than 10% of all references.

Only sources directly mentioned in the text may appear in the reference list. References should include articles and monographs.

The journal has accepted an adapted version of the Vancouver Style of References design, which is one of the standards recognized by international databases.

The Editorial Board invites the authors to get acquainted with the features of Vancouver Style and design examples in the brochure on the official website of the British Columbia Institute of Technology: <https://www.bcit.ca/files/library/pdf/bcit-vancouverstyle.pdf>

The rules for the design of sources in Russian in References have been prepared in accordance with the recommendations of the Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), which you can also find in the journal Scientific Editor and Publisher:

<https://www.scieditor.ru/jour/article/view/66/55>

Links to articles:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author. The title of the article. *The name of the journal*. Year;Volume(Number):00–00. <https://doi.org/10.13655/1.6.1234567>

Example:

Clarke A., Gatineau M., Grimaud O., et al. A bibliometric overview of public health research in Europe. *The European Journal of Public Health*. 2007;17(Suppl. 1):43–49. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckm063>

Links to books and monographs:

With 1–4 authors:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author. *The title of the book or monograph*. The issue number (if there is one). City: Publishing house; Year. 000 p.

An indication of the editor or compiler:

Surname and first name of the 1st editor, Surname and first name of the 2nd editor, Eds. *The title of the book or monograph*. The reissue number (if there is one). City: Publishing house; Year. 000 p.

Example:

Young A. *Teaching writing across the curriculum*. Upper Saddle River (New Jersey): Pearson Prentice Hall; 1999. 70 p.

Bean J.C., Melzer D. *Engaging ideas: The Professor's guide to integrating writing, critical thinking, and active learning in the classroom*. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass; 2021. 400 p.

A chapter from a monograph or an article from a collection:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author. The title of the chapter or article. *The title of the monograph or collection*. City: Publishing house; Year. 000 p.

The name of the journal and the titles of monographs and collections are italicized. Dots are placed after the initials. Do not put a comma between the author(s)' last name and initials. If the article has more than five authors, the full names of the first three should be given, followed by «et al.».

Links to articles in Russian:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author in Russian. The title of the article. *The name of the journal*. Year;Volume(Number):00–00.

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author in English. Translation of the title of the article. *Transliteration of the name of the journal/Official name of the journal in English*. Year;Volume(Number):00–00 (In Russ.).

Example:

Ганиева Г.Р., Васильева А.А. К вопросу подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации в техническом вузе. *Вестник Казанского технологического университета*. 2013;12:365–367.

Ganieva G.R., Vasil'eva A.A. The translator in the sphere of professional communication project. *Herald of Kazan National Research Technological University*. 2013;12:365–367 (In Russ.).

Links to books and monographs in Russian:

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author in Russian. *The title of the book or monograph in Russian*. City: Publishing house; Year. 000 p.

Surname and first name of the 1st author, Surname and first name of the 2nd author in English. *Translation of the monograph title*. City: Transliteration of the publishing house name; Year. 000 p. (In Russ.).

Example:

Морозов В.Э. *Культура письменной научной речи*. М.: Икар; 2008. 268 с.
Morozov V.E. *Culture of written scholarly speech*. Moscow: Ikar; 2008. 268 p. (In Russ.).

Formatting Requirements

Illustrations. Articles published in the journal may include illustrations. Electronic illustrations and photos must be submitted as separate files with a minimum size of 1000 pixels on the short side. Illustrations require captions describing the event or object being depicted, as well as the date. Illustration titles must appear in both Russian and English. Editorial Board reserves the right to select or replace article illustrations.

Citations. Use consecutively numbered (e.g., 1–32) footnotes in font size 12.

Footnotes may include Internet sources (news, reports, forums, videos), legal documents, statistics, media publications and textbooks. Citing dissertations/abstracts is allowed, provided that they are publicly accessible to readers. References to accepted but unpublished articles can be included with an «in press» label if the author(s) obtain written permission and acceptance confirmation. Information from unpublished sources should have an «unpublished data/documents» label, and the author(s) must, likewise, obtain written permission for the use of such materials. All internet sources, including those cited in footnotes, require access dates.

Author(s)' Information

A separate file must include:

- Author(s)' full name.
- Academic credentials, title, position and affiliation (full institution name, city, country).
- [ORCID](#), [SPIN code](#), or [AuthorID](#).
- Contact details: postal address with zip code, phone/fax (office, mobile), e-mail.

Copyright

The authors publishing in this journal agree with the following:

1. The authors retain the copyright to the work and entitle the journal to publish the work for the first time.
2. The authors reserve the right to enter into separate contractual arrangements regarding the non-exclusive distribution of the version of the work published here (for example, its placement in the institute's repository, publication in a book), with reference to its original publication in this journal.
3. Authors have the right to post their work on the Internet (for example, in the institute's repository or personal website) before and during the review process by this journal, as this can lead to a productive discussion and more links to this work (See: The Effect of Open Access).

Privacy

The names and e-mail addresses entered on the website of this journal will be used exclusively for the purposes indicated by this journal and will not be used for any other purposes or provided to other persons and organizations.

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно онлайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс — ПА772.

Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.

Для заметок / Notes

Для заметок / Notes

Для заметок / Notes

Пятьдесят девятый том журнала
«Исторический вестник» будет приурочен
к 200-летию учреждения III отделения
Собственной Его Императорского Величества
канцелярии и посвящен работе дореволюционных
органов политического сыска России в XIX —
начале XX вв. В выпуске будут представлены
как проблемные материалы, посвященные
функционированию сыскных структур
в общеимперском масштабе и отдельных регионах
страны, так и публикации архивных материалов,
биографии и рецензия.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
русских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке